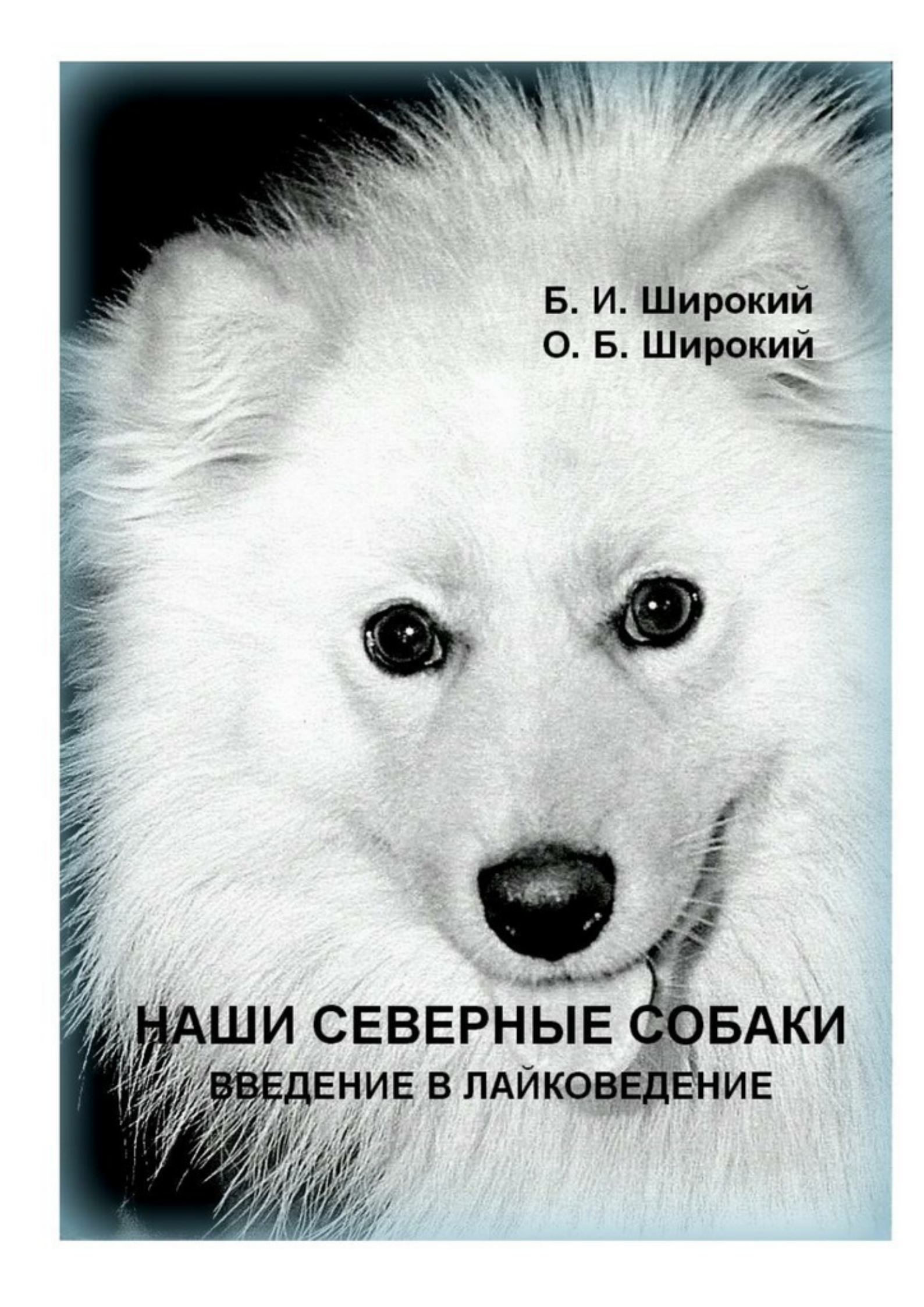

A close-up, black and white photograph of a Samoyed dog's face. The dog has thick, white fur and is looking directly at the camera with dark, round eyes. Its nose is black and prominent. The background is dark and out of focus.

**Б. И. Широкий
О. Б. Широкий**

НАШИ СЕВЕРНЫЕ СОБАКИ
ВВЕДЕНИЕ В ЛАЙКОВЕДЕНИЕ

Борис Широкий

**Наши северные собаки.
Введение в лайковедение**

«Издательские решения»

Широкий Б.

Наши северные собаки. Введение в лайководение /
Б. Широкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850925-4

Наш опыт общения с лайками и любителями собак показал, что нужна книга, где были бы популярно изложены азы лайководения — сами такую искали. Люди так много знают обо всех собаках, но о породах лаек даже эксперты имеют, оказывается, самое поверхностное представление. Мы — не исключение, немало нового узнали, пока сочиняли этот рассказ. И хотим поделиться им в надежде, что прочтение послужит интересам наших северных собак — они в этом нуждаются.

ISBN 978-5-44-850925-4

© Широкий Б.
© Издательские решения

Содержание

1. Тема, объект, термины и направленность	6
2. Доисторические лайки	21
3. Исторические лайки	32
3.1. Досоветские лайки	33
3.2. Советские довоенные лайки	93
3.3. Советские послевоенные лайки	141
4. Современные лайки	186
5. Что могут лайки	212
Лайки – охотники	213
Лайки в алыке	226
Лайки – пастухи	233
Лайки – спасатели	240
Лайки – напарники путешественников	243
Лайки – криминалисты, таможенники	247
Военные лайки	248
Лайки – друзья, хозяева усадеб	253
6. Будущие лайки	257
Заключение	261
Использованная и упомянутая литература	263
ПРИЛОЖЕНИЯ	270
Приложение 1	270
1.1—1.8. Досоветские лайки	271
1.9—1.25. Советские довоенные лайки	277
1.26. Советские послевоенные лайки	298
1.27—1.31. Современные лайки	300
Приложение 2	313

Наши северные собаки Введение в лайководение

**Борис Широкий
Олег Широкий**

*Посвящаем всем лаечникам, лайководам и лайковедам –
незнакомым, знакомым, коллегам, товарищам, приятелям, друзьям,
родным. И, конечно же —
лайкам.*

© Борис Широкий, 2017

© Олег Широкий, 2017

ISBN 978-5-4485-0925-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Щенок ненецкой лайки Ляля Кинос Л. В. Спириной приглашает к разговору о наших северных собаках. Фото Б. Широкого.

На обложке – ненецкая лайка Сери (Шурик) Л. В. Спириной. Из села Ваеги, что на Чукотке. Фото А. Пчелинцева.

1. Тема, объект, термины и направленность нашего рассказа

Пёс — это самое важное, на чем стоит Земля-верность.

О. Широкий. «Батый: Полет на спине дракона», 2005.

*За успех нашего безнадежного предприятия!
Известный тост.*

Безнадежно ли наше предприятие — книжка, написанная в интересах исчезающих и здравствующих пород лаек — покажет время. Теперь же, чтобы ввести читателя в тему нашей работы, мы должны её уточнить и попутно разобраться в терминологии.

РЕЧЬ ПОЙДЕТ О НАШИХ СЕВЕРНЫХ СОБАКАХ ИЛИ ЛАЙКАХ.¹ Казалось бы — всё понятно.... Но предвидим уже здесь возражения и недоумения читателей, особенно тех, кто знаком с литературой о лайках, где, как известно, имеет место терминологическая путаница. Вопросы могут быть и по поводу однозначности понятий «наши северные собаки» и «лайки», и какой-то неконкретности слова «наши», да и «Север» люди понимают очень по-разному.

Мы не ставим задачу критики невольных участников некоторой неразберихи в «лаечной» терминологии — авторов публикаций об этой группе пород собак. Тем более что у нас, лаечников — общий предмет любви. Постараемся лишь аргументировано показать наше понимание тех или иных выражений, относящихся к теме.

Слово «лайка» появилось в кинологической литературе под конец XIX века, когда в России на собак «инородцев» обратили внимание интеллигентные охотники. И хотя наш рассказ — о лайках, негоже обходить здесь вниманием тех, кто их любил, понимал, знал, изучал, разводил, пользовался их услугами — о лаечниках и лайковедах.

Великий охотник, натуралист и исследователь Андрей Александрович Ширинский-Шихматов (1862—1927). Из: Пискунов, 2008²

¹ Здесь и везде таким шрифтом акцентируем мы.

² Здесь и везде, заимствуя иллюстрации, мы сохраняем авторские подписи.

Очевидно, что основоположником лайковедения и официального признания термина «лайка» следует считать разносторонне образованного и так же деятельного князя Андрея Ширинского-Шихматова, страстного охотника, медвежатника... Младшему же автору настоящего повествования, рождённому в Саратове, лестно было узнать ещё и то, что князь был губернатором Саратовской губернии (с 1913-го по 1915-й год).

С лайками Андрей Александрович охотился, проводил их экспертизу на выставках, разводил в своём питомнике... А. В. Пискунов (2008) сообщает о князе: «На его псарне перебывало более 600 лаек разных пород и происхождения – **зырянские, карельские, вогульские**».³ Не удивительно, что в 1895 году появился роскошно изданный первый выпуск его «Альбома северных собак (лаек)» с предисловием Л. П. Сабанеева. Этот выпуск посвящен **корельским (карельским) и зырянским лайкам**. 39 листов размером 34×48 см: убористый текст на двух листах о северных собаках, карта распространения северных собак (лаек), таблицы измерений по живым экземплярам, измерений и профилей черепов, и 30 фотографий лаек. Все фото оформлены известным анималистом А. С. Степановым виньетками охотничьих сюжетов. А на обложке и титуле обозначено свидетельство благотворительности Андрея Александровича: «Вся выручка с издания поступает на устройство колоний для прокажённых в Якутской области»...

Предполагалось, что будет около десяти выпусков альбома. Известен же только первый. Видно, не получилось. О причинах можно только догадываться...

Задача непростая, требующая времени и усилий. А князь был востребован для дел государственных, для губернаторства.... Затем – революции, гражданская война.... Но лайковед Ширинский-Шихматов служил породам северных собак и до, и после известного социального катаклизма. Свидетельством этого – его публикации (1896, 1925, 1927 и др.).

Вот как выглядит титул этого ценнейшего издания о лайках позапрошлого столетия.

Титульный лист «Альбома северных собак (лаек)» князя Андрея Ширинского-Шихматова, 1895

Казалось бы, что во времена общественных потрясений не до собак, но лайками, раз уж начали, продолжали заниматься на разных уровнях и на фоне войн (покажем читателю и далее).

К содержанию альбома мы вернёмся в главе о досоветских лайках. Пока же акцентируем: «северные собаки» и «лайки» у Ширинского-Шихматова – почти синонимы. Почему «почти»? Да потому, что из всего содержания альбома следует – князь называет лайками только НАШИХ северных собак, СОБАК АБОРИГЕНОВ СЕВЕРА ЕВРАЗИИ – НАШЕЙ

³ Здесь и везде мы выделяем особым шрифтом разные названия наших северных собак.

с Вами, читатель, ЗЕМЛИ. Отнюдь, не Америки, Африки, Австралии и Юга Евразии. Тех северных (лучше – шпицеобразных) собак, если угодно, можно называть лайкоподобными (сибирских хаски, сиба-ину и других). Вот чьи собаки названы в альбоме лайками: «На нашем материке, начиная с далёкого востока, северная собака, разбившись на разновидности, служит всем инородцам Сибири: на Камчатке – камчадалу, чукчу, коряку и юкагиру; затем тунгусу, сойоту, якуту, остяку и вогулу, самоеду, зырянину и кореляку, лопарю и финну. На севере Швеции и Норвегии мы встречаем ту же северную собаку».

А. С. Степанов (1858—1923). Лось и лайки. 1900—1910. Бумага, гуашь. 49.5×70. Ростовский областной музей изобразительных искусств. Открытка изд. «Изобразительное искусство», Москва, 1978

Отметим ещё, что иллюстратор альбома А. С. Степанов тоже использовал термин «лайки» – видно из названия его работы. Показываем её также из тех соображений, что этот художник был точен, изображая животных. Цветного фото тогда не было, а тут имеем возможность лицезреть лаек рубежа столетий, их окрасы.... Определить принадлежность к той или иной аборигенной породе вряд ли у кого получится. Возможно лишь исключить собак Восточной Сибири и Дальнего Востока – там другие лоси, их конечности не бывают такими светлыми.

Первую монографию о лайках опубликовала М. Г. Дмитриева-Сулима. Мы располагаем вторым, исправленным и дополненным изданием 1911 года (тоже – библиографическая редкость). Из его предисловия понятно, что первое было выпущено на 12 лет раньше. Странно, что ни в каких списках литературы первое издание никак не упоминается.

Самобытная, талантливая женщина, охотница с лайками Мария Григорьевна была одержима Севером, северными собаками. Она изъездила, изучая их (по её же словам) «всю Пермскую, часть Тобольской и Оренбургской, всю Уфимскую, Самарскую, Псковскую, Новгородскую губернии, Финляндию и Урал». На своих лошадях с лайками она проехала через Сибирь до Иркутска и дальше по р. Лене до берегов Ледовитого океана. Перешла от Якутска через перевалы Саянского (наверное, Станового – Б. и О. Ш.) хребта к Охотскому морю, добралась до Сахалина. Во время войны с Японией Мария Григорьевна попала в плен и, будучи женщиной решительной и смелой, сумела бежать. Тридцать лет она разводила лаек, не раз приручала волчат. И не судьба ли – Мария Григорьевна закончила свою жизнь не где-нибудь, а на заимке с названием «*Лайская*»), что вблизи ст. Тундра (Марков, 1988).⁴

Из всего видно, что М. Г. Дмитриева-Сулима знала лаек далеко не понаслышке, что к её словам стоит прислушаться.

⁴ Здесь и везде подчёркиваем мы.

«Северная собака – это было бы самое верное название той многочисленной породы собак, которую охотники зовут «лайкой...» – пишет М. Г. Дмитриева-Сулима (1911). Но тут же замечает, что «определение «северная» тоже не точно и не отвечает действительности: собаки этого типа встречаются даже в Африке, Америке и всюду в Азии».

Так что «лайки» и «северные собаки» – понятия не совсем идентичные.

Мария Григорьевна Дмитриева-Сулима. Из: Марков, 1988

М. Г. Дмитриева-Сулима на охотничьей заимке. Из: Марков, 1988

А вот профессор Н. А. Смирнов (1936) определяет «лайку» так: «Под именем лаек мы подразумеваем группу примитивных (в большинстве совершенно) пород собак древнего происхождения, мало изменившихся со времени первого приручения и потому сходных с дикими родичами не в одном – двух признаках, а в целом их комплексе. Малая степень изменения с момента одомашнивания ведёт за собой и сравнительно слабую дифференцировку на отдельные породы, т. е. близкое сходство между последними. Как это характерно для пород примитивных, лайки до сих пор (за немногими исключениями) подвергаются в большей степени воздействиям факторов природы, по сравнению с породами заводскими, и в меньшей – воздействиям со стороны человека; иначе говоря, влияние естественного отбора до сих пор ещё весьма сильно, в противовес влиянию отбора искусственного».

Определение дано до того, как у нас появились заводские породы лаек. Как и лаконичная, но точная дефиниция В. В. Рябова (1939): «У северных народностей имеются остроухие собаки, которых принято называть лайками».

Уважая классиков, мы подписываемся под их определениями, но понимаем термин «лайка» так же, как его автор А. А. Ширинский-Шихматов. И, как это делают многие кинологи, в т. ч. зарубежные, ЛАЙКАМИ МЫ НАЗЫВАЕМ ТОЛЬКО *НАШИХ* СЕВЕРНЫХ СОБАК, ПОРОДЫ СОБАК НАРОДОВ СЕВЕРА КОНТИНЕНТА ЕВРАЗИЯ – НАШЕГО КОНТИНЕНТА. Вполне справедливо и резонно названы лайками и четыре заводские (куль-

турные) породы наших северных собак: **карело-финская, русско-европейская, западно-сибирская и восточносибирская лайки**. Они произведены из собак народов нашего Севера и в значительной степени сохраняют весь комплекс признаков своих примитивных предков (внешность, физиология, психика, поведение...) – необходимые условия того, чтобы иметь право называться лайками. Слово «лайка» появилось у нас, без перевода употребляется во многих странах применительно к нашим северным собакам. Оно вполне нейтральное – подходит и собаке таёжника, и той, что сопровождает тундрового кочевника, и бегущей в упряжке рыболова и охотника на морзверя, и нашим северным собакам заводского разведения.

Таким образом, ПОНЯТИЯ «ЛАЙКИ» И «*НАШИ СЕВЕРНЫЕ СОБАКИ*» ОДНОЗНАЧНЫ.

Близкое по значению – слово «шпиц». В зарубежной кинологии оно употребляется в непривычном для нас довольно широком смысле. Так, наиболее авторитетная в Европе Международная кинологическая федерация (FCI) выделяет большую группу шпицеобразных собак с названием «Шпицы и их прототипы». Поэтому можно встретить слово «шпиц», например, в таком странном для нас сочетании как «гигантский шпиц» – применительно к японской лайкообразной породе акита-ину. В группу «Шпицев...» включены и заводские породы лаек.

У нас же обычно принято называть шпицами только небольших лайкоподобных собак, таких как немецкие шпицы, японский шпиц... Будем же готовы к встрече термина «шпиц», использованного как в широком, так и в узком его значениях.

Надеемся, читателю уже ясно, что наши северные собаки – это собаки нашего Севера. Но о «Севере» у людей тоже очень разные представления.

Считать ли Севером южную часть Дальнего Востока, о которой поговорка – «Широта крымская, долгота колымская»? Здесь не так уж давно бродил со своей лайкой известный всем нам гольд Дерсу Узала... А как же – считать!

С другой стороны, какая-нибудь территория нынешних то ли Брянщины, то ли Подмосковья, где условия мало отличаются в «тёплую» сторону от Дальнего Востока, тоже была когда-то родиной лаек, т. е. *северных* собак...

Конечно же, и Украина (Русь) не является исключением....

Разве не лайка изображена на черепке посуды культуры галицийской расписной керамики I-IV веков.

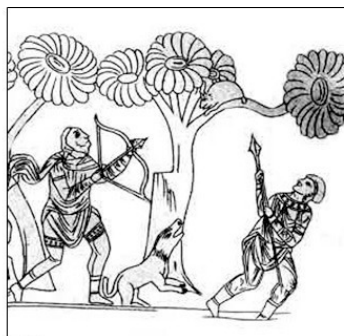
А в южной лестничной башне Софии Киевской сохранились фрески одиннадцатого (!) века, которые изображают охоту с лайками на белку (куницу?) и вепря.

Видеть древние фрески посчастливилось благодаря милой женщине Ольге Барской, заведующей Софийским музеем.

Ольга Барская – заслуженный деятель культуры Украины, но не это главное. Она тоже «собачница», к тому же искренняя защитница беспризорных животных. «Спокойно жить, когда рядом творится жестокое издевательство над братьями меньшими – *несправедливо, мерзко и подло*. Принимая участие в их судьбе, поддерживая в себе сострадание к ним, как и ко всем обездоленным, – только так мы и можем оставаться людьми» – думает, говорит и (что важнее всего) делает Ольга (Комарова, 2001).

Черепок глиняной посуды с рисунком собаки, из галичских находок (Бильчэ Золотэ) в музее Наук. Тов. Им. Шевченко. С рисунка В. Гр. Крычэвського. Из: Грушевський, 1913/1992

Фреска (фрагмент) Софийского собора в Киеве. Пропись В. А. Прохорова. Из: Пелевин, 1872

Как-то незаметно мы отклонились от чисто лаечьей темы к общей собачьей проблеме (может, больше – человеческой). Но ведь лаек это тоже ох как касается!...

Так вот. Называть «Севером» такие места как Украина, Подмосковье и подобные язык не поворачивается. Здесь определяющее значение имеет ещё и обжитость территории, её урбанизация, технизация, т. п. Эти факторы давно привели к исчезновению былых здешних лаек, вывели такие регионы за пределы «Севера». Не могут же эти места так называться, не имея своих *северных* собак!...

Выходит, что с «Севером» тоже нужно определяться.

Для обсуждаемой темы наиболее удобно понимание «нашего Севера» как обширной части Евразии, которая охватывает географические зоны тундры, лесотундры и тайги. Это территория, где живут и до сих пор сохраняют (хоть в малой степени) самобытность и традиционный уклад жизни тесно связанный с природой многочисленные, но малочисленные (исключение – якуты) «северные» народы. Официально их называют «малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока». Неофициально – аборигенные народы, аборигены. В Российской империи их представителей числили «инородцами». Именно эти народы являются создателями, владельцами и пользователями лаек, которых принято называть аборигенными, в отличие от заводских.

К неточному, но привычному для нас понятию аборигенности мы вскоре вернемся. Сейчас же продолжим рассуждения о географии аборигенных лаек – предмета нашего особого внимания.

Интересно, хотя и естественно, что показателем границ распространения аборигенных лаек и народов – их владельцев является северный олень (дикий и домашний), его ареал. К сожалению, со всё ускоряющимся уходом в прошлое этого нашего, почти в поэтическом понимании, Севера, ареал северных оленей, собак и людей сокращается от восстановленного к современному и, увы, к будущему.

Правду сказать, территорию нашего Севера мы обычно несправедливо ограничиваем с запада государственной границей России с Финляндией – границей политической, неприродной, временной, придуманной. Кстати, в не так уж далеком прошлом Финляндия бывала частью России. Так что в нашем случае Север должен включать ещё и всю Лапландию, с её оленями, лайками и северным народом (лопари-лапландцы-саамы). Напомним читателю, что Лапландией принято называть земли саамов в Норвегии, Швеции, Финляндии и на Кольском полуострове.

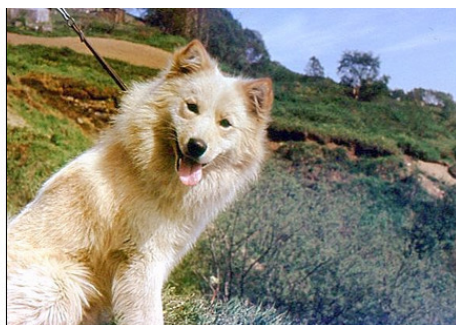
В итоге получается: НАШ СЕВЕР – ЭТО СЕВЕР ЕВРОПЫ, СИБИРЬ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК.

Но вернёмся к словам «аборигенный», «абориген»...

Для того чтобы наш рассказ был понятен, мы стараемся пользоваться привычной терминологией. Менять её – себе дороже. Термин «аборигенный» обладает тем преимуществом, что рождает в уме читателя нужные нам стереотипы. В то же время, он как бы устарел морально. Потому что появился в ту эпоху, когда народы делились на «цивилизованных европейцев» и всех остальных, так называемых «аборигенов». Этим термином обозначались «дикари» – некие существа, которые выше животных, но ниже «настоящих» цивилизованных людей. Не на уровне морали, но на уровне стереотипов, по крайней мере, такие представления распространены до сих пор.

Изначально считалось, что встреченные белым «первооткрывателем» дикари жили на этих землях исконно, как и окружавшие их дикие и домашние животные, в т. ч. собаки. Теперь известно, что нет «народов-дикарей». Все они (без исключения) – осколки цивилизаций, переживших свое динамическое состояние и превратившихся в сообщества людей, живущих «в равновесии» с природой.

Что же до их собак... Во-первых, они нередко являются породами вторичного «одичания», а когда-то разводились культурно. Во-вторых, «аборигены» часто приобретали собак исторически не так давно от совсем других народов, больше или меньше «цивилизованных», чем они сами; к тому же живших и в местах отличающихся природными условиями.

Ненецкая лайка Сери (Шурик) на Камчатке. Вывезен из села Ваеги, что на Чукотке. Фото Б. Широкого

Ярким примером такой породы может служить **ненецкая лайка**. Эта собака попала к ненцам только в XIX веке от саамов, к которым в свое время «перекочевала», скорее всего, от более цивилизованных скандинавов. А в 30-х годах XX столетия эта лаечка покорила вполне «аборигенных» кочевых чукчей. Формировалась же она изначально не в ненецких тундрах, а в древних тундростепях Европы – откуда и облик идентичный вымершему европейскому предку (подробнее об этом – ниже; см. также – Широкий, Широкий, 2004).

Что же, отказаться от термина «аборигенный»?

С народами, людьми проще – их в нашем случае будет корректней называть: «МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ НАШЕГО СЕВЕРА», хотя «АБОРИГЕНЫ НАШЕГО СЕВЕРА» –

тоже гордо. А вот для их собак этот красивый термин хочется оставить как основной. Несмотря на то, что в кинологических работах обычен термин «местные породы» как почти синоним «аборигенных пород». «Местные» – как будто, более точно. Но «аборигенные» – это привычно, понятно (особенно, когда речь – о лайках), подчеркивает добровольную связь аборигенов и их собак. Да и, в конце-концов, сколько слов, утративших свое первоначальное значение, мы благополучно используем, понимаем их как понимаем, без всяких «научных» уточнений. Не приходит же в голову вместо «стрелять» (изначальное значение – пускать стрелы) говорить «пулять» (было бы точнее). И когда надеваем джинсы, не думаем о городе Генуя...

Таким образом, **АБОРИГЕННЫЕ ЛАЙКИ – ЭТО СОБАКИ АБОРИГЕНОВ НАШЕГО СЕВЕРА**. Это примитивные породы собак⁵ того или иного этнического сообщества Севера Евразии, ведущего исконный образ жизни тесно связанный с природой. Справедливо в этом случае, когда кинологи обозначают породы именем того народа, кому эти лайки принадлежат, являются партнёрами по жизни и хозяйству.

А вот понятие «**МЕСТНЫЕ ЛАЙКИ**» кинологи вполне логично используют для обозначения таких примитивных пород, которые сложились при естественном смешении аборигенных лаек. Тем самым собаки утратили связь с конкретным северным народом. Ниже мы напомним, что «естественному» объединению аборигенных лаек и переводу их в категорию местных пород немало способствовали сами люди, «цивилизация» территорий северных народов и их собак. В подобных случаях кинологам не остаётся ничего другого, как именовать эти стихийно созданные новые породы наших северных собак по названию региона, территории их обитания. Например, **амурская и камчатская лайки**.

Сейчас ещё возможно как-то обсуждать наличие местной **амурской лайки**, о которой говорили и писали ещё в советское время (поговорим и мы, но в другой главе). А вот первые наши лайковеды и этнографы ещё имели возможность видеть в Приамурье её аборигенных предков – **лаек гольдов (нанайских), удэгейских...**

К сожалению любителей аборигенных лаек (и не только их) колонизация и освоение земель коренных жителей нашего Севера, в том числе и Приамурья, имели и имеют не только положительные моменты.

«Местная» собака Пальма (8 лет) со щенком. Село Найхин (окрестности с. Троицкого в бассейне Амура), 2001 г. Фото Марины Кузиной из архива авторов

⁵ Понятие «порода» часто используется лишь по отношению к собакам, признанным кинологическими организациями. К лайкам же, аборигенным и местным нередко применяются слова: «отродья», «разновидности», «типы», «породные группы», «популяции»... Мы среди тех, кто считает, что термин «порода» вполне применим к аборигенным (естественным) и местным лайкам. Не хуже они культурных собак и других аборигенных домашних животных (лошадей, оленей, коров, овец...), которых зоотехники, не оглядываясь, называют породами. Просто следует различать породы лаек древние, аборигенные, местные и культурные.

Аборигены утратили много автономии, традиций жизни, хозяйства, культуры.... А с ними ушли и уходят в небытие и лайки аборигенов – несомненный показатель здоровья того или иного народа. Нет у народа своей собаки – считай, что дела его не очень хороши! Нанайцы и удэгейцы – не исключение, а скорее, неважный пример...

Но здесь мы опять сталкиваемся ещё с одним терминологическим неудобством. Далеко не все народы (и их собаки) в Российской империи назывались так, как в наше время. Поэтому, чтобы читатель не «лазил», как мы, по словарям, приведем здесь небольшой словарь прежних, устаревших названий народов нашего Севера. Понимаем, что он далёк от полноты и совершенства. Заметный рост национального сознания этносов Севера, Сибири и Дальнего Востока в наши дни приводит к возвращению самоназваний, к редакции и уточнений этнографической терминологии, к её критике.... Дискутировать об этом интересно, но не здесь. Посему оставляем словарь в «советском» виде, не так уж далёком и всё ещё привычном. Будет в нашем разговоре о лайках и их народах сомнение в терминах в терминах, уточним необходимое.

лопари, лопь	саамы, саами, лапландцы
корелы	карелы
зыряны, зыряне	коми
вотяки	удмурты
черемисы	марийцы, мари
остяки	ханты
вогулы	манси, маньси
самоеды	ненцы
енисейские самоеды	энцы
юраки	восточные ненцы
тавгийцы	нганасаны
остяко-самоеды	селькупы
сойоты, урянхайцы	тувинцы
ламуты	эвены
тунгусы, тунгузы	эвенки, а также общее название малочисленных народов тунгусо-маньчжурской языковой группы (эвенки, эвены, нанайцы, удэгейцы, орочи, ороки, ульчи)
гольды	нанайцы
луораветланы	чукчи
камчадалы	ительмены
гиляки	нивхи

Словарик устаревших названий народов нашего Севера

Здесь также уместно остановиться на некотором известном антагонизме: «Авель – Каин», «пастух – землепашец», «ковбой – фермер», «кочевник – оседлый»...

Такой антагонизм (чаще мирный) проявляется и внутри народов – аборигенов нашего Севера. Очевидно, один язык того или иного северного народа определён общностью тер-

ритории. А традиции жизни, хозяйствования – географическим ландшафтом обитания. Возможно даже, что жители разных ландшафтов являются потомками народов антагонистических цивилизаций, кочевых и оседлых. И жизнь, общение в пределах одной территории «заставили» тех и других говорить на одном языке – стать одним народом.

Местные люди Севера, Сибири и Дальнего Востока жили и живут в пределах следующих основных макроландшафтов: 1. Тундра и лесотундра. 2. Тайга. 3. Побережья морей и крупных рек.

Соответственны и ключевые традиции хозяйства: 1. Оленеводство и охота на пушного зверя и дичь. 2. Охотничий и лесной промысел. 3. Рыболовство, охота на морского зверя.

Для всех этих видов хозяйственной деятельности незаменимы помощники – лайки. Но несколько разные.

Жильё стаи (упряжки) чукотских лаек. Пос. Лорино. 1990 г. Фото Б. Широкого

Показателен пример чукчей – людей одного народа, но живущих в пределах разных геоландшафтов.

Береговому, «сидячему» чукче собаки крайне необходимы большей частью для того, чтобы возить рыбу, ездить на полыню за тюленем..., да и для обычной охоты. Нужны собаки соответствующие суровым условиям климата и содержанию стаей. К тому же – крепкие, очень выносливые. А передовики упряжек должны быть способными к принятию самостоятельных решений в сложнейших условиях. Таковы **чукотские лайки**.

*Верховые олени (видно сёдла) оставлены на попечение **ненецкой лайки** Чайки (чистой белой). Верховья р. Омолон. 1969 г. (В бригаде до 10 оленегонок разных окрасов). Фото Л. Семёнова из архива авторов*

Тундровый кочевник – оленный чукча, когда перешёл к оленеводству крупнотабунному, предпочёл небольших подвижных собачек. Чтобы они могли управиться с большим стадом почти диких оленей, и при этом обходиться без укусов. Да были бы хорошими партнёрами на охоте – у оленевода сезон охоты круглый год. Ещё нужно скрасить кочевнику

его уединённый быт, быть нянькой его детей, объявлять появление непрошенных гостей.... Таких собачек – **ненецких лаек** – оленный чукча получил в советское предвоенное время, и полюбил.

Что же касается таёжного бродяги где-то в Сибири, на Дальнем Востоке..., то его собаки должны быть, прежде всего, охотниками. Но и верными спутниками в местах обитания опасного зверя, и тягловыми помощниками на пути в район промысла, и отзывчивыми собеседниками в лесной избушке.... В общем, им надлежит быть такими, какими были и всё ещё сохранились в этих краях **эвенкийские лайки**.

Эвенкийская лайка. Фото Вячеслава Харука из статьи Бориса Леонидовича Корнейчука в газете «Московский комсомолец», №866 от 2 марта 2011 г.

Или такими как местные **амурские лайки**, вобравшие в себя таёжных **собак орочей, нанайцев, нивхов** и др.

Таким образом, все породы аборигенных и местных лаек правильно было бы разделить на 3 группы. Получится классификация, где группа пород выделяется по признаку обитания собак и их владельцев в пределах того или иного географического ландшафта. А породы группы – по принадлежности к этническому сообществу. Но если уж не выходит привязка к конкретному народу, приходится давать породе географическое название. Как в случае с **амурскими лайками**, которых достаточно точно изобразил наш знакомый дальневосточный художник и краевед Геннадий Павлишин. А ведь отцы и деды этих охотников имели своих лаек, **нанайских, удэгейских...**

Работа Г. Павлишина из: Большая судьба малых народов..., 1982

Покажем же схему такой **КЛАССИФИКАЦИИ**
Аборигенные и местные лайки подразделяются на 3 группы пород:

1. Лайки жителей тундры и лесотундры.

Примеры пород: лапландская, ненецкая лайки

2. Лайки жителей тайги.

Примеры пород: **эвенкийская, амурская** (здесь утеряна этническая принадлежность) лайки.

3. Лайки жителей побережий морей и крупных рек.

Примеры пород: камчатская, чукотская лайки (обе породы имеют географические имена – в прошлом были корякская, ительменская, чукчанская, эскимосская, юкагирская лайки...).

Можно проще. Есть три группы аборигенных и местных пород лаек:

1. ТУНДРОВЫЕ ЛАЙКИ

2. ТАЁЖНЫЕ ЛАЙКИ

3. БЕРЕГОВЫЕ ЛАЙКИ

От схемы к более точной классификации можно перейти, когда познакомимся с конкретными породами лаек. А чтобы наши рассуждения о терминологии показались достаточно полными, поговорим ещё о «примитивности» собаки, породы, домашнего животного вообще.

В нашем случае, ПРИМИТИВНЫЙ – значит, БЛИЗКИЙ К ДИКОМУ ПРЕДКУ, и внешне, и физиологией, и органами чувств, и психикой, и поведением, и способностью приспособляться к окружающей среде.... Значит, имеет целый ряд преимуществ, которые свойственны дикому животному. Ведь специалисты утверждают – рассудочная деятельность волка совершеннее, чем домашней собаки, особенно далеко уже отстоящей от своего дикого предка. Дикий зверь более способен к самостоятельному решению задач, выдвигаемых непостоянной жизнью, часто на её пределе.

Разговор о примитивности домашних животных обещаем продолжить. И если возникнут неясности с терминами, которые обсудили, тоже разберёмся попутно. Здесь лишь заметим, что все наши северные собаки примитивны, в т. ч. заводские породы. Правда, степень их примитивности несколько разнится – это увидим ниже.

В начале этой главы сказано, что пишем о лайках. Это так, но мы стремимся уделить здесь основное внимание лайкам аборигенным и местным. Тем более что почти всё о лайках, из того, что лежит на книжных прилавках и развалах, посвящено заводским породам. А интерес к примитивным, аборигенным животным в мире заметно возрастает. Вот в Украине очень заинтересовались гуцульской лошадей, особенно немцы, поляки. Ещё в советское время Алтайский заповедник начал собирать живую коллекцию аборигенных домашних животных – помнится из газет, заповедник завозил примитивных лошадей, коров, яков и др. Жаль, не имеем информации о теперешнем состоянии этого интереснейшего дела.

О появлении нового внимания к аборигенным лайкам мы поговорим специально. Отметим лишь, что в 1999-м году основано международное Общество по сохранению примитивных аборигенных собак (Primitive and Aboriginal Dog Society – PADS). Почитайте в Интернете «Вестники PADS» – актуально, познавательно, интересно.

Выходит, нужно писать о таких собаках.

Любое исследование, в т. ч. и наше, не претендующее быть научным, требует ответа на вопрос – в каком направлении его вести. В выборе приоритетов мы исходим из следующих постулатов.

Есть крайние процессы развития животных в мире человека разумного: естественный и искусственный. Чем они отличаются? Как сочетаются? Тут каждый может сказать многое. Мы же предлагаем считать процесс ЕСТЕСТВЕННЫМ, ПРИРОДНЫМ, ЕСЛИ особь, популяция, вид, род (порода, группа пород) РАЗВИВАЮТСЯ в направлении, КУДА САМИ СТРЕМЯТСЯ. (Напомним, как у Ширинского-Шихматова ещё в 1895 году: «...северная собака,

разбившись на разновидности...» – т. е. сами «разбились» на породы). Разумеется, их развитие определяется теми условиями, в которых оно происходит. И важно, каким образом организмы и их сообщества реагируют на эти условия. То ли будет развитие, что называется, «по своей воле», то ли – «согласно произволу кого-то». В последнем случае доминирует процесс ИСКУССТВЕННЫЙ, КУЛЬТУРНЫЙ.

Нас интересуют лайки – породы собак, которые формировались при отсутствии (или минимальной) сознательной селекции. Это тот случай, когда – по большому счёту – человек выступал как косвенный помощник биологической эволюции рода волков (собак), а не направленной селекции. Лайки – это представители названного рода, которые в целом самостоятельно приспособились к тем условиям, в которых оказались. Это не «переделки» человеком дикого животного под свои потребности. Наличие около лайки человека являлось, по сути, частью тех природных условий, которые налагали отпечаток на её облик и поведение.

Естественный и искусственный процессы возникновения и развития домашнего животного мы хотим увидеть на примере наших северных собак. На примере их происхождения и изменения в стороны процветания или деградации. Надо ли делать оговорку, что обозначенные процессы никогда не существуют в чистом виде. Что их сочетание может быть очень разным. Определить значимость и соотношение естественной и искусственной составляющих развития пород лаек представляется интересным. Важно увидеть и тенденцию этого развития, что, возможно, будет способствовать восстановлению и сохранению аборигенных пород. Этого, как многим представляется, БЕЗНАДЁЖНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ.

А кажущаяся безнадёжность и бесперспективность нашего с Вами занятия исходит ещё из того, что лайковедение не может нормально развиваться в современной структуре кинологии. Лайки, аборигенные и заводские, требуют принципиально иных методов и приёмов изучения, содержания, племенной работы, использования, чем те, которые настойчиво предлагаются авторитетными международными клубами. Лайковедение, хоть и является частью кинологии вообще, всё же преследует решение задач подчас противоположных тем, что ныне входят в моду. МЫ С ВАМИ ХОТИМ НЕ УЛУЧШИТЬ, НЕ ИЗМЕНИТЬ, НЕ ПРЕОБРАЗИТЬ, А СОХРАНИТЬ, что-то, ВОЗМОЖНО, И ВЕРНУТЬ, ВОССТАНОВИТЬ. Пока что у нас даже заводские лайки в значительной степени всё ещё сохраняют свою положительную примитивность, являются носителями многих качеств аборигенных предков. Чего уже не скажешь о культурных породах лайкоподобных собак Запада, таких как аляскинский маламут, сибирский хаски, самоед, акита-ину и все другие.

Породы домашних животных не являются чем-то константным. Они появляются, изменяются, исчезают в зависимости от востребованности и воли человека. Правда, эта воля не всегда бывает доброй, разумной. Нередко мы сожалеем об утерянных или исчезающих породах, пытаемся их восстановить, сберечь. Лайки – не исключение

Мы хотим показать, откуда наши северные собаки, какими они были и какими стали, каким было и как менялось их сотрудничество с человеком. Насколько это возможно при минимуме информации о прошлом лаек, при недостатке данных об их состоянии на обширной территории малодоступного для кинологов Севера.

Без знания истории пород, их эволюции, тенденций пороодообразования благие усилия энтузиастов—лаечников вряд ли будут результативными даже при наличии достаточных средств.

Надеемся, что тему, объект, термины и вектор нашего интереса мы определили достаточно внятно, и читатель пойдет с нами дальше. Может быть, в конечном итоге удастся наметить и практические шаги, которые крайне необходимы для того, чтобы наши северные

собаки здравствовали. Несмотря на то, что на огромном пространстве нашего Севера сделать что-нибудь действенное в интересах лаек пока не представляется возможным.

На этом можно закончить данную главу, но, кажется, мы недостаточно чётко показали, что такое лайка, какими признаками должна обладать собака, *чтобы иметь право называться лайкой*. А это важно, потому что в последние годы лайками стали уже называть почти всё, что как-то на них похоже. Даже интернет-сленг заимствовал у нас слово «лайки» для обозначения известных манипуляций. Поэтому добавляем главу текстом Марины Кузиной, профессионального кинолога, лайковеда и охотницы с лайкой (с её любезного согласия), где чётко и научно изложены экстерьерные и другие признаки этой группы пород. Дополнить бы это ещё и поведенческими признаками наших северных собак, которыми они отличаются от остальных пород...

«Лайками принято называть примитивную аборигенную группу пород (и породных групп) собак, древнего происхождения, мало изменившихся со времени приручения и сохранивших сходство с диким предком в целом комплексе признаков.

Отличительными особенностями лаек стоит считать признаки, сближающие их с диким предком. К экстерьерным признакам стоит отнести:

1. Краниометрические признаки. Их малые различия сводятся в основном к первичным доместикационным признакам, быстро проявляющимся у псовых в неволе (Беляев). Это, в частности, укорочение черепа и в особенности щипца, уменьшение зубов, особенно плотоядных, недоразвитие слуховых пузырей.

Еще один признак, анатомически относящийся к черепным – твердость хряща, определяющий стоячее ухо. Этот признак настолько характерен для лаек, что проявляется даже у собак южных районов, у которых, согласно закону Аллена, ушная раковина обладает значительными размерами.

2. Параметры корпуса. Несмотря на то, что в зависимости от места обитания и способов использования ширина тела и формат имеют определенную вариабельность, она все же крайне слабо отклоняется от тех параметров, которые можно наблюдать у волка.

3. Признаки скелета конечностей. По наблюдениям Н. А. Смирнова в устройстве конечностей лаек больше всего бросается в глаза значительная длина средних пальцев на лапах, со сближением их коготков и сама плотность лап (Смирнов, «Стандарты лаек СССР»). Исключением в некоторой степени может служить лишь **оленегонная лайка**.

Так же в поставе лап у лаек, особенно охотничьих пород, до сих пор почти не наблюдается того искаженного постанова, что у собак заводских пород. Линия следов у них представляет почти ту же прямую, что и у волка.

4. Характер волосяного покрова. Этот признак у лаек, так же носит специфические черты дикого предка. Это как свойства самого шерстного покрова, то есть четкое разделение его на ость, покровный и пуховой волосы и типичное распределение их по телу животного, так и характерные окрасы, присущие лайкам.

Окраска шерстного покрова лаек чаще всего бывает зонарной. Преимущественно господствуют окрасы, близкие к волчьим: агути – эпистатичный по отношению к остальным и далее бурый разных оттенков, рыжий (лисий), палевый, бледно-палевый (до почти белого). Черный окрас тоже не редок.

Важной характеристикой окрасов лаек следует, по мнению Н. А. Смирнова считать черное или темное пятно на верхней стороне хвоста.

Прочие окрасы для лаек нетипичны и скорее служат признаками примеси других пород.

Биохимические показатели лаек так же могли бы представить немало признаков, говорящих об их близости к дикому предку. Однако скудость исследований, посвященных биохимии лаек не позволяет на данном этапе делать определенные выводы.

Однако лайка, хотя и примитивная собака, все же представляет собой продукт человеческой деятельности.

Формирование лайки, как примитивной собаки шло при бессознательном искусственном отборе и большом влиянии естественного. Таким образом, доместикационные изменения, произошедшие в лайке со времени ее приручения, так или иначе были направлены на выполнение ею определенных функций. Это позволяет поставить лайку между диким предком – волком и заводскими породами собак по следующим признакам:

1. Выносливость по отношению к экстремальным погодным условиям, в частности к низким температурам.
2. Невысокая плодовитость.
3. Эстральный цикл – 1 год.
4. Позднеспелость.
5. Высокая оплата корма.
6. Способность относительно легко переносить голодовки и оправляться от их последствий.

Стоит отметить тот факт, что хотя слово «лайка» изначально обозначало только охотничьих собак таежной зоны России из-за их особенности облаивать зверя, мы считаем целесообразным объединить этим термином всех собак этого типа. В этом мы согласны с М. Г. Дмитриевой-Сулимой, которая отмечала, что «определение «северная собака» не точно и не отвечает действительности: собаки этого типа встречаются даже в Африке, в Америке и всюду в Азии». Кроме того, как примитивная порода животных лайка обладает невысокой, но универсальной продуктивностью и поэтому практически невозможно провести четкое разделение между способом применения лаек (Широкий Б. И.)».

2. Доисторические лайки

*Собака вывела человека в люди.
Ученый-зоолог Модест Богданов.*

Слова этого эпиграфа нередко достаиваются публикации в различных изданиях о собаках. Мы приводим их снова, но акцентируем – выражение это следует понимать буквально.

Среди нас нет очевидцев начала партнерства первобытного человека и собаки, но рассуждать можно и так.

Скорее всего, **ДИКИЙ ПРЕДОК ДОМАШНЕЙ СОБАКИ ДОБРОВОЛЬНО И ПЕРВЫМ ПОДОШЕЛ К ЧЕЛОВЕКУ**, ещё далёкому от современного.

Примитивное, в чистом виде «гастрономическое» сожительство, приносившее взаимную пользу нашим и собачьим первобытным предкам, существовало ещё тогда, когда будущий человек не был даже мало-мальски серьёзным охотником, не имел никакого орудия добычи зверя. Активное начало в этом симбиозе принадлежало диким псовым – давно сложившимся охотникам-«профессионалам». А наши предки могли довольствоваться лишь остатками мясной трапезы своих соседей. В лучшем случае можно было отвоевать часть добычи, используя своё численное превосходство. От этой самой численности стаи троглодитов могла быть одна из выгод и для древних предков собак – можно было организовать совместную охоту загонном, облавой.

О вероятности подобного сожительства пишет знаток нашей эволюции, выдающийся учёный антрополог Виктор Валерианович Бунак (1980): «Охота на крупных животных едва ли могла получить начало раньше конца среднего плейстоцена. Начальная форма охоты на крупных млекопитающих возникла, вероятнее всего, на основе симбиоза с крупными хищниками и поедания гоминидами остатков туш копытных – добычи крупных хищников».

Занятно, что есть примеры нашего теперешнего сотрудничества с хищниками и «поедания» их добычи вполне современными людьми. Вот только один из таких примеров, взятый из памяти старшего автора.

«В 1968 году партия моего тёзки, вечного начальника и друга Бориса Долматова вела геологическую съёмку (это такая работа, где нужно почти ежедневно много ходить) в горах полуострова Камчатского Мыса (понятно, что на Камчатке). Моя маршрутная группа состояла из трёх человек и ружья. Тот год был богатым на куропаток, белых и тундряных. Поэтому мы заимели неукоснительное правило – на обеденную чаёвку останавливаемся только тогда, когда попутно с работой добудем трёх куропаток (как раз в наш маршрутный котелок). И вот однажды уже прошло обеденное время, и в голове накопилась информация для записи в пикетажку, и парни ропщут, а куропаток только две. Чаевать не имеем права... Вдруг видим, как ястреб-тетеревятник бросился вниз на поднятую нами стаю куропаток и одну из них остановил когтями на зелёной тундрочке. Мы успели: бросились к хищнику, он удрал, а добычу оставил нам. На этот раз куропатки оказались вкуснее обычного. Тем более что пришлось делиться с соседней маршрутной группой Виталия Федореева – они ходили без ружья и старались „случайно встречаться“ с нами. Впрочем, мы гостям всегда были рады – рядом с ними ощущали себя более приспособленными к полевой жизни. А что же ястреб? Он далеко не улетел. У него около нас была своя выгода – мы, того

не понимая, по ходу нашего маршрута продолжали выгонять для этого охотника затаившихся куропаток».

Но вернёмся в нашу предысторию.

В эволюции прачеловека настало время, когда он, применяя первые орудия охоты (деревянные, каменные), стал всё больше переходить на мясную пищу. А потребление мяса, говорят антропологи, одно из необходимых условий увеличения мозга эволюционирующего троплодита. И не только. Мясо – продукт охоты, позволявший осваивать первобытному мигранту новые северные земли. Зимой не проживёшь на растительной диете – в это время такой пищи практически нет. Таким образом, белковый рацион вместе с необходимостью *думать* о том, как выжить в новых условиях усиливали возможность нашего прародителя стать таким умным человеком как мы. И обеспечил реализацию такой возможности известный любитель мяса некто из древнего рода волков (собак). Именно от начала активной охоты человека (уже с примитивным оружием) ведётся наше *уже осознанное* взаимовыгодное сотрудничество, затем партнёрство и, наконец, дружба.

Легко представить ситуацию из очень отдаленного прошлого. Когда первобытным охотникам удалось ранить оленя и он стал уходить, не оставляя людям надежды. Зато стая быстроногих ловцов из рода волков, рыскавшая поблизости, без особых усилий остановила подранка. Охотники, конечно, их отогнали и принялись пировать. На пирах же остаются вкусные отходы... Получилось вполне взаимноинтересно – достойно повторения, многократного, вплоть до наших дней.

А вот несколько обратный случай. Дикие предки наших собак загнали горного барана на отстой (недоступную для них скалу). Имея уже опыт полезного общения с человеком, они стараются известить проходящего мимо них охотника о возможной лёгкой добыче. Но как? ...Голосом, звуками. Примерно так мог появиться дистанционный, голосовой способ общения собаки к человеку, который мы называем лаем. Не правда ли – это очень напоминает современную, но возникшую в глубине тысячелетий, охоту с лайкой. Задача собаки – найти, преследовать, остановить и облаять недоступного ей зверя или птицу, т.е. подзвать напарника – охотника. А он, вооружённый (камнем – копьем – луком – ружьём), глядишь, поделится добычей.

Нечто подобное опять же вспомнил старший автор этой публикации.

«Ещё студентом, в 1962 году мне повезло работать в Мульмугинской геолого-съёмочной партии опытного начальника Подоплелова. Работы велись в предгорьях Станового хребта, к северу от эвенкийского посёлка Бомнак, что на р. Зее (тогда там ещё здравствовал Улукиткан – знаменитый проводник геодезиста и известного писателя Григория Анисимовича Федосеева). «Настоящая» тайга – лоси, изюбри, глухари, рябчики..., в речках – таймени, ленки, хариусы.... Наш любимый начальник поэтизировал тайгу, величал район наших работ: «Страна Бомназия!». Мы работали с лошадьми, общались с эвенками, которые кочевали с выючными и ездовыми оленями. В многодневных маршрутах нас с рабочим-школьником Геней не раз сопровождал немолодой каюр – эвенк Владимир. Он по-отечески ухаживал за нами, снисходительно учил жить в тайге, в общем, принципиально не уступал своему старшему земляку Улукиткану, которого увековечил Г. А. Федосеев (1956, 1958, 1972).

Но мы слишком отвлеклись для представления той почти первобытной ситуации.... На базе партии было порядка десяти собак – конечно же, лаек (может, не все они были породными). Жизнь этой стаи была вольной, со своими интересами, «разборками», в которые люди особенно не вникали.

К наружному обеденному столу собаки близко не подходили. При нечаянной попытке слишком приблизиться, в одну из них полетело всё, что попало под руки. Но в маршруты большинство из нас и собак любили ходить вместе. Причём, в одних случаях спутника выбирали мы, в других, и нередко, – собака. Нашу с Геной юную маршрутную группу выбрал матёрый кобель Бельчик. Сейчас, задним числом, понимаю почему... Дорвавшись до тайги, я не расставался со своей одностволкой, а эвенк Владимир, когда бывал с нами, имел карабин. Ясно, что мы старались скрасить свои чаёвки и ужины, по меньшей мере, рябчиками (почти гарантированное подспорье таёжника). Бельчик же был опытейшим охотником. Его поиск был очень широким, даже дальним, не всегда мы были уверены, что он с нами. Подозреваю, что иногда у Бельчика была своя добыча, которой он не собирался делиться, употреблял молча, в сторонке. Но очень энергично облаивал недоступное, например глухаря на лиственнице – звал на помощь. И доставалась сбита выстрелом птица тому, кто первый её схватит.

Конечно, этот великолепный охотник-эгоист мог по-другому вести себя с хозяином-промысловиком. Здесь же, налицо было явное использование меня с ружьём в своих собачьих интересах».

Вышесказанное почти точь-в-точь перекликается с мыслями известного исследователя Севера В. И. Иохельсона (1898), изложенными более столетия назад после экспедиции в Колымском округе: «Впрочем, о собаке, следующей за человеком под все широты, необходимо прибавить, что у каждой из народностей округа ОНА ЯВЛЯЕТСЯ САМЫМ НАДЁЖНЫМ ТОВАРИЩЕМ во время промысла зверей. В то время, как лошадь и олень – пассивные, несознательные и невольные помощники, СОБАКА, КАК УМНЫЙ ХИЩНИК, ЯВЛЯЕТСЯ АКТИВНЫМ И СОЗНАТЕЛЬНЫМ ПРОМЫШЛЕННИКОМ, РУКОВОДЯЩИМ НЕРЕДКО ДРУГИМ ХИЩНИКОМ – ЧЕЛОВЕКОМ».

Но не только на охоте... Со временем предки нынешних собак сочли полезным посещение жилищ, стоянок человека, где тоже можно было пожить, особенно ослабленным и постаревшим особям. Люди, в свою очередь, видели здесь свою корысть, привлекали их. Ведь чувствовали себя более защищёнными – эти приживалы раньше хозяев чуяли непрошенных гостей, предупреждали... Говоря как бы учёным языком – вокруг людей создавался некий ореол безопасности, спокойствия, который позволял им не только выживать, но и совершенствоваться интеллектуально.

Объективное обоснование процесса взаимовыгодного сближения человека и предка собаки мы прочитали также у П. В. Пучкова (1993), нашего знакомого киевлянина из Института зоологии НАН Украины. Павел Васильевич известен своей интересной гипотезой исчезновения мамонтов, ситуацию того времени знает хорошо. Так что верить ему можно.

Наверное, так и другим подобным образом, интересное для обеих сторон сожительство делало из троглодита человека современного, а наиболее контактных представителей древнего рода волков превращало в домашних собак, *лайкоподобных* промежуточных предков любой из нынешних пород.

Как не показать здесь доисторический сюжет художника, который иллюстрировал известный детям и взрослым бестселлер – серию фантастических романов «Дети Земли» американки Джин Мария Ауэл. Тем более что Джин близка к археологам, посещала раскопки в ряде стран европейской части нашего континента, в том числе и в Украине...

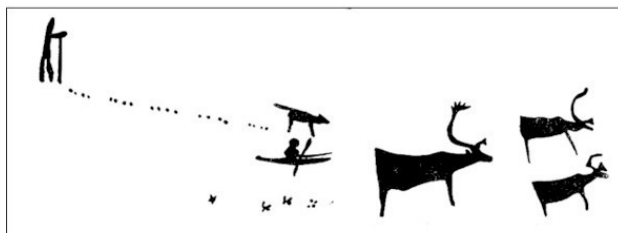
Работа Джеффа Тейлора – иллюстратора бестселлера Джин М. Ауэл «Дети Земли»

ОДОМАШНИВАЯСЬ ПО СВОЕЙ ВОЛЕ, СОБАКА ВЫВЕЛА ЧЕЛОВЕКА В ЛЮДИ. Может быть, в жёсткой борьбе за право жить в наше время человек разумный победил своих конкурентов – другие виды людей (ископаемые) именно благодаря собаке. Он вовремя понял, оценил и приблизил её. И вместе с собакой научился жить даже в таких местах, где одному не выжить, например, в Заполярье. А какому-то неандертальцу для этого, видно, не хватило ума. Во всяком случае, нам известны находки останков домашних собак только в раскопках стоянок человека нашего вида.

Одно из интересных нам ритуальных погребений *лайковидной* домашней собаки обнаружено археологом Н. Н. Диковым (1977) на Камчатке при раскопках позднепалеолитического жилища рыболовов и охотников на бизонов ушковской культуры. Это около 15-ти тысяч лет назад! Похоже, что человек каменного века мог относиться к собаке совсем неплохо. Наверное, вместе они шли в наше время более уверенно, углубляя при этом взаимную духовную связь.

Эта находка у Н. Н. Дикова не единственная. В 1958 году при раскопках Усть-Бельского могильника (на Чукотке, при впадении р. Белой в р. Анадырь) он выявил захоронение собаки (естественно, *лайковидной*) над кострищем в верхней части кургана. Этот памятник «помоложе» ушковского – неолитический, II – I тысячелетие до н. э. (Диков, 1958).

О древнем сотрудничестве человека и УЖЕ ЕГО СОБАКИ в период перехода от камня к раннему металлу в Заполярной Чукотке свидетельствуют и наскальные изображения Пегтымеля. Впервые обнаружил некоторые из этих петроглифов, проходя здесь нелёгким маршрутом, геолог И. М. Саморуков (что приятно старшему автору данной работы, тоже геологу). А детально изучил находку известный археолог и популяризатор своей профессии Николай Николаевич Диков. Часть пегтымельских изображений сохранили нам вполне реалистичные сцены охот с *древними лайками*. Так на камне IV видна охота с рогатиной на медведя, которого атакуют сзади три собаки. А один из петроглифов отображает весеннюю охоту на оленей по насту с собакой.

Петроглифы, обнаруженные в 1986 году: охота на оленей. Из: Диков, 1969

Такие промыслы, взаимовыгодные для охотников Чукотки (человека и лайки) существовали, по крайней мере, за тысячу лет до р. х. (Диков, 1969).

Желающих увидеть все остальные наскальные композиции Пегтымеля мы отсылаем к ещё одной книге Николая Николаевича (Диков, 1971), посвящённой именно этим петроглифам. Есть там и охота на медведя с древними **чукотскими лайками**.

Ещё ближе к нашему времени морские зверобой восточных и юго-восточных побережий Чукотки стали использовать своих лаек для езды. Здесь слои пунукской культуры (VIII – XIV вв.) среди разнообразного костяного инвентаря обнаруживают тяговые блоки собачьей упряжки (История Чукотки..., 1989).

Мы привели несколько фактов сожительства и сотрудничества доисторических людей с *древними лайками* на Северо-Востоке. На отрезке времени 15 тыс. лет до р. х – XIV век. Похожие экскурсии с археологами и палеозоологами можно провести во многих регионах нашего континента. И, конечно же, во всём мире. Но мы ограничены рамками нашего Севера...

Как-то незаметно стали мы называть *лайками* древних собак нашего Севера. Оправдано ли это...?

Заметим, что первые домашние собаки уже несколько отличались от диких предков, были сходны с современными аборигенными лайками. Исследователям говорят об этом их ископаемые остатки, прежде всего, черепа. Собственно, вопрос о происхождении и одомашнивании собаки – это и есть вопрос появления у человека лайки. «Домашняя собака, во всём сложном комплексе её пород, в пути своего развития, несомненно, прошла стадию примитивного животного – лайки», – пишет Н. А. Смирнов (1936).

Так что будет вполне резонно именовать ископаемых (доисторических) домашних собак Севера Евразии *древними лайками*. Или, хотя бы, *лайковидными*. Но наиболее точное им название, как нам представляется, – *пралайки*.

Познакомиться с пралайками можно в книгах о собаках общего характера. Как и многие современные породы, в том числе из группы лаек, древние собаки имеют неодинаковые названия у разных авторов. Что не очень мешает извлечь из легкодоступной литературы их описания. При этом надо понимать, что «наш Север» в отдалённые доисторические времена был значительно обширнее. Потому что были другие климатические условия, иные ландшафты и несравненный уровень обжитости этих пространств.

Canis familiaris palustris

Собака свайных построек, торфяная собака, торфяной, торфяниковый или болотный шпиц. Первая находка останков этой ископаемой собаки в 1862 году в свайных постройках поселения каменного века на озёрах Швейцарии принадлежит учёному Рутимейеру. Он же и дал название этой породе. Последующие находки **торфяной собаки** известны в различных местах Европы, в отложениях, которые достигают возраста 10—15 тысяч лет. Ряд авторов признаёт эту собаку вообще первым домашним животным доисторического человека. А сохранившиеся кости дают исследователям достаточные основания для того, чтобы представить её облик.

Череп небольшой – основная длина не превосходит 140 мм. При этом длина мозговой его части больше лицевой. Профиль черепа вогнутый из-за выпуклости мозговой коробки. Протуберанцы (мускульные прикрепления) и затылочный бугор выражены слабо. Так что голова собачки имела заметный переход от лобной части к короткой и заострённой морде и не была заметно скуластой. Практически все кинологи сходятся на том, что из современных пород собак наиболее близки к **торфяному шпицу** европейские шпицы (немецкие, скандинавские и другие). О заметном подобии черепов **торфяного** и европейского шпица

старого типа видно уже у А. А. Браунера (1928). Кто же знает **ненецких лаек**, считает именно их очень похожими прямыми потомками этих пралаек. «Череп этих пород собак (**ненецкой лайки** и **шпица**) и **торфяной** имеют много общего между собой и характерны небольшим размером (140 мм), крутой линией перехода мозговой части черепа в короткую и острую лицевую», – пишет А. П. Мазовер (1994). **Торфяную собаку** у кинологов принято считать прародительницей и других европейских лаек: **лапландской**, **финской** и др.

В провинции Бохуслен, что на западе Швеции, из эпохи поздней бронзы до нас дошло изображение, как нам представляется, именно этой небольшой пралайки. Причём, очень точное как для того времени – приблизительно VI—VII вв. до р. х.

Художник из далёкого прошлого, применивший практически вечную технику изобразительного искусства, показал в наскальной композиции основные черты экстерьера собачек, их однотипность.... А также контактность и дружелюбность (хвосты загнуты, а не опущены). Ну, впрямь как сейчас у тундровиков – у каждого по своей собаке: ЧЕЛОВЕК И СОБАКА, ЧЕЛОВЕК И СОБАКА.

Мужчины с собаками. ...Наиболее древние в Скандинавии останки домашней собаки (шпица) были найдены в Западной Швеции. Еще от раннего каменного века до нас дошли могилы собак, тела которых осыпаны священным красным порошком охры. Из веб-сайта bellabs.ru – он разрешает использование материалов

Недалеко от галереи петроглифов Богуслена живёт Катарина Ellerström. На фото её сына Конрада, которое любезно подарила Катарина – момент общения с предками их шведского лапхунда Акода.

География петроглифа уверяет нас в том, что это общие прародители аборигенной **ненецкой лайки** и близких её культурных родственников лапхундов Скандинавии: шведского и финского. Ведь оба они – продукт селекции бывлой **лапландской лайки**.

Шведский лапхунд Акода разговаривает с предками. Фото Конрада Ellerström

Varanger-hund

От этой собачки ведёт родословную лаппхунда Ганс Сваровски в своём энциклопедическом словаре пород собак (Swarovsky, 1987). Её костные остатки возрастом свыше 7 тысяч лет нашли в Северной Норвегии, в районе *Варангер-фьорда*. Очевидно, это был *один из предков вышеупомянутой торфяной собаки* – общего предка небольших лаек Европы.

Canis familiaris inostranzewi

По-русски – **собака Иностранцева**. Останки собаки этой ископаемой *породы* лаек впервые обнаружил на стоянке первобытного человека возле Ладожского озера *геолог* А. А. Иностранцев. В честь этого учёного собаку каменного века назвал описавший её академик Д. Н. Анучин. Черепа подобных собак известны также из раскопок в Московской и Смоленской областях, в Крыму, в Западном Казахстане, в Хакасии, возле Красноярска, на Амуре.

Собака Иностранцева заметно отличалась от **торфяной**. Она была волкообразной, крупной (длина черепа – 177 мм). Имела более плоский лоб, менее выраженный переход от лобной части головы к относительно короткой морде (короче – волчьей), хорошо развитые скулы и затылочный гребень, сильные челюсти и почти волчьи зубы.

Более крупных и крепких лаек береговых жителей и таёжников большинство кинологов «производит» от этой ископаемой собаки. Лайковед Ю. А. Ливеровский (1936) полагал, что она является промежуточным звеном между волком и собакой.

Canis familiaris putijatini

Череп пралайки близкой к предыдущей, но претендующей на звание отдельной *породы* был найден на стоянке людей неолита у озера Бологое в Новгородской губернии.

Её называли **собакой Путятин**, по имени удачливого исследователя, к тому же князя. Пишут, что она была не такой мощной и сильной как **собака Иностранцева**. Череп поменьше (169 мм). Собака имела более узкую черепную коробку и более длинную морду.

Похоже на то, что **собака Путятин** могла быть в числе прародителей относительно небольших таёжных лаек, которые имеют сравнительно сухое сложение.

Собака Невельского

Адмирал Геннадий Иванович Невельской – знаменитый исследователь Дальнего Востока. Его имя приобрели залив, пролив, самая высокая гора и город на Сахалине. А также... пралайка из каменного века, которую описал А. Браунер и назвал в честь учёного-мореплавателя. Эту доисторическую *породу* северных собак считают предком дальневосточных лаек (Браунер, 1928; Ливеровский, 1936). Не исключено, правда, что это разновидность **собаки Иностранцева**. О пегтымельских наскальных изображениях таких праалаек упомянуто выше.

Мы привели наиболее известные примеры лаек человека каменного века, жившего в пределах обсуждаемой здесь территории. Эти пралайки вполне могут рассматриваться как одни из родоначальников пород наших аборигенных, коренных лаек (что не исключает участия в их пороодообразовании пришлых собак древности). При этом представляется логичным, что таёжные аборигенные лайки появились исторически *позднее* лаек жителей тундры и побережий. Они же (таёжные собаки) и в большей степени изменены в сравнении с диким предком. Но почему?

Дело в том, что тайга как отдельный ландшафт (разделивший собой плейстоценовую тундростепь на южную степь и полярную тундру) возник лишь в голоцене (менее 10 тыс. лет назад) в связи с общим потеплением климата (см. Гумилев, 1993 и др.). К этому периоду **торфяной шпиц** Европы и крупные пралайки Евразии типа **собак Иностранцева** (возможные

предки собак побережий) прожили в обществе первобытного человека не одно тысячелетие, почти не изменившись внешне.

Получается, что в большем отличии таежных собак от диких предков виновата не столько селекция, сколько изменение среды, ландшафта. Здесь человек лишь в какой-то мере ускорил реализацию «замысла» природы.

Читатель, которому интересны пралайки, подскажет нам, что ещё описаны домашние собаки бронзового века, такие как «бронзовая», «зольная» или «пепельная» и др. Но мы неспроста ограничились примерами из каменного века.

Известно, что многие из современных народов-аборигенов нашего Севера вошли в наше время непосредственно из времени камня и кости. Поэтому с большой вероятностью можно предположить, что и их собаки – прямые потомки наиболее примитивных лаек, собак каменного века. Тем более, что собаки эпохи бронзы в более цивилизованных местах мира уже получали специализацию, нарочито видоизменялись человеком – там начиналось культурное собаководство. Следовательно, далеко не все ископаемые собаки бронзового века могли быть лайками. Чего не скажешь о «бронзовых» сибиряках. Они продолжали живописать таких же собак, что и предки каменного века: лаек и только лаек (пралаек). Других собак они просто не знали.

Наскальное изображение охоты с собаками (Саянский каньон, устье р. Чинге), бронзовый век. Из: Власов и др., 1990

Ознакомившись с некоторыми из доисторических лаек, мы невольно задаёмся вопросом об их диких предках. Что равнозначно вопросу о происхождении домашней собаки вообще.

Если не рассматривать откровенно устаревшие представления, то всё упирается в две крайние гипотезы, каждая из которых, обогнав «соперника» на определённом участке научной эстафеты заявляет об однозначности своих доказательств. Однако тезисы пресловутых моно- ди- и полифилетической гипотез происхождения домашней собаки страдают некоторой небрежностью толкований собственных аксиом.

Сначала торжествующе объявили в трёхтомном научном издании (Гептнер и др., 1967): «Ещё недавно широко распространённое мнение о дифилетическом происхождении домашней собаки – от волка и шакала – ныне оставлено всеми. Как и у остальных домашних животных, у собаки один исходный вид („предок“). Возможность дифилетического происхождения собаки исключается, в частности, различным диплоидным числом хромосом – 78 у волка и собаки и 74 у шакала». Попутно заметим ради справедливости, что издание содержит много интересного фактического материала о диких псовых (и не только).

Потом «вдруг» выяснилось из очень обстоятельной монографии «Волк» (1985), что «кариотипы волка, койота, шакала и собаки идентичны. Данные по гибридизации собаки с волком, шакалом и койотом – её потенциальными предками – свидетельствуют о свободном скрещивании этих форм, жизнеспособности и плодовитости их потомков. Далее, при

серологическом анализе, обнаружили, что собака ближе к койоту, чем к волку. Наконец, плейстоценовые находки представителей группы койотов в Палеарктике также делают допустимыми родственные связи собаки и койотов (в широком смысле). Таким образом, судя по всему, участие шакала и койота на начальном этапе формирования собаки полностью исключать нет оснований». И тут же состоялся ренессанс «полифилии».

Когда же появился модный анализ митохондриальной ДНК, снова прозвучало однозначное: «Волк и только волк».

Ну что тут скажешь...? Если говорить конкретно о наших северных собаках – лайках, то ясно следующее. Предком (или предками) доисторических лаек был (были) некто (некоторые) из *ископаемых* рода *Canis*. Строгий «Каталог млекопитающих СССР» (1981) называет шесть вымерших видов этого рода: *Canis petenyi* (поздний плиоцен Центральной Европы и юга Украины), *C. arnensis* (древний плейстоцен, Западная Европа, Таджикистан, Забайкалье и Монголия, близок к плейстоценовым американским койотам), *C. variabilis* (ранний-средний плейстоцен Северного Китая; остатки подобной формы обнаружены на Алдане в южной Якутии), *C. tamanensis* (ранний плейстоцен западного Предкавказья), *C. tengisii* (ранний плейстоцен Закавказья), *C. volgensis* (поздний плейстоцен – голоцен, Среднее Поволжье; вероятный предок домашней собаки; близок к виду *C. lupus*). Добавим, что остатки последнего, некрупного волжского волка найдены также на Днепре, в Западном Закавказье, в Якутии, в северном Китае. «Именно эта волкообразная собака, по мнению Н. К. Верещагина, вероятно, и была общим предком первобытных пород домашних собак. Позднейшая гибридизация одомашненных волжских волков с серым волком была вполне вероятна уже на ранних стадиях, т. е. в эпоху неолита и бронзы» («Волк», 1985).

Само собой, наряду с указанными видами, на общей с ними территории известны костные остатки собственно волков и шакалов. Например, Н. К. Верещагин в своей главе из цитированной выше монографии «Волк» упоминает некрупного плейстоценового апшеронского волка *Canis lupus apscheronikus* (т. е. подвид волка), хорошая серия черепов которого обнаружена на Апшеронском полуострове. Этот и подобные примеры свидетельствуют о реальности палеогеографической изменчивости древних волчьих популяции. И не исключено, что часть из упомянутых выше ископаемых видов является результатом морфометрических упражнений палеозоологов на плохо сохранившихся костных остатках (открыть новый вид престижнее, чем описать подвид). Тем более что даже индивидуальная внутрипопуляционная изменчивость современного волка очень значительна. В пределах его ареала длина взрослых особей – от 82 до 160 см, а вес от 19 до 80 кг (то же издание «Волк»). Выходит, что есть основания «производить» от волка даже небольшого торфяного шпица.

Интересные факты приводит Н. К. Верещагин в названной монографии. Правда, они – за пределами нашей географии.

Речь идёт о хорошо изученном ископаемом гигантском «ужасном» волке Америки – *Canis dirus*. Он «процветал» 25 – 15 тыс. лет назад и вымер вслед за крупными травоядными – они были его основной пищей. Похоже, что «ужасный» волк был увеличенной копией обыкновенного волка (который – *C. lupus*): «По общим пропорциям его череп поразительно напоминает таковой гигантского экземпляра серого волка». И вот этот обычный «серый волчишко», обитавший рядом с «ужасным волчищем» сумел победить в соревновании за право жить в наши дни. Выжил, а кто захотел – пришёл к дикарю, вывел его в люди, помог освоить огромные пространства. Теперь здравствует. И на воле, и в качестве нашего товарища. Большой и очень сильный – не всегда лучший. Знаем это и по лайкам. Видно, дело не только в пищевой специализации... Чтобы приспособиться к смене условий, нужно обладать ещё чем-то, в т. ч. и здравым рассудком.

Вспомним кстати, что и у нас, в Евразии в то же далёкое время послеледниковья были интересные истории очень напоминающие эту американскую. Бурый медведь «обошёл»

огромного пещерного, обыкновенный олень – большерогого гиганта, а человек *разумный* – примитивного силача неандертальца...

Возвращаемся к волку – несомненному предку собаки. Добавим ещё.

Известны многие примеры превращения волчонка в практически домашнюю собаку. Где-то у нас затерялась заметка с фотографией небольшой упряжки, которая состояла из волков – на них развозили в городе разные товары. А в Аянке – самом северном селе Корякии до сих пор используют волков для улучшения своих собак. Мы в это поверили, когда в 1991 году описывали там **камчатских (корякских) лаек** из упряжек – бросилось в глаза резкое преобладание сплошных волчьих окрасов (совсем без пежин).

Так что по поводу волка мы не сомневаемся. А как же шакал, ископаемые койотообразные и другие из рода *Canis*? Вот нам интуитивно импонирует точка зрения ученого-кинолога А. Д. Пояркова (1991), который вслед за К. Т. Сулимовым считает одним из предков домашней собаки вымерший вид, похожий на койота. К такому койотообразному виду Евразии, скорее всего, возводится генеалогия одной из древнейших собак – ***Canis familiaris palustris* (собака свайных построек)**. Не исключает койота нашего материка среди возможных предков собаки и П. В. Пучков (1993), которого мы уже цитировали выше: «Волку (и, возможно, вымершему койоту Евразии – *Canis cf. latrans*) был выгоден „союз“ именно с человеком, с которым у волков тогда не было вражды».

Возможны ли анализы генного уровня на остатках ископаемых псовых, которые нужны для того, чтобы исключить их из числа предков собаки? Нет ли другого пути для ответа на наш вопрос?

Знаем, что мнения систематиков о волчьем роде очень разнообразные. От крайней позиции сторонников выделения в составе рода максимального количества видов до противоположных «объединительных» стремлений. Вплоть до постепенного вызревания у некоторых «нестандартных» зоологов убеждения в том, что волк, шакал и койот (и ещё кто-то из вымерших) являются подвидами или даже вариантами одного вида – политипического и симпатрического (когда ареалы перекрываются). По их мнению, доказанные факты эффективного скрещивания этих форм хотя бы при определённых условиях – главный, определяющий фактор обозначения вида.

Кажется, логика здесь есть. Живут же на Северо-Востоке, на одной территории разные бурые медведи: обычный и редкий легендарный большой медведь «иркуйем». Охотники и особенно непрофессиональные «медведеведы», такие как наш знакомец Родион Сиволобов из корякского посёлка Тиличики (дома у него – интересная коллекция зверей и птиц), убеждены, что «иркуйем» – неизученный вид. Но учёные зоологи не дают ему статуса выше варианта. Мы видели эти огромные шкуры и черепа, но больше согласны с зоологами (при большом уважении к Родиону Сиволобову – он ещё и заядлый лаечник, успешно охотился в тундрах Корякии с **карело-финской лайкой**).

Систематики – люди консервативные, генетики – их противоположность. Вот когда они разберутся и договорятся, вопрос кинологов о диких предках снимется сам по себе. Подождём. Какие наши годы!

* * *

Для тех, кто не читает всё подряд, здесь и после остальных глав предлагаем краткие выводы.

1. Дикий предок (предки) собаки стал первым домашним животным по своей воле, понимая в этом свою выгоду.

2. Взаимоинтересно сотрудничество человека разумного и предка (предков) домашней собаки берёт начало в то время, когда наш предок стал охотником, по-видимому, уже в позднем палеолите.

3. Добровольно одомашниваясь, собака помогла первобытному человеку прийти в наше время, дала возможность освоить северные земли.

4. Естественно, что первые домашние собаки были звероподобными, лайковидными, очень похожими на аборигенных лаек. Ископаемых собак нашего Севера вполне логично называть доисторическими лайками.

5. Доисторические лайки отличались от диких предков рядом признаков и уже заметно разнились между собой – заслуживают статуса древних пород лаек.

6. Родоначальниками первобытных лаек, конечно же, были ископаемые волки. Но только ли представители центрального, наиболее прогрессивного вида из рода волков? Может быть, истина сокрыта несовершенством таксономии очень близких видов и подвидов рода, прежде всего, вымерших.

3. Исторические лайки

*Времена не выбирают —
В них живут и умирают.
Из песни.*

И породы собак тоже. Хотят того собаки или нет, но, с тех пор, как они пришли к человеку, развитие их пород, благоденствие или деградация, появление и исчезновение становились всё более зависимыми от востребованности конкретными людьми, народами, властями определённого исторического времени.

Эта глава – о лайках, которые увековечены литературными источниками, которых видели, изучали, описывали исследователи из нашей цивилизации. Конечно же, не все аборигенные породы дождались такого внимания – оно возникло лишь где-то в XVIII веке, когда эти исследователи стали проникать всё дальше на север и восток нашего континента.

Можно выделить три периода нашей истории, которые были относительно «ровными» для судеб людей и, следовательно, наших северных собак. Периоды эти всем нам известны и позволяют разделить исторических лаек следующим образом (в значительной мере условно, для удобства изложения).

3.1. Досоветские лайки

3.2. Советские довоенные лайки

3.3. Советские послевоенные лайки

О военном времени вспомним особо.

Заранее скажем, что была некоторая разница у лаек этой, на первый взгляд, странной градации. И в облике, и в занятости, и в отношении к ним людей, государства...

Меняются лайки и ныне. Современные лайки всё более отличаются от исторических. И способствовала этому очередная революция где-то на меже 80-х и 90-х годов. Поэтому то современными будем считать наших северных собак 90-х лет и тех, кто моложе. Им – отдельная глава.

3.1. Досоветские лайки

*А скота никакова у них нет, одне собаки,
величиною против здешних, только
мохнаты гораздо, шерсть на них длиною
в четверть аршина.*

В. Атласов. «Скаска о походе на Камчатку в 1679 г.».

В эпитафье приведено, пожалуй, первое «кинологическое» описание одной из пород наших северных собак, а именно **камчадалской лайки**. И оставил его нам не кинолог и не учёный, а казачий пятидесятник Владимир Атласов (см. Оглоблин, 1891). Понятно, что он – «Камчатский Ермак» (по Пушкину) – и такие же удалые первопроходцы нашего Севера обратили своё внимание на собак, от которых зависело само существование народов обширных суровых земель. А также успех этих первооткрывателей (чаще – завоевателей).

Так, в 1499 году экспедицию в Югорскую страну русского войска, расширявшего новгородские владения, сопровождали, по словам Лерберга (1816; Ливеровский, 1936), *сотни* собачьих упряжек. Напомним читателю: Югорская земля, где обитал кочевой народ югра, существовала в XI – XV веках по обеим сторонам Северного Урала.

А вот пример Первой Камчатской экспедиции Витуса Беринга (1725—1729 гг.). Согласно академику Л. С. Бергу (1946), знаменитый командор использовал **камчадалских собак** для перевозки грузов на расстояние в 900 км. Экспедиция Беринга стала для камчадалов большим бедствием. Собаки были собраны со всех поселений, большинство из них погибло. Население надолго осталось без единственного в то время домашнего животного, разорилось. Люди, занятые перевозкой грузов, упустили зимнее время звериного промысла. Ясак же сборщики требовали, невзирая ни на что. Непомерное бремя, возложенное Берингом на камчадалов и их собак, стало одной из причин (может, главной) восстания 1731 года.

Похожих знакомств белых первопроходцев с собаками «инородцев» множество. Начиная с XVII века, с периода присоединения к Московии новых земель, и заканчивая известной эпохой колонизации и освоения Севера в советское время.

Больше всех доставалось береговым лайкам – верным сподвижникам исследователей и колонистов северных земель. Количество собак, которые участвовали в экспедициях различного рода, огромно и вряд ли возможно его исчисление. Каждому из таких бессчётных предприятий собаки требовались сотнями. Работа им предлагалась невероятно тяжёлая и опасная. Впрочем, и людям бывало не легче.

Много лаек требовала северная почта. Об этом красноречиво свидетельствует художник из Волынской губернии Леопольд Немировский, дважды сосланный властями в Сибирь за участие в освободительных «преступлениях». В 1844 г. он был прикомандирован к петербургской «Сенаторской ревизии», которая исследовала Восточную Сибирь и Камчатку.

Поезд на собаках в северной части Камчатки. Рисунок Леопольда Немировского. 1844—1845 гг.

Эту и другие работы купил путешественник и предприниматель Иван Дмитриевич Булычов. 65 хромо- и тоновых литографий по рисункам Леопольда Немировского были изданы без указания имени художника (Булычов, 1856). Одна из них рассказывает об отдыхе лаек (не сосчитать) и людей во время дальней дороги в долине реки Тауя (современное название – Тауй; впадает в Охотское море южнее Магадана).

Ресурсы береговых лаек были очень значительны. И собачий транспорт являлся одним из основных при освоении нашего Севера вплоть до конца 50-х годов XX века.

Лаяк береговых жителей всего Заполярья и Дальнего Востока собирали, свозили, перемещали на большие расстояния. После завершения разного рода предприятий далеко не все собаки возвращались домой. *Породы береговых лаек перемешивались, сливались, теряли этническую привязку и соответствующие названия. Аборигенные породы становились местными, региональными.* Но общих лаечьих признаков при этом собаки не теряли – плохих собак для таких работ старались не брать.

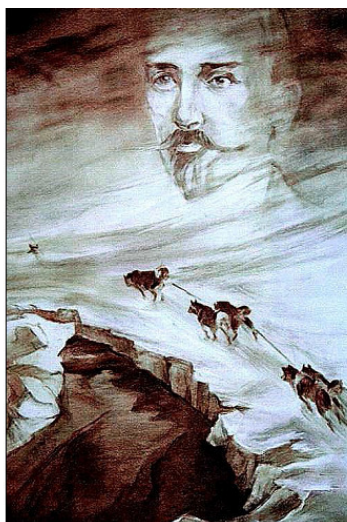
Отдых на реке Тауе = Halte de jour sur le fleuve Taou. – Санкт-Петербург: Lith. de Draeger & Co. (Москва): 1856. – 42 x 56; 21,5 x 33 см: Литография

Упомянем об использовании собачьих упряжек в одном из районов Арктики.

Первая в XIX веке экспедиция на «матерую землю» под начальством М. М. Геденштрома в 1809 году при активной помощи жителей Усть-Янска собрала для своей работы 120 упряжек (Мостахов, 1966). Это более 1200 собак!

Там же, в низовье р. Яны, но спустя столетие, в 1903 году помощники исследователя сибирской Арктики лейтенанта российского флота Александра Васильевича Колчака с трудом раздобыли 161 лайку. Они понадобились для отчаянного предприятия по спасению экспедиции остзейского барона, геолога Эдуарда Васильевича Толля, зимовавшего на острове Беннетта.

Ранее гидрограф лейтенант Колчак был очень строг с собаками, как со своими матросами. Но, к его чести, ещё в предыдущей поездке на Таймыр с бароном Толлем он полюбил «лающую и скулящую братию», уговаривал барона не убивать собак, заболевших в тяжёлом пути, а везти их на нарте – вдруг отлежатся.

Колчак-Полярный. Рисунок от Виктора Зорина из: belrussia.ru

Представить невозможно, как люди и собаки той спасательной экспедиции несколько месяцев, через шесть необитаемых островов, через тысячемильную тундру и ледяную кашу тащили на себе тяжелейший восьмиметровый вельбот, с грузом и полозьями из брёвен достигавший 75 пудов! Больше и подробнее читатель узнает из интересной журнальной статьи Ю. Чайковского (1991). А с любезного разрешения администрации интернет-сайта «Белая Россия» помещаем здесь художественный героический сюжет: полярник Колчак и его сподвижники – лайки.

Да, это тот самый Колчак, который всем нам более известен как крупнейший контр-революционер времён Гражданской войны, «Верховный правитель Российского государства». От одного лишь слуха «Колчак идёт!» люди бросали насиженные места и уходили в леса – так был он жесток... Адмирал Колчак, один из образованнейших людей своего времени, бывший исследователь Арктики без суда и следствия, по личному распоряжению Ленина был расстрелян в 1920 году у проруби на реке Ангара. Судьба: Колчак начал карьеру во льдах. И закончил жизнь подо льдом...

Такое небольшое отступление о переплетающихся судьбах полярников и наших северных собак... В поисках информации о прошлом лаек невольно узнаёшь и нечто новое, интересное о тех, кто жил среди них, общался с ними, знал их, ценил и любил.

А вот внимание кинологов лайки привлекли лишь в последние десятилетия XIX века. Причём заинтересовали их, прежде всего, таёжные лайки, те, с которыми удачливо промышляли лесные бродяги. Ранее «интеллигентные» охотники считали их дворняжками, мужицкими собаками не стоящими внимания.

Удачливый геолог, точнее – горный инженер, больше известный читателям как натуралист, охотовед и писатель А. А. Черкасов одним из первых хвалил лаек в «Записках охотника Восточной Сибири» (1867, 1990) за их охотничьи и другие деловые качества. Отметил Александр Александрович и беззаветную преданность наших северных собак. В частности, рассказал о несколько забавном, но драматичном случае, когда лайка

сохранила жизнь одному из участников медвежьей охоты.

Александр Александрович Черкасов (1834—1895). Из: Черкасов, 1990

Та драма не переросла в трагедию: «Несчастный промышленник не получил ни одной царапины и не раз говорил задушевное спасибо подоспевшему вовремя своему верному Кучумке...». В числе немногих иллюстраций книги Черкасова – соответствующая случаю и времени гравюра.

Прочитайте Черкасова – информативно, интересно.... Но как он мог не заметить в собаках Сибири той «северной» красоты, которую оценили лаечники: «Вероятно, многие охотники, даже большая часть, совсем незнакомы и по описанию с **сибирскими собаками!** Собаки эти составляют совершенно отдельную породу. Посмотрите на них, какие они *некрасивые*: острорылые, мохнатые, со стоячими ушами, с большими мохнатыми хвостами, – дворняжки, да и только! А зато посмотрите-ка на них на охоте с сибирским промышленником!».

Охота на медведя. Из: Черкасов, 1867, 1990

Как и А. А. Черкасов, не называл ещё лайками собак таёжников И. Г. Шведов в похожей по названию книге «Записки сибирского немврода» (1880). Они у него – «зверовые собаки», «дворняжки»... И опять: «...самая лучшая из всех собак, служившая нам, была *невзрачная* маленькая собачонка...». Прямо как на работе художника того времени.

Всё-таки обидно за лаек. Непонятно, как такие любители и знатоки сибирской природы и охоты не видели красоты и породности наших северных собак... Ладно бы, будь они «чисто интеллигентными» легашатниками, борзятниками, т. п.

Е. А. Тихменёв. У берлоги. 1904. Из собрания Павла Гусева

Известный же многим из нас замечательный учёный-биолог, издатель, охотник, охотовед и знаток собак Л. П. Сабанеев (1892, 1992) среди пород охотничьих собак выделял уже ГРУППУ ЛАЕК.

В ожидании предстоящей публикации «Альбома северных собак» А. А. Ширинского-Шихматова не стал описывать Леонид Павлович каждую из пород. Он ограничился рисунками – «портретами лаек некоторых пород» – **вотская (вотяцкая), вогульская, самодская и галицкая лайки**.

Эти «портреты» мы используем ниже при характеристике пород. Кроме того, Л. П. Сабанеев привёл названия ряда лаек, сопроводив часть из них кратчайшей характеристикой: «ПОРОД ЛАЕК в северной России и в Сибири довольно МНОГО, но ни одна из них не была ещё никем обстоятельно описана и исследована».

Великий охотник, энциклопедист-популяризатор Леонид Павлович Сабанеев (1844—1898). Из: Пискунов, 2008

Олонецкие (карельские) лайки, однако, заметно отличаются от **архангельских**, беличьи **собаки Костромской губ.** составляют или, вернее, составляли тоже самостоятельную породу...; медвежьи **собаки черемисов** отличаются псовистостью, массивностью и злобностью к медведю. Судя по **сибирской лайке** Поймаке, принадлежавшей его императорскому высочеству в. к. Николаю Николаевичу (это не первая лайка Российского императорского дома; смотри также ниже, где говорим о **камчадальской лайке** – Б. и О. Ш.),

в Сибири встречаются между другими очень псовистая и крупная порода. **Тунгусские лайки**, напротив, имеют короткую шерсть и лёгкий, несколько борзоватый склад. Почему, вероятно, происходят от помеси волкообразной собаки с **монгольской**. Самые типичные лайки – **зырянские**, с очень большими стоячими ушами, узким черепом и короткой псовиной». Ещё, при описании группы лаек, Л. П. Сабанеев упоминает **собак эскимосов, чукчей** и жителей **Камчатки**. Значит, он знал как минимум десяток пород лаек. Правда, о **костромской лайке** ещё в то старое время говорил как о бывшей породе.

Здесь заметим, что к началу XX века о наших северных собаках, *называя их лайками*, стали говорить не только у нас, но и в заграничной Европе.

В «Жизни животных Брэма» (1904) упомянуты в числе «всех северных лаек **собаки самоедов, камчадалов, эскимосов**».

Всё же, для нас наиболее авторитетны первые лайковеды.

Для начала приведём слова А. А. Ширинского-Шихматова (1895, 1896) – охотника-лаечника, лайковода и лайковеда, которые в лучшем виде поясняют ряд моментов, которые мы хотим акцентировать.

«Исследователи Севера не могли, конечно, не заметить СЕВЕРНОЙ СОБАКИ; не могли не согласиться с тем непоколебимым фактом, что ТОЛЬКО СУЩЕСТВОВАНИЕ ЭТОЙ СОБАКИ ОБУСЛОВЛИВАЕТ многим сотням тысяч инородцев ВОЗМОЖНОСТЬ ЖИТЬ и прозябать НА СЕВЕРЕ. Тем более является странным то обстоятельство, что на описание северных собак обращалось так мало внимания и что ДО СИХ ПОР даже НЕ УСТАНОВЛЕН точно КОРЕННОЙ ВИД, НЕ ГОВОРЯ О МАССЕ РАЗНОВИДНОСТЕЙ. Между тем РАЗНОВИДНОСТЕЙ ЛАЕК СУЩЕСТВУЕТ СТОЛЬКО ЖЕ, СКОЛЬКО СУЩЕСТВУЕТ ИНОРОДЧЕСКИХ ПЛЕМЁН на Севере, причём РАЗНОВИДНОСТИ ЭТИ НАСТОЛЬКО РЕЗКО ОТЛИЧАЮТСЯ ВНЕШНИМИ ПРИЗНАКАМИ СВОИМИ ОДНА ОТ ДРУГОЙ, ОБЛАДАЮТ НАСТОЛЬКО УСТАНОВИВШИМИСЯ, КАЖДАЯ В ОТДЕЛЬНОСТИ, ПРИСУЩИМИ ЕЙ ОСОБЕННОСТЯМИ, ЧТО ДЕЛЕНИЯ ИХ НЕ МОГУТ ВЫЗВАТЬ КАКИХ БЫ ТО НИ БЫЛО СПОРОВ И РАЗНОГЛАСИЙ».

Постулируя наличие у каждого северного народа по своей собаке, отличной от других, А. А. Ширинский-Шихматов соответственно назвал (в тексте и на карте их распространения) следующие «разновидности» (читай – *аборигенные породы*) **лаек**. Их названия мы постарались расположить «по месту жительства», в направлении с запада на восток (так же – и в нижеследующих перечнях):

норвежская
лапландская (лопарская)
финно-корельская
корельская
галицкая
самоедская
зырянская
черемисская
башкирская (собака башкир)
вотская (вотяцкая)
вогульская
остяцкая
сойотская (собака сойотов)
бурятская (собака бурят)
тунгусская
якутская (собака якутов)
юкагирская (собака юкагир)

корякская (собака коряков)
камчатская (камчатская собака)
чукская
эскимосская (эскимосская собака)

Как видим, здесь только одна **галицкая лайка** названа не по имени своего народа-владельца. Эта лайка получила своё ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ название от города Галич (рядом с озером Галичским) или одноименного уезда Костромской губернии. То есть, уже в то время не везде срабатывала формула «народ – своя лайка». **Галицкая лайка** не привязана своим названием к тому или иному северному народу, а к местности. Наверное, в таких случаях будет точнее сказать не «аборигенная», а «местная лайка»?

Чем «моложе» публикации кинологов о лайках, тем больше географических (местных) названий пород. Думаем, что это неспроста.

Мы полагаем, что НАЗВАНИЯ ПОРОД ЛАЕК СЛУЖАТ ПОКАЗАТЕЛЯМИ ИХ РАЗВИТИЯ (изменения) в нашем меняющемся мире. Пока человек выступает как один из природных факторов (не ведёт культурную селекцию) – развитие естественно. И уже давно направлено оно в сторону метизации, слияния пород и деградации. Хотим мы этого, или нет. Когда же человек общается с лайкой в качестве специалиста-селекционера, возможны и стабилизация породы, и возврат к первоначальному типу, и создание новой породы путем скрещивания – что захочет. Всё возможно при культурном, искусственном развитии породы.

Так вот, названия пород лаек, их изменения и появление новых в кинологических публикациях очень четко говорят об определенной направленности эволюции этих пород (увидим ниже, что не всегда за названием имеется в виду именно порода в её современном понимании).

Поиск подтверждение сказанному в старой литературе. Проследим, в каком направлении шло изменение наших северных собак, как соотносились естественный и искусственный пути их развития. Вспомним былые породы, большинство из которых, к нашему сожалению, стали уже историческими.

Мы уже ознакомились с перечнем лаек, что у А. А. Ширинского-Шихматова. Его можно заметно дополнить названиями лаек, которые употребляет М. Г. Дмитриева-Сулима (1911), в т. ч. ссылаясь на других исследователей (этнографические и географические названия лаек приведём отдельно):

киргизская
юракская (лайка юраков)
лайка гольдов
орочонская
ламутская

И по географическому признаку:

олонецкая
каргопольская
кеврольская
архангельская
костромская
вятская
печорская
берёзовско-сургутская
томская
нарымская

**туруханская
виллюйская
колымская**

А также такие «всёохватывающие»:

**западно-сибирская средне-сибирская восточно-сибирская
сибирская
полярная**

Обратим внимание на следующее.

Из названий лаек, которых мы нашли в работе М. Г. Дмитриевой-Сулимы (не считая списка из князя Ширинского-Шихматова), преобладают географические. Причем, большая их часть принадлежит другим авторам, на которых она ссылается.

Западно-сибирская и восточно-сибирская лайки (в то время писали через чёрточку) из этого списка не имеют отношения к одноименным заводским лайкам – о них потом.

И вот какие выводы напрашиваются при анализе всех этих названий аборигенных лаек, и вообще, при чтении лайковедов начала прошлого века.

Ко многим, наиболее примитивным нашим северным собакам они уже тогда опоздали. Чтобы увидеть собак всех малочисленных народов нашего Севера, нужно было застать их (людей и собак) в более раннем состоянии. Когда эти люди и собаки жили ещё без особого влияния извне. К началу XX века свои собаки сохранились в «чистом» виде только у тех народов, которые сами остались прежними.

Даже само появление географических названий лаек, особенно производных от больших территорий (где жил не один народ), говорит о том, что лайки разных аборигенов смешались естественным путем. В лучшем случае, получились новые местные породы, которые и удостоились внимания первых лайковедов. И соответственно были названы – по губернии, крупной реке, т. п. В крайнем, худшем – породы деградировали и исчезли из-за наступления цивилизации европейского типа.

Правда, возможна и другая причина появления названий лаек по географическому признаку, особенно таких очень уж обобщающих как **«сибирская»**, **«средне-сибирская»** и т. п. Могли же быть кинологи, пусть даже грамотные и знающие, но не имеющие достаточного опыта общения с такими собаками, без того какого-то интуитивного умения «видеть лайку». Тем более что не может быть очень резкой видимой разницы между породами аборигенных лаек – примитивных собак, близких к общему дикому предку. Во всяком случае, в пределах одной ландшафтной зоны. Потому-то такие кинологи-«нелайковеды» определяли две-три породы там, где другие описывали их много. Мы умышленно акцентировали тот факт, что М. Г. Дмитриева-Сулима приводит в своей работе такие названия лаек большей частью по другим авторам.

Итак, уже первые лайковеды столкнулись с нежелательным влиянием этого беспокойного XX века на породность наших северных собак, особенно в европейской части нашего материка. М. Г. Дмитриева-Сулима называет ряд лаек уже вне связи с конкретными северными народами, а то и сомневается в их породности, типичности, т. е. считает помесями: «преимущественно вырождаются лайки в губерниях Костромской, Олонецкой, Новгородской, Архангельской».

Далеко не все аборигенные лайки «дожили» до XX века. Одним из них было суждено стать исчезнувшими предками современных пород, другим – просто остаться в истории. А ещё были «породы» оставившие след только в истории изучения наших северных собак. Но все они заслужили того, чтобы вспомнить о них.

Нужно сказать, что информация о собаках в работе уже знакомой нам охотницы с лайками несколько бессистемна, с трудом поддаётся анализу. Видно, это дань за «живое» изложение виденного, очень интересующего, любимого, от которого веет духом времени и былой северной охоты. Тем не менее, кто-то из нас – любителей лаек должен здесь разобраться.

Именно здесь уместно также предвосхитить некоторые вопросы и недоумения читателя. Кинологическая литература не так уж научна, чтобы быть строго однозначной в понятиях, терминах.

В цитатах из источников мы встречаем слова «разновидность», «отродье», «порода» или просто «лайка», которые чаще обозначают одно и то же создание природы (где человек – ещё её естественная составляющая). Нам же импонирует определение «порода», *аборигенная или местная*, в отличие от тех, кто называет породой только то, что признают популярные клубы, федерации, союзы... По их меркам большинство объектов нашего с Вами внимания в худшем случае совсем игнорируется, в лучшем – это непризнанные породы (вроде бы они есть, но их как бы нет...).

Начнем с вышеприведенного перечня лаек названных по географическому признаку.⁶⁷

Олонецкая лайка

Название идёт от Олонецкой губернии, что западнее Архангельской.

Имеем только описание, которое дал некий г. Бек-Юсуф.

«...типичность здешней лайки не поддаётся строгому описанию, она, очевидно, *утеряла кровность* – всё какая-то разновидность по росту, псовине, и статьям; видно полное падение от всевозможных скрещиваний».

«Г. Бек-Юсуф находит, что лайка волчьего окраса, серого, более других отстояла кровность. Остальные преобладающие окрасы суть: жёлтый, чёрный, рябой (пегий, пёстрый?) и очень редко белый. Рост восемь вершков (около 36 см! – Б. и О. Ш.), длина двенадцать вершков, грудь широкая, сухие ноги, мускулатура хорошая и загнутый кольцом хвост пушист, стоячие острые уши, голова пропорциональна корпусу с сухим, средней длины, щипцом, нижняя челюсть короче».

Кроме того, **олонецкая лайка** сходна с **костромской (галицкой)**, в т. ч. ростом. Но у первой морда тупее. Окрасы тоже разнятся.

Вспомним также, что Л. П. Сабанеев (см. выше) названия **лаек олонецкая и карельская** употреблял как синонимы.

Каргопольская лайка

Название – от Каргопольского уезда Олонецкой губернии. Использовалось г. Бек-Юсуфом как *синоним* (или местная разновидность) **олонецкой лайки**.

Кеврольская лайка

Была распространена в Архангельской губернии, но наиболее в Кевроле Пинежского уезда (отсюда название). Так называли *помесь зырянской лайки*: «...окрас её чёрный; пятого пальца нет;...длинное туловище, огромные стоячие уши; хороша на птицу, белку, горностаю». Это практически всё, что касается собственно **кеврольской лайки** – одной из **архангельских**.

⁶ Если не оговорено, источник описания этих собак: Дмитриева-Сулима, 1911.

⁷ Как мы уже говорили, особым шрифтом выделяем все названия лаек. А наше и цитируемых авторов отношение к их породности будем подчёркивать. Так легче ориентировать читателя, который понимает, что далеко не все собаки названные лайками можно считать таковыми (аборигенными или местными).

Архангельская лайка

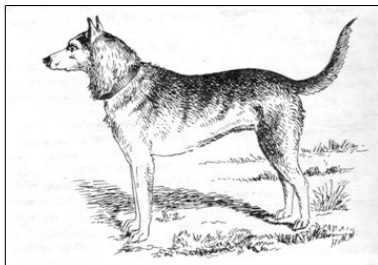
«Г. П-ъ, автор статьи «Триста вёрст на водяных лыжах» говорит об **архангельских лайках**: «Здесьняя порода собак, остроухих, остромордых, белой по большей части шерсти, *чрезвычайно смышленная* и с прекрасным чутьём»... «Между тем Г. Косырев пишет..., что они «крайне разнообразны по внешнему виду», что вместе с культивированием края порода местных собак исчезает, являются всевозможные помеси. Здесь **самоедская лайка** смешана с **зырянской** и другими породами... Таким образом, **архангельские лайки не представляют собою сохранившегося типа** и состоят из помесей северной собаки вообще, за исключением небольших районов, где сохранилась однотипность и масть белая. Но мы видим, что, тем не менее, все **архангельские лайки**, хотя и в неодинаковой степени, обладают хорошими охотничьими качествами. Ясно, что и **ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ лайка архангельская НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ**».

Галицкая лайка

Из вышесказанного мы уже знаем – никакого отношения к Галиции (Галычине), что в Украине, это название не имеет. Там аборигенные лайки исчезли намного-намного раньше, чем в Галицком уезде Костромской губернии. Хотя в Киевской Руси на территории теперешней Украины с ними ещё охотились, белковали (в первой главе мы рассказывали о лайках на фресках XI века, которых видели в соборе Софии Киевской). Было это задолго до того, как появились слова и «Украина», и «Галиция»...

Ещё А. А. Ширинский-Шихматов (1985) писал, что **галицкие лайки** не представляют собой «особой разновидности, а являются лишь продуктом смешений».

Это название могло бы принадлежать собакам одного из уездов, чем-то отличным от лаек всей Костромской губернии. Если бы тогдашние знатоки не считали его синонимом **костромской лайки** (см. чуть ниже). Но до нас дошёл рисунок собаки от Сабанеева именно с таким названием, которое уместно меньше других.

Галицкая лайка. Из: Сабанеев, 1892, 1992

Костромская лайка

«... Эрнст, костромской охотник, в „Журнале Охоты“ описал **лайку костромскую (галицкую)**. Вот её внешний вид: небольшие, остроухие, остромордые собачки, чёрно-пегой или чёрно-чепрачной масти, белые подпалины и ошейник; пропорциональны, мускулы превосходны, рост 8 вершков». Но и здесь: «...г. Эрнст – знаток лайки и охоты с нею. Между тем **описание костромской лайки**, прекрасной на охоте по всякому зверю и птице, *не отвечает требованиям теории и науки*...».

Выше мы цитировали Л. П. Сабанеева – он считал, что **костромская лайка осталась в прошлом**.

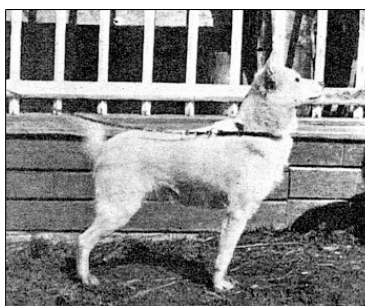
Вятская лайка

«...этнографическая карта народностей, кажется, должна быть и этнографической картой лайки, если взять во внимание и за основу деления и названия лаек не по местности, а по народностям, их содержащим, как это делает князь Ширинский-Шихматов. В данном случае *название вятская лайка теряет смысл*, так как здесь, в Вятской губернии, живут, кроме вотяков, черемисы, зыряне, пермяки и мн. др.». «В Вятской губернии лайки по этнографическому делению суть: **черемисские, вотяцкие, зырянские**. Так было лет 12—15 назад, теперь всё смешалось, слилось...».

К этим лайкам мы ещё вернёмся. А наименование «**вятская лайка**» отнесём к истории изучения северных собак.

Печорская лайка

Классик лайковедения оставила нам фото такой собаки, но при этом полагала, что **печорская лайка «создалась из двух»: самоедской и зырянской**. О них – ниже.

Печорская лайка. «Белько» г. Подороги. Из: Дмитриева-Сулима, 1911

Берёзовско-сургутская лайка

В нижнем течении Оби от Берёзова до Сургута обитали остяки. Значит, *речь* — о собаках этого народа, «универсальной», *лайке* Тобольской губернии – **остяцкой**.

«Собака имеет в инородческом быту большое значение повсеместно. Для оленевода она – пастух оленьих стад, для зверолова – спутник в промысле, как ищейка и как рабочее животное (тащит нарту с провизией); и в домашнем хозяйстве инородцев – как рабочее животное: на них возят воду, дрова, сено и разную кладь – муку, рыбу и проч.». Жаль, что нет описания породных признаков.

Томская лайка

Так называл г. Лобаческий *три разновидности, «породы»* лаек Томской губернии. Первая: «Рост средний; изсера-жёлтая шерсть напоминает волка; широкая грудь, костистые ноги, русачья лапа; морда острая; торчащие уши; круглые чёрные глаза выражают энергию, ум; хвост загнут на спину кольцом». Вторая отличается только тем, что «тоньше» и «меньше». Третья – совсем не лайка, а вислоухая помесная собака.

Нарымская лайка

Нарым – это на Оби, северо-западнее Томска. Возможно, упоминалась *разновидность (отродье)* так называемой **томской лайки**.

Туруханская лайка

В районе Туруханска жили и живут охотники и рыболовы енисейские остяки (теперь кеты). Очевидно, *упоминалась (и только)* их собака.

Виллюйская лайка

Обобщающее название собак Виллюйского округа Якутии – **тунгузской и якутской лаек**, которых впервые исследовал академик Маак (1877). К этому имени мы ещё вернёмся. Описание этих пород приведём ниже.

Колымская лайка

Впервые была описана В. И. Иохельсоном (1898) в Колымском округе как **полярная собака**: «Ростом **полярная собака** не велика, высота её в плечах 50—60 см. Бывает и несколько выше, но многие... поражают вас своим малым ростом.... У состоятельных хозяев собаки, пользующиеся лучшим уходом, всегда рослее. По наружному виду местная ездовая собака, со своими стоячими ушами, косым разрезом глаз, густой шерстью, широкой и относительно большой головой, острой мордой и спущенным (когда она не в духе, устала или ест) пушистым хвостом, весьма походит на волка.

Но есть между ними мохнатые собаки с несколько притупленным носом, ничем по виду не отличающиеся от наших шпицев (**самоедские лайки**, см. ниже – Б. и О. Ш.).

Малорослые же собачки с длинной мордой и острым носом настолько похожи на лисиц, что только по цвету шерсти и круглым зрачкам можно их отличить от последних. Сходство это ещё более увеличивается, если попадётся собака с жёлтой окраской меха.

Вообще тип **колымской ездовой собаки** не однообразен, и она, очевидно, составляет помесь **камчатско-эскимосской собаки** с другой пришлой породой (абзацы в этой цитате сделали мы – Б. и О. Ш.).».

Исследователь указывает также преобладающие окрасы **колымской лайки**: серый, серо-жёлтый, белый с серым. «Совершенно белых нет». К западу от р. Колымы преобладали чёрные собаки.

И ещё: «Ноги сравнительно толсты и коротки; грудь, которой тянут нарту, прекрасно развита; шея толста и коротка. Морда необыкновенно хитрая, с меланхолическим или угрюмым выражением».

Похоже, что В. И. Иохельсон дал описание трёх пород: **колымской, самоедской и тунгузской**. С последней всё ясно – бродячие таёжники тунгузы и их собаки были лучшими охотниками Колымского округа. А появление в этом крае собачек тундровых кочевников самоедов объясняет М. Г. Дмитриева-Сулима: «Разумеется, с переселением людей переселялись и собаки. Эти „мохнатые“ изредка попадающиеся собаки, по-моему, нарождаются отчасти в силу атавизма, отчасти попадают из Енисея от самоедов и юраков на Лену, т. е. на её устье, жители которого сообщаются и с Туруханским краем, и с Индигиркой, а через неё и с Колымой. По крайней мере, я сделала подобный вывод, побывав и поразспросив на низовьях и устье Лены. Посещение Большеземельской и др. тундр привело меня к окончательному выводу о константности породы и типа **полярных мохнатых собак** (См. мою статью о **самоедских собаках** в „Waidmannsblatter“ за 1910 г.)».

Понятно, что Мария Григорьевна говорит о **самоедских (ненецких) лайках**. Интересно... Мы то писали, что эти собачки попали на Северо-Восток только в советское время, в 40-вых годах (Широкий, Широкий, 2004).

Эти три наши северные собаки, которые описаны В. И. Иохельсоном под общим названием **полярной лайки (колымская, самоедская, тунгузская)** представляли в Колымском округе все три этно-ландшафтные группы наших северных собак: береговые, тундровые и таёжные лайки (соответственно). См. классификацию в главе 1.

Название «**колымская лайка**» живуче. Оно встречается и в публикациях советского периода нашей истории. Поэтому продолжим разговор о собаках Колымы в следующей главе.

Очередь за названиями лаек, которые произошли от огромной Сибири и её частей, тоже очень обширных.

Западно-сибирская лайка

В то время подобные слова писали через дефис. Это название употреблялось как синоним **томской лайки** или как *сборное для собак Западной Сибири*. Выше мы уже замечали, что не нужно путать с **западносибирской лайкой** заводского разведения.

Средне-сибирская лайка

Подобно предыдущему, некоторые исследователи *так называли лаек Средней Сибири*, в т. ч. **тунгускую**.

Восточно-сибирская лайка

Такое название иногда использовалось для собак *Иркутской губернии*, включая **тунгускую лайку**. В советское время это имя получила одна из заводских лаек, о которой – отдельно.

Сибирская лайка

«...невозможно обобщать под именем „**сибирской**“ **лайки** все существующие разновидности северной собаки на азиатском материке Российской Империи», – писала классик лайководения.

Наверное, и **сибирская лайка** российского императора Николая Николаевича, которую упомянул Л. П. Сабанеев (см. выше), представляла собой одну из пород лаек Сибири.

Иностранные исследователи Арктики называли **сибирскими лайками** также собак жителей Заполярья. Благодаря незаурядности, береговые лайки использовались очень интенсивно. Не исключением была вторая американская экспедиция Циглера 1903—1905 годов, которой руководил Фиала:

«В 1902 году Седов, командовавший гидрографическим судном «Пахтусов», зашёл в Архангельск, где встретил американский корабль. «Америка» циглеровской экспедиции готовилась к выходу на остров Рудольфа.

Седов с группой морских офицеров нанёс визит Фиала...

Польщённый... Фиала... стал хвастаться обеспечением экспедиции: «...У нас *четыре-ста тридцать ездовых **сибирских лаек*** и два десятка пони. *Всё самое лучшее в мире* собрано здесь» (Аккуратов, 1974).

Занятно, что до сих пор очень многие «знатоки», завидя лайку любой породы «авторитетно» называют её **сибирской лайкой**... (стыдно, что плохо мы знаем наших собак).

Похожее название имеет не лайка в нашем понимании, американская лайковидная порода – сибирский хаски. Родоначальники этой породы были вывезены с Колымы, Чукотки и Камчатки. В 1992 году мы встречались с маршалом (есть такая должность на гонках собачьих упряжках) аляскинско-чукотских гонок «Надежда» Эрлом Норрисом. Он вспоминал, как в молодости участвовал в вывозе лаек на Аляску. Тех прежних собак Северо-Востока он очень хвалил, отбирал только строго остроухих.

Полярная лайка

Общее название аборигенных пород лаек Крайнего Севера, которое сохранилось в литературе до наших дней.

К этому имени мы ещё вернёмся. А пока покажем фотографию собак, которых называла **полярными лайками** М. Г. Дмитриева-Сулима (1911).

Тип полярных собак. «Чёрный» и «Белый» завода Дм.-Сулимы. Из: Дмитриева-Сулима, 1911

Географические названия лаек использовались уже тогда, в самом начале XX века. В основном они обобщали собак большей или меньшей территории, в лучшем случае – служили синонимами аборигенных пород. Соответственно и собаки этих местностей были «обобщёнными», т. е. помесями, «слившимися» породами, т. п.

Ясно, что вышеперечисленных лаек нельзя считать отдельными породами. В то время, если не было этнической «привязки» собаки, то уже и не было породы. И не могло быть её чёткой идентификации.

Тем не менее, такие названия лаек кинологи используют до сих пор. По необходимости – в случаях, когда собаки определённой территории, не имеющей этнической целостности, изучены и признаны как порода.

А как же с теми лайками, которых называют именем малочисленных народов, с которыми они сотрудничают? Всех ли было возможно определить как породы в конце XIX – начале XX столетий? Для ответа вернёмся к перечню лаек князя Андрея Ширинского-Шихматова, который анализировала и продолжила М. Г. Дмитриева-Сулима (см. выше).

Норвежская лайка

Описания мы не нашли – всего лишь *упоминание*. Наверное, князь имел в виду одну из бывших аборигенных **собак норвежцев** – предков современных заводских пород Норвегии из группы шпизов и их прототипов FCI: норвежские серый и чёрный ельгхунды, норвежский лундехунд, норвежский бухунд... Но современные собаки Норвегии – за пределами нашей темы, так как они не сохранили примитивность в комплексе признаков, почему не вправе носить имя «лайка».

Лапландская (лопарская) лайка

А. А. Ширинский-Шихматов (1895, 1896) назвал её местонахождением только Кольский полуостров, «забыв» при этом, что Лапландия – это ещё и более обширные земли в пределах всех трёх стран Скандинавии. Он выделял эту *породу* во вторую (из двух) группу северных собак вместе с **самоедской и якутской лайками**. Сюда же относил также **юкагирскую, корякскую и камчатскую лаек**. Надо сказать, что эти породы, тундровые и береговые, объединяет ещё и то, что обитают они в наиболее суровой среде. Незря, одна из их особенностей – «псовина гораздо гуще и длиннее». «Все собаки этой II-й группы вообще одеты великолепно».

Отличались они от остальных лаек и по окрасам: «Количество окрасов шерсти более ограничено, чем в первой группе, причём пёстрых собак не встречается, или если они и встречаются, то как исключение. Преобладающие цвета: чисто белый, чёрный, чёрный с пепельным подшерстком и отливами (наприм., **лапландские**), но не с подпалинами, кото-

рых у собак второй группы нет; – пепельно-серый с чёрным отливом, белый с желтизной, реже тёмно-серый с желтизной».

Ранняя характеристика окрасов лаек тундры и побережий представляется нам важной. Она пригодится современным селекционерам, которые стремятся получить максимально «аборигенный», наиболее примитивный тип собак указанных геоландшафтных зон.

Но заметим, что М. Г. Дмитриева-Сулима (1911) сужает объём второй группы до трёх лаек, причём, только тундровых: **лапландской, самоедской и юракской**. О **якутских лайках** она говорит, что эти собаки «не имеют ничего общего с **самоедскими**».

Старая открытка представляет нам **лапландских лаек** того времени, которые ничем не отличаются от **самоедских лаек** (и современных **ненецких**), коим приходится предками.

Равные с людьми аборигенные **лапландские лайки** видны на фотографии начала прошлого столетия.

На ещё старшем (почти на столетие) рисунке А. А. Борисова – тоже верный товарищ саама – **лапландская лайка**, такая же как и **самоедские лайки**.

В приложении 1.1 можно ознакомиться, наверное, с первым, причём совместным, кратким описанием основных признаков **лапландской и самоедской лаек** по Ширинскому-Шихматову.

Скансен. *Лапландские собаки*. Открытка. Издатель серии Cederquists Graf. A. B. Nordiska Museets Uteslutetande. Почтовый штемпель 1913 г.

Саамы. Начало XX века. Фото Granbergs Nya Aktiebolag

Саам (С рис. худ. А. А. Борисова). Из: Литке, 1828, 1948

Большое сходство пород, а также другие значимые факты из истории народов-владельцев послужили обоснованием версии происхождения **самоедской (ненецкой) лайки** (Широкий, Широкий, 2004).

Самоеды (ненцы) общались с лопарями (лапландцами) на Европейском Севере и получили от них где-то в первой половине XIX века весьма нужную и любимую тундровую собачку. У самоедов она приобрела незначительные отличия, всё же позволяющие претендовать на звание отдельной породы (см. приложение 1. 1.)⁸

Скандинавские кинологи использовали аборигенных **собак лапландцев** для создания культурных пород: лаппхунда (шведского) и лапинкойра (финского лаппхунда). Разделение **лапландской лайки** на две породы было, скорее всего, политическим. Для этого пригодились разнообразие её окрасов.

Самоедская лайка

Совсем недавно в известном украинском кинологическом журнале, в статье о культурной зарубежной породе *самоед* опять прежнее название ненцев объясняется очень безграмотно. Что, мол, самоеды «сами едут» или «сами едят», чуть ли не сами себя... Уже даже не смешно, скорее – грустно. Обидно, что эта глупость исходит от владельца *самоедов* – надо же знать хотя бы историю названия своих собак... Сколько раз уже говорено и писано: «самоеды» – это от «самоди». Есть такая *самодийская* языковая группа северных народов. Она включает наряду с енисейскими самоедами (энцами), тавгийцами (нганасанами), юраками (восточными ненцами) и остяко-самоедами (селькупам), можно сказать, титульный народ этой группы – *самоедов* (ненцев). И все самодийцы имели (и имеют) **самоедскую лайку**, правда, по-разному её называли.

Эта *порода* нам любима особо. Может быть, ещё и потому, что мы занимались **самоедской (ненецкой) лайкой** специально. Известно – предмет какого-либо углублённого изучения часто становится близким, родным.

Благодаря чёткому своеобразие, порода довольно легко прослеживается в литературных источниках от своего первобытного предка – **собаки свайных построек** (см. выше) вплоть до наших дней. Значит, будем встречаться с этой собачкой среди советских и совре-

⁸ Полагаем, что читателю будет удобно, если все более или менее подробные описания типичных признаков пород лаек – официальные и неофициальные стандарты, и их проекты – собрать в одном месте в виде приложения к основному тексту. Легче сравнивать первые и последующие описания. И самому делать выводы о том, как со временем изменялось видение лаек кинологами. А может быть, это сами породы преобразались? Думаем, что имело место и то и другое. Впрочем, вдумчивому читателю виднее.

менных лаек. Интересно, что на протяжении своей истории порода практически не изменила своего облика. Этому есть и такое объяснение.

Тундра – среда обитания этих небольших лаек в историческое время – во многом копирует ландшафт плейстоценовой Европы, где формировался и одомашнивался их первобытный предок. Так что с момента одомашнивания и до нашего времени предки **самоедской лайки** и она сама всегда были тундровыми (ранее тундростепными) собаками. И в Центральной Европе, и потом – на Европейском Севере. Не потому ли современная **самоедская – ненецкая лайка**, скорее всего, мало отличается внешне от **торфяной собаки**? В то же время, порода за свою историю приобретала разные названия, многие из которых сохранились до сих пор. Читатель сможет убедиться в этом, просматривая описания породы в каждой из последующих глав.

Напомним, что М. Г. Дмитриева-Сулима выделяла **самоедскую лайку** в особую группу, вместе с **лапландской и лайкой юраков**. Принимаем версию того, что эти три лайки являются по сути одной тундровой породой. **Самоедской лайке** была оказана большая честь – она самолично представляла вторую группу пород лаек (к первой относились все остальные)!

Группа самоедов и юраков. Самоеды (энцы), юраки (бюенцы). Истоки реки Гольчихи. Туруханский край. 1916. Фото А. Я. Тугаринова из коллекции Красноярского краевого краеведческого музея (КККМ 5283)

Мы показывали (Широкий, Широкий, 2004), что этой породой европейского происхождения вначале владели лапландцы, а самодийцы, в т. ч. юраки, уже в XIX веке. Позаимствовать **лапландскую лайку** у соседей и назвать её своей самоедам было совсем нетрудно во время их очень близких, но не очень благородных контактов. Самоеды вытесняли конкурентов с оленьих пастбищ Кольского полуострова на запад вплоть до 1887 года, когда привели сюда с Печоры свои табуны оленей (Помишин, 1990).

Конечно же, наша тундровая лаечка далеко не сразу стала у лапландцев и самоедов **оленьей собакой**. Очевидно, скандинавы, а затем и лапландцы, использовали её для других целей. Управляться же с оленями собака стала помогать кочевникам тундры не так уж давно, где-то в середине XIX века, когда они обзавелись крупными табунами оленей.

А. А. Ширинский-Шихматов (1895, 1896) показал обширную территорию обитания **самоедской лайки**: «Распространена по всему побережью Ледовитого океана, включая Новую Землю, полуостров Ямал, Большеземельную и Малоземельную тундры; переходит затем Урал, имеется в большом количестве в Обдорске (сегодня это Салехард – Б. Ш. и О. Ш.) и по всему побережью Ледовитого океана, далее к устью р. Енисея».

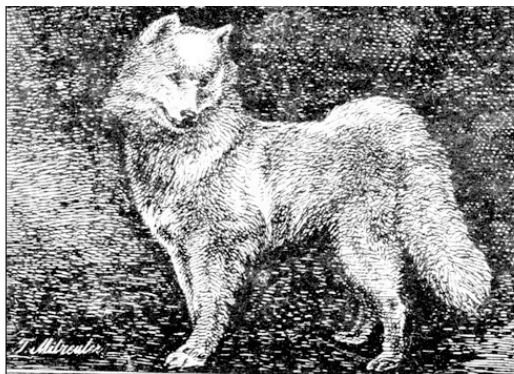
Описывалась эта порода почти одинаково, и в то отдалённое время, и в советское, и сейчас. Порода не подвергалась изменениям: **«Самоедская собака в помесях с зырянской лайкой или какой другой разновидностью энергичнее других отстаивает свою типичность»** (Дмитриева-Сулима, 1911)».

Краткие досоветские характеристики породы мы уже привели выше, где – о **колымской и лапландской лайках**. Можно добавить из того же источника сведения о некоторых проблемах с этой породой на выставках. Общее представление о внешности лаек требовало «типичной муфты и хвоста без подвеса». И своеобразие **самоедской лайки** здесь оказывало ей плохую услугу: **«Оленегонные, юракские и другие, имеющие громадные, роскошные подвесы, ... раскритикуются»**.

Что же касается этих собак как охотников, то здесь же читаем: **«Оленегонные лайки самоедов – отличные охотничьи собаки по разным зверям и птице.... Та же самоедская собака, которую можно слышать лишь воющую на берегу Ледовитого океана, попав в руки остяку или вогулу и привыкнув к лесу, начинает не только лаять, но и подлаивать всякого зверя и птицу... Что касается самоедских собак, то это даже большие любители полаять»**.

Кого из читателей интересуют эти небольшие лайки как охотники, тот пойдёт с нами в следующую главу и дальше. Пока же глянем на её кинологические портреты.

Одно из первых, досоветских изображений этой лаечки – гравюру с автографом художника мы находим у Сабанеева.

Самоедская лайка. Из: Сабанеев, 1892, 1992

Тоже старинные фотографии собак этой породы из архива Веры Губиной украшают интересную нестандартную статью А. Г. Евреинова (1996). Схожи с **ненецкими лайками** нашего завода. Читатель сможет увидеть их в главе «Современные лайки». И убедиться, что порода за свою историю практически неизменна.

Оленегонные лайки БЕЛКО И БЕЛКА князя А. А. Ширинского-Шихматова, золотая медаль, Москва 1898 г. Из: Евреинов, 1996

Следующее фото досоветской **самоедской лайки** использовано двумя авторами: Ю. А. Ливеровским и А. Г. Евреиновым. И не только.... Теперь ещё и нами... Обратим внимание на то, что подписывая иллюстрацию, авторы называют породу по-разному. Для неё это совсем обычно.

*Типичная самоедская лайка «Откуй» А. А. Ширинского-Шихматова. Из: Ливеровский, 1927. **Самоедская ездовая собака ОТКУЙ**, князя А. А. Ширинского-Шихматова, золотая медаль, Москва 1898 г. Из: Евреинов, 1996*

Из фотографий **собак самоедов** в среде их обитания одни из первых – Я. И. Лейцингера.

Мезенский самоед. Я. Лейцингер. Типы и виды Архангельской губернии. 1887 г.

Многие работы Якова Ивановича Лейцингера, благотворителя, городского головы Архангельска и «штатного фотографа», сопровождавшего в поездках губернаторов Энгельгардта и Сосновского по всей Архангельской губернии, использовались ими для изданий фотоальбомов. Интересно, что в альбоме А. П. Энгельгардта (1897) это фото подписано иначе: «*Новоземельский самоед и его хозяйство*». Так мезенский или новоземельский самоед и, соответственно, его собаки? Полагаем, что они позировали фотографу на Новой Земле, а не в Мезенской тундре. Когда на Новой Земле власти поселили самоедов, те вели там не тундровую (оленную), а береговую жизнь – завели упряжки *разных собак*, которых им доставили из Архангельска. Оттуда и пошёл известный веерный способ запряжки собак новоземельского типа (как на фото). Вот на следующей фотографии характерной «оленной» обстановки – типичная небольшая тундровая **самоедская лайка** преобладающего тогда светлого окраса.

Юрта самоедов. Я. Лейцингер. Типы и виды Архангельской губернии. 1887 г. (На фото лаечку едва видно – показываем его увеличенный фрагмент).

Собака самоедов показалась настолько интересной цивилизованным европейцам и американцам, что ещё где-то на меже XIX и XX столетий первой из лаек проложила себе путь в ряды культурных пород. Потрясающе эффектный и симпатичный белоснежный *самоед* наших дней – выдающийся результат селекции зарубежных кинологов. Эта «снежная» собака получена путём отбора на чисто белый окрас, увеличение размеров, крепости и некие другие признаки, которые, в представлении селекционеров, сделали бы *самоеда* символом Севера – фенотипически (внешне) примитивную полярную собаку. Племенным материалом для создания *самоеда* послужили **самоедские лайки**. Поэтому нелишним будет ознакомиться, возможно, с первым американским стандартом будущего *самоеда* в изложении П. Ф. Пупышева (приложение 1.2).

Современное же описание признаков этой давно уже *не нашей* северной собаки (*не лайки*) читатель легко найдёт в популярной литературе.

Известная всем собаководам Джоан Палмер (1988) заверяет, что первая пара **самоедских лаек** – родоначальников большинства *самоедов* появилась в Великобритании в 1899 году, и несколько наших тундровых собак использовал в экспедиции к Северному полюсу Фритьоф Нансен.

Говорит г-жа Палмер и о том, что 28 **самоедских лаек** помогли Амундсену первому из людей в 1911 году ступить на Южный полюс (лапа собаки – передовика упряжки всё же ступила раньше человека – Б. и О. Ш.). Тогда-то очень возросла популярность нашей породы.

Гордимся нашими собаками! Но всё ли точно в популярной великолепной книге госпожи Палмер – она же не лайковед. Обратимся за подтверждениями к другим источникам.

Hans-Joachim Swarovsky (1987) уточняет: в 1899 году парочку **самоедских лаек** из Архангельска вывез для разведения известный полярник англичанин Роберт Скотт.

В 1900 году вместе с экспедицией норвежца Карстена

Покидают «Фрам» 14 марта 1895 г. Из: Nansen, 1897

Борхгревинка (1958) в Антарктиде впервые перезимовали 90 **сибирских лаек**. Каких собак называл этот полярник сибирскими? Вполне возможно, что среди зимовщиков были и **самоедские лайки**. Известно – с началом великих полярных открытий интерес к этим собакам в Скандинавии резко возрос. А что до «сибирских», так тогда зарубежные полярники часто всех своих лающих помощников без разбору называли или **эскимосскими**, или **сибирскими**.

Как же с Амундсеном? Ивонн Перетонни-Вемьян (1992), специалист по *самоедам*, отметил в статье к журналу «Друг», что передовиком одной из упряжек удачливого покорителя Южного полюса была **самоедская лайка** по кличке Етах. В этой же статье – не совсем к теме, но любопытно: «...родоначальником французских *самоедов* стал пёс по кличке *Ш. Борис...*». Обратите внимание на то, как зовут старшего автора предложенной читателю книжки – мистика какая-то...

А вот сам Руаль Амундсен (1972; перевод с норвежского издания 1912 года) не даёт конкретного ответа о принадлежности сподвижников к той или иной породе. Хотя пишет о них с любовью и юмором. Называет то *гренландскими*, то *эскимосскими*, то *полярными*. ... Но находим у него косвенные подтверждения правоты упомянутых выше авторов.

Так вот. 97 **полярных собак** для экспедиции было доставлено из Гренландии. «В Кристиании мы приняли на борт 97 собак. Теперь число их возросло до 116, и почти все они могли быть использованы для завершающего перехода на юг». 116 минус 97, получается, что 19 собак Р. Амундсен уже имел (если речь – не о приплоде). Эти 19 могли быть **самоедскими лайками**, приобретёнными ранее, да затем расплодиться до 28-ми (по Палмер). Но интереснее следующая цитата: «...А, эти из упряжки Хансена, *одни из наших самых лучших...* Две..., похожие на сосиски на спичечных ножках, – это *Кольцо и Милиус*. Сами видите, они *небольшие, скорее даже маленькие, но зато чуть не самые выносливые у нас...* Вот лежат его (Бьоланда) любимцы – Квен, Лопарь (не от **лопарской** ли **лайки** эта кличка – Б. и О. Ш.), Пан, Горький и Йола. *Ростом невелики, но отличные собаки*».

Конец экспедиции. «Свора» Амундсена насчитывает 39 собак. 11 – побывали на полюсе. 21-ну счастливый полярник собирается передать австралийской экспедиции Дугласа Моусона. «Два брата-близнеца *Милиус и Кольцо*, любимцы Хельмора Хансена, как ни в чём не бывало, возобновили свою возню на фордеке, у левого борта, и, глядя на этих озорников, никто не сказал бы, что *они прошли во главе отряда весь путь до полюса и обратно*».

Похоже (если разбираться внимательно), что **самоедские лайки** были участниками победной экспедиции на Южный полюс. При этом, как минимум двое из них, маленькие передовики Милиус и Кольцо, может быть, *первыми из европейцев оставили на полюсе свои следы!*

Финно-карельская лайка

Описания этой лайки А. А. Ширинского-Шихматова мы не нашли, но князь отметил ареал их распространения: «Финляндия на юг по 62 шир. и западное побережье Белого моря от Кандалакской губы до реки Онеги» (1895, 1896).

Понятно, что до 1917 года в южную часть Карелии из завоёванного Российской империей в 1809 году Великого княжества Финляндского свободно проникала давно уже заводская небольшая рыжая остроушка. На своей родине она интересовала охотников по перу и получила название **финская птичья лайка**. Эта порода велась в чистоте культурными и грамотными финнами с начала XIX века – практически со времени присоединения к России (Евреинов, 1996). В Карелии и вокруг неё пришедшая **финская лайка**, конечно же, метизировалась с местными собаками. Несмотря на это, она стойко сохраняла свой прежний тип. И, как увидим ниже, стала основой *советской породы* **финно-карельской лайки** (Войлочников, Войлочникова, 1974).

Карельская и зырянская лайки

Этим *породам* посвящён первый выпуск «Альбома северных собак» А. А. Ширинского-Шихматова (1895). Очевидно, наиболее типичные, по мнению автора альбома, **карельская и зырянская лайки** изображены на его титуле (см. главу 1). А сравнительная их характеристика князем Андреем позволяет видеть облик двух разных лаек более наглядно.

«**Зырянская лайка** легка, борзовата, обладает тонкой мордой и узким черепом. Ухо очень острое, стоячее; посажено близко одно от другого... Череп **карельской лайки**, сравнительно с **зырянской**, – грубый, менее рельефный, более гладкий. Кость толще. Череп **зырянской лайки** нежнее, тоньше и уже; поверхность его изрыта многими бугорками, впадинами и полосами. Прорез глаз у **зырянской лайки** менее кос, чем у **карельской**, а самый глаз несколько меньше.

Основным преобладающим цветом типической **зырянской лайки** следует считать *чёрный с подпалинами*; **карельской** – *серый*. Ноги **зырянской лайки** одеты беднее, чем **карельской**; они суше и тоньше, причём колодка длиннее, чем у **карельской** и вся нога прямее. Грудь уже в объёме, но не спереди, где ширина её не уступит **карельской**... Цвет глаз исключительно коричневый и тёмно-коричневый. Голос у **зырянской лайки** тоньше и звучнее. Характер бега и розыска тоже разнятся в значительной степени. Если ход **зырянской лайки** можно сравнить с броском и скачкой борзой, то бег **карельской** напоминает бег тяжёлой гончей. Зрение, слух и чутьё у **зырянской лайки** развиты лучше, но она более дика, необщительна, менее злобна и вовсе не поддаётся дрессировке».

Карельская лайка. Из: Ширинский-Шихматов, 1895

Корельскую (карельскую) лайку М. Г. Дмитриева-Сулима считала лучшей породой из европейских лаек. Все три «дореволюционные» её описания (приложения 1.3—1.5) несколько по-разному представляют, в общем-то, одну собаку. К сожалению, кинолог П. Ф. Пупышев сделал некую «редакцию» двух неофициальных стандартов. Например, добавил к названию породы слова «промысловая», «зверовая», явно исходящие уже из советской классификации лаек по «специальностям». Читателю это станет понятнее, если он прочитает следующую главу, о лайках Страны советов. Здесь же покажем две фотографии **корельских лаек** из вышеназванного альбома Ширинского-Шихматова.

Не лучшие копии второго изображения использовали советские кинологи. Причём, далеко не, всегда ссылаясь на первоисточник.

***Корельская лайка.** Из: Ширинский-Шихматов, 1895. Подписи копий этой фотографии: Зверовая карельская лайка (Пупышев, 1936). Карельская лайка А. А. Ширинского-Шихматова (Вахрушев, Волков, 1945 – у них копия зеркальная)*

А вот «некинологические» цветные фото **карельской лайки**. Их оставил нам человек опередивший время в коллекции Библиотеки Конгресса – крупнейшей в мире национальной библиотеке США.

Прокудин-Горский Сергей Михайлович. Этюды на Линдозере (лайка). Карелия. 1915 г

Очень краткая характеристика **зырянской лайки**, которую советские кинологи стали называть **коми лайка**, дана Л. П. Сабанеевым ещё в 1892 году (см. выше). Он назвал эту лайку наиболее типичной. А у *первых* лайководов она обозначена *первой* среди собак, причисленных к *первой* группе. Её тоже относили к лучшим из европейских лаек. Несмотря на то, что «**зырянская лайка** не поддаётся дрессировке и не дрессируется. Охотник приравнивается к ней и идёт её следом. Лайка же с годовалого возраста сама идёт на птицу и зверя по врождённому инстинкту».

На наш взгляд, именно этот показатель примитивности собаки особенно ценен для охотника нашего Севера. В осуществлённой юношеской мечте старшего автора данного рассказа так и представлялась охота с лайкой. Идёшь себе или едешь на смирной лошади в тайге, думаешь о самом разном. Собачка показывается лишь изредка.... Но вот от праздных мыслей тебя отвлекает ожидаемый родной лай – твой верный товарищ зовёт на помощь, чтобы добыть недоступную ему живность, известную уже по тембру голоса лайки.... Жаль, что такой настоящей охоты теперь всё меньше (поговорим об этом отдельно).

Самое раннее расширенное описание признаков породы видим у Н. А. Смирнова (1936). Судя по стилю и форме текста, стандарт «дореволюционный» (приложение 1.6). А фото – опять же, из альбома Ширинского-Шихматова.

Неважные копии этих фотографий с подписями «**Зырянская лайка**» мы можем увидеть и в советских публикациях. В стиле того времени ссылки на их источник чаще отсутствуют....

На двух изображениях из альбома князя-лайковеда мы сохранили виньетки охотника-анималиста А. С. Степанова (тоже скопировали, но на автора сослались).

Зырянская лайка. Из: Ширинский-Шихматов, 1895

Зырянская лайка. Из: Ширинский-Шихматов, 1895

Зырянская лайка. Из: Ширинский-Шихматов, 1895

Река Вычегда. Фото Маркку Хаверинен. Национальный музей Финляндии Музей культур

В объективы фотографов начала 20-го века смотрели **лайки зырян** и в естественной обстановке.

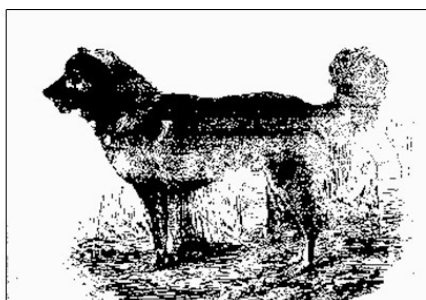
Лесная охота на Печоре. На охоте. Фото Я. Лейцингера. Из: Северный край..., 1914

Черемисская лайка

«Чистый черемисский тип лайки находится в юго-западной части Вятской губернии, в северной части Казанской губернии», – писала М. Г. Дмитриева-Сулима. И ещё: «**Черемисская лайка** – это волк в миниатюре, хвост крючком. Часто встречается пятый палец».

Как мы уже показали, Л. П. Сабанеев называл **черемисскую лайку** медвежьей. Псовистость, массивность и злобность к зверю считал отличительными качествами *породы*.

У Сабанеева мы увидели плохую репродукцию рисунка **черемисской лайки**. В советское время её назовут **марийской лайкой**.

Черемисская лайка. Из: Сабанеев, 1904

Башкирская лайка (собака башкир)

Эта собака показана А. А. Ширинским—Шихматовым на карте распространения северных собак (1895). Видно, *была* и такая порода лаек, но уже знакомый нам фотограф **остроухой собаки башкир** не запечатлел.

Башкирский пёс (Ехья). 1910 г. Фото С. М. Прокудина-Горского из коллекции Библиотеки Конгресса (Вашингтон)

Вотская (вотяцкая лайка)

Вотяцкую или **вотскую лайку** М. Г. Дмитриева-Сулима выделяла среди прочих. Она разводила собак этой породы в своём питомнике, посвятила им не одну статью, в своей книге отвела больше места, чем другим лайкам. Нам же интересны, прежде всего, исчерпывающее описание типичных признаков породы (неофициальный стандарт, для лаек – один из первых), а также фотографии **вотяцких лаек** её завода (Дмитриева-Сулима, 1911).

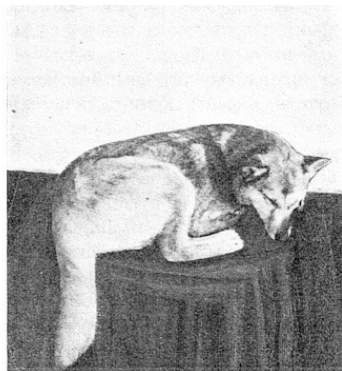
***Вотяцкая лайка «Бутя»** завода М. Г. Дм.-Сулимы. Из: Дмитриева-Сулима, 1911*

«Волчок» – Дм.-Сулимы собственного завода. Из: Дмитриева-Сулима, 1911

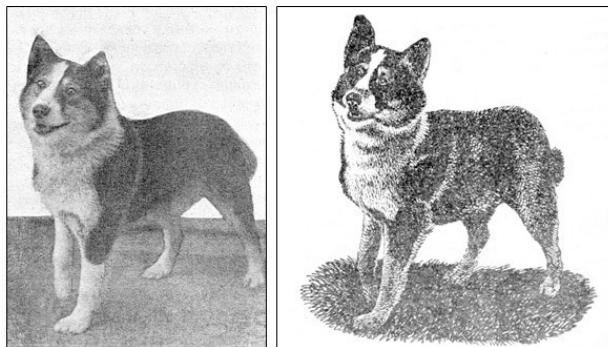
«Бегеш 2-й» завода Дм.-Сулимы, сын «Волчка», внук «Бути». Из: Дмитриева-Сулима, 1911

«Лиска», завода Дм.-Сулимы, правнучка «Волчка», праправнучка «Бути». Из: Дмитриева-Сулима, 1911

Эти четыре фотографии представляют нам в меру однотипных собак. А вот «Вотyak» (см. ниже) при первом взгляде вызывает некоторое недоумение... Исчезающее, впрочем, когда мы сравним его фото с более ранним рисунком из «Охотничьего календаря» Л. П. Сабанеева (1892). Хорошо видно, что рисунок сделан по фотографии Вотяка. Собака здесь вполне в типе изображённых выше. Но попало фото в книгу М. Г. Дмитриевой-Сулимы подправленным – уши собаки как бы обрезаны. Потому-то и смотрится Вотyak на фото не так, как **вотяцкая лайка**.

Описание породы дотошный читатель найдёт в приложении 1.7. Но и фото пяти собак дают немалое представление об этой досоветской лайке, которая «несёт обязанности службы охотничьей, сторожевой и *иногда* пастушеской».

Слева – «Вотyak» завода М. Дм.-Сулимы. Из: Дмитриева-Сулима, 1911. Справа – **Вот-ская (вотяцкая) лайка**. Рисунок из: Сабанеев, 1892

Вогульская лайка

Первенство в публикации кинологических портретов этой *породы* из группы лаек принадлежит Леониду Павловичу Сабанееву.

Вогульская лайка. Гравюра из: Сабанеев, 1892, 1992

Описания этой таёжной собаки популяризатор охоты не дал, надеясь на предстоящий выпуск «Альбома северных собак». Но князь-кинолог ограничился словами: «Эту разновидность породы я считаю наиболее древнею и наиболее чистою; она обладает самым длинным стоячим ухом, которому нет по длине равного ни у одной из других разновидностей лаек, ни у волков и ему родственных видов» и показом своих «вогулов» на выставке

Вогульская лайка Белко князя Ширинского-Шихматова, две золотые медали, Москва, 1898 г. Из: Евреинов, 1996. **Вогульская лайка Белько**, белый кобель, 5 лет 7 мес. Кн. А. А. Ширинского-Шихматова. Золотая медаль. Источник: «Альбом юбилейной выставки Императорского Общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты». Москва, 1898 г. Фото Павлова. Из: Гололобов, 2012

Вогульская лайка Белко, принадлежавшая князю, в 1898 году на юбилейной выставке Императорского общества правильной охоты была удостоена двух золотых медалей (Евреинов, 1996) – всего он выставил 27 лаек своего питомника (27 из 35-ти лаек выставки). И фотография знаменитого Белко или Белько (извини, собака, за допущенную кем-то ошибку – Б. Ш., О. Ш.) стала до сих пор неоднократно появляться в публикациях разных авторов. Надо сказать – заслуженно. Вот выдержка из отчёта единоличного судьи по отделу лаек этой выставки Юрия Ивановича Гололобова (2012):

«**I. Лайки вогульские** князя А. А. Ширинского-Шихматова. *Белько*, кобель белый 5 лет 7 мес. По своей типичности, пропорциональному и могучему сложению собака эта бесспорно лучшая из всех выставленных в Отделе охотничьих экземпляров лайки, почему считаю вполне справедливым присудить ей *приз Е. И. В. Великого Князя Александра Михайловича и золотую медаль Общества*».

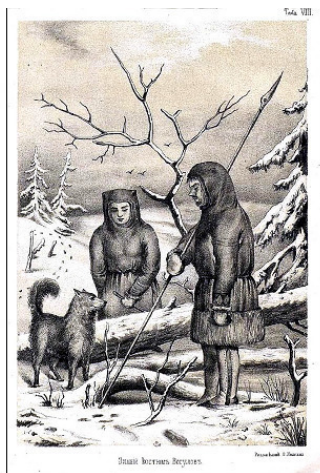
В 1936 году профессор Н. А. Смирнов (1936) писал, что экстерьер **вогульской лайки** был изучен 30—40 лет назад А. А. Ширинским-Шихматовым. Тогда она обитала на восточных склонах Урала вплоть до р. Оби, между 59° и 65° северной широты. К сожалению уважаемый Н. А. Смирнов приводит её описание, изменённое в советское время. А «дореволюционной» характеристики мы не нашли – только упоминания и изображения. Восполним при описании советских лаек.

Кроме кинологов на **лайку вогулов** обращали внимание путешественники, этнографы...

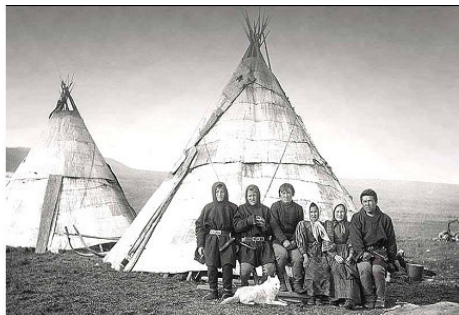
Самое раннее (до фотографий у кинологов) изображение этой северной собаки мы нашли у Н. М. Малиева. И ещё на двух старых фото, где вогульские лайки снимаются на фото вместе с их владельцами – вогулами (манси).

Два рыбака со снастями. Манси (вогулы). Фотоархив Российского этнографического музея (С.–Петербург)

Зимний костюм вогулов. Рис. на камне Э. Ивонсона. Из: Малиев, 1872

Манси, деревня Усть-Улс, Чердынский уезд Пермской губернии, начало XX века. Фото-архив Российского этнографического музея (С.–Петербург)

Остяцкая лайка

Хорошие слова о ней мы приводили выше (см. «**берёзовско-сургутская лайка**»). «Южное распространение 60 с. шир. На восток – течение реки Оби. На запад – р. Енисей. На север 65 с. шир.; по течению рр. Оби и Енисей, доходит до полярного круга», – указал А. А. Ширинский—Шихматов.

Старый стандарт *породы* цитируем из работы Н. А. Смирнова (1936). Похоже, что он досоветский (приложение 1.8). Увидим ниже, что и в советское довоенное время **остяцкая лайка** здравствовала и изучалась.

Первая «экстерьерная» фотография этой таёжной лайки – соседки **вогульской** также не раз повторялась плохими копиями в работах советских кинологов (Пупышев, 1936; Вахрушев, Волков, 1945...). Повторяется она и в наше время.

Остяцкая лайка Прелесть, серая сука, 1 год 4 мес, кн. А. А. Ширинского-Шихматова. Большая серебряная медаль. Источник: «Альбом юбилейной выставки Императорского Общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты». Москва, 1898 г. Фото Павлова. Из: Гололобов, 2012

Летняя берестяная юрта. Из: Швецов, 1888

Собак остяков в родной среде снимали этнографы.

Охотник из села Ларьяк Сургутского уезда. 1912 год. Фото Г. Дмитриева-Садовникова из: Белобородов, 2004

Каменный песок, рыболовный поселок на р. Оби, ниже Обдорска. Направо – избы рыбаков-рабочих, налево – чумы остяков, владельцев песка. 1909—1910гг. Фото из: Дунин-Горкавич, 1911

Пусть на этих фотографиях собаки не так выразительны, зато видно, что их содержали на воле, беспривязно...

Сойотская лайка

О **сойотской лайке** – только упоминания как о *породе*. Попробуем ниже проследить её уже в советской Туве, когда она станет **тувинской** (сойотов около 1930 года стали называть тувинцами).

Тунгузская лайка

Последняя из типично таёжных лаек в нашем перечне от Ширинского-Шихматова. Сложно с ней разобраться, но попытаемся.

Сложность вот в чём. Тунгузами или тунгусами в то время называли теперешних эвенков. Но не все. Встречаем также в литературе под именем тунгусов всех тунгусо-маньчжуров: эвенков, эвенгов (прежних ламутов), нанайцев (гольдов), удэгейцев (гольдов), орочей, ороков, ульчей. Так что для того, чтобы понять этническую принадлежность **тунгусской лайки**, описанной тем или иным автором, нужно знать географию исследований. А также географию указанных народов.

Тунгусы (которые теперь «эвенки») живут на обширных пространствах Средней Сибири и далее в Восточной Сибири между Якутией и Амуром до Охотского моря (Атлас СССР, 1962). Но раньше их встречали и севернее нынешнего восточного распространения. В частности, в Якутии, на Колыме... Очевидно, именно эти непревзойдённые бродячие таёжные охотники на оленях (олени для передвижений, вьючно-верховые) владели той лайкой, охотничьими качествами, которой восхищался не один исследователь Сибири.

Из монографии М. Г. Дмитриевой-Сулимы известно, что в пятидесятых годах XIX века бассейн р. Вилюй исследовал академик Маак (1877). Он впервые описал эту *породу* и был владельцем её представителя – кобелька по кличке Оллера (по-якутски «Мальчик»): «великолепная, чистокровная собака,... купил у тунгуза за довольно большую сумму».

«У них (тунгузов) я встречал собаку весьма типичной формы и очень распространённой по Сибири, а именно лисоподобной.

Она небольшого роста, с острою мордою, живого характера и бывает всевозможных цветов. Не только по форме, но часто и по цвету эти собаки имеют поразительное сходство с лисицею, так как между ними нередко встречаются особи с шерстью светло- и тёмно-рыжего цвета. Страсть к охоте у них так велика, что, напав на свежий след охотничьего зверя, они увлекаются до такой степени, что убегают от хозяина на несколько десятков вёрст и часто даже не возвращаются к нему».

Вполне достаточно лаечнику для того, чтобы видеть законченный образ **тунгусской лайки**. И в такую, казалось бы, невероятную вязкость собаки можно поверить. Особенно, если учесть совершенство тунгуса как следопыта. Как бы далеко не задержал зверя более активный партнёр из этой охотничьей пары, тунгус (да и нынешний эвенк) придёт на помощь пешком или на олене (лошади), по снегу и чёрнотропу. С уважаемым учёным Мааком не согласимся только в том, что эти лайки «часто даже не возвращаются». Не согласна здесь и М. Г. Дмитриева-Сулима: «Но никогда не бывает, чтобы собака совсем покидала хозяина».

При описании **колымской лайки** мы уже цитировали В. И. Иохельсона (1898), который отметил среди лаек Колымского округа такую же **тунгусскую лайку**. Тоже малорослую, с удлинённой остроносою мордой, почти не отличимую от лисиц (только зрачки глаз круглые).

М. Г. Дмитриева-Сулима отводит «*лисоподобной лайке – старинному коренному типу тунгусской собаки*» исключительное место среди прочих лаек: «...тунгузы... разводят и берут *универсальную, идеальную лайку*, с которой, помимо всего прочего, охотятся и на горных баранов и на птицу, а из последних на диких гусей особым способом, с особо разводимыми красными собаками».

Читая и пытаясь анализировать труды первых «интеллигентных» исследователей Сибири, приходишь к выводу, что лисоподобная **тунгусская лайка** вместе со своим напарником суперохотником тунгусом обитали практически по всей восточносибирской тайге. Их бродячий охотничий образ жизни, конечно же, способствовал совершенству всех «лаечьих» качеств собаки. Но при этом была угроза для породы в целом. Опасность, к сожалению,

реализовалась в начале 20-го века. Рассредоточенность породы на огромном пространстве, где жили и другие народы со своими лайками, не могла не сказаться при появлении разного рода «преимуществ» в жизни людей нашего Севера. Пусть даже большая, но мелкоочаговая популяция в принципе зыбкая. И **тунгусская лайка** не устояла.

Впрочем, где-то в конце шестидесятых у нашего камчатского друга Мирона Балука, трудяги-геолога и заядлого медвежатника (несколько неудобного в общении из-за порядочности и принципиальности) была маленькая лаечка – «вылитая» чёрнобурка. Да ещё и такая же сообразительная, самостоятельная и страстная охотница, как **тунгусская лайка**. Нормой бывало её длительное отсутствие в лагере. Нередко она возвращалась с добычей (заяц, куропатка...), которую выкладывала на тропе перед палаткой Мирона. Откуда взялась эта собачка, не знаем.

Рыжая лисоподобная лайка Алиса была и у геологов самой северной в Корякии Пенжинской экспедиции. Жители уже не существующего посёлка Пенжино, включая геологов (всё же, естествоиспытатели!) были убеждены в том, что Алису «нагуляла» в тундре с лисовином её мама – **корякская лайка**. Одним из подтверждений этого тундрового романа служили частые прогулки Алисы и её матери в окрестностях посёлка. Домой, бывало, они приносили куропаток.

Не удивимся же геологам-природолюбам! Если профессионал, кандидат ветеринарных наук И. Е. Изралиевич всего-навсего лет 15 назад до упомянутых случаев писал буквально следующее:

«Оспаривается до сих пор возможность получения помесей от собаки и лисицы. Между тем, *проф.* А. Н. Макаревский сообщает, что он лично видел лисособак, выведенных ветеринарным врачом Н. М. Максимовым-Марковым путём искусственного осеменения своей суки сеттера семенем, добытым из яичка убитого самца лисицы. Помеси эти, как и помеси собаки с волком и шакалом, оказались способными к размножению. Опубликованы и другие данные, подтверждающие возможность скрещивания собаки с лисицей. По опубликованным данным, помесь между рыжей лисицей и шпицем получена была в Мюнхенском геологическом саду. Помесь местной лисицы и домашней собаки описал также проф. Криг, наблюдавший это во время экспедиции в Южной Америке, и т. д.» (Изралиевич, 1994). Любопытно, но мы то с Вами, уважаемый читатель, конечно же, понимаем, что этого не может быть, «потому что не может быть никогда».

«Кинологических» фотографий *небольшой лисоподобной* собаки нигде не видно. А на снимках от землепроходцев Российской империи присутствуют иные **лайки**, как у бродячих, так и оседлых **тунгусов**.

Тунгус на промысле. Из: Материалы Баргузинской экспедиции Г. Г. Doppельмайра 1914—1915 гг., 1926

Тунгусы отправляются белковать, п. Сосновка. Материалы Баргузинской экспедиции Г. Г. Doppельмайра 1914—1915 гг., 1926

Охотник-эвенк из Катангского района Иркутской области. Предположительно начало XX века. Из архивов эксперта-кинолога Н. А. Кружкова

Случайность ли, но **тунгусские лайки**, которые смотрят на нас из далёкого прошлого, демонстрируют здесь свою породность, достаточную однотипность, гармоничность сложения и преобладание карамистых окрасов. А их владельцы, позируя фотографам, выставляют своих сотоварищей по жизни и промыслам на передний план...

Якутская лайка

В своей большой работе (первый том – около 700 стр.) о якутах В. Л. Серошевский (1896) посвятил собакам совсем немного – страниц пять. Очевидно, он не был ни охотником, ни кинологом.

Всё же заметил: «Охота за лисицами составляла всегда видное место в якутском промысле. У них до сих пор сохранилась, ими только практикуемая здесь, охота на лисиц верхом на лошади с собаками, очевидно, вывезенная из дальних степей».

Понятно, что у якутов-лошадников и тунгусов, бродивших на оленях, собаки были разные. Но некинолог В. Л. Серошевский этой разницы не видел. Он отождествлял **якутскую** «сторожевую и промысловую» **собаку** с **тунгусской лайкой**. За что и критиковался М. Г. Дмитриевой—Сулимой: **Якутская** же «промысловая и сторожевая» **собака** имеет одинакового с **тунгусской** только общие типические черты для всех лаек и резко отличается в деталях, в правах и качествах... Преимущественная масть – чёрная у **якутской собаки**,

она шире, коренастее, массивнее и тяжелее **тунгусской собаки**. Отличается более толстой мордой, мохнатой и грубой шерстью...».

Нет сомнения, что северные якуты имели свою *породу* лаек. Ведь заселяя бассейн Лены, эти лошадаики продвинулись в тундру и лесотундру – территорию непригодную для коневодства. Там нужда заставила их перейти к занятиям, традиционным для этих ландшафтов – охоте и оленеводству. А навыки нового хозяйствования и жизненно необходимых здесь собак якуты заимствовали у аборигенов.

Якутский охотник с лайкой. Из якутского журнала «Байанай»

Снаряжение и вооружение бравого промысловика позволяет предположить, что фотографировались партнёры-охотники где-то в начале прошлого века. Приблизительно тогда, когда этнографы американской экспедиции снимали якутов и их лаек.

Кинологи того времени изображений **якутских лаек** нам не оставили. Но и фото этнографов представили их не так уж плохо...

Группа якутов возле зимнего жилища, 1902. Из фотографий Северо-Тихоокеанской этнографической экспедиции Джесупа 1897—1902 гг. (Американский музей естественной истории – AMNH, Нью-Йорк)

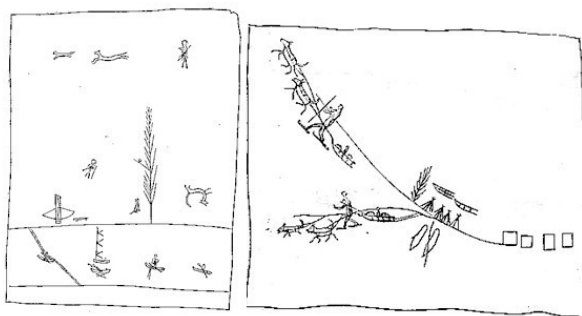
Юкагирская лайка

О прошлой жизни юкагиров и их собак интересно и вполне исчерпывающе написал историк и этнограф Владиллен Александрович Туголуков (1979; рекомендуем для люби-

телей упряжного собаководства). Сейчас представителей этого очень древнего и загадочного народа Северо-Восточной Азии осталось очень мало (около тысячи человек). Юкагиры, ранее обитавшие на Яне, Индигирке, Алазее, Колыме, Омолоне и Анадыре, к нашему времени почти полностью ассимилировались. Вначале тунгусами (эвенками), затем ламутами (эвенками), якутами и русскими. Тем не менее, **юкагирская лайка** как аборигенная *порода* существовала и в советское время (покажем ниже).

Бродячие тундровые и таёжные юкагиры в собаках не очень нуждались (разве что для разных видов охот). Они, как и тунгусы, использовали оленей. Их оленеводство также имело транспортный, а не «мясо-шкурный» характер (как, например, у ненцев или чукчей). В то же время, жители побережий крупных рек – оседлые собаководы – не смогли бы жить в этих суровейших краях без своего единственного домашнего животного. С лайками они охотились по весеннему насту на лосей и диких оленей, зимой – на белку, горностая, песца и лисицу (последних собаки ловили). Летом – промышляли линных гусей. Добывали с лайками и белого медведя. Русские служилые люди, пришедшие к юкагирам ещё в XVII столетии, увидели их лаек в упряжках. Даже р. Индигирку в ту пору часто называли «Собачья». А в XIX и начале XX вв. обилие собачьих упряжек в «стране юкагиров» поражало путешественников.

Вполне наглядно и исчерпывающе работу своих лаек изображали сами юкагиры в рисунчатых письмах на берёсте – тосах. Покажем только два из них.

Сцены рыболовства и охоты в летнее время. Выход юкагиров на весеннюю охоту по насту. Тосы. Конец XIX в. Из: Туголуков, 1979 – заимствовано у В. И. Иохельсона, 2005

Группа колымских юкагиров, кочующих на собачьих нартах. Из: Иохельсон, 2005

С наступлением XX века всё меньше оставалось оснований называть местных **собак юкагирскими** – основным носителем упряжного собаководства становились русские старожилы. Они вытеснили юкагиров, заменили их примитивную нарту и технику езды более совершенными. Собакам же лучше стали подходить такие «неэтнические» названия как

полярные, янские, индигирские, колымские лайки. «Растворились» юкагиры в других, более жизнестойких народах – эту судьбу разделили и их лайки.

Как же выглядели собаки юкагиров?

Хорошие изображения великолепных звероватых **юкагирских лаек** конца позапрошлого столетия оставил нам выдающийся этнограф Владимир Ильич Иохельсон.

***Юкагирская собака.** Из фотографий Северо-Тихоокеанской этнографической экспедиции Джесупа 1897—1902 гг. (Американский музей естественной истории – AMNH, Нью-Йорк)*

Юрта, покрытая шкурами, в верховье р. Колыма. Фото г-жи Иохельсон и В. И. Иохельсона. Из: Иохельсон, 2005

Коряцкая лайка

Или **корякская**, как подписала её фото М. Г. Дмитриева-Сулима (1911).

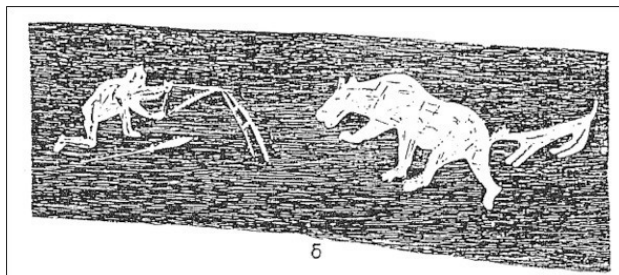
Корякская из Камчатки. «Пятно» М. Г. Дм.-Сулимы. Из: Дмитриева-Сулима, 1911

Земли коряков — в основном, северная часть Камчатки. Н. В. Слюнин (1900), наблюдая собак Камчатки, как мы уже говорили, **корякскую лайку** считал отличной от **ламутской**: «шерсть пушиста и часто очень коротка, морда длиннее, но шире, чем у **ламутской**, движения медленны. Она хорошо знает своего хозяина и никогда не станет ласкаться к постороннему, как **ездовая** или **ламутская**».

Судя по всему, доктором Слюниным описана *порода* лаек кочевых, оленных коряков (самоназвание — чауты), которые изображены на старинной гравюре. Они были в большей степени охотниками, чем оседлые коряки. Соответственно их собаки слыли хорошими партнёрами охотников-оленоводов. Незря кто-то из них показал резьбой по дереву правильную работу своей лайки по медведю.

Коряки у юрты. Гравюра 1895 г.

Кроильная доска с рисунком (длина 60 см). Из: Иохельсон, 1997

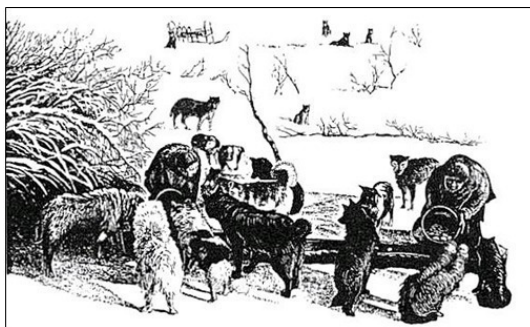
Интересно, что сошки стрелка и теперь используются тундровиками; как и копъё, которое очень удобно в ночных дежурствах.

Несомненно, что «сидячие», береговые коряки (нымылланы) тоже без собак жить не могли. И если люди по-иному себя называли, по-своему хозяйствовали, то и собаки их были отличными от оленных. Нымылламам нужно было возить рыбу, хворост, ездить в гости... Легко предположить, что их лаек Н. В. Слюнин называл просто ездовыми: «Мало отличающаяся от волка **ездовая собака** признана единогласно всеми путешественниками и исследователями происходящей от волка, и даже слывающая за прирученного волка».

Так же называл собак «сидячих» коряков В. И. Иохельсон (1997). Описывая их собаководство, исследователь даёт краткую характеристику **лайки коряков**; при этом относит её к единой породе **ездовых собак**: «Современные **ездовые собаки** (как Сибири, так и Северной Америки) принадлежат к одной и той же породе волкообразных домашних собак... Собаку в общем трудно было бы отличить от полярного волка, если бы не её малый рост (средний рост собаки у передних ног 50 – 75 см) и более разнообразная окраска. Хотя процент собак однотонного светло- и тёмно-серого цвета (аналогичный полярному волку) значителен, часто встречаются белые и чёрные животные; особенно же много пёстрых собак с белыми или чёрными пятнами на ногах, груди и боках».

Таким образом, мы видим, что разные ландшафты обитания, следовательно, и хозяйствования, приводили к тому, что люди одного народа имели разных собак. Оленные коряки – из группы тундровых лаек, оседлые – из группы береговых лаек (см. выше нашу классификацию).

Путешественник, этнограф и фотограф доктор Иохельсон запечатлел береговых лаек оседлых (береговых) **коряков**.

Кормление собак. Из: Иохельсон, 1997

Жилища коряков Фото 1900—1901гг. из: Jochelson, 1908

Что же касается версии В. И. Иохельсона о принадлежности береговых (ездовых) лаек всех северных народов к одной породе, то здесь имеет место несколько поверхностный взгляд учёного, который не был лайковедом. Его больше интересовала этнография собаководства, как часть прикладной культуры северных народов.

Да, собаки жителей побережий северных морей и крупных рек сходны – не зря же выделены в отдельную группу береговых лаек. Но и отличны настолько, что, как мы знаем, позволяет даже современным кинологам говорить здесь о нескольких породах.

Так что правильно было бы сказать, что коряки обладали двумя *породами* лаек: **чаутская** – у оленних коряков (чаутов) и **нымылланская** – у «сидячих» коряков (нымыллан).

Добавим, что потребность оседлых коряков в собаках была значительной. Этнограф В. В. Антропова (1971), ссылаясь на В. И. Иохельсона, сообщала, что в начале XX века в 79 обследованных хозяйствах коряков Пенжинской губы имелась 781 собака, т. е. в среднем по 10 собак (полноценная упряжка) на хозяйство.

Камчадалская лайка

О **собаках камчадалов (ительменов)** известно со времён открытия Камчатки, то бишь – завоевания. Данная глава как раз и начата первым непрофессиональным описанием этой *породы* лаек. Там же мы показали, как нещадно эксплуатировались командором Берингом камчадалы и их незаменимые помощники.

В 1737 – 1741 годах Камчатку практически в одиночку изучал студент Академического отряда Второй Камчатской экспедиции Степан Крашенинников. Отличаясь исключительным трудолюбием, мужеством, исполнительностью, он составил подробное и точное описание всего, что видел на экзотическом полуострове. А видел наблюдательный студент много, так как не ленился исходить и изъездить (нередко на собаках) немалые пространства этой земли. Монография Степана Петровича, первого русского академика-географа «Описание Земли Камчатки» (1755) интересна до сих пор. И нам тоже, поскольку она очень детально отвечает на вопросы: «Каковы их собаки, что к езде на них требуется и как на них ездят?». Правда, о породе – очень уж ёмко: «**Камчатские собаки** от наших дворовых простых собак ничем не разнствуют, ростом они по большей части средние, и шерсть так как наши различная, однако ж, можно вообще сказать, что там белых, чёрных и серых больше, нежели других шерстей». Зато академик одним из первых опубликовал гравюру с изображением **камчадалских лаек**.

Гравюра «Езда на собаках с бродовщиком, который дорогу показывает». Крашенинников, 1755

К подписи гравюры добавим, что бродовщик не только «дорогу показывает», но и прокладывает её снегоступами в случаях рыхлого снежного покрова (что важнее).

Здесь также уместно заметить, что с изображениями досоветских лаек вообще очень непросто. Рисунки и гравюры европейских исследователей Сибири и Дальнего Востока нам малоинтересны. Собаки на них, как правило, похожи на тех, которых авторы видели у себя дома, обычно вислоухие... Исключения редки. Например, у Крашенинникова. Он точен, использовал информативные иллюстрации – видно даже, что тогда собакам нередко купировали хвосты.

В 2010 году Крашенинников переиздан в очень презентабельном виде. Добавлено много иллюстраций, в том числе красочных. Среди них – репродукции нескольких старинных гравюр, к сожалению, часто без ссылки на автора или источник. Приведена, например, интересная нам гравюра по рисунку Уэббера, художника экспедиции Кука. И нарта ещё камчадалская, а не восточносибирская, и собаки вполне реалистичны (с учётом манеры изображения того времени).

Камчатский путешественник зимой. Гравюра на меди по рисунку Джона Уэббера. 25,5x38,2 см, 1788 г. Камчадал управляющий собачьей упряжкой. Гравюра 1785 г. (Вторая подпись из: Крашенинников, 2010)

Года через три после Крашенинникова, в 1740-м, на Камчатку прибыл учёный сподвижник Беринга Георг Вильгельм Стеллер. Он тоже уделил лайке камчадалов толику внимания: «Из прирученных камчатских животных как по давности прирученности, так и по приносимой пользе первое место должно быть отведено собакам, которые одни только и составляют целый особый класс камчатских ручных животных. Никто не может обойтись без них подобно тому, как в других местах никто не сможет жить без лошадей и крупного рогатого скота. На Камчатке существует, собственно, *только один вид собак*, ничем, впрочем, не отличающийся от русских деревенских дворняг или **черемисских и вотяцких псов** как по росту, так и по внешнему виду; между тем трудные условия их жизни, принимаемая ими пища и характер их воспитания совершенно изменили их привычки. **Камчатские собаки** бывают преимущественно троякого цвета – белого, черного и волчье-серого, при этом они очень толсты и обладают длиною шерстью. Питаются они исключительно рыбою. С весны и вплоть до поздней осени люди о них нисколько не заботятся, и они свободно бродят всюду, подстерегая на реках по целым дням рыбу, которую они умеют ловить очень проворно и ловко» (Steller, 1774; 1999).

Описание не слишком пространное. Но вывод естествоиспытателя о том, что «существует, собственно, только один вид собак», да ещё схожих на **черемисских и вотяцких лаек**, однозначно свидетельствует о благосостоянии породы **камчадалская лайка** в ту пору.

Что ж, вполне объяснимо и актуально сейчас...

Интересно Стеллер пишет о содержании **собак камчадалов**, кормлении, использовании.... При этом «проскальзывают» их породные признаки, которые использовались аборигенными селекционерами: «Чем длиннее у собак шерсть, тем дороже они ценятся. Те псы, у которых стройные ноги, длинные уши, острые морды, широкая спина, расширяющиеся книзу лапы и отличаются живостью характера, с раннего возраста намечаются и воспитываются для езды».

А *разностороннее применение* недюжинных способностей **камчадальской лайки** подтверждается следующей цитатой: «Тех собак, которые жители дрессируют для охоты на зайцев, лисиц, северных оленей, соболей и каменных баранов, часто кормят имеющимися в изобилии воронами; от этого псы приучаются к их запаху и начинают гоняться за всякою птицею и дичью. С помощью таких собак в июле сгоняют уток, гусей и лебедей, когда у тех начинают выпадать перья, на большие озера в значительном количестве». Услугами **лаек камчадалов** на охоте пользовались не так уж редкие гости привлекательного края, что подтверждает гравюра, литографированная с акварели барона Киттлица, участника кругосветного путешествия Флота Капитана Фёдора Литке.

Гравюра «Камчатские охотники» литографированная с акварели барона Киттлица. Из: Путешествие..., 1834 – 1836

Барон фон Киттлиц, комментируя своё же произведение об «охотниках на главной дороге полуострова в начале августа», говорит: «Всякий путешественник в этом краю одновременно и охотник – обитатель Камчатки никогда не уйдет из дому без охотничьего ружья».

Сюжет гравюры правдив, почти один к одному напоминает один из геологических маршрутов старшего автора нашего разговора о лайках. Как-то ему пришлось весь день, не видя солнца, пробираться зарослями травы-шеломайника, что выше всадника (как на гравюре). Встречи с медведем на их тропах, которые путник старается использовать, опасны. Хорошо, когда впереди идёт лайка. Тогда это был наш Узон (**западносибирская лайка**). Он постоянно чувствовал недалёкое присутствие чёрного зверя. Был момент, когда столкнулись с медведем. Увидели его в прыжке – но почти над собакой он резко ушёл в сторону... В таких местах лайка, которая не боится медведя, крайне необходима, особенно, когда втягиваешься в ночь – применить оружие не удастся.

С лёгкой руки естествоиспытателей Крашенинникова и Стеллера **собаки камчадалов (камчадальские или ительменские лайки)** стали известными далеко за пределами полуострова, даже в цивилизованной и уже «кинологической» зарубежной Европе. Вот как пишет о них российский учёный, немец по происхождению Густав Теодор Паули в своём

труде «Этнографическое описание народов России», рассчитанном в основном на западного читателя (Pauly, 1862).

«Разведение собак развито у камчадалов в невероятных размерах и занимает в их жизни существенно большее место, чем содержание коров и лошадей, для которых эти места более благоприятны, чем в Якутии. **Собаки камчадалов** привыкли ко всем дорожным трудностям и легко взбираются в любую гору. От природы эти собаки мало отличаются от собак русских крестьян, но камчадалы совершенно иначе их содержат, используют, дрессируют. Эти собаки известны как самые быстрые во всей Сибири, они настолько горячи, что часто вывихивают конечности, и с таким напряжением бегут в упряжке, что на шерсти выступает пот и кровь... Сила их невероятна: четыре собаки могут везти трех человек со всей поклажей 30—40 верст по плохой дороге и до 80 по хорошей».

Конечно же, «некинолог» Паули лучше знал лошадей, поэтому «перенёс» на лаек такие неприятности с конечностями, кровью и потом на шерсти. Вывихи у северных собак в дороге крайне редки. И не ведал этнограф, что собаки не потеют кожей, а излишняя влага уходит из них при перегреве через рот и высунутый язык. Это лошади бывают «в мыле», но не лайки.

Камчадал. Из: Pauly, 1862

Цветной рисунок от Паули с точностью передаёт одежду камчадала, и мы вправе рассчитывать на достаточную объективность в изображении его лаек. Похоже, что художник старался изобразить здесь тигровость в окрасе темносерой собаки. Как и уже знакомый нам (см. начало главы) художник Немировский на рисунке старшем почти на 20 лет, чем у Паули.

Камчатские собаки. Рисунок Леопольда Немировского 1844—1845гг.

Тигровость же, по мнению практически всех кинологов, – дисквалифицирующий порок для лаек всех пород. И мы сами указали на это при подготовке официального стандарта породы **камчатская лайка** (переименованной при его принятии на **камчатскую ездовую**).

Но вот что любопытно.... Когда в начале 90-х годов мы обследовали **камчатских и чукотских лаек**, то именно в самых глухих местах (где трудно встретить собаку культурной породы с типичным тигровым окрасом), попадались собаки с совершенными статьями лаек, но более или менее тигровые. Они, естественно, получали оценку «вне породы». Тигровым окрасом обладал и знаменитый семилетний передовик самой быстрой и выносливой упряжки **чукотских лаек** на гонках «Берингия – 91» (1980 км). Передовик Чэаро принадлежал Владимиру Радивиллову – победителю гонок «Берингия -92» (2040 км), охотнику и заводчику **чукотских лаек** в селе Алькатваам, очень интересному человеку. Помнится, что кто-то из детей Чэаро попал в Москву....

Такой вот совершенно открытый вопрос о тигровости лаек... Что это? Может, атавизм примитивных пород – лаек? Как у ламутских лошадей на Камчатке – их частичная тигровость довольно обычна. Хорошо бы узнать мнение учёных зоологов....

В 1863 году опять выходит немецкая «Жизнь животных Брэма». Если точен перевод в русском издании 1904 года, то явствует, что Альфред Эмунд Брэм, цитируя Г. Стеллера, **камчатских собак** относит уже к *лайкам*.

А в Иллюстрированной энциклопедии народов России (1877; всего-то 15 лет от издания Паули) **лайки камчадала** изображены художником уже современнее, хотя и с неприсущими им переразвитыми надбровными дугами.

Камчадал. Из: Иллюстрированная энциклопедия народов России, 1877

Таковыми видели лаек полуострова художники того времени, но фотографии, которые появляются лишь к завершению XIX века, объективнее.

Летом 1900 г. на Камчатку совершил путешествие последний из знатного рода Демидовых. Это был неудовлётворённый предыдущими экспедициями охотник за крупным редким зверем Елим Павлович Демидов. Итогом этой поездки стала книга Е. П. Демидова и принца Сан-Донато «A shooting trip to Kamchatka...» (1904). Эти участники камчатских охот не могли пройти мимо собак – основного домашнего животного полуострова и оставили нам шесть фотографий, где присутствуют **лайки Камчатки** того времени. О них нужно писать специально и много, но одну замечательную **камчатскую лайку** Е. П. Демидова всё же покажем.

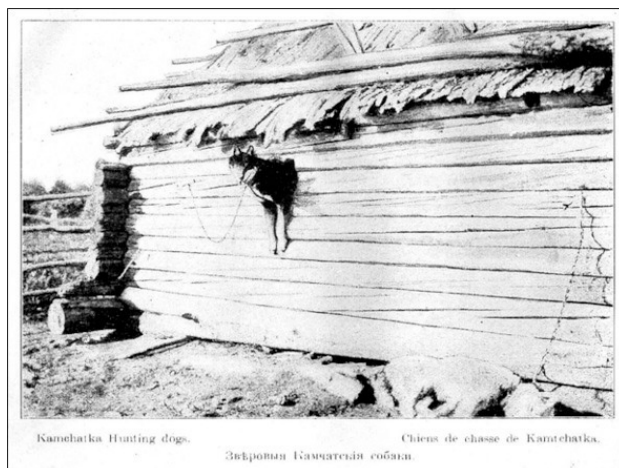
THE AUTHOR'S DOG, «КАМ» (Собака автора, «Кам»). Из: A shooting trip to Kamchatka..., 1904

Весьма породная **камчадалская лайка** – на снимке А. П. Сильницкого. Охотник из колонистов радо позирует со знатным ловцом соболя, к тому же и тягловым помощником (на собаке одет алык).

Камчатский охотник с лыжами, подбитыми нерпичьей шкурой, и соболевой собакой, стоящей 200 руб., 1901 г. Репродукция фотографии А. П. Сильницкого хранится в фотофонде Дальневосточной государственной научной библиотеки

О том, что собаки аборигенов Камчатки трудились не только в нарте, говорит фото 15-ти летнего охотника Жоржа Крамаренко. В 1918 году (на год позже рассматриваемого здесь периода) отец взял сыновей в поездку на полуостров по делам рыбного бизнеса. Жорж вёл дневник своих охот на медведей и снежных баранов, который с приложением его фотографий был опубликован. Вот его фотозагадка: каким образом одна из этих лаек, будучи на привязи, забралась в это окошко? Наверное, лайки способны и на невозможное. Об этом ещё один, весёлый снимок Жоржа.

Зверовые камчатские собаки. Из: Крамаренко, до 1922 г.

У консервного завода. Из: Крамаренко, до 1922 г.

Всё же, как-то мало внимания названные и последующее наблюдатели **камчадалских лаек** (да и других) обращали на их внешность, породные признаки. Везде и много написано о способах и технике езды, о разных конструкциях саней и т. п. Обо всём, что связано с собаками, но только не о них... Видно, в краях людей и собак – там, где собаки такая же жизненно необходимая обыденность как воздух или вода – их особо не замечаешь. А жить без собак камчадалы действительно не могли. В основном, это были оседлые рыбаки, следовательно – собаководы. Так же как и их соседи – береговые коряки-нымылланы. Очень схожие традиционные хозяйства и тех и других требовали практически одинакового использования собак, преимущественно для езды и перевозки грузов. Соответственно, при стихийном отборе собак камчадалы и нымылланы использовали схожие признаки их породности. Да и прикладная культура, включающая собаководство, как и культура вообще, имеет свойство взаимопроникновения. В результате – к приезду исследователей **лайки камчадалов и нымылланов** выглядели почти одинаково.

Камчатская почта на собаках, XIX век. Фото с иллюстрации, хранящейся в Центральном музее связи им. А. Попова

Так что **камчадалским лайкам** также вполне подходило общее описание ездовых собак данное В. И. Йохельсоном (см. выше о **коряцкой лайке**). И не потому ли уже в то время всё чаще стали говорить о *местной камчатской лайке*, а не *аборигенной камчадалской*. Тем более что уже полным ходом шли ассимиляция камчадалов и пользование их собаками пришлым из России людям – этническая привязка породы исчезала.

Наверное, читателю интересно узнать (или вспомнить) о любимой собаке Александра III Александровича Романова (1845—1894).

Император Александр III с семьей в Собственном садике Большого Гатчинского дворца

Государь не являлся исключением из «великих», тоже был охотником и располагал образцовой псарней. Но среди всех собак и людей (о чём – ниже) особой любовью Александра пользовалась именно **камчатская лайка** белого с подпалинами окраса, которую так и звали – Камчатка. Это был подарок матросов крейсера «Африка», в 1883 году вернувшихся из похода на Дальний Восток, где они посещали Камчатский полуостров (Пискунов, 2008 и др.).

Лайка Камчатка стала любимицей в семье царя (что видно на доступных фотографиях), а сам Александр насколько мог с ней не расставался, причём ночевала собака в его спальне.

Ксения Александровна с молодым Камчаткой

И надо же, умный и верный пёс погиб в 1888 году при крушении государственного поезда под Харьковом. Александр же и его близкие чудом выжили. Не мистика ли... В Украине (где следовал поезд) существует поверье о том, что собаки болеют и умирают вместо своих хозяев. Так поступил и пёс Камчатка, лежавший в вагоне у ног государя. Над могилой друга Александра III в Гатчине под окнами царской спальни поставили обелиск «Камчатка. 30.06.1883 – 7.10.1888». Государь признавался: «Разве из людей у меня есть хоть один бескорыстный друг; нет и быть не может, а пес может, и Камчатка был такой».

Обелиск «Камчатка. 30.06.1883 – 7.10.1888» в Гатчине

И ещё. Александр III получил народное прозвище Миротворец, так как не вёл ни одной войны. Кто знает, может этому способствовала его привязанность к **камчатской лайке**...

Отметим именно здесь – царский гранитный памятник собаке-другу уверенно развенчивает расхожее представление о том, что аборигенные лайки береговых жителей годятся только для тяжёлой работы в упряжке, что диковаты, не контактны с человеком, не могут жить в доме... Обелиск этот долго и хорошо будет напоминать: лайки способны на очень многое. И, отнюдь, не являются здесь исключением аборигенные собаки народов нашего Севера.

Чукская (чукотская) лайка

Эта *порода* в альбоме князя Андрея Ширинского-Шихматова (1985) упоминается как **чукская** (а не **чукотская**) лайка на карте распространения северных собак. Именно так – «**чукская**». Князь, видно, хотел подчеркнуть её принадлежность чукчам, а не всем народам Чукотки.

Если следовать современным правилам грамматики, то **собаку чукчей** следовало бы называть «**чукчанская**», но не «**чукотская**». На Чукотке жили (и живут) из народов Севера и чукчи, и эскимосы, и тунгусы (ламуты, эвены), и якуты... И все они владели разными лайками, подобно тому, как это было в Колымском округе (см. выше). Так что название «**чукот-**

ская лайка» следует использовать в смысле «**лайки Чукотки**» или «местная порода». Видно, так его и применяли исследователи в начале XX века.

Старинными изображениями и описаниями **чукотские лайки**, по сравнению с **собаками Камчатки**, заметно обделены. Чукотка в далёком прошлом была менее доступной и не такой привлекательной для иностранных гостей. И на гравюрах того времени собаки не часто присутствуют на первом плане, не всегда выразительны. Всё же, покажем, какими их видели художники среди чукчей.

Чукотская собачья упряжка. Изображение из этнографического издания середины XIX в. Из: Семенов-Тянь-Шанский, 2010

Чукчи. Из: Troisieme Voyage..., 1782

Чукчи. Цветная репродукция иллюстрации из: Реклю, 1883—1884

Фотопортрет собаки жителей досоветской Чукотки находим только в книге М. Г. Дмитриевой-Сулимы (1911). Лайка, которая сохранилась до наших дней у береговых жителей этого края. Опишем её в соответствующей главе.

Голова чукотской лайки с Анадыря. М. Г. Дм.-Сулимы

Эскимосская лайка

Считать ли **собаку эскимосов** нашей северной собакой, т. е. лайкой? Говорить ли о ней в книжке о собаках *нашего* Севера? По трём причинам выходит, что да – говорить.

Причина первая. Эскимосы со своими лайками до сих пор живут не только на Аляске, но и на нашем материке, на самом краю Чукотки. Была и возможность запросто бывать на Аляске, меньше чем полтора столетия назад.

Вторая причина. **Эскимосская лайка** пришла на Север Америки с нашего Севера, родственна нашим собакам. Так думали и В. И. Йохельсон (Jochelson, 1905), и Л. Шренк (1899), и другие исследователи Севера, в т. ч. и многие наши современники.

Третья причина. В конце 19 – начале 20 вв. многими исследователями и «покорителями» Арктики и Антарктики, прежде всего иностранцами, название «**эскимосская собака**» употреблялось для всех береговых пород северных собак. В т. ч. наших – лаек. Такое представление остаётся почти до наших дней. Например, для известного полярника и писателя француза Поля-Эмиля Виктора (1980) **эскимосская собака** и ездовая собака вообще – почти синонимы: «**Собака эскимосской породы** – лайка или маламут, бывшая до недавних пор спутником всех полярных исследователей, остаётся одной из загадок Арктики». Поэтому очень трудно разобраться – лапа какой собаки (какой породы) первой ступила на северный и южный полюсы нашей планеты (заметьте – *первой, перед ногой человека*). Может быть, и там и там передовиками упряжек были лайки, приобретённые Робертом Элвином Пири и Руалом Амундсенем на нашем Севере. Чтобы ответить на этот вопрос, требуется специальное расследование с работой в архивах полярников.

Описание **эскимосской лайки** того времени возьмём у Брэма. Ведь нет уверенности в том, что великие полярники, характеризуя собак своих упряжек, говорят конкретно об этой породе (по указанной выше третьей причине).

«Высота **эскимосской собаки** у загривка достигает 50 – 60 сантиметров, но в некоторых местностях животные эти бывают и больших размеров. От нашей овчарки она отличается тем, что походит на волка, имеет уши, торчащие вверх на всём своём протяжении, более густую шерсть, особенно пушистую зимой, и хитрое выражение лица. В наружности её проглядывает необузданный характер и любовь к свободе, которой пользоваться приходится ей, однако, только временно. Она имеет близких родственников на всём севере Старого

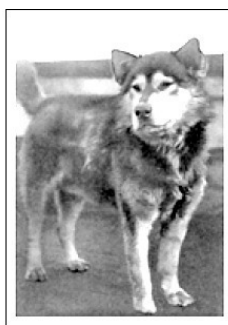
Света и употребляется как для охраны стада северных оленей, так и в качестве вьючного и упряжного животного... Хорошо упитанную **эскимосскую собаку** можно назвать красивым животным... В ней есть что-то волчье, как в телесном, так и в душевном отношении. Она до такой степени походит на полярного волка по густоте шерсти, торчащим вверх ушам, ширине черепной коробки и остроте морды, что отличить их друг от друга на некотором расстоянии просто невозможно... Кроме переноски и перевозки тяжестей, собаки помогают также на охоте, исполняют обязанности караульного, защищают своего хозяина во время опасности и оказывают ему сотни других услуг».

Чувствуется, что автору эта порода нравится, если употребляет в отношении собаки такие слова как «лицо», «красивая»...

Роберт Пири тоже очень уважал **эскимосских собак**, которые вместе с ним с третьей попытки покорили Северный полюс в 1909 году. Вот фотографии первооткрывателей...

На палубе парохода Пири разместил 246 эскимосских собак, которые выли на луну всю полярную ночь. Из: Пири, 1972

Эскимосская собака. Из: Пири, 1972

А такая красивая **эскимосская лайка** сопровождала полярные вояжи Стефансона в 1913—1916 годах.

Упряжная собака (Ганс?) на цепи. Лагерь в Walker Bay, остров Виктория. Март 1917. Из Канадского музея природы

Такой была, со временем всё более не наша, интересная *порода*, которая здравствует и ныне. Но об этом – ниже.

Мы ознакомились с аборигенными лайками, которых хотя бы упомянул лайковед А. А. Ширинский-Шихматов (1895). Теперь о лайках, тоже этнически привязанных, но уже из дополнения от Дмитриевой-Сулимы.

Киргизская лайка

«...в Сибири, в южной степной части, существуют ещё **киргизские лайки**, с которыми производится охота „псовая“. Вероятно, это *помесь* с борзой; собаки мелки, низкого роста, но злобны и легки». Некий г. Огильви (1898) встречал их по всему северному и южному склонам Тянь-Шаня.

И «подозрительна своей кровностью», и как *лайка нигде больше не упоминается*.

Юракская лайка

Упоминалась выше при описании **самоедской лайки**. Юраки – те же самоеды (ненцы), только восточные. Очевидно, это название нужно рассматривать как *синоним самоедской лайки*. Тем более что М. Г. Дмитриева-Сулима относит «белую оленеводную **лайку** выми-рающего племени **юраков**» к отдельной группе лаек вместе с **лапландской** и **самоедской**.

Лайка гольдов

Конечно же, гольды (потом – нанайцы), эти охотники и рыболовы нижнеамурской тайги исконно не обходились без своей *породы* лаек. Петроглиф, который сфотографировала Маргарита Лянге, хочется интерпретировать как лайку древнего жителя Приамурья, которую он любил и уважал, если увековечил её нелёгким способом «рисования», на очень крепкой горной породе.

Петроглифы на базальтах, порядка 9—12 и 4—5 тысяч лет. Нанайское село Сикачи-Алян. Фото Маргариты Лянге

В нашей досоветской литературе находим об этой таёжной собаке лишь упоминания. Но современный рисунок удэгейца Ивана Дункая напоминает, что известный всему миру гольд Дерсу Узала бродил по тайге с такой вот лайкой (поверим интуиции художника)...

И. Дункай. Арсеньев и Дерсу Узала

А старинные изображения **лаек гольдов** – опять у иностранцев. Заметно хорошее отношение гольдов к своим собакам.

Летний шалаш гольдов. Из: Путешествие по Амуру..., 1868

Фотографии гольдов и их лаек конца XIX века оставил нам известный американский геолог и исследователь, художник и фотограф Уильям Генри Джексон.

Фото Уильяма Генри Джексона. Университет Бригама Янга (США). Библиотека Гарольда Б. Ли. Специальные коллекции Л. Тома Пэрри. MSS 1608

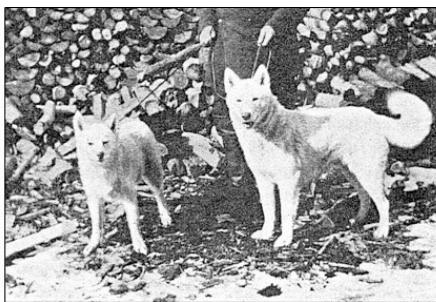
Фрагмент фото Уильяма Генри Джексона. Университет Бригама Янга (США). Библиотека Гарольда Б. Ли. Специальные коллекции Л. Тома Пэрри. MSS 1608

Наверное, только показанных здесь иллюстраций достаточно, чтобы видеть – **лайки гольдов** были хорошими разносторонними партнёрами людей дома и на промыслах (таёжном и рыболовном), не прочь были тащить нарту (и девушек покатать). Нарта, кстати, отличалась от северо-восточной и принципиально не изменилась до сих пор. Собаки тоже очень похожи на советских **нанайских лаек**, затем – сменивших их местных **амурских лаек**. Увидим в следующих главах.

Орочонская лайка

Орочонских лаек с Сахалина вела в своём питомнике М. Г. Дмитриева-Сулима. В своей монографии о лайках она приводит их фото. Но описания породы нет.

Сахалинские аборигены – это *гиляки* (теперь – нивхи) и *ороки*. Возможно, известная заводчица и тех и других называла *орочами* (**лайка** же **орочонская**). Но она ценила лаек, прежде всего, за их охотничьи качества. И резонно полагать, что охотница выбрала для своего питомника **лайку ороков** (оленных людей), в большей степени промышлявших с собакой, чем гиляки. Последние – оседлые, береговые. Их основная надобность – в собаках для езды, перевозки грузов. Впрочем, (в защиту нашего рефрена) **гиляцкие лайки**, как все наши северные собаки, тоже были незаурядными охотниками.

*Лайки орочонские, с Сахалина. «Желток» вывозной
«Беляна» рождена в питомнике М. Дм.-Сулимы. Из: Дмитриева-Сулима, 1911*

Вообще же с «орочами» хорошо бы быть повнимательней. Есть малочисленный народ орочей (примерно тысяча человек) в северной части Сихотэ-Алиня. Так же называют оленных эвенков, например, на Колыме. А в нашем случае – **орочонскими** названо *породу* аборигенных **лаек** с Сахалина...

Может быть, именно неправильное её название косвенно виновато в том, что в *последующие времена о ней ничего не слышим*.

Гиляцкая лайка

Там же, на Сахалине и в низовьях Амура, обитали прославленные **гиляцкие лайки**. В них очень нуждались береговые аборигены, пришлые купцы, чиновники..., а также разный экспедиционный люд, нередко, из дальних стран. Название этой *породы* по понятной причине не прозвучало у *интеллигентных охотников-лайковедов* Российской империи – в списке лаек, что в начале главы, она не обозначена. Но береговые собаки Сахалина в первую монографию о лайках всё же попали.

Сахалин. Собачья запряжка. Из: Дмитриева-Сулима, 1911

Мировую славу **гиляцкие лайки** заслужили за участие во всем нам известной полярной эпопее. Когда лучший из каюров Николаевска (что на Амуре) и Сахалина мордвин Дмитрий Семёнович Гирев с тридцатью местными собаками исследовал самое «белое пятно» планеты – Антарктиду. Вначале, в составе экспедиции Роберта Фолкона Скотта, который недооценил лаек и на самом ответственном этапе похода к Южному полюсу пренебрёг ими в пользу пони и мотосаней. Поэтому вместе с тремя сподвижниками не вернулся с полюса (их белую могилу нашёл Дмитрий Гирев с собаками). Затем, в геологической партии Реймонда Присли покорял антарктический вулкан Эребус.

Англичане не ленились фотографировать – в архиве Института полярных исследований им. Скотта хранится немалое количество снимков **гиляцких лаек** – участников героической экспедиции. Мы покажем лишь пять фотографий из этой уникальной коллекции. При этом корректно сошлёмся на их источник и (как везде) сохраним подлинные подписи (перевод с английского – наш).

Источник нижеследующих фото: Институт полярных исследований имени Скотта, Кембриджский университет, Великобритания. Все пять снимков – из Британской антарктической экспедиции 1910-1913 гг.

Дмитрий и некоторые из собак. Дата: 12,1912. Дмитрий Гирев стоит на льду, опершись на палку

Передовик ездовых собак Осман. Дата: 1911 год. Портрет собаки

Ездовая собака Хохол. Дата: 1911 год. Портрет собаки

Ездовая собака Бродяга. Дата: 1911 год. Портрет собаки

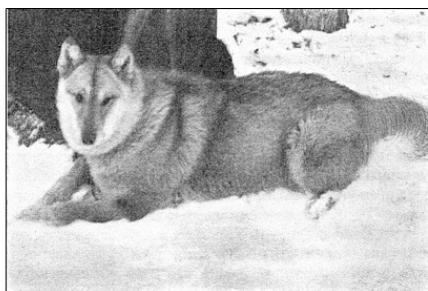
Ездовая собака Вида. Дата: 1911 год. Портрет собаки

Кинологические описания нам не известны. Но эти и другие фото англичан достаточно информативны для характеристики признаков этой интересной, довольно однотипной и своеобразной породы, для подготовки её стандарта...

Результативно **гиляцкие лайки** сотрудничали с путешественниками и в последующие десятилетия. Но всё чаще стали их называть **сахалинскими собаками**, как уже не аборигенную, а местную породу.

Ламутская лайка

Две фотографии лаек этой *породы* иллюстрируют книгу М. Г. Дмитриевой-Сулимы: Чайка её завода и Монар, вывезенный с Колымы участником экспедиции за мамонтом г. Пфизценмайером. Этот серый кобель, который «по *строению зубов* приближался к *дикой собаке*», «такой редкой кровности», считался зверовым. Он выставлся, но был «скупо оценён» – получил лишь серебряную медаль.

Ламутская (тунгусская) лайка «Чайка», завода М. Г. Дм.-Сулимы. Из: Дмитриева-Сулима, 1911

Ламутская лайка «Монар», вывезенная с Колымы г. Пфизценмайером. Из: Дмитриева-Сулима, 1911

Холодная северо-восточная Сибирь (от недавна и Центральная Камчатка) – территория ламутов, бывших охотников на диких оленей, кочевавших за ними в бескрайних просторах тайги и лесотундры. Конечно же, вместе с собаками. Ближе к нашему времени они освоили оленеводство, не столько товарное, как транспортное. Подобно тунгусам. Их нередко и называли тунгусами. Как и **ламутскую лайку – тунгусской**.

Доктор Н. В. Слюнин (1900), который исследовал Охотско-Камчатский край, говорил, что **ламутская собака** считается в этом крае лучшей промысловой и зверовой собакой. И уделил внимание её экстерьеру: «Промысловую или **ламутскую собаку**, как говорят здесь, нетрудно отличить по наружному виду: она должна иметь острую морду и уши, крупные рёбра, задние ноги короче передних». Обозначил также и другие породные признаки: Рост средний (?), шерсть короткая, морда длинная, грудные мышцы сильно развиты, ноги длинные и тонкие, характер «сангвинистический». Необыкновенно сильно развито чутьё.

«Одна из особенностей этих собак – это выразительные глаза и особые, цветной шерсти, кружки и пятна под или над глазами, что часто даёт им название „двоеглазки“. Она всегда весела, ретива, неумоима на бегу, понятлива».

Н. В. Слюнин выделял **ламутскую лайку**, отличал её от **коряцкой и ездовой**. Описал её почти как породу в современном понимании. Незря на эту собаку обратили внимание советские кинологи, когда ламуты стали эвенами, а их лайка получила название **эвенской**. Вернёмся к ним в следующей главе.

Нужно сказать, что зачатки заводского разведения лаек имели место ещё в царское время. Были известны питомники (заводы) лаек Ширинского-Шихматова, Дмитриевой-Сулимы, Подороги, Маламы. Лаяк экспонировали на выставках. В 1898 году – Юбилейная выставка Императорского общества правильной охоты (35 лаек, в т. ч. 27 – из питомника Ширинского-Шихматова). В 1906 году – III выставка Общества поощрения полевых достоинств охотничьих собак и всех видов охоты (Петербург, 22 лайки). В 1911 году – VIII выставка того же Общества (27 лаек). В 1912 году – Юбилейная выставка собак к 50-летию образования Московского общества Охоты имени Императора Александра I I. В 1913 году – X юбилейная Петербургская выставка отдела кровного собаководства (40 лаек, в т. ч. 15 **ламутских лаек** из питомника Подороги). В 1914 году – XII выставка того же отдела, где было представлено примерно столько же северных собак (Пупышев, 1936). Проводились также испытания лаек по подсадному медведю в Иркутске (в 1890 году – первые официальные, в 1894-м и в 1898 годах) и в Москве – первые испытания в 1910 году (8 лаек). Полевые испытания лаек по соболю были в 1912 году, тоже в Иркутске (Евреинов, 1996; Конькова, 2006, 2006).

Хорошо или плохо послужила судьбам аборигенных пород лаек известная революция (или переворот – и тут не обойдёшь политику)? Разберёмся в следующей главе. В любом случае эта веха очень судьбоносна как для них, так и их владельцев – небольших северных народов.

Теперь подведём итоги нашего знакомства с досоветскими лайками, о которых мы нашли хотя бы упоминания в доступных источниках.

Из 45-ти названий лаек 19 – географические, территориальные и 26 – этнические (не сомневаемся, что можно найти больше).

Напомним, что в заботе о времени и глазах читателя мы выделяем особым шрифтом названия лаек и подчёркиваем при их описаниях то, что понимали сами авторы (и мы) под такими названиями. Теперь можно вернуться назад, «пробежаться» по описаниям лаек и легко увидеть, какие из названий относилось к породам как таковым.

О 19-ти географических названиях выше мы уже сказали. Конкретных пород лаек они не обозначали. Чаще эти названия использовались как обобщающие для собак региона, местности. Также – как синонимы пород имеющих этнические наименования. Под такие «местные» имена ещё попали помеси, собаки «утерявшие кровность» или совсем не изученные. Два названия – **колымская и полярная лайки** – встретим ниже, среди советских лаек. Там разберёмся, что это такое. Остальные же – достойны истории лайководения.

Из 26-ти лаек, несущих имя народа-владельца, около 20-ти претендуют предстать перед советскими кинологами в качестве аборигенных пород (их список – в следующей главе). Остальные – к XX веку метизировались, выродились или не были изучены (может, уже не стало предмета, достойного изучения). А также оказались за пределами нашего Севера. Но они хотя бы остались в истории, в отличие от совсем не упомянутых аборигенных пород – ясно, что когда-то их было больше, чем 26.

* * *

После нашего не очень пристального анализа «дореволюционных» сведений о наших северных собаках возможны некоторые выводы.

1. Народы нашего Севера, часто малочисленные, смогли освоить свои, как нам кажется, крайне неприветливые края только вместе со своими собаками.

2. Вполне вероятно, что первоначально каждый из этих народов и даже их разные хозяйственно-культурные общности имели свою породу лайки.

3. Первые исследователи лаек не могли видеть все эти породы – многие из них уже потеряли свою чистокровность (где-то слились, где-то выродились). Причины – покорение Севера Россией, изменение традиционного образа жизни северных народов.

4. Только собак, которым первые лайководы дали этнические названия, возможно считать аборигенными породами. В случае их слияния формируются породы, которые логично называть местными.

5. Начало заводского разведения лаек было положено ещё в конце XIX столетия.

6. К советскому времени сохранилось десятка два пород наших северных собак. Большею частью – это таёжные лайки, береговых – вдвое меньше, пород тундровых лаек – единицы.

3.2. Советские довоенные лайки

*Я самый счастливый из манси,
Ни у кого нет такой лайки, как у меня!
Там, где пробежит, – обнюхает она все кустики,
Осмотрит она все веточки!
Ах, какая прекрасная лайка!*
*Из песни старого охотника-манси, записанной кинологом
М. Г. Волковым в 1937 году.*

В царской России и в советское время где-то до 30-х годов этого счастливого обладателя **мансийской лайки** называли вогулом. Соответственно и **лайка** была **вогульской**. Поэтому в довоенных публикациях встречаем старые и новые названия аборигенных народов и собак. И не только в довоенных. Дело в том, что первые послевоенные издания основаны на информации, полученной авторами перед этим катаклизмом. Например, книга известных кинологов И. И. Вахрушева и М. Г. Волкова «Охотничьи лайки» (1945). Материал большей частью довоенный, подготовлена к печати в 1944 году. Как-то даже странно, что в такое страшное время люди писали о собаках.

Впрочем, держава тогда, видимо, рассчитывала не только на охотничьи качества лаек (добытчиц «мягкого золота» – на войне нужны деньги), но и на их ратные возможности. На фронт ушли не только люди, но и десятки тысяч лаек (подробнее – когда будем говорить о способностях наших северных собак). Не потому ли в 1942 году правительство возложило на организации Заготживсырьё и Центросоюз задачу создания всесоюзной сети племенных питомников охотничье-промысловых собак. И в течение военного 1943 года было организовано около 70 государственных питомников рассчитанных более чем на 1800 племенных собак. Предпочтение отдавалось лайкам. В 25-ти питомниках они составляли значительную часть и ещё 25 – занимались только лайками (Вахрушев, Волков, 1945).

Здесь мы рассмотрим породы наших северных собак, услугами которых пользовались старожилы-аборигены, новые покорители Севера и, всё чаще, «трудящееся промысловое население» Советской страны в довоенное и военное время. А исследовали их первые советские кинологи. Известных всем нынешних заводских лаек тогда ещё не было – даже московские лаечники имели дело только с аборигенными породами.

В 1925 году князь Ширинский-Шихматов, избежавший репрессий благодаря тому, что случайно встретился с собаководом, имевшим очень большую власть, опубликовал свой отчёт судьи по отделу лаек I Всероссийской выставки собак Всекохотсоюза (1925). В отчёте кинолог указал на прискорбную, но ещё обнадеживающую ситуацию с лайками.

«На необозримых пространствах нашего Севера, к несчастью, и поныне северные собаки ведутся и размножаются без всякого участия собаководов. Пока Север находился в изолированном положении – чистота типов сохранялась стойко, т. к. в глухие места нашего Севера посторонняя кровь, если и проникала – то лишь как случайное явление, быстро погашавшееся могучим притоком чистой крови...

С натиском же культуры и все большей и большей эксплуатации богатств Севера (увы, во многих местах ныне лишь бывших), – благодаря переселению малоземельных в Сибирь и отчасти междоусобной войне, – в местности, прежде забаррикадированные от посторонних нашествий, стала проникать все чаще, дальше и глубже посторонняя кровь всякого собачьего сброда, в результате чего чистая кровь стала засоряться и гаснуть, а на выставках – появляются все исключительно одни помеси и ублюдки. Несомненно, и сейчас еще можно выбрать на местах чистые породистые экземпляры, но дело в том, что вывозят собак из защитных, благодаря своей отдаленности и плохим путям сообщения, глухих местностей,

люди, в подавляющем большинстве случаев в деле собаководства неграмотные и не знакомые с породами собак».

В этом интересном и познавательном для нас отчёте лайковед говорит и о том как «спасти северную собаку». Свои рекомендации он предварил словами актуальными и сегодня.

«Быстро вымирает инородец Сибири – за ним уходит и его верная, не взыскательная, часто голодавшая со своим хозяином, собака, не раз согревавшая в студеные зимы своим телом детей инородца. Пора, наконец, не только писать, не только вздыхать, а, читая написанное, действовать – дабы спасти как гибнущего инородца, так и его спутника – необходимую ему северную собаку».

Под конец того же 1925 года на I Кинологическом съезде Союзохотцентра были выработаны и утверждены первые стандарты **зырянской, карельской, вогульской, остяцкой, вотской (вотяцкой) лаек** (Стандарты..., 1932). Можно сказать, что именно это событие стало началом советского лайководства. Как видим, за дело взялись кинологи-охотники. Об этом свидетельствует и выбор собак. Все пять первично признанных пород – таёжные лайки, от которых владельцы ожидают, прежде всего, помощи в охотничьем промысле.

Обложка: Стандарты..., 1932

Таким собакам посвящена, наверное, первая советская лайковедческая монография (скромно названа автором брошюрой) Юрия Ливеровского «Лайки и охота с ними» (1927). Это и подобное название книжек в последующие годы и до сих пор неоднократно повторялось разными авторами. И основной их объём отдавался собственно охоте с нашими собаками, их содержанию... Породы же освещались на удивление кратко. А у Ливеровского – полезное нам исключение.

Юрий Алексеевич – географ, геолог, почвовед, Заслуженный деятель науки РСФСР. Нам же он интересен как охотник и кинолог. Охотник он из тех образованных творческих любителей природы, которые и к собаке относились не иначе как к другу.

До чего же верно, можно сказать – буквально, автор передаёт в стихах, посвящённых лайке, и наше к ней отношение! Не говоря уже о том, что старшему автору нашего рассказа приходилось в молодые годы сплавляться на плоту по реке Ток, которую как раз «сбрасывает Становой хребет», упомянутый поэтом лаечником.

Кружит резкий ветер
Желтых листьев стайку,
На озерных плесах
Шорохи дождей.
Молодость с тобою
Проходила, лайка,
Навсегда осталась
Радость этих дней.

Мы прошли по тундрам
С аргишем оленей,
Сполохи над нами
Разливали свет,
Вьючными тропами
По тайге, где в пене
Сбрасывает реки
Становой хребет.
Высились над нами
В узких падах скалы,
Инеем светилась бурая трава.
И будили лая звонкие кристаллы
Тихие лесные острова.
Первые снежинки холодны и сухи,
Принесет их ночью ветер штормовой.
Ночью мне приснится
Друг мой остроухий —
Молодость и счастье
Жизни кочевой!

Эти стихи опубликованы в поэтическом сборнике Юрия Алексеевича «Предзимки» (Ливеровский, 1984). Также и в книге его брата Алексея «Охотничье братство» (Ливеровский, 2003). «Молодое пристрастие к лайкам Юрий сохранил до конца своих дней», – говорит здесь о брате Алексей Алексеевич, профессор, писатель и тоже охотник с лайками.

Братья Ливеровские в Лебяжьем у дома отца перед выходом на Лубановское озеро. 1926 г. Из: Ливеровский А., 1991

Так вот, стандарты лаек, принятые в 1925 году почему-то не были опубликованы, и в кинологической книжке своей молодости Юрий Ливеровский ещё не решается дать лайкам статусы отдельных пород. И это – после его же веского резона: «Если существование многочисленных пород легавых имеет свои основания, *тем больше оснований* для существования хотя бы основных разновидностей лаек и для ведения этой породы по разновидностям».

По поводу перспектив лайководства Юрий Ливеровский оптимистичен: «В настоящее время положение меняется к лучшему. В связи с изменившимся подходом к охотничьему хозяйству – признанием государственного значения охотничьего промысла, – меняется

и отношение к лайке государственных и общественных организаций. При этих организациях уже существуют питомники лаек. Лайка, более ценная для тысяч северных промышленников, чем корова и лошадь, вероятно, скоро будет охвачена плановой работой научно-зоотехнических организаций наравне с другими домашними животными. Наряду с этим в охотничьих организациях тоже намечаются благоприятные симптомы. IV Съезд уполномоченных Всекохотсоюза постановляет перенести в собаководстве центр тяжести работы Всекохотсоюза на лайку. Наконец, такая мощная организация, как Уралохотсоюз, уделяет лайке преимущественное внимание. Кое-где, даже в чисто-любительских районах, объединяются спортсмены любители лайки».

А как же! Обнищавшая вследствие братоубийственной бойни страна видит, что лайки – это «мягкое золото», что «лайка обслуживает обитателей севера как ездовое животное» (техники на огромных бездорожных пространствах не было), что «оленоводство без оленьей лайки невозможно». И даже работу немецких овчарок Юрий Ливеровский предлагает лайкам: «То что лайка до сих пор не использована у нас в качестве материала для создания нашей „служебно-розыскной собаки“ объясняется косностью и нелепой предубежденностью против лайки, еще не изжитой нами».

У Ливеровского детально описаны «североевропейские собаки»: **зырянская, финно-карельская, карельская, лопарская, самоедская лайки**. И географически близкая к ним уже «сибирская собака» – **вогульская лайка**. **Остяцкая** и собаки более отдалённые от Европейского Севера СССР – только упоминаются.

Через 4 года о североевропейских лайках (**самоедской, зырянской, карельской** и помесях) отнюдь немногословно рассказали А. Эмке и М. Пальгунов (1931).

Лайкам обитателей тайги отдано предпочтение в книге кинолога П. Ф. Пупышева «Северные промысловые собаки» (1936). Как и Юрия Ливеровского это издание – большая редкость и достали нам их полные копии Алёна и Миша – нестандартные и очень обязательные дети нашего друга, известного колымского геолога и тоже лаечника Адолия Ливача. Наряду с любопытными сведениями о довоенном лайководстве в книге приведены «описания наиболее интересных разновидностей лаек, большинство которых используется для охотничьих целей»: **вогульской, карельской, зырянской, остяцкой, ненецкой, лапландской и уральской**.

Что же касается кинологической работы с лайками, то П. Ф. Пупышев сообщает следующее: «Работа по вопросам, связанным с изучением и культивированием северной собаки, довольно регулярно началась вестись, примерно, с 1925—1926 гг. в специально организованных подсекциях лаек при секциях кровного собаководства промыслово-кооперативных товариществ охотников. Наиболее сильными из таких объединений оказались СКС: Свердловская, Ленинградская и Московская. В них вырабатывались правила полевых проб лаек, схемы обмеров и индивидуальные карточки для обследования собак на местах». В конце 1928 года «была организована при Всекохотсоюзе Центральная секция промысловой северной собаки, привлекавшая представителей целого ряда наркоматов, заинтересованных в данной породе, а также отдельных научных работников по зоотехнике и ветеринарии. Внимание к лайке стало заметно повышаться...».

Довоенным экспертам-лаечникам (тогда они назывались судьями) не позавидуешь. В основные центры племенной работы с лайками – Москва, Ленинград, Свердловск – попадали собаки с огромных пространств Союза. Естественно, без родословных документов, без обозначения породности. Просто лайки... Должных однозначных стандартов пород не было. Да и обнародованы они только в 1932 году. Судьи на выставках понимали лаек очень по-разному. От представления, что всё их многообразие – разновидности одной породы, до чёткого видения немалого числа отдельных аборигенных пород лаек, несущих имя своего владельца – конкретного северного народа. Последнее понимание наших северных собак тре-

бовало немалых знаний, опыта и соответствующих умственных усилий на выставках. Таким был один из авторитетнейших знатоков лаек, уже советский кинолог, князь А. А. Ширинский-Шихматов, судья на первых довоенных выставках охотничьих собак. Свидетельством этому – его отчёт о лайках (их было 12) I Всероссийской выставки собак Всеохотсоюза, который мы цитировали в начале главы. А вот П. Ф. Пупышев (1936), ассистент князя на выставках, был благодарен ему за «ценные указания» и тоже опубликовал фрагменты упомянутого отчёта, всё же в дальнейшем судил лаек как одну породу. При этом в 1928 году предложил делать на выставках «разбивку всех подлежащих экспертизе собак на две группы: 1-я – охотничьих (зверовых и промысловых) и 2-я – неохотничьих (ездовых и оленегонных)». Этот почин стал применяться на большинстве выставок. *Что немало способствовало постепенному забытию наработок лайководов по аборигенным породам лаек.*

Как периодически у нас бывает, время было непростое. Вскоре после гражданской войны советская власть вплотную занялась заброшенным и разрушенным хозяйством страны. Его восстановление требовало тотальной мобилизации трудовых ресурсов. Всё реже стало звучать слово «граждане» – его незаметно подменяют такие новообразования как «трудящиеся», «советские трудящиеся», «строители светлого будущего»... На фоне добровольного и принудительного труда на государство меняется отношение и к лайкам – наиболее *производительным* из собак. Это уже не напарники, исконные товарищи по непростой жизни людей Севера, а *орудие*, способное повысить производительность труда полярника, оленевода, охотника-промысловика. «Лайка – неотъемлемая часть инвентаря таёжного охотника» – так назван один из разделов книги В. В. Рябова (1939). Вот как! *Часть инвентаря.* В числе капканов, ружей, лыж, сапог... Всё-таки хорошо, что собаки не увлекаются чтением...

Может быть, тогда так писать было *нужно* (как поэтам, ставить обязательный «паровоз» перед искренними стихами). Мы же благодарны этому знающему и опытному кинологу за его дела – в своих работах он полагал необходимым сохранить аборигенных лаек. Что же до уважения достоинства собаки, так и трудящихся подобным не жаловали.

Власти требовали труда, производительности. Лайки стали нужны для освоения обширных территорий (где в то время не поедешь и не повезёшь, кроме как на собаках), для добычи «мягкого золота», для увеличения стад домашних оленей и, даже, для грядущих воен....

Вот как обеспокоен в 1927 году о военной собаке В. Языков, автор пособия для красноармейцев.

Обложка: Языков, 1927

«Поэтому пришлось подумать о собственной русской породе, стойкой и вполне приспособленной для работы в наших условиях. Из русских пород, оказалось, можно остановиться на кавказских овчарках и на **северных лайках**. На далеких окраинах севера наши

лайки, выносливые и подвижные собаки, несут успешно и издавна целый ряд работ: они и сторожа, и охотники, и прекрасно ходят в упряжке» (Языков, 1927).

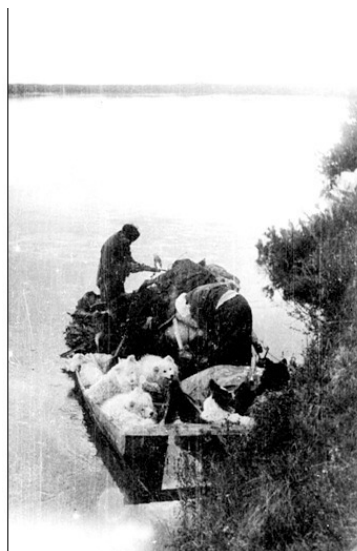
Сибирские лайки в запряжке. Из: Языков, 1927

Всплеск государственного внимания к северным собакам дал результаты, которые мы оцениваем сейчас неоднозначно.

Поскольку лайки были изучены совсем недостаточно, финансировались работы направленные на их обследование. Прежде всего, с точки зрения значимости северных собак в хозяйстве страны. Особенно интересна государству была пушнина – заграница платила золотой валютой. Поэтому подавляющее количество кинологических экспедиций пришлось на таёжные районы. С 1929-го и до конца 30-х годов проведён целый ряд экспедиций Уралохотсоюза, ОСОВИАХИМА, Всесоюзного института животноводства, Арктического института, НИИ полярного земледелия, животноводства и промыслового хозяйства и других организаций. К сожалению, при обследовании лаек в таких экспедициях, включающих и местные выводки, собак оценивали на соответствие общим признакам лайки. Были, конечно, хорошие исключения.

Несмотря на государственное финансирование таких работ, выполнение их в то время требовало настоящего подвижничества. Взять хотя бы экспедицию кинолога и охотоведа М. Г. Волкова в 1937—1939 годах, предложенную Наркомземом РСФСР (с 1927 года этот комиссариат занимался охотничьими собаками).

Старший автор этих строк знает о ней почти из первых уст. В начале 90-х ему посчастливилось чаевать в небольшом особнячке подмосковного посёлка Ильинское с вдовой Михаила Георгиевича. Будучи его соратницей в «лаечьих» делах, Вера Васильевна сохранила интереснейшее для нас, лаечников наследие мужа: дневники, фотографии, публикации.... Вместе с воспоминаниями Веры Васильевны эти документы обрисовали всю сложность экспедиции (на нынешний взгляд, не имевшей шансов на успех).

*Питомник **ненецких лаек** переезжает на новое место. Камчатка, 1938 год. Фото из архива авторов – подарено В. В. Волковой*

М. Г. Волков изучал **ненецких лаек** полуострова Ямал и острова Белый, отобрал там 23 племенные собаки, перевёз их по рекам, суше и морю за 13000 км на Камчатку, организовал там и на Чукотке питомники этой породы. Интересно, что в пути с весны 1938-го до Нового 1939 года поголовье этого передвижного питомника удвоилось.

Вере Васильевне с трудом удалось рассказать об этой «одиссее» мужа в альманахе «Охотничьи просторы», озаглавив повествование знаковым названием «Забытая экспедиция» (Волкова, 1997).

Получая подобным образом информацию о надёжных помощниках тружеников нашего Севера, советская власть находила целесообразным иметь для собак некое подобие классификатора людских профессий. «Преступно в пролетарском государстве кормить для забавы тысячи собак!» – был лозунг для собаководов того времени (Конькова, 2006). В развитие всеобщего призыва – «Кто не работает, тот не ест!»

И наших северных собак делили по производственному принципу, отбросив естественные классификации как «ненаучные». А «научную» разработали в Ленинграде, в Арктическом институте (Стандарты лаек СССР, 1936) – появились четыре производственные группы лаек: ездовые, зверовые, промысловые и оленные.

Как будто, очень логично. Особенно для специализированных культурных пород. Но в последующем эта классификация критиковалась кинологами как искусственная, условная (Шерешевский, 1965; Войлочников, Войлочникова, 1982, 1992 и др.). И это понятно. Неясно только, почему до сих пор практически во всей литературе о лайках повторяется примерно одно и то же: «Все многочисленные породы и разновидности лаек делятся по своему хозяйственному использованию на три основные производственные группы: *ездовые* (транспортные), *оленегонные* (пастушьи) и *охотничьи* (промысловые) лайки» (Вахрушев, Волков, 1945). Принципиального отличия от предыдущей классификации здесь нет. Но не было и нет критики. В то же время читаем тут же: «*В некоторых районах Севера лайки охотничьей группы используются как ездовые собаки, так же, как оленегонные и ездовые лайки используются как охотничьи собаки. Вообще охотничий инстинкт и у оленегонных, и особенно у ездовых лаек развит в высокой степени*». О том же – в дневниках соавтора цитируемой книги, непосредственно изучавшего популяцию **ненецких лаек** полуострова Ямал в 30-х годах. М. Г. Волков писал, что ненцы считают лучшими, «первыми» собак-«промышленников». Это «очень быстрые собаки, весьма нестомчивые, способные поймать за день

трёх песцов, хорошо ловят водоплавающую птицу и вместе с этим отлично работают по оленям, не грызут телят». А та собака, что «олений гонит очень хорошо», но посредственна в качестве охотника, у ненцев-оленоводов числится лишь на втором месте (Волкова, 1997).

Во всём этом видны странные противоречия. Знакомясь с предвоенными работами о лайках, приходишь к выводу, что тон в их изучении задавали не столько кинологи, сколько зоотехники. Например, «крупнейший зоотехник северных районов» С. В. Керцелли (1926, 1931).

Так почему же, классифицируя аборигенных лаек, т. е. собак ПРИМИТИВНЫХ пород, учёные зоотехники подразделяли их по производственному признаку, по «специальностям»? И профессор Н. А. Смирнов (1936), и Я. К. Верещагин (1936), и И. И. Соколов (1933, 1939), и другие их коллеги (следом и кинологи). Ведь кому-кому, а зоотехникам лучше всех известно, что *примитивные породы домашних животных как раз тем и отличаются от культурных, что не имеют специализации по продуктивности*.

В первой главе мы обещали поговорить шире о примитивных породах вообще. Об их преимуществах, которые мы забываем, всё реже востребуем.

Например, лошади. Культурные породы: чистокровная *верховая* – она для скачек, орловский *рысак* – рысак и есть, владимирский *тяжеловоз* – возить тяжести, *будённовская* – похоже, что для войны.... И названия пород соответствующие, обозначающие специализацию. Так же, как оправданы названия специализированных культурных пород собак: русская псовая *борзая*, англорусская *гончая*, *ягдтерьер*, подголянская *овчарка* и т. д.). А вот примитивные породы лошадей: монгольская, якутская, ламутская, гуцульская, алтайская.... В названиях пород нет и намёка на специализацию. Эти лошади в меру хороши и под седло, и под вьюки, и в телегу (сани), и в соху, и для кумыса, и для мяса.... Ещё они лучшие для охотника с лайкой, особенно ламутская лошадь камчатских эвенов.

Камчатская лошадь зимой. Камчатка. 1924. Новая шведская Камчатская экспедиция (1924—1927). Фотоколлекция 0946 Карла Sjöblom.

Нам хорошо знакомы эти «ламутки» – кони непризнанной породы. Очень примитивные: небольшие, преимущественно «диких» мастей (обычно с тёмным ремнём вдоль хребта, нередко «крылатость» на лопатках и предплечьях), зимой лохматые как медведи, живут в лесу отдельными табунками, в снегах копытят на хвощах. Несмотря на вольный образ жизни, они легко объезжаются, очень послушны, сообразительны. Эти лошади хорошо запоминают дорогу – с охоты можно возвращаться затемно, доверившись такому спутнику. Обойдёт топкое место, с вьюками не пойдёт напролом между близко стоящими стволами деревьев (будто бы чувствует свои габариты вместе с поклажей). Приходилось охотиться по чёрной тропе на уже побелевших зайцев верхом на ламутском жеребчике, не спешиваясь; перевозить добытого медведя (не шарахается от запаха «чёрного зверя»). Разве можно забывать таких лошадей?

Подобное – и с коровами. Чем примитивнее они, чем ближе к турам – своим предкам, тем более разносторонни в использовании. Серая украинская порода, напоминающая тура размерами и мастью – сохранилась ли она. Одновременно было: молоко, говядина и волы, на которых пахали землю, а чумаки путешествовали в Крым за солью. Так что негоже зоотехникам обзывать примитивные породы *малопродуктивными*. Ясно, что культурные породы крупного рогатого скота молочной или мясной специализации дадут больше соответствующих продуктов (при сложном и дорогом уходе). Но общая продуктивность примитивных пород, плюс неприхотливость, стойкость к заболеваниям и пр., может быть далеко не малой.

Это характерно для всех домашних животных. Возможны многие примеры, хоть куры, голуби и даже слоны.

Но вернёмся к нашим лайкам. Напомним, что профессор Н. А. Смирнов в «естественном определении понятия „лайка“, установленном в согласии с требованиями зоотехники», заявлял, что под этим именем «подразумеваем примитивных (в большинстве случаев совершенно) пород собак...» (см. первую главу).

Так что, если наши северные собаки такие примитивные, то важно классифицировать их соответственно. И правильно называть. Наверное, по этническому или, хотя бы, по географическому признаку. Как это делали первые лайковеды.

Хорошо ли название для **камчатской лайки**, которое она получила от племенной комиссии Российской федерации служебного собаководства в 1992 году? Предложенный нами стандарт породы комиссия оставила без изменений, а вот название... На лайку – примитивную местную породу был распространён тот же принцип классификации и именования собак, что и для культурных специализированных пород. И лайка жителей Камчатки была названа **камчатской ездовой** (по аналогии с «московской сторожевой», «русской гончей»...). Здесь слово «ездовая» указывает на специализацию, которой нет и не может быть у примитивной породы. Мало того, оно ограничивает её использование, следовательно, само выживание. Породы домашних животных существуют, пока нужны людям. А процветают, когда востребованы людьми разных занятий в разных местах мира. Для этого «породу собак надо уметь выигрышно представить». Это слова кандидата биологических наук, эксперта Всероссийской категории Алексея Николаевича Кузеева (Конькова, 2006) и, можно сказать, наши. Далеко не каждый возьмёт собаку для охоты, или как спасателя, как спутника в прогулках на природе, или просто как товарища, породная принадлежность которой обозначена словом «ездовая». А ведь **камчатская лайка** способна на всё перечисленное и более. Как и **ненецкая лайка** (которую называют **оленегонной собакой**, тоже принося этим вред породе). Как и все наши северные собаки.

Лайки отличаются от пород, значительно изменённых селекционером в сторону специализации, именно её отсутствием, универсальной продуктивностью. Она то и способствует использованию породы (часто и конкретной собаки) очень разносторонне. Обследуя собачьи упряжки на Камчатке, мы наблюдали примеры подобного.

Нередко в упряжках две-три собаки используются как охотничьи. Причём, они не представляют какую-то иную породу, по всем статьям – те же **камчатские лайки**. Мало того, обычно это родственники других собак упряжки. Один эвен из пос. Эссо такого охотника при езде не впрягает – тот бегаёт вблизи упряжки, в которой работает его брат-однопомётник. А весёлый охотник Пётр Бурдаков из Манил вообще участвовал в гонках «Берингия-92» на собаках, большая часть которых применялась на промысле, и работа в упряжке была для них делом новым. Эта упряжка (из 10-ти заявленных собак – семь **камчатских лаек**, одна **западносибирская лайка** и две – просто собаки) прошла бы нормально все 2044 км трассы гонок, если бы не их каюр, которого мы называли «Главным охотником Берингии». Беззаботный Пётр хитрил, по пути, в редких сёлах подменял отдельных своих собак чужими. Думал,

что мы – судьи гонок – этого не заметим. Пришлось снять с гонок Петра и его упряжку уже на 427-м километре трассы. Зато он подарил всем нам и себе занятное приключение.

Вначале каюру Бурдакову не хотелось покидать компанию, и он шёл вместе со всеми вне зачёта. Но на общем отдыхе в посёлке Палана – столице Корякии (641 км) жизнерадостному Пете пришло в голову тайно уйти далеко вперёд по трассе гонок. В этом свободном беге он покорил ещё без малого 1000 км, «сшибая» в попутных сёлах почести «лидеру» гонок, в т. ч. благосклонность девушек. Затем, под давлением начальства гонок свернул домой в родные Манилы. Общий километраж весёлого спортивного вояжа этой упряжки *то ли охотничьих, то ли ездовых камчатских лаек* охотника-каюра Петра Бурдакова несколько превысил протяжённость самых престижных гонок «Айдитарод». Правда, дорога Петра и его собак не была так хорошо подготовлена к езде, как на Аляске.

Всё это мы пишем для того, чтобы убедить читателя в неправомерности «советского» видения пород лаек как рабочих животных предназначенной продуктивности. Причём, официально оформленных производственной классификацией и названиями по специальности. Мол, «нехорошо, когда торты печёт сапожник, а сапоги начнёт тачать пирожник». Примерно так. Лайкам же ближе: «Талантливый – талантливый во всём». Но продолжение этой темы пока отложим и вернёмся к довоенным лайкам.

Недочёты первых «Стандартов промыслово-охотничьих собак» (1925), а также неприятие кинологами породной классификации лаек Н. А. Смирнова (1936) стимулировали необходимость усовершенствования стандартов – основных инструментов племенной работы.

В 1939 году Всесоюзное кинологическое совещание приняло пять временных стандартов лаек: **финно-карельской, карельской, коми (зырянской), хантейской (остяцкой) и мансийской (вогульской)**. Здесь вновь появилась досоветская **финно-карельская лайка**, но куда-то подевалась **вотская (вотяцкая)**. А зырян, остяков и вогулов уже называли коми, ханты и манси – соответственно переименовали их собак.

Всего пять пород...? Но в это же время опубликована «**Эвенкийская лайка** и охота с ней» (1939) одного из ведущих кинологов В. В. Рябова (выше мы его уже цитировали). Выделяя **эвенкийскую лайку**, автор утверждает: «Бесспорно наличие в пределах Советского Союза целого ряда разновидностей лайки, которые, несмотря на непосредственное соседство друг с другом, до последнего времени сохранили свои характерные этнографические черты – **коми-лайка и манси (вогульская), карельская и лопарская** и т. д.». Упоминает В. В. Рябов и **ненецкую лайку**, изображает её на рисунке. Так что были и другие «неофициальные» аборигенные породы.

Основываясь на сведениях, полученных до войны, и большом кинологическом «периферийном» (что особенно важно) опыте, И. И. Вахрушев и М. Г. Волков (1945) информировали любителей лаек о том, что «основными и более изученными породами лаек в Советском Союзе считаются: лайки охотничьей группы – **карельские, коми, мансийские, хантейские**; оленегонные лайки – **ненецкие**; ездовые лайки – **Камчатки, Колымы и Приамурья** (читай – **камчатские, колымские и амурские лайки** – Б. и О. Ш.). Кроме того, встречаются разновидности лаек ещё мало известные, мало изученные, как-то: **монгольская промысловая собака, енисейская ездовая, эвенкийская промысловая** и др.».

Несмотря на то, что в довоенные годы были кинологически обследованы многие районы нашего Севера, не все из досоветских лаек попали в сферу изучения. Наверное, этому помешала война. Таким образом, мы не сможем рассмотреть в данной главе несколько аборигенных пород, с которыми снова встретимся в послевоенной литературе. Тем не менее, приведём по результатам предыдущей главы следующий список ожидаемых советских лаек для их обсуждения и сравнения с «дореволюционными» предками.

Добавим сюда по Вахрушеву, Волкову (1945) и Волкову (1974) названия лаек, которые не упоминались (?) «до революции»: **амурская, монгольская, енисейская, удэгейская**. Да ещё **уральская лайка** (Пупышев, 1936).

В скобках – обновлённые названия пород.

ТУНДРОВЫЕ ЛАЙКИ

лапландская (лопарская)

самоедская (ненецкая)

ТАЁЖНЫЕ ЛАЙКИ

финно-корельская (финно-карельская)

корельская (карельская)

зырянская (коми-лайка)

черемисская (марийская)

вотяцкая (вотская)

вогульская (мансийская, маньсийская)

остяцкая (хантейская)

сойотская (тувинская)

монгольская

тунгусская (эвенкийская)

якутская

ламутская (эвенская)

лайка гольдов (нанайская)

удэгейская

уральская

амурская

БЕРЕГОВЫЕ ЛАЙКИ

юкагирская

гиляцкая (лайка нивхов)

коряцкая

камчадальская (камчатская)

чукотская

эскимосская

енисейская

колымская

полярная

Прежде, чем приступим к описаниям довоенных лаек, постараемся ответить на вопрос внимательного читателя, наверное, давно созревший. Какая, мол, разница в названиях групп лаек: оленегонные или тундровые, охотничьи или таёжные, ездовые или береговые? Первые и привычнее и понятнее.

Так то оно так, но повторяем: называть породы лаек и их группы по преимущественному, наиболее бросающемуся в глаза применению неверно принципиально и вредно для них.

Ну не виновата **ненецкая лайка кочевника тундры** в том, что кинолог из Москвы, посетивший стойбище оленеводов, видит только её работу с оленьим стадом. А что, без-оленный житель тундры (есть и такие) обходится без собаки? Или приобретает непонятно где собаку иной породы?

Лайка таёжника-промысловика, например **хантейская**, о которой в городе говорят только как об охотничьей, используется на промысле не так уж продолжительно. Охотни-

чий сезон короток, а для собаки ещё короче – при больших снегах промысловик переходит на капканы, самолёвы. Большую часть года промысловик и его собака заняты разными другими делами. Благо, что лайки на многое способны.

Аналогично и *оседлый житель побережья* запрягает свою **лайку**, хотя бы **камчатскую**, только зимой. До глубокого снега ходит с ней на соболя, летом она на рыбалке.... Да мало ли для чего пригодится хорошая собака.

Не такие уж большие отличия между названными группами пород, видные только лаечникам и лайковедам, нельзя объяснить способом эксплуатации этих *примитивных* домашних животных. Пока породы не заводские, они формируются при помощи самой природы, ландшафта. Во всяком случае, здесь превалируют естественные факторы, стремление самой популяции (породы) быть под стать среде обитания. Почти так же, как у недалёкого предка – волка. Отличие в том, что среда обитания аборигенной лайки включает человека, ведущего традиционный образ жизни, опять же, согласный с ландшафтом.

Выше мы говорили, отметим и тут, о видной всем разнице между волками, жившими и живущими в разных ландшафтах. «Специальность» у всех одна – охотник. А как отличается полярный волк от, скажем, степного! Заметнее, чем у пород лаек.

Не становится туловище собаки более вытянутым оттого, что её родители, деды и прадеды тянули сани. А «сидячий» абориген побережья никогда не занимался селекцией направленной на изменение собаки, которая не зря устраивала его во все давно прошедшие времена.

Теоретические, умозрительные представления о том, что пропорции аборигенных лаек (и не только пропорции) зависят от выполняемой ими работы из поколения в поколения, не выдерживают критики. Они основаны всего лишь на том, что, вроде бы, так должно быть. И на соответствующих очень субъективных промерах собак, которые со временем многими кинологами были отвергнуты как не дающие должного результата (Войлочников, Войлочникова, 1982; Власов, Камерницкий, Медведева, 1990 и др.). Ниже мы расскажем и о своих малоудачных пробах такого метода изучения лаек. И, где можно, будем подчёркивать универсальность всех без исключения аборигенных лаек (тундровых, таёжных и береговых).

Описание довоенных пород начнём с небольших собак нашей тундры и лесотундры.

Лапландская (лопарская) лайка

В довоенное время эту *породу* кочевников тундры и лесотундры называли **лопарской лайкой**, **лопарской оленней собакой**. Совмещённое описание признаков этой породы и **самоедской (ненецкой) лайки** дал один из первых советских кинологов князь А. А. Ширинский-Шихматов (см. приложение 1.9). Кроме того, профессор Н. А. Смирнов (1936) перевёл и опубликовал стандарт **лопарской лайки**, составленный норвежскими кинологами (приложение 1.10). Кинолог П. Ф. Пупышев (1936) писал, что эта тундровая собачка сосредоточена преимущественно на Кольском полуострове, и *применяют её как охотничью*. Показал он и её фото.

Лапландская лайка. Из: Пупышев, 1936

Жители Скандинавии до середины сороковых годов **лапландскую лайку** воспринимали ещё как единую аборигенную породу, и общались с нею преимущественно саамы (лапландцы). Ведь стандарты для её разделения на две породы и заводского разведения шведского и финского лаппхундов были приняты только в 1944—45 годах.

Отличий между аборигенными **лапландской и самоедской (ненецкой) лайками** мы не видим. И в окрасах шерсти тоже. Эти старые фотографии говорят, что они были разные: белые, серые, чёрные, чёрно-подпалые...

Северные саамы или лапландцы. Семья в традиционных костюмах и собака из Финляндии. Подпись фото: «Lappalaisperhe. Lappfamilj». Опубликовано Jäljennös Kielletty в 1936 году, Хельсинки

Саамы. Фото периода 1935—1942 гг. Норвежский краеведческий музей «Nord Troms Museum» в Тромсё

В послевоенный период **лапландская лайка** вошла уже в виде вышеназванных шведского и финского лаппхундов, становилась всё более культурной, в большинстве своём теряла ряд признаков примитивности (оставаясь примитивной преимущественно внешне), всё меньше оставалось у неё оснований называться лайкой.

Самоедская (ненецкая) лайка

Эта *порода* очень близка к предыдущей (см. приложение 1.9), что в пользу версии о заимствовании самоедами небольшой тундровой лайки у лапландцев. Не удивительно поэтому, что Н. А. Смирнов (1936) считал именно норвежский стандарт **лопарской оленей собаки** (приложение 1.10) более подходящим «к чистопородным представителям её как с Кольского полуострова, так и из тундр севера Европы и западной Азии до Ямала включительно». А это — западная часть географии типичной **самоедской лайки**. Вся же территория

распространения **лопарской и самоедской лаек** – это «районы собачьего оленеводства – от Норвегии до нижнего Енисея на севере» (по Смирнову).

Любопытно сообщение Н. А. Смирнова о том, что в 1924-м или 1925 году он видел на выставке в Москве собаку, по внешности оленнюю, но вывезенную из *Саян*. Факт одиночный, а всё же привлекает наше внимание. Дело в том, что предки самоедов – самодийские оленеводческие племена пришли на Север на рубеже 1-го и 2-го тысячелетий из *Саянского нагорья*. В оленней собаке они тогда не нуждались – оленей имели немного, выючно-верховых (Василевский, Левин, 1951; Хомич, 1976; Помишин, 1990 и др.). Мы то полагали, что **лайка самоедов** – от лопарей (Широкий, Широкий, 2004). В связи с указанным фактом, не берём своих слов обратно, но всё же задумываемся...

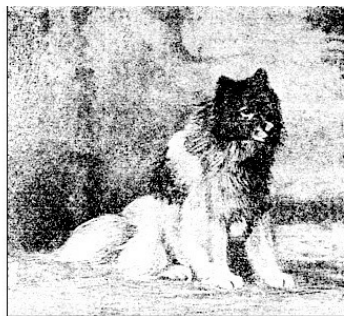
Довоенные изображения **ненецкой лайки** убеждают нас в том, что каких-либо принципиальных изменений порода к этому времени не приобрела. Предлагаем и читателю увериться в этом, глядя на старые фотографии. Обратим внимание на разные названия породы даже у одного автора.

Самоедская лайка. Из: Эмке, Пальгунов, 1931

Оленегонные лайки. Из: Пупышев, 1936

Ненецкая лайка. Из: Пупышев, 1936

География породы расширялась на восток за Енисей двояко: естественно и искусственно.

У самых «серьёзных» оленеводов – самоедов (ненцев) эту лаечку научились использовать тавгийцы (нганасаны) Таймыра. А также оленные остяки (ханты), вогулы (манси), долганы. Этнограф А. А. Попов (1936) писал о долганах и их помощниках: «Большую помощь пастухам оказывают **тавгийские оленные собаки**. Маленькие, коротконогие, по преимуществу совершенно белые, они напоминают песцов... Оленные собаки обычно покупаются у тавгийцев и ценятся очень дорого, хорошие из них обмениваются даже за два оленя при стоимости одного оленя в 25—30 руб.».

А искусственным путём в 30-х годах **ненецкая лайка** проникла до Камчатки и Чукотки включительно. Произошло это благодаря инициативе государства и энтузиазму любителей и знатоков этой интересной породы (таких как М. Г. Волков с его экспедицией «Ямал – Камчатка», о которой немного сказано выше).

*Два фото **ненецких лаек**, вывезенных М. Г. Волковым с Ямала на Камчатку в 1938 году, подарила нам его вдова Вера Васильевна*

У северных кочевников, в т. ч. у новых владельцев, порода стихийно разводилась в чистоте и консервативно. Оленеводам она пришлась по душе практически в том виде, какой её «сделала» природа. У этой лайки – стойкий инстинкт поиска и преследования зверя, сочетающийся с контактностью, желанием угодить лидеру (хозяину). Со стороны северного оленя – инстинктивное стремление к своему стаду от любой опасности (в т. ч. от собаки). Такие природные факторы позволяют использовать **ненецкую лайку** в оленеводческой работе почти без обучения. При этом, её небольшие размеры тоже оказались кстати – загрызть оленя ей не по силам.

Вспомним ещё о том, что оленеводы – это охотники «похлеще» промысловиков-таёжников. Тундровики кочуют со своим стадом круглый год. Их охотничий сезон – *всегда*, к тому же, в больших разнообразных угодьях. И тот же охотничий инстинкт, что необходим при работе с оленями, отнюдь не помеха малому энергичному товарищу охотника-оленевода. Всюду они вместе: у стада, на охоте, во время кочёвки, дома, в гостях...

Небольшая, внешне и характером привлекательная собачка европейского происхождения завоевала, таким образом, всю обширную зону тундры и лесотундры Евразии со всеми её оленеводами и охотниками. И впрямь – «от моря до моря», а если точно – от Атлантики до Пацифики. Позавидует любой из великих властителей!

Это в пределах нашей географии. Что же до удачного общения **самоедских лаек** с зарубежными полярниками и создателями культурного *самоеда* – вспоминали в предыдущей главе.

Семья самоеда (с. Колва). Большеземельная тундра. С ориг. худ. Модорова Ф. А. Почтовая карточка. Художественное издательское акционерное общество АХР. «Геокартпром». Москва

Триединство оленеводов, оленей и **оленной собаки** показал известный художник-живописец Ф. А. Модоров (1890—1967). По впечатлениям поездки в Коми край в 1925 году Фёдор Александрович в стиле социалистического реализма (но похоже на икону) изобразил семью самоеда, в составе которой и наша **самоедская (ненецкая) лайка**.

Поскольку самоедская (ненецкая) лайка приглянулась многим оленным народам, а также кинологам, понятны многие синонимы названия породы довоенного времени, как литературные, так и народные. Попробуем перечислить, не ручаясь за полноту: оленная лайка (собака), самоедская собака, самоедская оленная лайка (собака), тавгийская лайка (собака), тавгийская оленная собака, ненецкая собака, ненецкая оленегонная лайка (собака), ненецкая пастушья лайка (собака), оленегонная лайка (собака), пастушья собака тундровой зоны, оленегонка, табунка...

Теперь, в порядке с запада на восток — о лайках жителей тайги.

Финно-карельская лайка

Финно-карельская лайка. Из: Вахрушев, Волков, 1945

Как она появилась в Карелии, мы уже показали.

Довоенные стандарты **финской и финно-карельской лаек** (приложения 1.11, 1.12), несмотря на разницу изложения породных признаков и непринципиальные отличия по сути декоративного толку, недвусмысленно описывают практически одну *породу*.

В Советской Карелии племенная работа с лайками ещё не велась, но с начала 30-х годов собаки, в целом сохранившие тип заводской **финской лайки**, появились в Ленинграде. Здесь кинологи старались разводить их в названном типе, хоть именовали лайку **финно-карельской** (Войлочников, Войлочникова, 1974). Нужно же было как-то отличать её от ставшей уже заграничной **финской лайки**.

Карельская лайка

Сопоставляя досоветские (приложения 1.3—1.5) и советский довоенный стандарты (приложение 1.13) **карельской лайки**, можем отметить ощутимые отличия. Собака стала меньше, потеряла былую мощь, несколько утратила от своего волкообразия.

Кинологи И. И. Вахрушев и М. Г. Волков (1945) объяснили такое изменение *породы* метизацией старой **карельской лайки** с более мелкими лайками Карелии, в т. ч. с **финно-карельской**. «Старый же тип крупной, сильной, несколько тяжёлой зверовой лайки Карелии встречается лишь единицами». Этому способствовало изменение экономики края, по которому пролегла железная дорога Ленинград – Петрозаводск – Мурманск.

Тем не менее, читаем у П. Ф. Пупышева (1936): «Промысловая **карельская лайка** на местах очень ценится как хорошая мелочница, но в то же время из них нередко вырабатываются дельные зверовые собаки».

Что же до фотографий этой лайки, то в публикациях, которые только что цитировались, использованы ретушированные их копии из альбома Ширинского-Шихматова (см. предыдущую главу). За исключением плохонького фото, которое, за неимением лучшего, мы, всё-таки, покажем.

Карельская лайка Пойко А. Н. Пономарёва. Из: Вахрушев, Волков, 1945

Нужно сказать, что с 1936 года финский Кеннел-клуб занимается заводским разведением карельской медвежьей собаки. Наши учёные кинологи (Войлочников, Войлочникова, 1982 и др.) полагают, что исходным материалом для создания этой лайковидной культурной породы служили лайки Карелии.

Зырянская (коми) лайка

Субъективизма в кинологии не избежать. Всё же, видно, что оба довоенные стандарты, неофициальный по Ливеровскому и принятый Всесоюзным кинологическим совещанием, имеют в виду одну и ту же *породу* лайки (приложения 1.14 и 1.15).

А вот досоветское описание типичных признаков старой **зырянской лайки** по Гембергу представляло нам иную собаку (приложение 1.6). Как и в предыдущем случае с **карельской лайкой** – более крупную, волкообразную. Таковую, как в альбоме Ширинского-Шихматова (см. предыдущую главу). Фото её и других **зырянских лаек** повторено в трёх изданиях: Эмке, Пальгунов, 1931; Пупышев, 1936; Вахрушев, Волков, 1945.

Авторы двух последних публикаций, опять же, объясняют преобразование старой **зырянской лайки** её метизацией, определённой деградацией. Одной из причин общения **зырянской лайки** с другими собаками за пределами её «чистокровной» концентрации

у зырян (в границах Коми АССР) была её популярность. Благодаря выдающимся рабочим качествам, эта лайка востребовалась охотниками-промысловиками всего «русского Севера». Где «вследствие отсутствия зоотехнических знаний в массе охотпромыслового населения» о должной племенной работе с породой не могло быть и речи.

Зырянская лайка. Из: Ливеровский, 1927 (Эта же собака удостоилась обложки – Б. и О. Ш.)

Похоже, прав был профессор (Смирнов, 1936), когда обратил особое внимание на последнюю фразу описания старой **зырянской лайки** по Гембергу: «Имеется и другая форма, дегенерирующая, более слабого сложения, хуже одетая, разнообразной окраски». Н. А. Смирнов справедливо считал, что «последующие исследователи не нашли уже настоящей **зырянской лайки** в чистом виде, и под современной **зырянской** должно понимать по преимуществу эту «другую форму».

Довоенное состояние породы хорошо знал П. Ф. Пупышев (1936), имевший большую судейскую практику на выставках крупных охотничьих центров, а также опыт полевой работы. Среди лаек ленинградских выставок преобладали **зырянские**.

Ярким их представителем П. Ф. Пупышев считал жёлто-серого кобеля Хессу Г. А. Ливеровского (постоянное первенство и золотые медали). Здесь заметим, что П. Ф. Пупышев, очевидно, называл Юрия Ливеровского Георгием (что бывает нередко).

Вот как пишет о собаке брата Юрия Алексей Ливеровский (2003). «Хессу регулярно занимал первые места на выставках. Профиль этой собаки послужил моделью для круглой печати Общества кровного собаководства. И по работе это была отличная собака – правда, ярко выраженная „мелочница“: белка, глухарь, куница, норка. Медведя боялась панически». Занятный пример того, что собака часто бывает похожей на хозяина – оба знамениты! Что же до медведя, то, наверное, и Юрий его боялся... Остаётся добавить, что это фото Хессу было использовано в более раннем издании, в 1931 году (Эмке, Пальгунов). Но подпись под иллюстрацией следующая: «*Карело-зырянская лайка*». Такой—вот кинологический субъективизм...

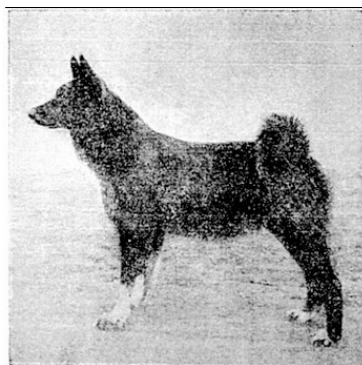
«Хессу» Г. А. Ливеровского. Из: Пупышев, 1936

Вошла в историю и собака Гудя. На Московских полевых пробах по мелкому пушному зверю и птице в 1932 и 1934 годах она была награждена дипломами 2-й и 1-й степени. Она тоже «побывала» в двух книжках (у Пупышева и у Вахрушева с Волковым).

Коми (зырянская) лайка Гудя М. И. Любимова (Дмитров Московской обл.). Из: Вахрушев, Волков, 1945

На этих же полевых пробах в 1934 году показала работу на высший диплом (I степени) Пулька А. А. Чумакова.

«Пулька» А. А. Чумакова. Из: Пупышев, 1936

Пулька на 2 балла опередила Гудю. П. В. Пупышев приводит её фото, не указывая на принадлежность к породе. Но и так понятно, что это **зырянская лайка**.

Оценивали охотничьи качества собак на этих пробах очень авторитетные судьи И. И. Вахрушев, М. Г. Волков – уже известные читателю; и Людмила Владимировна Ушакова, о которой позднее поговорим особо.

Некоторое преобразование облика **зырянской лайки** к советскому времени, в т. ч. уменьшение её размеров и крепости, не умалило её полевых достоинств.

«Хорошая **зырянская лайка** по своим природным охотничьим качествам стоит очень высоко. Обладая прекрасным чутьём, очень широким, осмысленным поиском и быстрым, лёгким ходом, она незаменима как прекрасная мелочница, но сплошь и рядом из неё вырабатывается и хорошая зверовая собака.

Свою злобность **зырянская лайка** проявляет не безрассудно, а только при надобности, на охоте, в общежитии же она очень миролюбива и хорошо усваивает домашнюю дрессировку» (Пупышев, 1936).

Славная собака! Но не могла же эта порода полностью влиться в **русско-европейскую лайку**, учитывая жёсткий диктат её придуманного стандарта (диктат скуластости, однооб-

разного окраса...) ... Не могли все собаки и на войне погибнуть, несмотря на то, что очень многие **зырянские (коми) лайки** воевали... Расскажут ли нам в следующей главе о судьбе этой породы послевоенные кинологи?

Черемисская (марийская) лайка

У А. А. Браунера (1928) прежнее название этих лаек ещё сохранилось. Они у него – «дворовые **собаки черемисов** Вятской губернии».

Новое имя – **марийская лайка** *порода* получила уже после безумства гражданской войны. Но официального стандарта не удостоилась. И вообще, не нашли мы её описания. А лайка у марийцев была ещё долгое время. Об этом говорят её новое название, встречающееся в охотничьей литературе, а также публикации, посвящённые промысловым собакам территории, где живут марийцы (междуречье Вятки и Ветлуги). Например, статьи с названиями «Лайки Вятко-Ветлужского края» (Лобачёв, 1929), «О промысловой собаке одного из районов Нижегородского края» (Новиков, 1931). К сожалению, это статьи старого журнала «Охотник», которого мы не имеем. Зато, о **марийской лайке** писал кинолог В. В. Рябов, даже в 60-е годы (1963). Так что мы должны увидеть эту породу среди послевоенных лаек.

Вотяцкая (вотская) лайка

Напомним, что в 1925 году Кинологический съезд Союзохотцентра утвердил её стандарт вместе со стандартами четырёх других лаек. Т. е. **вотяцкая лайка** была официально признана как *порода*. Казалось бы, ей открылась прямая дорога в наше время. Были у вотяков (удмуртов) собаки – о них упоминали и после войны и даже называли **удмуртскими лайками** (Настольная книга охотника-спортсмена, 1956). Был также основной инструмент племенной работы – официальный стандарт породы. Но что-то у кинологов того времени не заладилось с одной из лучших таёжных лаек. Не прозвучала она сколь-нибудь полновесно в кинологической литературе – одни лишь упоминания. И советского стандарта 1925 года мы не сумели обнаружить, чтобы сравнить с описанием М. Г. Дмитриевой-Сулимы (приложение 1.7).

Вогульская (мансийская) лайка

Эта *порода* была признана официальными охотничьими инстанциями в 1925-м и в 1939-м годах. Ей следует уделить пристальное внимание, так как **вогульская лайка** в основных своих характеристиках существует и ныне. Правда, в виде типа наиболее популярной заводской **западносибирской лайки**, желательного для многих лаечников (подробнее – ниже).

Стандарта 1925 года мы не нашли. Заинтересованных читателей отсылаем к Гололобову К. Е. (2012). Константин Евгеньевич, кинолог и охотник из Владивостока опубликовал его в табличной форме. Важна и интересна эта монография ещё и тем, что автор очень точно и скрупулёзно сравнивает все известные описания породных признаков **вогульской (мансийской) и остяцкой (хантыйской) лаек**, а также даёт сравнительный анализ этих пород. Труд непростой, но нужный – кому-то надо было это сделать. Жаль, тираж небольшой, но нам удалось книгу приобрести.

Описание **вогульской лайки** оставил нам Юрий Ливеровский (1927; приложение 1.16). Указал он и на относительную сохранность породы. «В настоящее время (как свидетельствует и Швецов, обследовавший коренные местообитания **вогульской лайки**), несмотря на сильное скрещивание **вогульской собаки** с **зырянскими**, все же коренная **вогульская лайка** сохранилась (Кроме охотничьей лайки, у вогулов есть еще оленегонные собаки. Они очень мелки ростом (величиной со шпица). Влияние их на смежные охотничьи отродья не распространяется.)».

Эта цитата попутно затронула тему **самоедской (ненецкой) лайки**, владели которой и оленные вогулы. Но мы об этом уже писали...

В приложениях 1.16, 1.17, 1.18 имеем три последовательные во времени описания признаков **вогульской (мансийской) лайки**. Они демонстрируют в целом одинаковое видение породы разными лайковедами, что свидетельствует о её чёткой индивидуальности (насколько это возможно для аборигенной лайки). Некоторое недоразумение вызывает характеристика окрасов собак, обозначенная двумя первыми неофициальными стандартами. Почему-то они акцентируют пегие окрасы, не самые типичные для ПРИМИТИВНЫХ аборигенных лаек. «Порода **маньсийских лаек** является очень древней и в то же время сравнительно мало подвергавшейся селекционному отбору со стороны человека, что выразилось в отсутствии у неё признаков одомашнения (сохранились длинная морда, косой разрез век, мощные зубы, дифференцированный шерстный покров и т. д.)», – писали И. И. Вахрушев М. Г. Волков (1945). В этом смысле стандарт 1939 года представляется нам объективнее. Тем более, что, в отличие от предыдущих, описывает собаку поменьше. Лайки вообще – это некрупные собаки, и не является исключением эта интересная таёжная **вогульская лайка**.

Вогульская лайка – кобель. Из: Пупышев, 1936. Вогульская лайка – кобель. Из: Гололобов, 2012

Вогульская лайка – сука. Из: Пупышев, 1936. Вогульская лайка А. А. Ширинского-Шихматова. Из: Вахрушев, Волков, 1945. Лайка вогульская. Из: Гололобов, 2012

Отметилась эта лайка и на суперобложке «Стандартов..., 1932», которую мы показали в начале главы.

Маньсийская (вогульская) лайка чемпион Урчала И. И. Вахрушева (Москва), экспонат Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1940 -1941 гг. Из: Вахрушев, Волков, 1945

Изображениями **лайка вогулов (манси)** не обижена.

У собак – почти как у людей. Большинство остаётся безвестным. Некоторые же увековечены памятниками, кто-то – фотографиями в печатных изданиях... Нередко изображения лаек кочуют во всё новые публикации, чем продлевают память и информацию о той или иной породе. Это хорошо, так как книги тоже стареют, становятся недоступными из-за их редкости. Вот и мы показываем читателю фото из старых книжек – пойди-найди их теперь.

Бывает, что видим фото конкретной собаки, с её кличкой, с указанием титулов, владельца... Интересно, что иногда, благодаря знаменитой собаке, и имя владельца становится известным, попадает в историю.

Фото собаки, зеркальное изображение которой украсило обложку редкой книги, подарила нам В. В. Волкова в мае 1996 года в посёлке Ильинское Раменского района Подмосквья. Текст, что на обратной стороне, показываем полностью.

Охотпромысловая лайка Бобик (он же – Атлым, Гераська). Вывезен М. Г. Волковым из Остяко-Вогульского национального округа в июне 1938 года. На выставках – первые «отлично», золотые медали, первые призы. Снимался в кинофильме «Воздушная почта». Фото из архива авторов – подарено В. В. Волковой

Остяцкая (хантейская) лайка

Восточная соседка предыдущей **вогульской лайки**. Она также была до войны дважды *официально признана*. И тоже до сих пор угадывается в **западносибирской лайке**, в собаках более крепкого сложения.

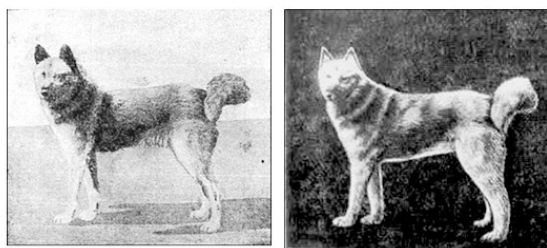
Дореволюционное описание признаков **остяцкой лайки** (приложение 1.8) и советские, в т. ч. стандарт 1939 года (приложения 1.19 и 1.20) имеют некоторые отличия. Обнаружить их наблюдательному читателю не составит труда. Особенно заметно то, что старое описание представляет очень богато одетую собаку, «напоминающую **лопарскую лайку**». Хотя последующие стандарты показывают как раз обратное: шерсть **вогульской (маньсийской) лайки** длиннее, чем **остяцкой (хантейской)**. Вполне возможно, что господин Гемберг

отнёс к основному типу **остяцкой лайки** тех собак, которых встречал на северной периферии области её распространения. Там, где соприкасались ареалы **остяцкой и самоедской (ненецкой) лаек**.

Несоответствия старых и более новых описаний пород. Что это? Разное видение, понимание лаек? Или так они изменялись с уже заметным уходом в прошлое традиционного уклада жизни аборигенов нашего Севера? Думаем, что, как нередко бывает, ответ где-то посередине.

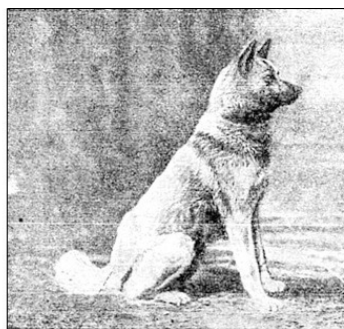
До войны **хантэ (остяцкая лайка)** лучше всего сохранилась по притокам р. Оби (Пупышев, 1936).

Изображение одной из **остяцких лаек** побывало в трёх старых книжках. Вначале – у Эмке и Пальгунова (1931). Причём, у них она названа **зырянской лайкой** (то ли ошибка, то ли разное видение пород...). Затем – у Пупышева (1936). И, наконец – у Вахрушева и Волкова, где фото заметно ретушировано (уши «купированы», чтобы больше соответствовать стандарту породы...).

Слева – **Остяцкая лайка**. Из: Пупышев, 1936. Справа – **Остяцкая лайка** А. А. Ширинского-Шихматова. Из: Вахрушев, Волков, 1945

От этих же авторов – ещё две иллюстрации, которые не потребовали подрисовки, так как собаки, особенно Ульф, типичны для указанной породы.

Остяцкая лайка. Из: Пупышев, 1936

Хантейская (остяцкая) лайка Ульф С. Г. Виноградова (Москва). Из: Вахрушев, Волков, 1945

Фотомонтаж выставки отдела трудовых поселений 1935—1936 гг. советского Надыма и фото «**Остяцкие лайки**» из него (фото Издательского дома «Историческое наследие Сибири»)

Этот красивый фотомонтаж – свидетельство того, что **остяцкие** и другие таёжные лайки активно сотрудничали не только со своими народами, но и с пришлым населением (чаще, высланным с родных мест). В «освоении Западно-Сибирского севера трудпоселенцами» (слова *то* какие придумывали) ошутимое участие принимали и собаки аборигенов.

Сойотская (тувинская) лайка

Тувинцы, которые раньше назывались сойотами, обитают со своими лайками в верховьях Енисея. Кинологические экспедиции 30-х годов проводились и по этой большой водной дороге. Но только в её средней и нижней части – от с. Назимова до порта Игарка (Пупышев, 1936). Аборигенная *порода лаек тувинцев* осталась малоизвестной.

Этнографы выделяли малочисленную группу тувинцев-тоджинцев – оленеводов горно-таёжной восточной Тувы. А где оленные охотники – там и аборигенные лайки.

Стойбище тоджинцев. Урянхайский край, 1919-е гг. Автор неизвестен. Из фонда стеклянных негативов Красноярского краевого краеведческого музея

Монгольская лайка

Располагаем только декларацией, которую цитировали. Но повторим, уважая *породу, оставшуюся в прошлом*: «...встречаются разновидности лаек ещё мало известные, мало изученные, как-то: **монгольская промысловая собака**...» (Вахрушев, Волков, 1945).

Тунгусская (эвенкийская) лайка

В предыдущей главе мы познакомились с очень интересной *лисоподобной тунгусской лайкой* – незаменимой спутницей бродячих таёжников *Восточной Сибири*. Назваться *эвенкийской лайкой* ей не судилось. Она осталась в досоветской истории. Впрочем, кинолог-лайковед К. Г. Абрамов в составе породы **амурская лайка** видел «**эвенкийских лаек** на р. Амгуни, по общему сложению и типу схожих с **нанайскими и удехейскими собаками** Амура, шерсть сравнительно короче». Это следует из его проекта стандарта **амурской лайки** (приложение 1.23). Интересно, что К. Г. Абрамов включил в эту породу как крупных, так и мелких собак, от 45 см (см. приложение 1.24). Может быть, *небольшие и не очень богато одетые собачки его «эвенкийской линии»* и были *потомками той прежней лисоподобной тунгусской лайки*.

А вот **собака тунгусов (эвенков)** *Средней Сибири* продержалась дольше. Впервые эту аборигенную *породу* описал кинолог В. В. Рябов (1939), осторожно отведя ей статус разновидности лайки. Но поставил **эвенкийскую лайку** в один ряд с другими «разновидностями», в то время официально признанными как породы (**карельская, коми, мансийская, хантейская лайки**).

С особенностями экстерьера **эвенкийской лайки** двух типов можно ознакомиться в приложении 1.21 и на рисунках из представленной книжки (имя художника не указано).

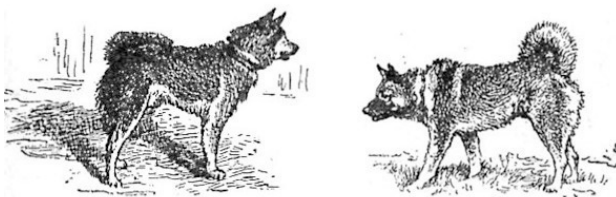
Такой увидел В. В. Рябов **собаку эвенков** на севере Красноярского края, которой дал высокую оценку: «Недаром среди охотников **эвенкийская лайка** считается одной из наиболее вязких по зверю, с широким поиском и неутомимой в преследовании копытных».

Обложка: Рябов, 1939

Лайки I типа. Из: Рябов, 1939

Лайки II типа. Из: Рябов, 1939

В Красноярске был питомник **лайки эвенков**. Но В. В. Рябов не дал надежды узнать её в наши дни: «К сожалению, с каждым годом эта прекрасная собака, смешиваясь с завозимым беспородным материалом, всё более и более теряет свой тип».

Представление о реальных **лайках эвенков** 30-х годов в Средней Сибири дают нам фотографии участников Туруханской экспедиция Приполярной переписи 1926—1927гг.

Лайка сымских тунгусов. Конец июня – 10 июля 1926 г. Фото Л. В. Гирифельда. Красноярский краевой краеведческий музей. ККМ 7930—110—09

Тунгусская лайка. Виви. 27.09- 13.11.1926 г. (или 7—22.04.1927 г.). Фото Н. П. Наумова. Красноярский краевой краеведческий музей. КKM 7930—109—19

Тупчауль с собаками; р. Виви. С 27.09 по середину 10.1926 г. Фото Н. П. Наумова. Красноярский краевой краеведческий музей. КKM 7930—109—21

Тунгусская лайка. Факт. Тура. 17.11.-17.12.1926 г. или 3—18.03.1927 г. Фото Н. П. Наумова. Красноярский краевой краеведческий музей. КKM 7930—109—12

Тунгусские лайки. Виви. 27.09.-13.11.1926 г. (или 7—22.04.1927 г.). Фото Н. П. Наумова. Красноярский краевой краеведческий музей. КKM 7930—109—20

Сотрудничали **тунгусские лайки** и с колонистами Средней Сибири

Русский промышленник. Виви. Окт.-13.11.1926 г. или 7—22.04.1927 г. Фото Н. П. Наумова. Красноярский краевой краеведческий музей. КKM 7930—122—02

Отличными были лайки бродячих аборигенов тайги, которых пришлое население называло *дворными собаками*. А как же иначе! Ведь охотничьими угодьями тунгусов была самая большая часть Сибири и Дальнего Востока.

Якутская лайка

Северные якуты — кочевые охотники-оленоводы. Оленеводство у них, в основном, транспортное, как у соседей — эвенков и эвенов, а не мясо-шкурное. И собак, больше нужных для промысла, наверное, взяли у соседей. Как и навыки хозяйствования, отличные от исконно якутских.

Описаний аборигенной *породы лайки якутов* никто из кинологов не оставил. Да и фото найти не так уж просто.

На втором снимке видно, что эти якуты не береговые рыболовы-охотники, и не «крупнотабунные» оленеводы (те оленей не доят), а охотники на оленях. Соответственно, лайки не береговые и не тундровые, а таёжные.

Якуты. Из: Пфиценмайер, 1928

Доение важенки. Северные якуты-оленоводы, 1932 г. Из материалов Комиссии по изучению ЯАССР, МАЭ, колл. 4568—7

Ламутская (эвенская) лайка

Перед войной и в первые её годы **эвенскую (ламутскую) «зверовую» лайку** изучал М. Г. Волков, преимущественно на Камчатке. Ему и принадлежит очень обстоятельный проект стандарта этой таёжной лайки (приложение 1.22).

Интересно, что это подробное описание типичных признаков *породы* сходно с краткой характеристикой **ламутской лайки** у Н. В. Слюнина (1900; см. описание породы в предыдущей главе). Такое одинаковое видение собаки исследователями разных времён – хорошее свидетельство длительного объективного существования **лайки эвенов** – непревзойдённых охотников и рыболовов. Добавим, что кровь **эвенской лайки** течёт в жилах самой популярной из наших северных собак – **западносибирской лайки**. «Огромную и ещё не оценённую роль в становлении (этой – Б. и О. Ш.) породы сыграл несправедливо, а может быть, и умышленно забытый **эвенский (ламутский)** кобель Дюмнар 26/л М. Г. Волкова, вывезенный в 1944 г. из посёлка Аянка Пенжинского р-на Камчатской обл. Второй **эвенский** кобель Тваян того же владельца оставил менее значительный след в породе через Кучукана 88/л» (Шурупов, 1993). Кучукан родился в 1951 году, поэтому его фото покажем в следующей главе. Пока же ограничимся этим, прямо скажем, позорным для породы изображением.

Эвенская (ламутская) лайка. Из: Вахрушев, Волков, 1945

Лайка гольдов (нанайская лайка)

Здесь мы имеем демонстрацию такой ситуации с лайками Приамурья, когда их этническая принадлежность становится всё менее заметной. Причина этому понятна. Пришло время принудительной, «добровольно-принудительной» и, реже, добровольной миграции людей. Приехали русские, украинцы... Советская власть решила научить аборигенов жить по-новому. Нанайцы, ульчи, удэгейцы, ороки, орочи вместе с изменением традиционного уклада жизни теряют культуру своего собаководства. Пусть примитивного, но результативного в условиях былой обособленности.

При таком положении приезжему лайковеду ничего не оставалось, кроме как описать практически новую местную породу и дать ей уже географическое название. Так **нанай-**

ская лайка как *аборигенная порода*, а также другие таёжные лайки приамурских аборигенов начали уходить в прошлое, но, «сливаясь», дали жизнь **амурской лайке** (о которой – ниже).

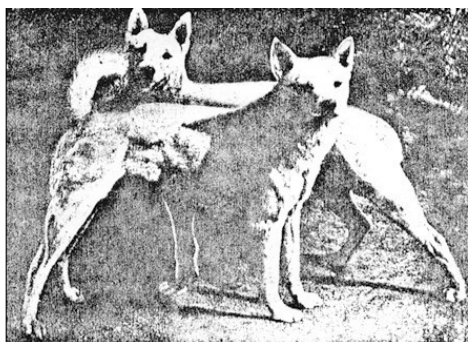
Для некоторого подтверждения вышесказанного приведём цитату из работы И. И. Вахрушева и М. Г. Волкова (1945) по материалам предвоенных исследований: «Ныне на территории Уссурийского края у русских охотников имеются зверовые собаки, по виду напоминающие дворняжек, но крупного роста. Эти собаки, по словам их владельцев, – „переродки“ от **гольдских собак**, т. е. вылайки с большей или меньшей примесью крови **амурских лаек**».

Тем не менее, М. Г. Волков различал **нанайских лаек** на реке Горин, **удэгейских** – на реке Хор и **амурских**, когда проводилась экспертиза собак Приамурья в предвоенные годы (Волков, 1974). И в проекте стандарта **амурской лайки** К. Г. Абрамов также называет **нанайских и удехейских собак** Амура, очень схожих с **эвенкийскими лайками** на р. Амгуни (см. приложение 1.24).

Изображений **лайки нанайцев (гольдов)** у кинологов мы не видим. Их показал нам этнограф Александр Петрович Самар, который изучал традиционное собаководство этого народа (Самар, 2010).

Следование нанайского охотника к местам промысла соболя. 20-е гг. XX в. (Архив отдела ЭЭА ИИАЭ ДВО АН). Из: Самар, 2010

Гольдские зверовые лайки, р. Сунгари. (Н. А. Байков, 1927, с. 22). Из: Самар, 2010

Даже эти две фотографии дают нам представление не только о внешности **лаек гольдов**, но и разносторонности их применения. Об этом рассказывает и А. П. Самар. Мы бы добавили, что такие возможности могут показать **ВСЕ** наши северные собаки.

Удэгейская лайка

Одна из прародителей **амурской лайки**. Только что мы упомянули об этой таёжной породе, уходящей в прошлое.

Ватагин В. А. 1884 -1969. Собаки. 1928. Бумага, карандаш, тушь

Известный художник-анималист и натуралист В. А. Ватагин путешествовал и на Дальнем Востоке. На этом рисунке, который нам очень нравится, обнаруживается точное видение гармонии и красоты северной собаки. Экспонировалась работа на выставке «Люди Амура» в Дальневосточном художественном музее. Автограф «Уд» на рисунке даёт нам основание полагать, что позировали В. А. Ватагину именно **удэгейские лайки**. Не правда ли – прекрасный логотип предприятия, которое занималось бы изучением аборигенных (национальных) пород лаек с целью их возрождения.

Не хочется думать, что это – «ПОСЛЕДНИЕ ИЗ УДЭГЕ» **йских лаек**.... Как и те собаки, что на старой фотографии, которых, судя по подписи, неизвестный нам автор видел не более чем частью охотничьего снаряжения удэгейца. Возможно, он был не очень внимательным (написал же слово «удехейца» через «е», а не «э») и лаек не заметил.... К чести А. П. Самар, он в своей работе подписал фото по-своему, уделил внимание собакам.

Типичное снаряжение охотника удехейца. Из фотоальбома К. Г. Абрамова. Удэгейский охотник с собаками. (Альбом К. Г. Абрамова №14638—30). Из: Самар, 2010

Следующая фотография лайки Гекты I тоже подписана по-разному. Но, несомненно, что на предыдущем снимке изображён он же – лежит рядом с удэге, которого, наверное, зовут Кялунзига Назали. И не зря А. П. Самар, подписывая фото из альбома К. Г. Абрамова, написал в скобках: «удэгейцы». Потому что, Гекта I, конечно же, **удэгейская лайка**. Уже тогда её стали рассматривать как составляющую «новой» местной породы с названием **амурская лайка**. Принадлежность собак своим народам-аборигенам казалась кинологам неоднозначной – аборигенная порода исчезала.

*Кобель Гекта I р. вл. Кялунзига Назали, с. Бира. Из фотоальбома К. Г. Абрамова
Амурская лайка (удэгейцы). Альбом К. Г. Абрамова №1463—30. Из: Самар, 2010*

Уральская лайка

Это – тот случай, когда кинологи пытались сохранить если не аборигенных лаек в чистоте, то, хотя бы, местную породу как результат их естественного смешения.

П. Ф. Пупышев (1936) рассказывает, что в эти годы на уральских областных выставках в Свердловске экспонировалось по 40—60 собак, вдвое больше, чем в Москве и Ленинграде. Там встречались ярко выраженные **остяцкие, вогульские и зырянские лайки**, но *преобладали их помеси*. Постоянный судья лаек уральских выставок, большой знаток зверовой охоты с ними Ф. Ф. Крестников проникся идеей создания местной лайки. **Уральская лайка** в его представлении должна была иметь общий зверовой вид, немалый рост (до 66 см), мощные костяк и мускулатуру, и в тоже время быть лёгкой, энергичной, смелой. Таких собак он предпочитал на выставках и охоте.

Уральская лайка. Из: Пупышев, 1936

Для реализации замысла Ф. Ф. Крестников подготовил очень детальный, на 6-ти страницах, стандарт «**уральской лайки** (*промежуточных типов вогульско-зырянско-остяцкой разновидности*)».

Понятно и похвально желание уральского кинолога «узаконить» стихийно складывающуюся местную лайку (правда, вместе со своими предпочтениями). Но, может быть, помешала война, а после неё – другие веяния и «ценные указания»... И *порода не случилась*. Поэтому не показываем стандарта породы, которой не было и нет. А кому, всё же, интересно – можно прочитать у Ф. Ф. Крестникова (1932) или П. Ф. Пупышева (1936).

Амурская лайка

Выше уже говорено, что это вынужденное для кинологов название *местной породы*, которая получилась от слияния аборигенных лаек **нанайцев, удэгейцев, ороков, орочей, ульчей и эвенков**, живущих на территории Нижнего Приамурья и Северного Сихотэ-Алиня. Изучал **амурскую лайку** и предложил проект её стандарта зоолог и кинолог К. Г. Абра-

мов. В приложениях 1.23 и 1.24 можно ознакомиться с двумя редакциями этого документа. Первая – из книжки, посвящённой собакам Приамурья (Абрамов, 1940), которая содержит неважное фото **амурской лайки**. Поэтому мы поместили фотографию этой же собаки из другого источника.

Амурская лайка (кобель) Гекта, 2 гр., вл. Самар Алексей, с. Кондон. Фото И. Е. Шумейко (Альбом К. Г. Абрамова №14638—30) Из: Самар, 2010

Вторая редакция проекта стандарта породы опубликована И. И. Вахрушевым и М. Г. Волковым (1945). Там же – два изображения конкретных собак.

И. И. Вахрушев и М. Г. Волков замечали, что собакам породы присущи разные темпераменты. Спокойно-медлительные лайки были лучшими для промысла крупного зверя и в нарту. Преобладали вполне уравновешенные, но подвижные и живые. Довольно редко встречались холерики и меланхолики. Большой охотничий темперамент отмечался у очень многих **амурских лаек**, чутливых, мягких и податливых при натаске. На промысле они отличались самостоятельностью, инициативностью, широким поиском, вязкостью, настойчивостью.

Амурская лайка (кобель) Хозянду П. Д. Альчека (с. Ямхита Комсомольского района Хабаровского края). Из: Вахрушев, Волков, 1945

Амурская лайка (сука) Серка Госплемпитомника В/О Заготживсырьё (с. Кондон Комсомольского района Хабаровского края). Из: Вахрушев, Волков, 1945

Но задержимся ещё на чтении обоих вариантов проекта стандарта породы, предложенного К. Г. Абрамовым. Интересно здесь ещё и то, что образованный кинолог (зоолог), пожалуй, первым попытался «узаконить» лаек-хромистов. То есть, собак рыжих окрасов различной интенсивности, которые лишены чёрного пигмента. В современных стандартах аборигенных лаек такие окрасы мы называем коричневыми, в отличие от рыжей пигментации, сочетающейся с чёрным пигментом. Ниже разговор о хромистах продолжим.

Теперь – о лайках береговых жителей.

Гиляцкая лайка (лайка нивхов)

В предвоенные годы гиляки стали нивхами. «Исконным, а до недавнего прошлого единственным домашним животным, у нивхов была собака... Количество собак в хозяйстве было показателем зажиточности и материального благополучия. Обычно в каждом хозяйстве содержали 30 – 40 собак, требовавших немалого ухода. Кормом им чаще всего служили рыба и тюлений жир: запасы корма приходилось заготавливать на всю зиму, в течение которой собаки максимально использовались как ездовые животные... Собак впрягали не только в нарту, но иногда и в лодку» (Народы Сибири, 1956).

Довоенные советские кинологи о береговой лайке (**гиляцкой, лайке нивхов**) – аборигенной *породе* острова Сахалин и низовий Амура ничего не писали. Не добрались туда кинологические экспедиции... А вот у этнографов, географов и краеведов о **сахалинских собаках** можно почитать. Например, у Бориса Ивановича (полный тёзка соавтора данной публикации) Еллинского (1928).

«Весь живой инвентарь гиляка состоит из собак. Остроухие, остромордые – они очень напоминали бы волков, как ростом, так и всей повадкой (не лают, а воют по-волчьи), если бы не пестрая, очень пушистая шерсть и не обрубленный начисто хвост».

Кратко, но вполне достаточно, чтобы убедиться – да, до войны *породная гиляцкая лайка* была обычным, основным и необходимым домашним животным. Хвосты же своим собакам обрезали из разных соображений не только жители Сахалина.

Нивхи кормят ездовых собак. 1934 г. Фото М. В. Альперта. Российский государственный архив кинофотодокументов. №261033-б

Сахалин. Нивх у шалаши ездовых собак. Фото Сокольского

С освоением Дальнего Востока эти собаки вместе с гиляками всё чаще стали переходить на службу различному пришлому люду. Новое население освоило навыки использования лаек и со временем сами гиляки стали не нужными. Собак удобнее стало называть сахалинскими – порода из аборигенной превращалась в местную.

Собачьи упряжки в Александровске-Сахалинском. 1920 год у «Красного моста»

Довольно много **лаек гиляков (нивхов)** побывало в полярных экспедициях. Они ценились полярниками ещё с начала XX века (что мы показали в предыдущей главе).

Юкагирская лайка

В это время народ юкагиров уже едва выдерживал приход новой непрошеной цивилизации. А с ним уходила в историю великолепная разносторонняя **юкагирская лайка** (см. предыдущую главу). Основные же черты этой собаки ещё останутся в послевоенных местных лайках: **индигирской, янской...**

Известный геолог С. В. Обручев ещё встречал в довоенные годы юкагиров с их собаками. Подтверждением этому – фотография из «неизведанных краёв» (по Обручеву), где наш коллега путешествовал в 1917 – 1930 годах. Правда, лайки едва видны. Но, что имеем...

Стан юкагиров. Из: Обручев, 1954

Коряцкая (корякская) лайка

«Камчатка – от Москвы далековато», тем более её северная часть, которая в довоенное время была для кинологов практически недоступной. Именно здесь коряки и их неизученные собаки продолжали свою традиционную жизнь, мало затронутую советизацией. Ещё дальше Камчатка от Швеции, но в 20-х годах, презрев такое расстояние, с береговыми коряками и **корякскими лайками** сотрудничали участники Новой шведской Камчатской экспедиции, в т. ч. Карл Sjöblom, который, при езде на собаках одевался по-коряски.

Мы благодарны шведским путешественникам за возможность видеть сейчас собак *аборигенной породы* того времени на фотографиях хорошего качества. Забегая вперёд, скажем, что таких лаек при желании можно найти в Корякии и в наши дни – порода пытается сохраниться, несмотря на неосознанные противодействия жителей Камчатки.

Собака, Карл Sjöblom. Камчатка. Новая шведская Камчатская экспедиция (1924—1927). Фотоколлекция 0946 Карл Sjöblom. Этнографический музей. Стокгольм

Спросим и советского этнографа В. В. Антропову (1971), которая реконструировала корякское лайководство не так уж далекого прошлого.

«Собаководство у коряков являлось подсобной отраслью, но без него немислимо было ведение хозяйства оседлого населения. Коряки разводили только транспортных собак, оленегонной лайки они не знали, охотничья же собака стала использоваться сравнительно недавно. Кроме оседлых хозяйств, упряжные собаки имелись и у оленеводов-олюторцев. Транспортные собаки также широко использовались в промысловом хозяйстве коряков. На собачьих упряжках в сезон охоты на пушных зверей они ездили осматривать капканы и совершали длительные охотничьи экспедиции, весной же в период подготовки к путине выезжали на отдалённые рыбалки. Карагинцы и олюторцы (территориальные сообщества коряков – Б. и О. Ш.) на собачьих упряжках проводили и весеннюю охоту на морского зверя...».

Собачья упряжка. Новая шведская Камчатская экспедиция (1924—1927). Фотоколлекция 0946 Карл Sjöblom. Этнографический музей. Стокгольм

В. В. Антропова отмечает также, что «в связи с сокращением ездовых собак охотничий промысел оказался недостаточно обеспечен транспортом». Собаководство же коряков «никогда не являлось обобществлённой отраслью, поголовье собак в общественном секторе было крайне незначительно, подавляющее их количество было сосредоточено в индивидуальных хозяйствах. Начиная с 1926 года, наблюдается сокращение поголовья».

Понятно! Новые веяния Страны Советов к указанному времени стали доходить и в столь отдалённые места. Причём «веяло» достаточно сильно для того, чтобы начать «сметать» с севера Камчатки и Приохотья важнейший элемент прикладной культуры жителей этих территорий – *аборигенную породу корякская лайка*. Взрослых людей и оленей – в совхозы и колхозы, детей – в интернаты.... А собаки, несмотря на большие заслуги в освоении Севера, портили властям их красивую картину технизации государства даже в малодоступной Корякии.

На самом деле **корякские лайки** оставались крайне необходимыми и корякам, и колонистам, особенно очень долгой зимой. Свидетельством этому – фото и подпись под ним, иллюстрирующие дневник экспедиции на собаках известного вулканолога Бориса Ивановича Пийпа из ключей до Тымлата (северная часть Камчатки) в *марте-апреле* 1943 года (Дневники..., 2006).

Основное средство передвижения зимой – собачья упряжка. 1943 г. Из: Дневники..., 2006

Кроме этого, Борис Иванович (тоже тёзка) показал в дневниках плачевное состояние собак и жителей Корьякии на примере селения Ука: «Здесь в Уке всё очень скудно. Колхозники совершенно заморили собак, многие уже подошли от голода. Занимаются они тем, что удочками ловят навагу и бычков для прокорма собак. С лошадьми тоже плохо. Было четыре, но две подохло. Отсутствие юколы объясняют тем, что осенью был слишком сильный нажим на госпоставку (рыбу), все люди были заняты, времени что-нибудь заготовить себе совершенно не было».

Тем не менее, несмотря на большую проблему с кормом для собак, коряки были вынуждены их содержать и активно использовать: «Движение на сегодняшней дороге довольно оживленное, от Каюма до Караги навстречу попало 6 нарт, а на пути от Караги до Оссоры встречаются идущие в том и другом направлении люди и нарты с собаками» (Дневники..., 2006).

Добавим, что именно в Караге **корякские лайки** долго ещё сохранялись в типичном виде, вплоть до наших дней...

Советуем прочитать дневники Б. И. Пийпа, подготовленные к изданию его преемниками – вулканологами. В них много интересного из того, что нельзя было публиковать в советское время.

Камчадальская (камчатская) лайка

Схожие, но более пагубные процессы затронули *аборигенную породу камчадальская лайка*, которая обитала южнее корякской. В тех районах Камчатки, что довольно активно обживались ещё в досоветское время казаками, купцами, ссыльными и прочими пришельцами.

Обрусение камчадалов (ительменов) в этой ситуации прогрессировало и в советское время – к нашим дням они превратились из титульного народа Камчатки в самый малочисленный, причём русскоязычный. Собаки же одинаково были необходимы и камчадалам и колонистам. Можно сказать, что **камчадальская лайка** также подверглась «обрусению». Достаточно заметить, что камчадалы стали ездить на собаках «по-русски» (восточносибирские способ езды, упряжь и сани, использующиеся доныне везде на нашем Севере, придуманы пришлыми людьми).

Не желая того, аборигенная **лайка камчадалов** по сути вошла (вместе с береговой **корякской лайкой**) в состав общей, региональной для всего Охотско-Камчатского края, *местной породы*, которую логично называть уже не **камчадальской**, а **камчатской лайкой**.

«Собаки Камчатки, ездовые и охотничьи, до сих пор как следует, не изучены», – писал в 1936 году кинолог-лаечник Ю. А. Ливеровский, знакомившийся с этими лайками попутно с основным занятием экспедиционного отряда, – «Наиболее точные наблюдения произ-

ведены проф. С. Н. Боголюбским. Изучая черепа лаек различных разновидностей, в том числе и лаек Камчатки, он отмечает несомненную первобытность **камчатских лаек**, а также их *своеобразие*, не позволяющее сближать их ни с одной из существующих разновидностей» (Боголюбский, 1925; Ливеровский, 1936).

Поскольку на Камчатке практически единственным транспортом в зимнее время (9 месяцев, а не 3, как, скажем, в Украине) были собачьи упряжки, то советские власти пришли к необходимости «урегулирования и рационализации этих средств передвижения». Что и было отражено в официальном документе, посвящённом развитию Охотско-Камчатского края на 1923—1933 годы (АКО, Пятилетний план...).

В 1926 году по всему Камчатскому округу и Анадырскому району ездовых собак переписали – оказалось около 50 тысяч «штук» (так – в документах)! Посчитали, что они съедают за год около 10 миллионов крупных лососей, Не зря была поговорка: «Пошто собак держим – чтобы рыбу возить, пошто рыбу возим – чтобы собак кормить»! ... И решили сократить количество ездовых собак «путём улучшения породы». Предполагалось «для улучшения качества собак» с 1930 года организовать на Камчатке два питомника и «полностью заменить существующих на Камчатке собак племенными к концу второй пятилетки».

Летняя стоянка ездовых собак сел. Хутор (колхоз им. XVI партсъезда). Июнь 1939 г. Фото М. Г. Волкова из архива авторов. Подарок В. В. Волковой

Ныне понятно, что не собаки были виновны в некотором уменьшении запасов тихоокеанского лосося. Ясно, что планировалось «улучшение породы» непрофессионально. После войны надуманная проблема решилась совсем по-другому и далеко не в пользу собак (расскажем ниже).

Любопытны довоенные приказы по Корфскому рыбокомбинату (пос. Корф – на севере полуострова, где из аборигенов – коряки):

Приказ №193 от 16. 11. 1936 по Корфскому комбинату АКО обязывал «строго следить за породой собак всем гражданам, живущим на территории базы №5 (п. Корф) и имеющим собак, в трёхдневный срок всех собак посадить на цепь. За неисполнение настоящего приказа все собаки не **камчатской породы** (волоухие) будут уничтожены. Директор Клыков».

Приказ №128 от 21. 05. 1941 по Корфскому рыбокомбинату: «В целях сохранения поголовья ездовых собак, их воспитания и упорядочения нартового транспорта, приказываю: в летний период организовать собачьи питомники на базах №1 и 5. Директорам баз №6 и 9, кирпичного завода всё поголовье собак переправить в питомник базы 3, 5 (п. Корф). Директорам баз №3 и 4 переправить всё поголовье собак в питомник базы №1 (б. Гека). Перевоску собак в питомники закончить к 15 июня 1941 года, для чего организовать комиссии по отбраковке собак. Отбраковать неполноценных собак и уничтожить их, оформив это соответствующим актом. Директор комбината Силенко».

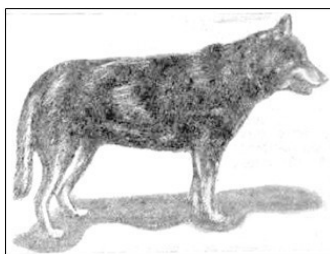
Этой информацией о драматическом довоенном нартовом собаководстве Охотско-Камчатского края поделился наш знакомый единомышленник, охотник, большой знаток и люби-

тель Камчатки, её истории, природы и местных лаек Валентин Григорьевич Мягих. Наш читатель, при желании, может узнать больше по данной и (не только) теме из его книги, изданной в Москве к 70-тилетию образования Корфского рыбзавода на Камчатке (1927—1977гг.). К сожалению, не знаем ни названия работы, ни издательства.

Обычно бывает, что то или иное предприятие зависит буквально от одного человека. Не появившись на Камчатке уже известный нам кинолог М. Г. Волков, не имели б мы должного довоенного описания **камчатской лайки**. Он доставил сюда **ненецких лаек** (рассказали выше) и параллельно с таёжной **эвенской лайкой** (выше) детально описал **камчатскую**, предложил проекты этих двух местных пород (Вахрушев, Волков, 1945).

Проект стандарта **камчатской лайки** (приложение 1.25) представляет нам волкообразную собаку в целом менее рослую, чем **эвенская** (средний рост на 3см меньше). Но зато, более коренастую, мощную, туловищем шире и длиннее, заметно богаче одетую.

Иллюстрация, что в книге кинологов Вахрушева и Волкова не ахти какая, но ниже покажем ещё одно старое фото, где на переднем плане – очень типичная довоенная **камчатская лайка**, действительно, волкообразная.

Камчатская ездово-зверовая лайка Двоеглазый (колхоз им. XVI партсъезда Петропавловского района Камчатской обл.). Из: Вахрушев, Волков, 1945

Лучшие ездовые собаки Сероуший, Воротило, Пёстрый. Из архива авторов (подарок В. В. Волковой)

М. Г. Волков показал распространение породы по всей Камчатке, включая её материковую часть вплоть до Марковского района Чукотки. При этом, лайки, что обитали севернее, имели меньше рост и большую длину шерсти.

Называя **камчатских лаек** ездово-зверовыми, кинолог имел в виду следующее: «Являясь лучшими ездовыми собаками, **камчатские лайки** одновременно с большим успехом издавна применяются на охотпромысле. Среди **камчатских лаек** много выдающихся соболятниц и медвежатниц. Они также прекрасно работают и по копытному зверю, и по другим

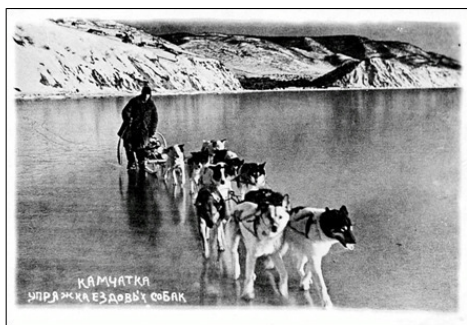
видам охотфауны Камчатки». Не правда ли – это хороший пример разносторонней талантливости наших северных собак, что мы нередко отмечали, общаясь с лайками разных пород.

Уместно добавить здесь один из фактов к предыдущему разговору о значительных перемещениях береговых лаек.

Сошлёмся на незабываемого полярника Ивана Дмитриевича Папанина (1977). В 1932 году, до своего всемирно известного дрейфа на льдине «Северный полюс – 1» он зимовал на Земле Франца Иосифа: «И всю зиму мы учили собак ходить в упряжке. Мы привезли с собой около десятка собак, но это были в большинстве бродячие псы, подобранные в Архангельске. Лишь три или четыре *настоящие ездовые лайки были привезены с Камчатки*».

Во время войны в ходу была почтовая открытка, где на фоне едва видимого Петропавловска-Камчатского по льду красивейшего Авачинского залива идёт упряжка **камчатских** лаек. Каюр рискует и собой, и собаками, почему не сидит в нарте. ... Дело в том, что Авачинский залив, который камчатцы почему-то неправильно, но упорно называют бухтой, редко замерзает надёжно.... Но такой путь на противоположный берег намного короче, чем в объезд.

Подарил нам открытку отличный ветврач и наш сотрудник в изучении аборигенных лаек Камчатки Минисагит Гиниятович Зинатуллин.

Камчатка. Упряжка ездовых собак. 1943 г. Открытка. 8 x12 см

Чукотская лайка

Похоже, что в обсуждаемое время эту *породу* кинологи своим вниманием не жаловали. Довоенные издания пишут о типах упряжек, способах езды, о санях, вариантах упряжи, о корме..., об удивительной неприхотливости, выносливости, невероятной работоспособности собак жителей Чукотки.... Но никак ни о признаках породы, ни о породе как таковой. Фото, дающие представления о собаках того периода – редкость.

В 1926 году сотня **чукотских лаек**, «купленных для нашей экспедиции на Анадыре» вместе с 59-ю колонистами, преимущественно эскимосами, начала освоение тогда необитаемого острова Врангеля.

Об этом рассказал первый «советский губернатор» острова Г. А. Ушаков в книге «Остров метелей» (Ушаков, 1990).

Георгий Алексеевич оставил нам несколько фотографий этих собак. Они не только усердно работали в упряжках полярников, но и отличились в интенсивном промысле белых медведей и песцов (был такой заказ государства).

Эскимосы готовы к переселению на северную часть острова. Из: Ушаков, 1990

Собачья упряжка. Из: Ушаков, 1990

Отрадно видеть и на современной Чукотке немалое количество собак такого типа (см. главу о современных лайках). А купирование лаечьих хвостов (как на фото) по ряду причин применялось в традиционном северном собаководстве издавна. Теперь этот способ мечения собак используется очень редко.

Изданию, посвящённому именно **собакам Чукотки**, они удостоились в 1939 году. Иван Дмитриевич Тихоненко, ветеринарный фельдшер Чаунской культбазы показал в книге «Ездовые собаки Чукотки» свои представления о лучших из **чукотских лаек**, причём в числах, что может заинтересовать любителей промеров лаек:

«Лучшим кобелем-производителем должна считаться собака, имеющая такие данные:

Возраст от 2 до 5 лет

Средняя одномастная шерсть (лучше всего чёрная) с хорошим густым подпухом

Длина туловища до корня хвоста... 105—115 см

Длина хвоста... 20—25

Длина головы до затылочной кости... 20—23

Ширина головы в висках наибольшая... 9—10

Охват груди за лопатками позади локтевых бугров... 70—75

Косая длина туловища от лопаточно-плечевого сочленения до седалищного бугра... 58—61

Высота в холке от пола... 60—65

Высота в крестце... 60—62

Ширина груди между плече-лопаточными соединениями 18—22

Ширина таза... 16—20

Охват пясти... 10—12

Размет лапы должен быть широким с хорошо развитыми пальцами. (Для работы совершенно не применимы собаки, имеющие узкую лапу).

Для типичных *лаек* характерны остростоящие с наклоном вперед уши».

Видно, И. Д. Тихоненко предпочитал довольно крупных собак, ростом 60—65 см. Хотя Богатырь и другие собаки питомника **чукотских лаек** на иллюстрациях этого издания такими не кажутся (фото из: Тихоненко, 1939). Впрочем, ничего нет на фото для оценки масштаба объектов съёмки. Важно также отметить, что родословные записи в этом питомнике вполне успешно велись и без профессиональных кинологов, так же, как и в других питомниках лаек Северо-Востока. Были бы у людей желание и возможность...

Производитель Богатырь. Сын рекордистки Венеры. Возраст 1 год 6 месяцев. Из: Тихоненко, 1939

Производитель Волчок. Одна из лучших собак питомника. Внук Чернышки. Из: Тихоненко, 1939к

Сука Гремучая – рекордная работница и отличная производительница. Выращена в питомнике. Правнучка одной из лучших сук Чукотки – Чернышки. Возраст 1 год 8 месяцев. Из: Тихоненко, 1939

Сука Муха. Одна из лучших собак питомника. Типичная *аборигенная лайка*. Из: Тихоненко, 1939

Приятно, что в тексте и подписях фотографий Иван Дмитриевич всё же называет **собак Чукотки** лайками, а не безродными ездовыми собаками.

Не будет излишним заметить здесь, что в эти годы продолжался вывоз **лаек Чукотки, Колымы и Камчатки** на Аляску. Там они послужили основой создания лайковидной породы, которую называют сибирским хаски.

Эскимосская лайка

Нет сомнения, что в довоенные годы эта *порода* продолжала жить с эскимосами на восточном краю Чукотки. Тем более, что было возможно общение людей и собак со своими сородичами с Аляски. Лёд Берингова пролива и долгая полярная ночь обеспечивали встречи родственников после привычных для **эскимосских лаек** суточных переездов.

Кажется, наши кинологи в эти годы не посещали эскимосов Чукотки, коль не оставили описания их собак. Да и пришла пора говорить о «естественном слиянии аборигенных пород» лаек Чукотки, о местной (региональной) породе **чукотская лайка**.

Енисейская лайка

Название, как и последующих довоенных лаек, географическое, региональное. Значит, собака не принадлежала конкретному северному народу.

Правда, В. В. Рябов (1939) говорил, что «**енисейскую лайку**... смело можно назвать **эвенкийской**», т. е. **лайкой эвенков** Средней Сибири. Описание двух её типов мы показали выше.

А вот И. И. Вахрушев и М. Г. Волков (1945) назвали породу **енисейской ездовой**, упомянули, что она ещё встречается, но мало известна, мало изучена.

Полагаем – название «**енисейская лайка**» *излишне*, за ним не стоит конкретная порода.

Колымская лайка

Это название устойчиво сохраняется на Севере в среде тех, кто его осваивает. Хотя, как и в досоветское время, *не означает конкретной породы*. Правильнее было бы говорить о **береговых лайках Колымы** – результате смешения аборигенных лаек северо-восточного побережья страны. Основную причину этого мы уже называли – интенсивное использование полярниками единственно надёжного собачьего транспорта.

Нужно отдать должное **лайкам Колымы** – они славились и высоко ценились до середины прошлого века.

Полярная лайка

Общее название лаек – сподвижников полярников. Тоже *не относится к конкретной породе*.

Судьба лаек Заполярья была очень разной. От трагической до «звёздной» (говоря современным сленгом). Как-то не хочется «рвать душу» себе и читателю, упоминая, пусть

часто героические, собачьи драмы и трагедии... Лучше о Весёлом – известной тогда всей стране **полярной лайке** папанинцев.

В своих мемуарах о нём нередко вспоминают начальник первой в мире дрейфующей станции «Северный полюс -1» Иван Дмитриевич Папанин (1977) и участник высадки папанинцев на льдину, главный штурман полярной авиации Валентин Иванович Аккуратов (1974).

Это было в 1937 году. Организация заброски дрейфующей станции происходила на острове Рудольфа. Собак здесь было много и четверо папанинцев решили взять на «СП – 1» одну из них. Приглянулся пёс открытого и ласкового нрава «из породы **полярных лаек**». Назвали его Весёлым. И. Д. Папанин так обосновал необходимость в дрейфе лайки: «Весёлый нам был нужен не только как друг, но и как сторож. Я хорошо помнил встречи с медведями на прошлых зимовках. Утверждали, что на полюсе нет жизни, – но кто знал это достоверно? Да и куда нас принесёт? Весёлый должен был предупреждать нас, что надо браться за оружие».

Собаку на льдину к папанинцам доставил самолёт И. П. Мазурука, несмотря на перегрузку. И вот как его штурман В. И. Аккуратов описал появление на дрейфующей станции пятого зимовщика.

«Весёлый, в суматохе выскочивший из самолёта и увидевший себя снова среди людей, не растерялся. Обнаружив на большом противне выставленные для замораживания десятка три ромштексов, он быстро расправился с ними и без всякого угрызения совести преданно глядел на Папанина, когда тот читал ему мораль о правилах поведения на льдине...

А через день все четыре самолёта, попрощавшись со славными папанинцами, уходили обратно на Большую землю.

Навсегда в моей памяти осталась картина: одетые в тёплые меха *четыре человека и тесно прижавшаяся к ним собака*. Четверо (мы бы сказали «пятеро» – Б. и О. Ш.) в ледяном безмолвии. Им ещё предстояло выполнить невиданный миром подвиг».

Экспедиция Папанина. Статуэтка. Ленинградский фарфоровый завод им. М. В. Ломоносова по модели Н. Данько. 1938. Из собрания Юрия Трайсмана

Весёлый проявил большую сообразительность, а с ней и непосредственную хитроватость. Постоянные проказы ему прощались, так как они скрашивали однообразие быта полярников. Но была и практическая помощь. Весёлого запрягали в нарту при подготовке на льду взлётно-посадочной полосы. Он старательно вывозил за её пределы глыбы льда, перетаскивал разную поклажу. По беспокойному поведению собаки папанинцы узнавали о приближении пурги... Но, всё же, главным было весёлое компаньёнство лайки.

«Ох, и хлебнул же я с ним горя!» – признавался потом И. Д. Папанин, имея в виду то ли проказы Весёлого, то ли его «звёздный» путь к самому вождю всех советских народов.

«Когда мы брали с собой пса, то о его дальнейшей судьбе как-то не задумывались. О его проделках мы рассказывали в печати, чем создали Весёлому мировую известность. К концу дрейфа Эрнст даже сердился:

– Косяком собачьи телеграммы пошли.

Нас бомбили вопросом: что будет с Весёлым? Особенно этим интересовались пионеры. Всем хотелось увидеть жуликоватого негодника. Вот и дёрнула меня нелёгкая в одном из интервью необдуманно сказать, что хочу отдать Весёлого в зоопарк. Я решил, что поток вопросов прекратится, а их стало ещё больше. Нас забросали негодующими телеграммами и, позднее, – письмами. Смысл их был таков: что же вы, товарищ Папанин, Весёлого в клетку решили посадить? И не стыдно вам? Да он зачахнет от тоски. Там ему было приволье, а тут – экспонат, за решётку? Он вам служил верой и правдой – и вот ваша благодарность? А в одном письме даже процитировали: «У попа была собака...» – вот до чего дело дошло. И смех и грех. Не было, пожалуй, города, откуда бы мы не получили просьбы: отпустите Весёлого к нам, будем о нём заботиться.

Вышло всё по-иному.

На приёме в Кремле Сталин поинтересовался:

– А где же Весёлый?

Я ему объяснил, что он пока на «Ермаке».

– Думаю, что ему будет неплохо на моей даче.

Потом, когда я лечился в Барвихе, часто видел Весёлого на прогулке – он сопровождал Аллилуева, тестя И. В. Сталина.

Меня Весёлый не забывал, приветливо махал хвостом, но от нового хозяина не отходил. Всё правильно: новый каюр – новая привязанность».

Легко предположить, что дальнейшая жизнь товарища Папанина, дважды Героя Советского Союза могла сложиться по-иному, если бы он после рейда потерял где-то героя Весёлого... Вся свою историю лайки так или иначе влияют на судьбы людей.

Фото полярника Весёлого мы извлекли из книги воспоминаний Эрнеста Теодоровича Кренкеля (1973), сподвижника Папанина в ледовом дрейфе. Похоже, что пёс позирует на палубе ледокола «Ермак» после завершения работы «СП -1». Его упитанность подсказывает нам, что жилось лайке на льдине не так уж тяжело...

Пятый член экспедиции – пёс Весёлый. Из: Кренкель, 1973

Есть у Э. Т. Кренкеля и краткая характеристика собаки: «Трогательным и симпатичным существом был и пятый член нашего коллектива – чёрный пёс по кличке Весёлый. Он был действительно весёлым, добрым, хотя и вороватым, что огорчало нашего рачительного начальника». Поведал здесь полярник и о том, как Весёлый ночью предупредил о посещении их базы медведицей с двумя медвежатами (редчайший случай вблизи полюса). Этот добрейший пёс поднял неистовый лай, захлёбываясь от злости. Началась коллективная охота, но, слава Богу, непрощенные гости «исчезли между торосами».

Добавим напоследок, что популярность Весёлого у советских людей способствовала тому, что его увековечили в миниатюрной скульптуре. Разными фарфоровыми статуэтками «Лаек Папанина» (с ним и порознь) сейчас гордятся коллекционеры.

Папанин со своим верным псом Веселым. Модель Н. Я. Данько. 1938 г. Статуэтка. Фарфор. Ленинградский фарфоровый завод. Из собрания Юрия Трайсмана

Итак, до войны у нас фигурировало 27 названий лаек (что мы нашли в литературе). Три последние названия из нашего списка (**енисейская, колымская, полярная лайки**) конкретных пород не обозначали. 24 названия относились к аборигенным породам и к тем, что уже приобретали статус местных пород (**амурская, камчатская...**). Семь из них остались в истории – в послевоенное время не удостоились даже упоминаний **лапландская, нанайская, удэгейская, уральская, юкагирская, гиляцкая, эскимосская лайки**. Шесть аборигенных пород были удостоены официальных отечественных стандартов (**вотская** – в 1925 году, **финно-карельская, карельская, коми, хантейская, мансийская** – в 1939 году). Несмотря на это, должная племенная работа не последовала. Государство посчитало более важным изучить общие ресурсы незаменимых тогда помощников тружеников тундры, тайги и арктического побережья. И в полной мере ресурсы эти использовать. Лаяк на огромном пространстве страны было выявлено очень много. По хозяйственной продуктивности все они были примерно равны, максимально соответствовали потребностям времени «покорения природы». Лайки и лайки... Почти одинаковые... Чего в них особенно разбираться. И без родословных документов работают с полной отдачей. И на войне очень даже пригодились.

* * *

Кратко о том, что мы хотели сказать в изложенной главе.

1. Государство смотрело на наших северных собак достаточно пристально, видя в них хороших помощников трудящегося населения Страны Советов.

2. Для изучения и тиражирования лаек – этого дополнительного трудового и военного ресурса – выделялись немалые средства.

3. На государственном уровне лайками занимались преимущественно некинологические структуры. Классифицировались наши северные собаки по производственному признаку.

4. Видеть разнообразие среди схожих собак многих малочисленных народов нашего Севера, в должной мере идентифицировать породы могли немногие лайковеды-охотники, особенно периферийные. Задача же была обширная, неприподъёмная для малого количества кинологов-подвижников.

5. Тундровые и таёжные лайки за довоенные годы не подверглись кардинальным изменениям – освоение «медвежьих углов» было делом трудным и медленным. Береговые

лайки продолжали смешиваться из-за использования в больших количествах, перемещений на большие расстояния. Они теряли этническую привязку – возникали местные породы лаек.

6. Количество аборигенных и местных пород лаек, в разной степени признанных кинологами, практически не изменилось.

3.3. Советские послевоенные лайки

*Не бывает худа без добра,
Да и добра – без худа.
Народная философия.*

Именно так хочется обозначить события в лайководстве, которые произошли в советское время после того, как наша необъятная страна немного оправилась от ужасной войны. Мы с Вами, уважаемый читатель, сами жили в эту пору, чем-то благословенную и чем-то презренную. Всё видели, многое узнали, в т. ч. о лайках.

В это наше время мы получили лучшие в мире (без преувеличения) заводские породы северных собак, но почти совсем забыли об аборигенных лайках.

Предыдущая глава показала, что на нашем Севере были аборигенные породы, и были основные инструменты для племенной работы – стандарты этих пород, но...

В 1947 году научный сотрудник ВНИО (затем ВНИИОЗ) Эдмунд Иосифович Шерешевский предложил новую классификацию лаек. Она была основана на принципе, в соответствии с которым формирование породы лаек должно происходить в результате слияния местных, близких по типу отродий в пределах обширной географической зоны. Эта классификация справедливо критиковалась, но всё же была принята в том же году Всероссийским кинологическим совещанием.

В 1949 году были утверждены временные стандарты новых четырех пород лаек (якобы появившихся за счёт слияния местных отродий): **карело-финской (русско-финской), русско-европейской, западносибирской и восточносибирской**. В 1952 году Кинологический совет Главохоты РСФСР утвердил постоянные стандарты первых трёх пород (подробнее см. у А. Т. Войлочникова, С.Д. Войлочниковой, 1982, 1992).

К началу 70-х работа с новыми заводскими породами лаек почти полностью вытеснила даже разговоры об аборигенных лайках. Для этого использовались всячески и настойчиво пропагандируемые тезисы о том, что аборигенных пород уже нет, что они уже давно слились или деградировали, что они не заслуживают быть заводскими как мало индивидуализированные и т. п.

При этом Росохотсоюз (затем Росохотрыболовсоюз) как «чисто» охотничья структура не обращал внимания на собак жителей побережий и оленеводов. Мол, у них собаки только ездовые или пастушьи, т. е. служебные. Лайками стали называть только таёжных северных собак. Причём рассматривались они лишь в качестве охотничьих пород. Появился ненужный, нелогичный термин «*охотничьи лайки*». Получилось «масло масляное». Мы же не говорим «охотничьи борзые», «охотничьи гончие»... Так и лайки. Все они охотники и в т. ч., и прежде всего (если они лайки).

Служебное же собаководство под командованием ДОСААФ довольно быстро о наших северных собаках «забыло». Чего стоил только приказ по служебному собаководству о том, что нужно считать служебными собаками всего порядка десяти пород (несколько овчарок, чёрный терьер, водолаз, эрдельтерьер...)? Что? Лайки разве не служили, не воевали?

Было ещё так называемое любительское собаководство, которое быстро перешло на тиражирование зарубежных экзотов.

Так что нашим аборигенным северным собакам не нашлось места в этой официальной кинологической тройце.

Всё же были кинологи, нередко периферийные, которые не хотели прощаться с аборигенными лайками. Но их голоса сопровождались странными, на непросвещённый взгляд, парадоксальными явлениями.

1952-й. Это год, когда утвердили постоянные стандарты трёх заводских пород лаек. Переиздаётся книга известного кинолога Ивана Ивановича Вахрушева «Охота с лайкой», увидевшая свет в 1950 году в Челябинске и Омске. Потом – ещё 3 переиздания (1952, 1953, 1957). И теперь – переиздание 1952 года в 2004 году. В предисловии автор пишет: «*Сохранение в чистоте местных пород лаек – наиболее простой способ не терять тех их качеств, которые веками были приобретены ими в связи с приспособлением к местным условиям содержания и использования*». Вот как! Мы-то думали, что переход на заводское разведение всего четырёх пород и есть самый простой способ сохранения лаек вообще. Что сохранить большое число аборигенных пород – дело очень уж сложное, безнадёжное, что этим можно оправдать их забвение...

Цитируем Вахрушева дальше: «В пределах Советского Союза из *наиболее устойчивых и хорошо сохранившихся пород* охотничьих лаек мы имеем на Европейском Севере породу **лаек коми**; на Азиатском Севере – в Западной Сибири – **мансийских и хантейских лаек**; в Восточной – **амурских лаек** народностей нанайцев, удэгейцев, орочей и др.; на Камчатке (отчасти и на материке – в Колымском и Верхоянском округах) – **эвенских лаек**, используемых исключительно только для зверовых охот. Одновременно там культивируется порода **камчатских ездово-зверовых лаек**, применяемых в основном как тягловая сила. Будучи одной из лучших пород ездовых лаек, они прекрасно работают и по разному промысловому зверю Камчатки. Среди них встречается много выдающихся соболятниц и медвежатниц.

Кроме перечисленных пород, в Карелии кое-где ещё сохранились отдельные экземпляры некогда славившихся рослых зверовых **карельских лаек**. Там же на смену им идёт мелкая **финно-карельская лайка** – продукт скрещивания **карельских лаек** с **финскими птичьими лайками**.

Далее на восток встречаются остатки **вотяцких (вятских) лаек**, сильно изменившихся от метизации с беспородными собаками. Всё остальное на Европейском Севере, именуемое лайками, это уже выродки былых пород **лаек (архангельских, олонекских, коми и др.)**...

На Азиатском Севере распространены малоизученные породы **якутских, забайкальских, монгольских лаек**, а на Колыме и Чукотке – **ездовых лаек**.

Что тут скажешь? Две цитаты из Вахрушева кратко, но чётко обозначили объекты нашего внимания, их географию, состояние и «*наиболее простой*» способ решения задачи сохранения этих объектов (*аборигенных пород лаек*). Так почему же эта задача не решалась? Почему сам Иван Иванович к 50-м годам как заводчик переключился с аборигенных лаек на заводских – **западносибирских**?...

1956 год. В объемном, прекрасно изданном, несколько официозном издании второго тома «Настольной книги охотника-спортсмена» В. В. Рябов, автор уже цитированной нами книги об **эвенкийской лайке**, пишет (видимо по обязанности) о стандартном официальном разделении охотничьих лаек на четыре основные типы (породы). Но далее следует искренняя информация о наличии в стране **лаек коми, мансийской, хантейской, эвенкийской, ламутской** и др. И пожелание: «А кинологи должны понять, что нельзя допускать перерождения разнотипных лаек в одну породу остроухой охотничье-промысловой собаки. Лаяк нам нужно много, и, главное, различных по типу и характеру работы в различных по природным условиям угодьях». Мало того, эта энциклопедия охотника включает цветную вкладку рисунков пород охотничьих собак нашей страны. И здесь – только 2 лайки: **ненецкая и вогульская** (всего же на вкладке изображена 21 порода собак).

Ненецкая и вогульская лайки. Из: Настольная книга охотника-спортсмена, 1956

Любопытно, что указанное «серьёзное» издание называет *английского, ирландского* сеттеров и сеттера-гордона соответственно крапчатым, красным и чёрно-подпалым сеттерами. *Англо-русская* гончая именуется пёстрой или пегой. Зато, как-то «проскочила» *венгерская* легавая. Так мы «боролись с преклонением перед Западом». Так было, такая была «установка». Тем не менее, книга очень интересна, информативна. Для старшего автора она была чуть ли не культовой. И дорогой – 32 р. 60 к. Пришлось вместе с верными друзьями тайно от родителей собирать деньги, а приобретённую ценность прятать в саду, в тайнике под дёрном.

До сих пор непонятно, почему тогда государство, «борясь» со всем иноземным, не дало «установку» на сохранение *отечественных* аборигенных пород собак.

Альманах «Охотничьи просторы» в 1958 году (№10) публикует полемическую статью-письмо кинолога и охотоведа с большим стажем практической работы М. Г. Волкова, которую названо «Крик охотничьего сердца». Уже такое название говорит о многом. Вот цитата отсюда: «...нам, экспертам по лайкам, нельзя, под страхом дисквалификации, называть вещи собственными именами». *Эвенскую (ламутскую) и мансийскую (вогульскую)* лаек оценивали на 25-ой юбилейной выставке в Москве на ринге *западносибирских лаек*. Тогда говорили «похожая на *эвенскую*», «похожая на *мансийскую*» и т. д.

Михаил Георгиевич Волков. Из архива авторов (фото подарено В. В. Волковой)

Здесь же М. Г. Волков пишет о том, что ученый зоолог и эксперт-кинолог Дальнего Востока, знаток *амурской лайки* К. Г. Абрамов извещил, что пока не будет пересмотрен стандарт *восточносибирской лайки*, он воздержится от судейства. Потому что «не может себе позволить портить ценности, созданные народами Дальнего Востока». Не приняв тенденций тогдашней официальной кинологии, К. Г. Абрамов вынужден был отойти от работы по собаководству.

Но не успокоилась на этом «кинологическая» душа Константина Георгиевича. Не прошло и года после ухода природоведа из нашей жизни как в альманахе «Охотничьи

просторы» (№16) появилась его последняя статья о лайках (Абрамов, 1962). Её автор остро полемизирует с ведущими кинологами страны, резко отрицает надуманный стандарт **восточносибирской лайки**, которой «нет в реальности». И снова настаивает на официальном признании стандартов лаек Дальнего Востока и Восточной Сибири, которые «остались на месте» и никак не могли слиться в одну породу по причине того, что они разные и обитают географически и пользовательно разобщённо.

Любителям аборигенных лаек эту статью важно прочитать внимательно и полностью.

Константин Георгиевич не был учёным по образованию, но профессором по жизни. Поэтому здесь более уместен не парадный его портрет.

Константин Георгиевич Абрамов. Приморский государственный объединённый музей им. В. К. Арсеньева. Именной фонд Константина Георгиевича Абрамова

А вот абрамовский перечень **лаек**, на признании которых он настаивает. Здесь и ёмкое, но понятное кинологам их описание.

«1. **Амурская** зверо-упряжная (описана К. Г. Абрамовым): среднего роста, широкогрудая, с мощным костяком и мощной мускулатурой, ухо невысокое, колодка почти без подхвата (подрыва).

2. **Эвенкийская (тунгусская)** (описана В. В. Рябовым): рослая, мощная, сухая, ухо средней или выше средней длины, колодка с подрывом.

3. **Эвенская** зверовая (описана М. Г. Волковым): выше среднего и крупного роста, крепкая, ухо средней и выше средней длины, колодка борзоватая, довольно бедно одетая, хвост нередко несет по-волчьи – поленом.

4. **Саянская** охотничья **лайка** (описана В. В. Рябовым): рослая, с удлиненной колодкой, псовина повышенной длины, несколько борзоватого типа.

5. **Забайкальская** (описана М. Г. Волковым): наиболее мелкая из всех.

6. Ездово-зверовая **камчатская** (описана М. Г. Волковым): крупная, волкообразная, ухо средней длины, длина псовины средняя».

Действительно, видно и неспециалисту, что лайки разные, разобщены территориально, службу несут тоже неодинаковую. Две породы из них (**эвенкийская** и **эвенская**) – аборигенные (национальные), что следует из названия, принадлежат коренным жителям. Остальные – местные (региональные), утратившие связь с конкретным народом-аборигеном.

На следующий год, в 1963-м, В. В. Рябов опять поднимает вопрос об аборигенных породах в статье «Ещё раз о марийской лайке» журнала «Охота и охотничье хозяйство». Вот цитата: «...с вымышленными, на несуществующих в природе лаек стандартами достаточно уже намучились, и пора по-серьезному, по-деловому пересмотреть этот вопрос и утвердить стандарты на действительно существующие до последнего времени породы (отродья) лаек: на **коми**, на **мансийскую**, на **хантейскую**, на **эвенкийскую**».

Или очень трудно было в то время идти против московских «родителей» заводских лаек, или сильна была пропаганда официального кинологического мнения.... Но уже в конце 60-х нам тоже казалось, что породными можно считать только лаек четырех уже указанных официальных пород. Особенно нравились **западносибирские лайки** из Москвы. Разносторонне показал себя на камчатских и карпатских охотах наш Узон Авачинский 3100/лзс, сын ч. Аяна 1086/лзс И. И. Шурупова и Грозы 1229/лзс.

Камчатка. Узон на охотничьей чайвке. Фото Б. Широкого

Хороши были и другие московские собаки, всё же запомнилась интересная домашняя беседа об аборигенных лайках с П. Ф. Тарханевым в Свердловске, которого другие эксперты-кинологи считали чудачком за постоянные разговоры о якобы не существующих породах. Запомнилось старшему из авторов – начинающему эксперту по лайкам и пожелание А. П. Мазовера всё же описывать, по возможности, аборигенных собак на Северо-Востоке (мол, пригодится).

Да, по-своему хороши четыре заводские породы наших лаек: **руско-европейская, западносибирская, восточносибирская и карело-финская**. Первые три из них получили международное признание.

НО ПОЧЕМУ ЖЕ ДЛЯ ЭТОГО НАДО БЫЛО ЖЕРТВОВАТЬ АБОРИГЕННЫМИ ПОРОДАМИ!?

Сейчас представляется, что можно было вести отечественное лайководство двумя путями: сохранять аборигенные породы в чистоте и параллельно, при желании, создавать новые породы путем скрещивания аборигенных. Подобную мысль высказывал Н. А. Смирнов еще в 1936 году: «Где хватит заводского материала высокого качества – восстанавливать в чистоте и улучшать существующие породы и отродья, где же такового не хватает – не останавливаться перед планомерным образованием новых пород». Выбран же был только второй путь...

О заводских породах лаек написано (и переписано) довольно исчерпывающе, в частности А. Т. Войлочниковым и С. Д. Войлочниковой (1992 и более ранние издания). Стандарты этих широко известных лаек, которые не раз уточнялись, частично изменялись, переписывать не будем – читатель легко найдёт их в ряде изданий и переизданий. Но всё же акцентируем некоторые, не всем известные сведения о породах, что создавались в основных кинологических центрах страны: Москве, Ленинграде, Свердловске, Кирове и др.

Русско-европейская лайка

Порода формировалась преимущественно в Москве и Ленинграде из **лаек хантейской** (и других из Западной Сибири), **коми, карельской, архангельской, вотяцкой, костромской, марийской** и др. (Войлочников, Войлочникова, 1982 и др.) При этом для закрепления желательного типа и окраса широко применялось тесное инбридирование. Так что **руско-европейскую лайку** нельзя отождествлять с какой-нибудь исконной породой – это *новая порода*, полученная путем межпородного скрещивания, а не «естественного слияния близких аборигенных отродий», как часто писали. К чести селекционеров, порода унаследовала основные качества аборигенных предков. Была создана «настоящая» лайка, в отличие от лайкоподобных «новоделов» Запада. Поэтому она и распространилась вплоть до Камчатки.

***Руско-европейские лайки** Тамбей Мамонова В. И. от Нерона и Лады питомника ВНИИОЗ, Талька Колосова Э. П. от Карата и Дочки питомника ВНИИОЗ и Гроза Бессмертного Б. Г. IV Камчатская выводка охотничьих собак 14 апреля 1974 г. Фото Эдуарда Малиновского из архива авторов*

Но корректно ли названа порода «**руско-европейской лайкой**», которая первоначально именовалась даже **русской европейской** лайкой (Шерешевский, 1949, 1952). Ведь русские имеют к ней отношение не большее, чем те же коми, вотяки и др. Да и «сделана» она не только русскими... Нехорошо обижать народы, которые сохранили нам лаек. У теперешних русских, белорусов, украинцев в далёком прошлом (см. первую главу) тоже были свои лайки. Где они?..

«Основу этой породы составляют **архангельская, новгородская, коми лайка** и несколько слившихся с ними близких отродий (**карельская, вотяцкая** и др.)». Эта неправда с умысленным выведением на первые два места как бы русских пород не случайно обозначена в только что упомянутых работах уважаемого (без иронии) Эдмунда Иосифовича. Да Бог с ним, с названием – привыкли.... Хорошая лайка! На испытаниях по белке нередко превосходила своих более крупных собратьев.

Западносибирская лайка

Наиболее популярной из заводских лаек и вообще из охотничьих собак СССР, особенно в 60—70 годах, стала **западносибирская лайка**. Только из Москвы и Московской области за 40 лет существования породы вывезено в разные концы страны около 15 тысяч щенков с родословными документами (Шурупов, 1993). На самых представительных выставках охотничьих собак эти лайки заметно преобладали.

В 1976 году старшему автору посчастливилось работать под началом очень грамотного и доброжелательного эксперта Вячеслава Александровича Курилкина на ринге лаек 48-й Московской областной выставки охотничьих собак. Голова шла кругом, когда нужно было расставить по местам **160 западносибирских лаек** – *только сук!* Удивило, что чуть ли

не каждый владелец дотошно боролся за место в ринге своей любимой и, конечно же, самой лучшей питомицы. Доходило до смешного – ведущему важно было, скажем, 136-е или 137-е место займёт его непревзойдённый экспонат. Продолжалась эта расстановка-круговерть два дня, под жарким июньским солнцем.... На современных выставках вряд ли увидишь такое количество лаек и такую тщательную работу экспертной комиссии, доброй и уважающей собаку и владельца.

Теряя аборигенных лаек, охотники (и не только) даже самых отдалённых закутков страны приобретали **западносибирских лаек**, тем более, что они были «с документами». Да и качество собак этой породы было высоким, несмотря на то, что тиражировались они интенсивно.

Выше были сказаны хорошие слова об этой породе, но, прежде всего, **западносибирская лайка**, вернее, «лидеры» этой породы непреднамеренно вредили аборигенным породам наших северных собак. Попадая в те немногие места, где еще имелись очаги местных лаек, **западносибирские лайки** способствовали их исчезновению. Местные и аборигенные лайки не удостоивались внимания ни охотоведов, ни экспертов-кинологов. Ведь почти все эксперты по охотничьему собаководству того недалекого времени прошли московскую школу и знали только заводских лаек.

Но обратим внимание на происхождение **западносибирской лайки**, кого она «поглотила»? Это, прежде всего, **мансийские (вогульские), хантейские (остяцкие) лайки**. А также **коми (зырянские), уральские, удмурдские, эвенкийские, эвенские (ламутские), ненецкие лайки**. А еще береговые лайки народов Северо-Востока, немецкие овчарки, австралийские динго... (Шурупов, 1993). Не удивительно, что получилась очень красивая, умная, жизнестойкая, какая-то оптимальная и *перспективная порода*. В кинологические центры страны старались завозить лучшее из того, что встречалось в «лаечьих» местах. А с чуждыми и случайными кровями порода столь богатая аборигенными корнями легко справлялась.

Несколько настораживает то, что **западносибирские лайки** всё больше растут и крепчают вслед за поднятием планки роста при нескольких «улучшениях» стандарта (на выставках эксперты невольно ставят таких собак в начало ринга). В результате их потомство утрачивает живость, энергичность, подвижность, столь характерные для тех былых лаек. Но это – в общем случае. А вот, на следующей фотографии мы видим отнюдь немало, импозантного, хорошо одетого кобеля **западносибирской лайки** и веское доказательство его добычливости на плечах у любимого владельца – охотника и лайковеда Владимира Ивановича Четверика.

Новокузнецкая тайга, или в гостях у Александра Злобина. Ноябрь 1989 г. В. И. Четверик и его «Улькан» ВРКОС №4890/лзс. Из архива авторов. Фото подарено В. И. Четвериком

Востоносибирская лайка

Заводская **восточносибирская лайка** помоложе, еще *не устоявшаяся порода*. Как и другие культурные лайки, она не тождественна ни одной из аборигенных пород. Многие неверно считают, что в основе её стандарта – описание **амурской лайки** К. Г. Абрамова (1940). Но, во-первых, в официальном стандарте этого нет. Там написано, что она создана «на базе охотничьих промысловых собак местных близких отродий лаек и в первую очередь **эвенкийских**». Во-вторых, это тоже неверно.

Стандарт **восточносибирской лайки**, как и остальных трех заводских пород лаек, основан на стройном умозрительном заключении о том, что наши северные собаки с запада на восток должны быть всё крупнее, крепче, богаче одетые (по Шерешевскому). Только народы нашего Севера, Сибири и Дальнего Востока не знали, что должен быть такой стройный ряд пород и обладали, в т.ч. и в Восточной Сибири, разными собаками, часто небольшими. Но стандарт **восточносибирской лайки**, а за ним и выставки, приветствовали самых крупных и крепких (грубоватых) собак. Что, между прочим, сказалось и на их охотничьих качествах.

Экспертной комиссии под председательством настоящего охотника-лаечника из Перми, эксперта Всесоюзной категории В. И. Четверика довелось в 1989 году оценивать работу собак зоны Сибири и Дальнего Востока на зональных состязаниях лаек по белке в 60 км от Кемерово. Так вот, рослые, грубоватые, довольно флегматичные кобели **восточносибирской лайки** показывали худшую работу, а лучшую – небольшие сухие собаки.

Судейская бригада №2 на состязаниях лаек Сибири и Дальнего Востока в г. Кемерово, 1989 г. Слева направо: Б. И. Широкий, участник состязаний, В. И. Четверик, А. А. Злобин. Из архива авторов. Фото подарено В. И. Четвериком

Не в ущерб породе будь сказано (наш опыт общения с ней не такой уж большой), но и раньше, в середине 70-х годов **восточносибирских лаек** пробовали камчатские охотники. Правда, в данном случае – по медведю.

Перед притравкой, ещё в городе кобели **западносибирской лайки**, робея перед крупными собаками, их облаивали (см. фото – спокойна только сука). Но в угожьях эти чёрные кобели один за другим панически ретировались, причуяв запах страшного «чёрного зверя».

Собрались на притравку по медведю. Слева – западносибирские, справа (чёрные) – восточносибирские лайки. Петропавловск-Камчатский. Фото Б. Широкого

Конечно же, мы с Вами, читатель, убеждены в том, что нет лучших или худших пород лаек. Показанные случаи вполне могли быть именно случайными, нетипичными для породы в целом. Более того, представляется, что в условиях промысла в захламлённой, да ещё горной тайге такие рослые собаки имеют преимущества. Да и нарточку с охотничьими припасами потянут получше мелких собак. А что до отношения лаек к медведю на Камчатке, то имеет место следующий феномен.

Нигде не сыщешь столько медведей как в этом крае. И многие собаки знакомятся с их запахом ещё щенками. Для этого достаточно гулять с ними даже недалеко от города, посёлка. Вероятность пересечения медвежьих троп очень большая. Вот собаки и привыкают к запаху медведя как к чему-то вполне обычному. Что, кстати, сказывается на их вязкости и злобности при встречах с медведем, тем более, на испытаниях. Часто лайки, живущие на Камчатке, облают его, немного побегут за уходящим... Но по всему видно, что зверя не боятся. Характерно, что это относится и к местным ламутским лошадям, которых содержат на свободе, в лесу. Нередко можно увидеть таких лошадей и медведей, пасущихся на одном лугу. И совсем не возражает ламутский конь, когда выучишь на него добытого «хозяина тайги» (правда, так о камчатском медведе не говорят).

Карело-финская лайка

Эта порода ещё не признана ведущими международными клубами, в отличие от трёх предыдущих. Очевидно, потому, что мало отличается от **финской лайки**. Многие разводят их как одну породу.

Подрастающий щенок карело-финской лайки Амбон Флёрова Г. Б. на ринге III Камчатской выставки 14. 05. 78. Из архива авторов

Тем не менее, *порода* интересная, хорошо показала себя на разных охотах даже далеко на севере Камчатки. Доволен был лайкой этой породы охотник и страстный краевед (было что посмотреть в его коллекции) Р. Н. Сиволобов. Это он, Родион Николаевич, вопреки учёным продвигал (может, и сейчас) идею о наличии на Северо-Востоке огромного медведя-иркуйема неизвестного зоологам вида.

И вулканолог Глеб Флёров тоже выбрал спутником в своих нелёгких экспедициях именно **карело-финскую лайку** (оба они на фото).

Итак, были у нас десятки разносторонних аборигенных пород северных собак (лаек), а стало четыре заводские породы. Причём декларируется, что это чисто охотничьи лайки. Потому что ими занимался и занимается *Росохотрыболовсоюз*. Но лайки, хоть и заводские, остаются лайками – нашими северными собаками, способными на многое. В них – крови примитивных собак разностороннего использования. И централизованная племенная работа велась на сохранение не только внешности примитивных собак, но и всех их преимуществ. Надо отдать должное «родителям» этих пород. Результат замечательный! Эти культурные и в то же время примитивные лайки показали и ещё покажут себя с разных сторон в лучшем виде...

Расцвет заводского лайководства в 60-х и 70-х годах обязан ряду факторов. Два из них представляются нам особо значащими. Это чёткая централизованная система собаководства *Росохотрыболовсоюза* и неповторимый энтузиазм любителей и знатоков лаек.

Сейчас кажутся символическими зарплаты штатных кинологов, оплата труда экспертов, рекомендованные цены на щенков. Но люди шли в охотничье собаководство. Им было интересно...

Можно и нужно критиковать то заводское лайководство, но кто хотел, даже на самой дальней периферии, получал из центров кинологии всё для реализации своего лаечьего интереса. От щенков до всех нужных нормативных документов и специальной литературы. Так же распространялись из кинологических центров до окраин страны энтузиазм и подвижность именитых лайководов.

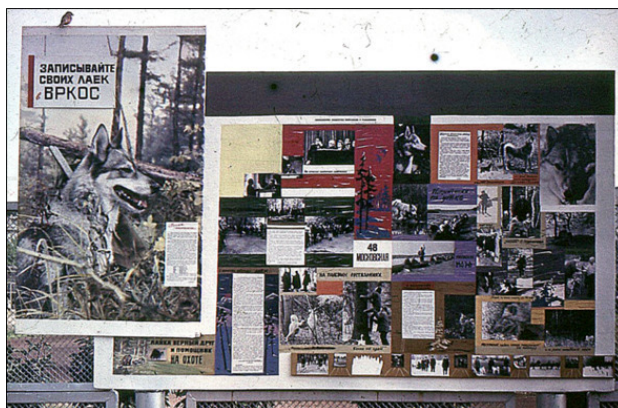

Члены Всероссийской кинологической секции *Росохотрыболовсоюза*.
Фото Е. Н. Цыганкова из архива авторов

18 июня 1976 года старший из авторов участвовал в заседании Всероссийской кинологической секции, члены которой собрались в опытном охотхозяйстве в Петушках Владимирской области. Некоторые читатели смогут узнать на прилагаемой выше фотографии энтузиастов охотничьего собаководства 70-х годов. Большинство из них приехали издалека, где в разной степени занимались лайками. Сергей Михайлович Белоглазов сообщил тогда, что на 1 января 1976 года зарегистрировано 42 676 лаек!

Размах заводского лайководства в это время можно иллюстрировать ещё и такими числами. На самых крупных в стране Московских выставках охотничьих собак прошли экспертизы: в 1974 году – 486 лаек, в 1975 – 451. Ни одна из других пород или их групп не могла соперничать с лайками по таким показателям.

В меру сил и возможностей за центральными кинологами тянулись и периферийные энтузиасты. Как это происходило, читатель поймёт, если сумеет прочитать фотокопию заметки из «стенгазеты» 48-й Московской выставки, которая (как и другие выставки) кроме выполнения основной, зоотехнической функции была и праздником, и «кузницей кадров»...

Стенд лаечников на 48-й Московской выставке. 1976 г. Фото Б. Широкого

Текст заметки нами умышленно не перепечатан, чтобы показать её как документ из того времени. Несмотря на некий «советский» стиль, тут видно, как и о чём думали периферийные лаечники, каково было официальное отношение к аборигенным и местным лайкам...

Настояла на привете московским собаководам из далёкой Камчатки Людмила Владимировна Ушакова. И если уж говорить о романтизме и подвижничестве советских лаечников, то, прежде всего, о ней.

В день праздника московских охотников-собакотодов хочу поделиться нашими заботами и радостями.

У нас на Камчатке охота о лайкой, как промысловая, так и спортивная, становится все более популярной, несмотря на устоявшиеся традиции хапчинского промысла. С лайкой добываются пушной зверь (соболь, белка, горностей, выдра, норка, ондатра), все еще многочисленный у нас медведь, россомаха, рысь, северный олень, снежный баран. Все чаще применяется лайка при охоте на водоплавающую дичь. Местной охотничьей лайкой на Камчатке нет уже давно и наиболее любимой и пригодной для наших условий стала западно-сибирская лайка.

Секция охотничьего собаководства была организована у нас пять лет назад. Работа с западно-сибирской лайкой начиналась с определения количества и качества поголовья путем проведения регистрации собак и выводок, причем много времени и энергии уделялось нами пропаганде заводского разведения породы, необходимости ведения родословных записей и т.п. В ряде случаев, где это представлялось возможным, воссоздавались документы о происхождении.

Однако, с основными трудностями мы столкнулись при изразежной необходимости проверки рабочих качеств джек, так как белка, наиболее доступный вид для проведения полевых испытаний, практически отсутствует в южной части области.

В 1975 году мы впервые провели испытания джек по подручному медведю. Первый блин, утвердилось, комом, и полевой диплом получила лишь одна собака, но это был первый на Камчатке полевой диплом. И вот, меньше месяца назад, после организации станции притравки (также первой на Камчатке) на полевых испытаниях по подручному медведю показавшая работу на диплом уже три собаки. В результате 28 мая 1976 года на первой Камчатской выставке впервые в области во второй племенной класс введены четыре западно-сибирские лайки, причем три из них подлежат записи во ВРКОС.

Заметка из стенда лаечников на 48-й Московской выставке

С точки зрения москвичей наши успехи очень уж скромные, но для нас это большое начало. Камчатский любитель лайки, впервые увидевший на собаче Большую серебристую медведя, становится более активным, начинает понимать смысл племенной работы.

Мы регистрируем ежегодно уже порядка ста собак и стоим на правильном пути. Об этом свидетельствует членство в младшей возрастной группе собак высоких экстерьерных качеств и первое "отлично" в средней возрастной группе. Планируем проведение в ближайшее время полевых испытаний по глухарю, утку, оленю и волчьему медведю.

Пользуясь предоставленной мне возможностью, хочу от имени камчатских охотников выразить глубокую признательность московским кинодогам и, в первую очередь, Людмиле Владимировне Усковой. Ведь благодаря вам у нас есть и будет теперь всегда эта прекрасная собака - охотничья лайка. И охотник-любитель и промысловик давно уже не ищут собаку в районах промысловой охоты, в отрядах приобретают ее в наших кинологических центрах. Камчатский же охотник наиболее высокого мнения о рабочих качествах собак из Москвы. Особенно хорошую оценку они ставят уникальным качествам, в частности изразежной, собак - потомков московской линии чемпиона фомки Кавенного.

Председатель секции охотничьего собаководства при Камчатском облхотоблизестве
Б.И.Широкий.

От редакции:
Московский секция любителей джек приветствует камчатских лаечников, поздравляет с первыми успехами, обязуется и впредь оказывать всестороннюю помощь в заводском разведении породы на далекой и близкой Камчатке.

Окончание заметки из стенда лаечников на 48-й Московской выставке

Как очень многие лаечники, старший автор имел удовольствие от общения с Людмилой Владимировной в лесной обстановке, на испытаниях лаек по белке в Подмоскowie. Подкупали её искренняя доброжелательность и к людям, и к собакам. Лайка, не показавшая хорошую работу, всё равно была обласкана, получила много комплиментов и осталась для своего владельца самой лучшей (мол, сегодня не повезло).

Людмила Владимировна Ушакова. Фото А. Кравченко из: Антонов, 1992

Несмотря на уважаемый возраст, в глазах этой красивой женщины совмещались оптимизм и ироничность. Дорожила Людмила Владимировна своим, как сейчас говорят, имиджем охотницы. С **западносибирской лайкой** Ушкой белковала в тайге (говорила, что в поезде ружьё прятала, дабы не вызывать насмешек). На чаёвке после испытаний отвергла предложенные сладости и по-охотничьи закусил солёным огурцом рюмку водки. Находясь и надышавшись лесного воздуха, на обратном пути к электричке те, кто помоложе, едва плелись. И вдруг интересуется Людмила Владимировна: «Ну-ка признавайтесь, кто устал? Вот у меня, например, ноги гудят». А ведь бродила по лесу больше всех, с каждой собакой...

Никакой сверхности над новичками, несмотря на то, что знала лаек, особенно **западносибирских**, лучше всех, и работу с ними вела огромную. В её московскую квартиру был вхож любой из нас, лаечников...

Как-то непростительно мало мы тогда пользовались фотоаппаратом. Вот и приходится позаимствовать портрет Людмилы Владимировны Ушаковой из доброй статьи Ю. Антонова, посвящённой её памяти (1992).

И не мистика ли опять... В журнале «Охота и охотничье хозяйство» (№11—12, 1992), где помещена статья о Л. В. Ушаковой, на обратной стороне обложки – большое фото **ненецкой лайки**. Именно в 1992 году мы занялись этой породой вплотную...

Так интерес и любовь к лайкам шли к новым поколениям. От таких, как Людмила Владимировна, до самых что ни есть периферийных новичков.

В самом начале 70-х на Камчатке нам, наконец, досталась желанная лайка с родословными документами. И пришлось организовать в областном охотобществе секцию охотничьего собаководства, чтобы зарегистрировать собаку.

В сибирской тайге такая собака может оказаться хорошей соболятницей. Фото А. Велижанина на обратной стороне обложки журнала «Охота и охотничье хозяйство», №11 —12, 1992

Начало работы секции уже показано выше, в заметке на Московской выставке. Так и было. Один за другим присоединялись любители собак к работе секции, преимущественно лаечники. Вникали, читали, учились... Стали экспертами по лайкам (что было не просто в такой дали от Москвы). Вначале – постоянный коллега и надёжный друг Валерий Подопригора. Это его знаменитый Тынграй показывал очень красивую осмысленную работу по медведю (и не только).

Тынграй 3105/лзс Подопригоры В. И. Из архива авторов

Валерий Иванович Подопригора с молодым Барсом на IV Камчатской выставке 20 мая 1979 года. Из архива авторов

Затем экспертом по породам лаек стал основательный заводчик Сергей Попов. В начале нелёгких, но интересных 90-х он вложил много незабвенного труда в наш питомник аборигенных лаек.

Конечно же, в кинологию их привели любимые собаки. Как правило, именно так лайки способствуют кинологическому образованию охотников и разного экспедиционного люда.

В наших занятиях участвовали и будущие охотоведы. Татьяна Дремухина и Виктор Тимко использовали материалы секции для своих дипломных работ.

Радовались и гордились мы каждому успеху, пусть незначительному на фоне лайководства Росохотрыболовсоюза. Ведь всё было в первый раз, впервые на Северо-Востоке страны...

Первые выводки, выставки, испытания... Пока наше охотобщество не имело своих экспертов, экспертизу собак проводили директор Кроноцкого заповедника В. Н. Савинов и начальник Камчатского управления промысловой охоты К. Ф. Кудзин. Несмотря на тотальную занятость, они находили время, чтобы поддержать наши инициативы. Будучи экспертами-лаечниками (единственными на Северо-Востоке), на выставках и испытаниях делились с нами немалым опытом и любовью к лайкам...

Первые собаки, записанные во Всероссийскую родословно-племенную книгу охотничьих собак (ВРКОС). Естественно, первым записали Узона Авачинского 3100/лзс, конечно же, Широкого Б. И. Обычное явление: собаки выводят владельцев в кинологи, а они своих питомцев – «в люди». Кстати, приставку Авачинский получил Узон за восхождение в юности на вулкан Авача (знаете – как «Дмитрий Донской», «Александр Невский» и др.).

Первая собака племенного класса «элита»! Это был Дик 3102/лзс Вакина Е. А. Учёный вулканолог Евгений Александрович, грамотный и очень дисциплинированный заводчик вёл племенную линию своего Дика (от ленинградских собак).

Узон со товарищи перед штурмом конуса Авачинского вулкана. Фото Б. Широкого

Его доброжелательность и порядочность быстро располагала к себе очень разных людей. Причём, в любой обстановке их отношение к Евгению Вакину оставалось уважительным. Интересно, что эта уважительность как-то переносилась и на его собак, которые всегда вели себя достойно среди сородичей и людей. Недавно В. И. Подопригора сообщил, что теперь испытания лаек посвящаются светлой памяти Евгения Александровича.

Можно ещё много писать о беззаветной службе кинологов центра и окраин страны заводским лайкам и их владельцам того времени. А также читать во всех публикациях 50-х годов и далее, посвящённых лайкам....

Е. А. Вакин и его Дик на ринге III Камчатской выставки 14 мая 1978 года. Из архива авторов

А что же с аборигенными лайками? Их больше нет и не будет?... Как же быть с заверениями кинологов, которых мы цитировали в начале этой главы? Почему редко какая аборигенная порода удостоивалась должного изучения и, как правило, кинологи ограничивались упоминаниями, декларациями?

Ответ простой: такое было время, такие были указания-рекомендации, *об аборигенных породах не надо было писать.*

Приведём список названий аборигенных и местных лаек, о которых хоть как-то писали в советское послевоенное время. Кроме вышеупомянутых в начале главы, вместе с извест-

ным полярником доктором биологических наук Саввой Михайловичем Успенским (1984) вспомним ещё о **янских собаках**. Он отличал их от **колымских, камчатских и амурских** «сибирских упряжных собак». А этнограф Алексей Гаврилович Чикачёв (1990) рассказал ещё об **индигирских лайках**.

ТУНДРОВЫЕ ЛАЙКИ

ненецкая

ТАЁЖНЫЕ ЛАЙКИ

финно-карельская

карельская

коми-лайка

марийская

вотяцкая

мансийская

хантейская

тувинская

монгольская

эвенкийская

якутская

эвенская

саянская

забайкальская

амурская

БЕРЕГОВЫЕ ЛАЙКИ

енисейская

янская

индигирская

колымская

корякская

камчатская

анадырская

чукотская

Далее – неравноценные представления уже не так многих аборигенных (и местных) лаек данного периода.

Ненецкая лайка

Из аборигенных пород эта тундровая лаечка исключительна и в том смысле, что как-то не получалось у кинологов её забыть. В своей группе на нашем Севере она осталась одна, зато в виде отдельных мелких очагов её популяция охватила практически всю зону тундры и лесотундры СССР.

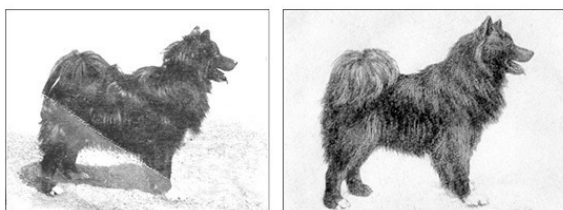
Показываем фотографию коллеги-геолога в надежде, что увидят её те, кто считает всех лаек одной породой.

*Лайки аборигенная **ненецкая** и заводская **западносибирская**. На р. Пр. Хетагчан, что между Коркодоном и Сугоем – правыми притоками р. Колымы. 1970 г. Фото Михаила Латына из нашей коллекции*

Об этой породе, с первого взгляда отличной от всех остальных лаек, долго ещё писали почти во всех изданиях, посвящённых лайкам. Часто для того, чтобы противопоставить её как «служебную пастушью собаку» заводским лайкам, так называемым охотничьим. При этом обычно предлагалось не называть породу лайкой, а, например, **оленегонной собакой**, **ненецкой пастушьей собакой**, т. п.

А вот в старой книге-альбоме «Служебное и охотничье собаководство» (1964) порода всё же названа правильно. И приводится фото типичной **ненецкой лайки**. Эта библиографическая редкость – подарок Эдуарда Германовича – верного любителя и заводчика аборигенных лаек Камчатки. Сейчас трудно представить, что было бы с **ненецкими лайками** и другими собаками нашего питомника в начале 90-х, когда нам было отказано в их размещении и содержании.... Если бы Эдуард не выручил, несмотря на свои большие трудности того «смутного» времени...

***Ненецкая лайка**. Из: Служебное и охотничье собаководство, 1964. Заметно ретушированная, да и по-иному названная эта собачка попала в издание 1973 года и другие.... Везёт же некоторым... Справа – **Ненецкая пастушья лайка**. Из: Пособие по собаководству, 1973*

Официального, единого стандарта **ненецкая лайка** не имела, несмотря на то, что в 30—50 годах породой занимались на государственном уровне.

Вначале это была компетенция Наркомзема РСФСР (отнюдь не кинологических структур), который рассматривал лайку жителей тундры как чисто пастушью, «сельскохозяйственную» собаку, совершенно необходимое «орудие труда» оленевода, способное резко повышать его производительность. А в 1948 году постановление Совета Министров СССР «О мерах по улучшению оленеводства районов Крайнего Севера» рекомендовало внедрение

в оленеводческие хозяйства **оленегонной собаки** как одно из первоочередных мероприятий. Об этом сообщает С. В. Мальгинов (1955), автор брошюры «Оленегонная лайка (Из опыта работы с **оленегонной лайкой** на Чукотке)». Это, пожалуй, единственное известное нам издание, посвященное специально этой породе. И в нём есть краткие сведения о первых **ненецких лайках** на Северо-Востоке.

В Якутию **оленегонки** попадали с 1940 по 1953 годы. Об этом сообщают сотрудники Якутского НИИСХ С. Б. Помишин, А. Д. Курилюк, Л. И. Голубев в 22 выпуске сборника «Магаданский оленевод» (1970). Первых 10 **оленегонных лаек** привез из Ненецкого национального округа В. П. Рочев – собаковод совхоза «Булунский». Они достались бригадирам-оленеводам этого совхоза. Организовал завоз Наркомзем Якутии. Затем несколько **ненецких лаек** завез для своих пастухов колхоз «Турваургин» (в 1947 году). К 1953 году такие собаки были уже в Абыйском, Среднеколымском и Жиганском районах. Всего в это время в девяти районах Якутии насчитывали около 180 колхозных и совхозных собак (не считая лаечек частных владельцев).

После этого **оленных собак** в Якутию не завозили – они там стали постепенно вырождаться. К 1970 году типичные **ненецкие лайки** стали встречаться крайне редко даже в северных районах республики и то в очень отдаленных стадах, куда к тому времени еще не проникли другие собаки.

Мы довольно подробно рассказали о Якутии, так как этот пример, в общем, показательен для указанного времени.

До 60 годов интерес к **ненецкой лайке** у нашего государства был достаточно заметным. Эти собачки демонстрировались на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Издавались различные инструкции и методические пособия по применению их как оленных (и только!). Таким пособием служило и упомянутое выше издание С. В. Мальгинова.

Как мы уже говорили, кинологические структуры (клубы) **ненецкой лайкой** в то время не интересовались. Питомники этих собак на Севере работали без кинологов, но, как могли, всё же тиражировали породу и тем послужили её сохранению. Последний питомник на Чукотке в пос. Марково чудом «дотянул» аж до 1989 года.

Какое-то время об этой лайке ещё писал упомянутый сборник «Магаданский оленевод» (4 статьи и заметки). Последняя собаководческая статья в этом сборнике названа «Где ты друг оленевода?» (Железнов, 1987). Такое название статьи – примета 60—80 годов. **Оленегонные лайки**, да и нартовые (береговые), уже стали государству ненужными.

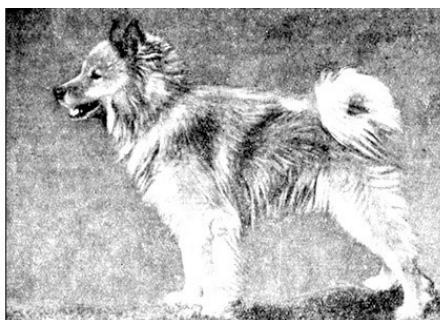
Властям, начальству больше хотелось видеть на Севере технику, «прогресс». Оленеводов стали снабжать гусеничными вездеходами, тракторами... Тундра быстро стала покрываться уродливыми, практически незаживающими бороздами от гусениц и тяжёлых саней, которые буксировались тракторами. «Народное» изобретение, почему-то получившее название «пена» – такой плоский железный короб без полозьев – также волоклось трактором по живой тундре с тяжёлым грузом. Ржавеющее железо – бочки из-под горючего, куски техники, а нередко и целые «неживые» трактора стали попадаться в самых «нетронутых» местах.

Вместе с этой технизацией в бригадах оленеводов увеличилось количество пастухов (попутно решалась и проблема занятости местного населения). Тундровое хозяйство становилось всё менее традиционным. И **оленные лайки** оказались как-то не очень нужными, востребованными – людей, чтобы бегать за оленями, достаточно, экономить на пастухах незначет. Тезис «одна **оленегонка** заменяет двух-трех пастухов» постепенно потерял актуальность.

В то же время **ненецкая лайка** становится всё более привлекательной для полевых геологов, которые закрывали последние «белые пятна» в ненаселённых местах нашего Севера. Этим ходакам небольшие, но «настоящие» лайки нравились своей контактностью, понятли-

востью, смыслённостью... И хорошо помогали геологам реализовать практически бесплатные лицензии (для организации общественного питания) на добычу оленей, лосей, снежных баранов. А ещё обеспечивали безопасность людей на стоянках и в маршрутах при встречах с медведями. Подробнее о лайках-геологах расскажем в главе «Что могут лайки».

Фото и, пожалуй, наиболее полное описание типичных признаков **ненецкой лайки** советского послевоенного времени находим у А. П. Мазовера (1954, 1960). Ознакомившись с ним (приложение 1.26) и сравнивая с предыдущими описаниями, увидим, что принципиальных отличий порода за свою историю не приобретает. Во-первых, тундровым кочевникам собачки понравились в том виде и качестве, какими их получили – изменять не нужно. Во вторых, люди и лайки тундры продолжают жить в относительной изоляции. Чего не скажешь о таёжниках и обитателях побережий.

***Ненецкая лайка** – кобель Арно, от Партизана и Буро, принадлежит заводу-питомнику «Красная звезда» (военным тоже эта порода была интересной – Б. Ш., О. Ш.). Из: Мазовер, 1954*

С удовольствием и пониманием важности момента позировали породные **ненецкие лайки** и геологам.

Малыш-2. На р. Пр. Хетагчан, что между Коркодоном и Сугоем – правыми притоками р. Колымы. 1970 г. Фото Михаила Лапина из коллекции авторов

Малыш-2. Колыма. 1970 г. Фото Михаила Лапина из коллекции авторов

Финно-карельская, карельская, коми, марийская, вотяцкая, мансийская, хантейская, эвенкийская, эвенская, амурская лайки

Эти таёжные лайки объединены общей судьбой. Все они после 1947 года были «зачислены» в предки новых пород лаек заводского разведения. И ускоренно предавались забвению, «рекомендованному» из центра охотничьей кинологии. В то же время (как мы показали выше) декларируется наличие этих *пород* в отдалённых местах. Описания и ранее утверждённые стандарты некоторых из этих лаек уже не публикуются. Хотя в *пяти* изданиях И. И. Вахрушев (от 1950 до 1957 годов) даёт очень краткую сравнительную характеристику некоторых аборигенных и местных лаек (последние два термина он считает синонимами). За неимением более пространных описаний цитируем уважаемого нами Ивана Ивановича.

«Отдельные *породы* лаек... наделены отличительными признаками, только им присущими.

Так, колодка, имеющая относительную растянутость у лаек, по мере передвижения границ их распространения с запада на восток, возрастает, начиная от лаек **коми (зырянских)**, чаще всего собак «квадратного» сложения, ... к **мансийским (вогульским)**, более растянутым, и затем к ещё более растянутым – **хантейским (остяцким) лайкам**.

По длине уха... последовательность будет следующая: самое маленькое ухо у **хантейских лаек**, длиннее у лаек **коми** и ещё длиннее у **мансийских**.

Самый косой разрез век у **хантейских лаек** и ещё в большей степени – у **эвенских (ламутских)**.

Грудная клетка **хантейской** породы лаек бочковата и рёбра её не доходят до локотков, у **коми** и **мансийской** – более овальной, вытянутой книзу формы... Такое строение грудной клетки придаёт иную отличительную форму и колодке. У **хантейских** лаек она вальковата, не создаёт заметного подрыва при переходе к области живота (брюха), у **мансийских** и **коми** этот подрыв заметен, подчёркивая незначительную борзоватость.

Если породы лаек смежных границ распространения не имеют столь резко бросающихся в глаза отличительных признаков, то лайки крайних географических точек распространения разительно отличаются. Например, **финские «птичьи» лайки** – с одной стороны, и **камчатские** ездово-зверовые – с другой. **Финские** птичьи лайки небольшие, 40—50 см роста, квадратного сложения, весёлые собаки; **камчатские** – могучие, угрюмые, похожие на матёрого волка собаки, ростом 57—65 см, или **эвенские** – лёгкие, борзоватые, 60—68 см роста».

О перечисленных выше прародителях заводских лаек в послевоенных изданиях можно найти, пусть немного, о **коми-лайке, марийской, мансийской, эвенкийской, эвенской и амурской лайках**. Не считая того, что сказано несколько выше и в начале главы.

Коми-лайка

Деревня Муфтыга в Коми. 60-е. Фото от Палевой Натальи Степановны

Кроме И. И. Вахрушева и В. В. Рябова, которые утверждали о существовании *породы лайки* народа **коми** (см. начало главы), послевоенная кинологическая литература её не обнаруживает. Понятно – создавалась **русско-европейская лайка**.... И слово «коми» в применении к лайке встречалось иногда в таком виде, как у эксперта Ю. Петрова (1963): «**русско-европейская (коми) лайка**». Такое неверное отождествление заводской лайки с одной из её аборигенных «составляющих» обсуждается отдельными кинологами даже в наши дни.

Правота же киологов И. И. Вахрушева и В. В. Рябова подтверждается показанной выше бытовой фотографией

Марийская лайка

Послевоенных лаек двух районов Марийской АССР обследовали эксперт Ю. Петров (в 1959 году) и старший охотинспектор Р. Г. Жуковский (в 1960 году). О результатах экспертизы Ю. Петров сообщил в статье «О **марийской лайке**» (1963).

Конечно же, экспертиза **лаек**, которых сам автор называет **марийскими**, проводилась на соответствие их стандарту **русско-европейской лайки**. И *аборигенную породу* эксперт именует отродьем. Так было надо.... Но нас интересует, что собой представляли в то время **лайки** народа **мари**.

«В настоящее время, как и прежде, с лайкой здесь никакой работы не ведут. Щенки родятся от «вольных» вязок, и если владельцы взрослой собаки еще иногда могут назвать ее мать, то отца обычно определить нет никакой возможности. Однако весь осмотренный материал подкупает своей однотипностью и очень хорошим телосложением. Почти все собаки имеют хороший костяк, сильные ноги, овальные в комке лапы, хорошо развитые грудь, холку, спину, поясницу, круп. Все собаки крепкие, сухие, очень подвижные, жизнерадостные с правильным прикусом.

Характерно, что в марийских деревнях совершенно нет явно непородных собак – дворняжек или помесей. Они встречаются только в русских деревнях, где почти нет промысловиков.

С большинством осмотренных лаек добывается много пушнины: белки, куницы, хоря, норки. Некоторые собаки ходят на медведя, притом в одиночку. Облаивают они и птицу – глухаря и тетерева...

По окрасу: черных и черно-пегих с белыми отметинами – 45 (54%) и других цветов – серых, серо-пестрых, рыжих – 38 (46%).

Средний рост (высота в холке) осмотренных лаек оказался для кобелей равным 51 см и для сук – 49 сантиметрам, с колебаниями в пределах: для кобелей 55 – 49 см, а для сук – 54 – 48 сантиметров. Индекс растянутости 100—105...

Надо сказать, что и мелкие (ростом 50— 48 сантиметров) лайки, в остальном полностью соответствующие стандарту, обычно являются рабочими. С ними добывается немало пушнины и птицы. Поэтому вряд ли нужно ставить этих собак вне породы».

Более чем достаточно для того, чтобы понять – **марийская лайка**, небольшая, крепкого-сухого сложения, энергичная охотница здравствовала. Но уже не была нужна кинологии Росохотрыболовсоюза – не вписывалась в стандарт **русско-европейской лайки**. Поэтому и просил эксперт из Йошкар-Олы «в новом стандарте на **русско-европейскую (коми) лайку** нижний предел роста допустить для кобелей 50 сантиметров, а для сук на 2 сантиметра ниже».

Сожалею, что не поместил Ю. Петров в свою статью изображения лаек, которые ему понравились – мало тогда фотографировали.

Мансийская лайка

О реальных послевоенных **собаках манси** – только фото. И те – не кинологические. Лайковеды, городские лайководы и лаечники в это время занимались, разводили, охотились и общались с заводскими лайками.

Манси Северного Урала. Весна 1958 года. Фото из серии «Суйватпауль», принадлежат семье известного советского фотографа Юрия Михайловича Кривоносова

Эвенкийская лайка

Даже в начале 70-х с этой лайкой было не так уж плохо. Например, на севере Иркутской области. О чём сообщал учёный кинолог Анатолий Владимирович Гейц (1971).

«По ориентировочным подсчётам, у охотников Катангского коопзверопромхоза насчитывается до 500—600 разной степени породности местных лаек.

Нам удалось увидеть только десятую часть местных собак.

Местные лайки отличаются крепким костяком, высотой в холке 58—62 см, индексом растянутости в пределах 106— 110%, очень хорошо развитым шерстным покровом, стоячими, хорошо подвижными, немного разбросанными в стороны (за счёт ширины черепа) ушами, окрасом (в большинстве) – черным и черно-пегим (53,4%), рыжим (21,4%) и серым (17,8%). Несколько чаще, чем в других районах области, встречаются чисто-белые собаки (4%).

Сигнал В. И. Баранова (пос. Ербогачен), «очень хорошо». Фото автора из: Гейц, 1971

Большинство лаек второй и третьей возрастных групп – хорошие рабочие собаки, оправдывающие себя на охоте.

По специализации среди местных лаек насчитывается работающих по белке – 80%, по соболю 60, по копытным – 40, по медведю – 15%. Многие собаки облаивают глухаря и подают из воды подстреленную утку».

Хороши были **эвенкийские лайки**.... Но, обратим внимание, что Анатолий Владимирович не называл их так в своих публикациях. Только – «местные лайки»... Нельзя было тогда сделать карьеру ведущего кинолога Восточной Сибири, называя собак народов-аборигенов своими именами... Московскому кинологическому начальству нужно было продвигать свой продукт – одну из объявленных пород, **восточносибирскую лайку** – очищать для неё место.

О наличии за Уралом собак этой аборигенной *породы* в послевоенное время говорит также И. И. Шурупов. Анализируя становление **западносибирской лайки**, в статье, которую мы уже цитировали (1993), он показывает следующее.

«При формировании современной московской группы (**западносибирских лаек** – Б. и О. Ш.) многократно использовались **эвенкийские лайки** (Тонторук Якутского п-ка Заготживсырья, Дымка Л. К. Шейнина, Кыкса Е. Е. Сыроечковского, Тунгус В. П. Радина, Лапчик П. Н. Константинова, Карел п-ка „Красная Звезда“ и др.). Первые две собаки происходили из Якутии, Кыкса и Тунгус – с севера Красноярского края, Карел – из Прибайкалья, Лапчик – из Иркутской области».

Эвенкийский охотник с пальмой и собакой. Фото автора из: Гейц, 1971

Значит, были ещё эти лайки... Студент-геолог Борис Широкий в 1962 году в верховьях Зеи видел их у эвенков, которые кочевали на оленях рядом с его партией. Очень похожи на лаек, что на этом фото из последних десятилетий советской власти.

Эвенк Дмитрий Гаврилович Кононов – один из опытных охотников Верхнебуреинского района. Хабаровский край. Фотохроника ТАСС. Из: «Охота и охотничье хозяйство», №11, 1977

Эвенская лайка

Напомним, что незадолго до войны **эвенскую лайку** описал охотовед-кинолог М. Г. Волков. В 1958 году он кратко повторил описание *породы* в статье, которую выше цитировали по иной причине.

Эвенская лайка с Камчатки «большого роста, лёгкого, пропорционального, гармоничного сложения, высокая на ногах, борзоватая, не очень богато одетая, без эффектного убранства псовины (шерстного покрова), издавна славящаяся как наилучшая соболятница, медвежатница, известная как ловчая собак (легко догоняет лисицу). Мой Дюмнар (в статье – „Дюмнар“ – опечатка, Б. и О. Ш.) имел рост в холке 67 см, а видел я кобелей **эвенских лаек** и покрупнее, причём и они были великолепно сложены (Дюмнар имел на выставке большую золотую медаль)».

Кучукан ВРКОС №88/л. Фото И. И. Лебедева из архива авторов (подарено В. В. Волковой)

Вот что писал о собаках М. Г. Волкова кинолог И. И. Шурупов (1933), член Кинологического Совета Росохотрыболовсоюза.

«Огромную и ещё не оценённую роль в становлении породы (**западносибирской лайки** – Б. и О. Ш) сыграл несправедливо, а может быть, и *умышленно забытый эвенский (ламутский) кобель* Дюмнар 26/л М. Г. Волкова, вывезенный в 1944 г. Из посёлка Аянка Пенжинского района Камчатской области. Вторым **эвенский кобель** Тваян того же владельца оставил менее значительный след в породе через Кучукана 88/л».

Мы располагаем оригиналом фотографии Кучукана Волкова М. Г., рождённого 11 января 1951 года от Тваяна и Аянки 44/л. Его оценка экстерьера – отлично.

Сам же М. Г. Волков поместил своего Кучукана (без указания клички) в журнале «Охота и охотничье хозяйство», №3, 1974. В статье, где всюду (в тексте и под иллюстрацией) вместо слова «**эвенская**» напечатано «**эвенкийская**». Непростительная ошибка редакции!

Эвенская (а не «эвенкийская») зверовая лайка. Фото И. И. Лебедева

А вот ещё **эвенские лайки** завода М. Г. Волкова на фотографиях, которые нам подарила его вдова Вера Васильевна. Подписей нет.

Эвенские лайки завода М. Г. Волкова. Фото из архива авторов (подарены В. В. Волковой)

Добавим ещё, что с 1943 по 1948 гг. в Мильковском районе Камчатской области существовал организованный В. Г. Волковым питомник **эвенских лаек** (из неопубликованного отчёта А. В. Гейца и др.; см. также ниже, где – о **камчатской лайке**).

Амурская лайка

В 1958 году тот же М. Г. Волков в уже знакомой нам статье ещё раз кратко характеризует эту *породу*, которую принято считать одним из предков **восточносибирской лайки**.

Амурская лайка из Нанайского района Хабаровского края «...среднего роста (сантиметров на пять-шесть ниже ростом эвенской лайки), массивного сложения, длинная, широкогрудая, богато одетая (шерстный покров мощный, значительно пышнее, чем у всех других охотничьих лаек), очень сильная и смелая собака, идущая и на мелкого и на крупного зверя, вплоть до кабана и тигра. Применяется охотниками также как подпряжная собака в грузовых нартах, по таёжному бездорожью (в охотничью грузовую нарту подъёмностью 200—250 кг в помощь охотнику подпрягаются 1— 2 собаки, изредка 3)».

Фото 30—40-х годов из Троицкого музея от Марины Кузиной

Фото 50-х годов из Троицкого музея от Марины Кузиной

Похоже, что в советское время кинологи об **амурской лайке** позже ничего не публиковали. Если не считать трёх строчек К. Г. Абрамова (1962), что мы показали в начале главы. Но нанайцы и удэгейцы в это время всё ещё сотрудничали со своими лайками...

Хабаровский край. На многие десятки километров от родных селений уходят за пуш-ниной таёжные следопыты – нанайцы и удэгейцы из артели «Красный удэ» Нанайского рай-она. На снимке: охотники колхоза «Красный удэ» на пути к промысловым угодьям. Фото Г. Хренова (ТАСС). Из: Сухомиров, 1960

Фото Юрия Муравина. Из: Муравин, 1973

Вот и всё, что говорено в это время о тундровой и таёжных собаках, кровь которых присутствует в лайках заводских пород. Но в списке – и другие названия лаек жителей тайги.

Тувинская лайка

Среди вышеотмеченных таёжных лаек выделяется тем, что о ней кинологи даже не упоминают. Видно, не добрались до Тувы. Впрочем, вот!

Лайка Бобка, оценка за экстерьер «хорошо». Фото автора из: Сосунов, 1957

Этот Бобка в 1957 году был на выводке лаек в Тоджинском районе Тувинской авто-номной области. Здесь эксперт-кинолог оценивал местных собак. Как было рекомендо-вано, **тувинскими лайками** он их не называл. А ведь собаки этой *аборигенной породы* здесь ещё водились. В статье (Сосунов, 1957) о признаках породы кинолог немногословен: «...собаки имеют плотный шерстный покров. Задние конечности с хорошо выраженными углами сочленений. Крепкий костяк. Мускулатура хорошо развита». Вместе с фото – это уже не так мало...

Ещё один снимок **тувинской лайки** – из известной монографии Войлочниковых (1982, 1992). В тексте о ней – ничего...

Лайка из промыслового района Тувинской АССР. Из: Войлочников, Войлочникова, 1982, 1992

А как любовно рассказал (лучше кинологов) о своих верных спутниках в экспедиции 1949 года на Дальнем Востоке – «зверовых» лайках из Тувы геодезист и писатель Григорий Анисимович Федосеев (1956, 1958), известный любителям «таёжной» приключенческой литературы.

Описание легендарного Кучума и его матери Бойки не похоже на кинологическое, но доходчиво и образно показывает нам внешность и характер этих представителей **тувинских лаек** (есть и фото Кучума).

«Обе они – чёрные как ворон, похожие друг на друга, с белыми пушистыми бровями, светлыми грудками и крапчато-серыми чулками на ногах; согнутые крючком хвосты одинаково лежали на полношерстных спинах. Только Кучум был рослее Бойки. Его длинное, гибкое тело держалось на сильных ногах; морда нахальная, с хитрым прищуром глаз.... В натуре этого лохматого кобеля жила привязанность к людям. Бойка же была более замкнутой, всегда озабоченной, покорной. В лагере её не заметно, но возле зверя – не узнать! Работает она напористо, чётко, откуда только ловкость берётся! *В этот момент все собаки подчиняются ей.* Но как только минует опасность, она снова уходит в себя, становится тихой, ласковой и незаметной».

Кучум. Из: Федосеев, 1956, 1958

Sapienti sat! Чтобы понять, что это за лайки.

Выше мы подчеркнули слова о том, что на охоте лайки быстро определяют лучшего в своей стае. Хочется попутно поделиться примером подобного из нашей практики испытаний охотничьих качеств лаек.

На Камчатке в посёлке Мильково у охотника Петра Федоренко была **западносибирская лайка** Яна 5642/лзс, схожая характером с названной Бойкой из Тувы. На испытаниях по белке в мае 1982 года собакам и нам не повезло – и белки было очень мало, и дождь лил. Из пяти лаек только профессиональная соболятница Яна всё же нашла под этим дождём за одну работу 2 белки. Пусть это был диплом только 3-й степени, но она убедила нас за время испытаний в своём первенстве. Остальные же собаки поняли, что Яна лучшая, тотчас, как только мы спустили всех с поводков по пути к машине. Они сразу же послушно устремились за своим лидером, в надежде, что Яна «добудет» живность. Несмотря на то, что собаки были между собой незнакомы, чтобы понять преимущества Яны им не понадобилось время на испытания (как нам). Лайки уразумели всё сразу. Наверное, в чём-то они сообразительнее нас....

В 1984 году Яна получила у объективного эксперта и нашего искреннего друга Валерия Ивановича Подопригоры диплом I степени по белке. А в 1988 году Валерий Иванович присудил дочери Яны диплом I степени по соболю. Звали новую молодую лайку Петра Федоренко Бойкой, как её **тувинскую** тёзку. Видно, и лаечий мир тесен...

Понимаем, что далеко не каждый из читателей ринется искать книги Федосеева, поэтому – ещё одна цитата: «Бойка и Кучум наследовали от своих предков, Лёвки и Черни, ... все качества зверовой лайки: страстность, прекрасное чутьё, неутомимость и преданность человеку. Они выполняют у нас большую работу и не раз выручали из беды. Мы по праву называем их своими четвероногими друзьями и не представляем себя в тайге без них. Бойка и Кучум легко улавливают тончайшие звуки, недостижимые для нашего слуха. По их поведению легко догадаться о присутствии поблизости зверя, переломе погоды и о многом другом. Это очень дополняет впечатления о местности, где мы путешествуем, делает наблюдения более полноценными. По лаю собак легко определить, с кем они имеют дело: на рысь, росомаху они нападают напористо, злобно; лося берут мягко, лают прерывисто, иногда с длительной паузой; колонка, соболя, загнанных на дерево или в дупло, облаивают однотонно. Белка их интересует только в сезон промысла».

Кроме того, эти лайки выручали геодезистов при опасных встречах с медведем. Кучум же исполнил роль поводыря слепого, причём не в городе – вывел из тайги знаменитого проводника Улукиткана, травмированного и на время ослепшего.

Таковы **тувинские лайки** и наши северные собаки вообще.

Яна 5642/лзс Петра Федоренко. Фото Б. Широкого

Монгольская лайка

Эта лайка уже в довоенное время *не обнаруживалась*.

Якутская лайка

Ураса в тайге. Якутия, 1954 г. Из: Николаев-Сомоготто, 1995

Якуты в тайге охотятся за горностаем, лисицей, и т. д. даже зимой, при температуре -60 С. Собака бежит впереди. Фото американского фотографа Дина Конгера. Оймякон. 1966 —1967 гг. Публиковалось в журнале National Geographic, март, 1967

Первое из показанных фото опубликовал учёный этнограф из якутов С. И. Николаев-Сомоготто (1995) в своей работе об истории народа саха. По всему видно, что северные якуты – бродячие охотники и оленеводы в это время ещё кочевали со своими таёжными лайками. Как будто, принципиально ничто не изменилось с довоенного времени (см. предыдущую главу и второе фото). *Аборигенная порода* была и в 60-е годы... Эта статуэтка – свидетельство популярности *лайки якутов* в это время.

Якут с собакой. Скульптор С. Б. Велихова. Ленинградский фарфоровый завод им. М. В. Ломоносова. 1960-е годы

Что же кинологи? Вот что о ней писал судья-эксперт П. Степанов (1960).

«Древние **лайки якутов** имели крепкий костяк, хороший рост (55 см и выше у кобелей, 53 см и выше у сук). Они отличались универсальностью использования на охоте, начиная от уток и пушных зверей до крупных копытных и медведей. Но нужно отметить, что якуты северных районов лаек использовали более узко. Также *внешний вид якутских лаек не мог быть однотипным*, лайки Вилюйских районов резко отличались от Колымских, те в свою очередь от Олекминских и т. д.

В Усть-Майском, Олекминском, Сунтарском, Верхне-Вилуйском, Нюрбинском районах имелись очень успешные гибриды от волков. Видимо, по этой причине среди **якутских лаек** часто встречались очень крупные лайки ростом порой до 70 см.

Якуты на все времена очень ценили рослых, быстроногих собак, способных догнать крупных копытных, и работающих по глубокому рыхлому снегу при ловле лисиц и соболей.

Осенью 1957 года побывали в Якутии кинологи Ф. С. Акишин и Н. И. Волков. На основе собранных материалов они написали брошюру о **якутских лайках**.... Рукопись мы перевели на якутский язык. Но брошюру сняли с плана издательства. «Кому она нужна эта собачья литература», – говорят издатели.

А. В. Гейц (1960) обследовал поголовье **якутских лаек** (1077 голов), отметил их крупность, высоконоготь и хорошие рабочие качества. Особенно породных по его требованиям собак он видел в Усть-Майском, Олекминском и Ленском районах».

Почему же в советское время не было попыток дать **якутской лайке** официальное признание?... Одна из причин – на поверхности. Кинологическая Москва «рекомендовала» и поощряла создание заводской **восточносибирской лайки**, единой на всю бескрайнюю территорию (полстраны!). Это притом, что в одной Якутии «внешний вид лаек не мог быть однотипным». Ясно, что не нужны были конкуренты, пусть даже качественному, московскому *продукту* (как бы сказали теперь).

Саянская лайка

Существует *только в абрамовском перечне лаек* (Абрамов, 1962), что в начале главы.

Напомним: «**Саянская охотничья лайка** (описана В. В. Рябовым): рослая, с удлиненной колодкой, псовина повышенной длины, несколько борзоватого типа».

Где её В. В. Рябов описал, мы не нашли. Вполне возможно, что кинолог имел в виду лайку тех **тувинцев**, которые обитают в Саянах (см. выше о **тувинской лайке**).

Забайкальская лайка

На фотографиях М. Г. Волкова название собак региональное, подошло бы как сборное для пород лаек Забайкалья. Несмотря на то, что упомянутые в подписях фото испытания и выводка проводились в *Бурятской АССР*. Наверное, речь – о **бурятских лайках**, о которых говорили как о *породе* ещё царской России, но не изучали и тогда, и никогда позже. Зато Главохот РСФСР вёл учёт лаек страны. На 1 января 1973 года в Бурятской АССР насчитали 4060 промысловых лаек (Волков, 1974). К сожалению, именно так – «промысловых», а не **бурятских**.

Бригадир охотничьей бригады Баргузинского ПОХ Георгий Сергеевич Кожевин со своими забайкальскими охотничьими лайками. В середине – кобель Соболев, награждённый на полевых испытаниях дипломом II степени. Баргузинский район, с. Читкан. Из: Волков, 1958

Забайкальская охотничья лайка-кобель Булька. Оценка на выводке «удовлетворительно». Владелец Я. И. Кичигин, с. Горячинск, Прибайкальского района. Из: Волков, 1958

Прежде, чем представить послевоенных береговых лаек, покажем следующее.

В 1946 году, за год до возобладания объединительной идеи Э. И. Шерешевского применительно к таёжным лайкам, вышла книга «Ездовое собаководство» (Шерешевский, Петряев, Голубев). Интересная, информативная, полезная любителям езды на собаках; и тоже с мыслью о «слиянии» аборигенных лаек жителей побережий в одну заводскую породу.

Вначале авторы сообщают, что «выделяется несколько *пород* северных ездовых собак», в т. ч. у нас: **камчатская, амурская, анадырская, чукотская, якутская (колымская) и енисейская**. Затем слово «породы» берётся в кавычки и предлагается «правильным и целесообразным современных северных ездовых собак СССР рассматривать как одну породу, а именно: „северо-восточную ездовую собаку СССР“, объединяя в этом понятии ездовых **собак** низовьев **Енисея, Якутии, Чукотки, Анадыря, Камчатки, Сахалина и Амура**».

Э. И. Шерешевскому принадлежит расширенное описание созданной в этой книге **советской ездовой собаки**. При всём уважении к мэтру от кинологии, полагаем (и не только мы), что это умозрительное представление о том, какой должна быть порода, которой на самом деле нет. Жители таких протяжённых побережий морей и крупных рек до сих пор владеют разными собаками. Что, впрочем, ещё лучше было видно во время возникновения идеи их обобщения. Даже на иллюстрациях обсуждаемой работы.

Правда, с фотографиями, что в этой книге, не всё ясно.

На рис. 16 данной публикации – фото лайки с подписью «Ездовая собака (бассейн р. Амура). И абсолютно эта же фотография фигурирует в книге М. Г. Дмитриевой-Сулимы, которая издана на 35 лет раньше, в 1911 году. Подписано: «**Ламутская (тунгусская лайка)** «Чайка», завода М. Г. Дм.-Сулимы». Где Амур и где территория ламутов (эвенов, раньше для некоторых – тунгусов) – Колыма и Центральная Камчатка. Между ними пространство совсем немалое.

Что это? Банальная небрежность авторов или редакторов явно более поздней книги? Не хочется думать, что это – элементарная подтасовка фактов под любимую идею...

Но суть даже не в этом. М. Г. Дмитриева-Сулима **ламутскую лайку** считала собакой таёжного охотника, т. е. совсем не ездовой, как её представляет нам Э. И. Шерешевский. При этом он настойчиво старается убедить нас в том, что нельзя объединять «в одну общую группу северных остроухих собак» таёжных, береговых и тундровых лаек «с точки зрения их происхождения, ... применения, рабочих качеств и экстерьера, резко отличных...». И тут же – раздел «Использование ездовых собак на охоте». Какие-то несоответствия в советском лайководстве.... Неужели не видно, что у *примитивных* пород наших северных собак больше общего, чем различий: и происхождение, и экстерьер и рабочие качества. Что же касается применения, то это просто – *лайки всё умеют делать*.

Тут сказать бы и об **амурской лайке**. Здесь у Шерешевского и других – это ездовая собака. Войлочниковы (1974, 1982, 1992) же и их единомышленники утверждают, что породные признаки этой лайки – в основе стандарта заводской **восточносибирской лайки**, которую ведут как охотничью собаку. Так где же такие «резкие отличия» *ездовых собак* от *охотничьих лаек*?

И всё же обобщающее умозрительное описание **северо-восточной ездовой собаки СССР** послужило основой неофициальных стандартов породы, которые читатель без труда обнаружит в послевоенной литературе по служебному собаководству. Даже в «Наставлении по дрессировке и применению военных собак» (1958). Только здесь «порода» названа **лайкой ездовой**. Хоть «лайкой» – и то славно!

Енисейская, янская, индигирская, колымская, анадырская лайки

Все эти береговые лайки утратили этническую привязку – этому очень помогла «перетасовка» собак (да и людей-аборигенов) вдоль невероятной длины северных и восточных побережий страны при их колонизации. Собак можно было изучить кинологам – вполне вероятно, что тогда, хотя бы некоторые из них, получили статус местных пород, а потом, глядишь, и заводских. Этого не случилось. Эти лайки нигде *не заявлены как породы*. А жаль. ... Например, **индигирские лайки** были весьма типичны и интересны....

В 1956 году В. Линтварёв (1956), конечно же, называя вышеназванных береговых лаек единой породой, всё же информативен, а также имеет некоторые претензии к кинологам и властям.

«С давних пор в низовьях рек Колымы, Индигирки, Яны и Лены разводится прекрасная порода неприхотливых, сильных ездовых собак..., эта порода хорошо применилась к суровому климату арктического побережья и *не имеет себе равных по силе и выносливости...*

Индигирские ездовые собаки (Фото Б. В. Дмитриева). Из: Чикачёв, 1990

Нижне-Колымский район являлся до настоящего времени своего рода рассадником ездовых собак...

Антарктической экспедицией были закуплены 50 ездовых собак и отправлены в декабре 1955 года на теплоходе «Лена» в Антарктику.

Часто можно слышать, что за последнее время породность и качество ездовых собак низовья Колымы и Индигирки значительно ухудшилось из-за метизации собаками других пород.

Такое заявление можно услышать от тех кинологов, которые не работали с ездовыми собаками и не знают этой породы, а пользуются слухами. ...*поголовье ездовых собак Колымы и Индигирки* в основном своем количестве *сохранило свою породность*, все свойства настоящей ездовой собаки Севера. Хотя не у всех ездовых одинаковые подборы ездовых собак. У многих ездовых отличные упряжки, но есть и посредственные подборы собак. Но это не говорит о том, что породность и качество собак ухудшилось, как это утверждают некоторые кинологи.

В горах на собаках. Фото Э. Шерешевского

Примером высокой выносливости ездовых собак может служить такой факт: раньше в нарту обычно запрягали 12—14 собак, а теперь запрягают 8—9, однако нагрузка на нарту и суточный пробег упряжки остались прежними. Нижнеколымские ездовые лайки нетребовательны к еде: при работе зимой, в 40—50-градусный мороз, пробегаая 40—60 километров в сутки, собака получает 1,5 килограмма рыбы. В весеннее время при уменьшении морозов

и облегчении дороги суточный пробег увеличивается до 150 и более километров, а размер дачи корма сокращается. В то же время собаки других пород, съедая по 2 килограмма рыбы при значительно меньшей нагрузке, чаще выходят из строя. В настоящее время селекционная работа с ездовыми собаками Колымы должна быть направлена на укрепление еще большей крепости и выносливости их, чем сократится расход дорогостоящих кормов.

Конечно, с развитием техники и освоением районов Крайнего Севера, перевозки грузов, почты и пассажиров на дальние расстояния на собаках из года в год будут уменьшаться и это позволит несколько сократить поголовье ездовых собак, но можно с уверенностью сказать, что *пока на Севере существует охотпромысел, будут существовать и ездовые собаки.*

Сейчас не о ликвидации ездовых собак надо ставить вопрос, а о племенной работе...

Пора перестать смотреть на ездовое собаководство как на третьестепенный вопрос, помня, что помимо своих ездовых качеств *с этими лайками охотники Севера добывают ежегодно много пушных зверей*».

В. Линтварёв упомянул здесь о 50-ти лайках, закупленных в *Нижне-Колымском районе* Первой советской антарктической экспедицией, которая начала работу в 1955 году. И вот недавно, совершенно случайно, наш сосед и друг Владимир Ермоленко обнаружил в большом архиве старшего брата Юрия Афанасьевича (учёного географа, знатока и популяризатора Карпат) фотоплёнки академика АН УССР О. С. Вялова. Плёнками заинтересовался тоже сосед и друг Адолий Ливач, поскольку Олег Степанович был его и Бориса Широкого любимым профессором на геологическом факультете. Часть плёнок Адолий сканировал, и мы извлекли 29 фотографий двух лаек из тех 50-ти, которые в 1955 году отправились на теплоходе «Лена» покорять Антарктику. Эти две береговые лайки вместе с геологом Вяловым изучали выходы горных пород Антарктиды в районе станции Оазис. По всему видно, что собакам жилось хорошо, весело, их любили, баловали, на привязи не держали, и работать не заставляли.... Тогда ещё положено и разрешено было брать собак в Антарктику. Вот они с благодарностью скрашивали работу и быт полярников.

Находит тот, кто ищет. Лаечникам же и геологам это присуще по определению. Четыре фото двух **колымских лаек** показываем читателю. На последнем – Олег Степанович развлекается с собаками. Лайки любят быть с хорошими людьми... Правильный академик, добродушный, весёлый, даже успел послужить в гусарах. Его гусарские песни и шуточные приставания к девушкам на студенческих вечеринках незабываемы.

***Колымские лайки.** Станция Оазис Первой советской антарктической экспедиции. Март 1957 г. Фото О. С. Вялова из архива Ю. А. Ермоленко. Коллекция Б. Широкого*

***Колымская лайка.** Станция Оазис Первой советской антарктической экспедиции. Март 1957 г. Фото О. С. Вялова из архива Ю. А. Ермоленко. Коллекция Б. Широкого*

***Колымские лайки.** Станция Оазис Первой советской антарктической экспедиции. 23 сентября 1957 г. Фото О. С. Вялова из архива Ю. А. Ермоленко. Коллекция Б. Широкого*

***О. С. Вялов и колымские лайки.** Станция Оазис Первой советской антарктической экспедиции. Октябрь 1957 г. Фото О. С. Вялова из архива Ю. А. Ермоленко. Коллекция Б. Широкого*

Итак, с береговыми лайками низовий крупных рек Сибири понятно.... К 60-м годам из-за технизации северных и восточных окраин Союза береговые лайки становятся не такими уж необходимыми для государственных предприятий (чего нельзя отнести к традиционным частным хозяйствам). Начался 30-летний период (вплоть до конца Советской власти) официального забвения этих лаек. «Служебников» и военных кинологов они вообще перестали интересовать. Лайководы же были сконцентрированы в монопольной структуре Росохотрыболовсоюз, почему видели и знали только заводских лаек. Естественно, что успехи советского культурного лайководства как внушительной доли *охотничьего* собаководства стали очень значительными. Кому, как не кинологам-лаечникам пристало бы заниматься лайками жителей побережий и тундр. Но это не было ни приоритетом, ни даже попутным предметом внимания чисто охотничьей структуры (они же не охотничьи – бытовало авторитетное мнение).

Корякская лайка

В то время, которое мы сейчас рассматриваем (послевоенное, до ликвидации СССР), земли коряков были обозначены на карте страны в виде Корякского национального, а затем автономного округа в пределах Камчатской области. Они занимали северную часть полуострова и всю материковую территорию области. Обитали там как тундровые оленные коряки, так и береговые рыболовы и охотники. Оленеводы стали уже пользоваться услугами **ненецких лаек**, а оседлые береговые жители нуждались в собаках покрупнее, для езды, перевозки людей и грузов, для охотничьего промысла. Остановимся здесь на аборигенных **корякских лайках** берегового населения округа.

Своеобразной энциклопедией охоты, охотничьего собаководства и лайководения можно считать многолетнюю подборку журналов «Охота и охотничье хозяйство». У нас они – с 1959 года. В №12 за 1960 год – настоящий коряк, не ряженный – подлинная одежда, оригинальный пареньский нож, остол для езды на нарте.... Рядом – лайка, о которой никто уже не писал, что она **корякская**, не говорилось уже как об *аборигенной породе*. Потому что включили её в состав *местной камчатской лайки*. Хотя подавляющую часть поголовья собак Камчатки составляли именно **лайки коряков**, такие, как на этом и тех, что ниже, снимках.

Как правило, охотники и собаководы стараются позировать журналистам вместе с передовиком упряжки, самой смышлёной собакой. С ней нередко и пушнина добывается.

Лучший охотник колхоза имени Кирова, Тигильского района, Корякского национального округа Камчатской области, Айай Ванич. За прошлую зиму он особенно отличился и выполнил три сезонных плана. Фото Ю. Муравина (ТАСС) из: «Охота и охотничье хозяйство», №12, 1960

Столицей Корякского округа был посёлок Палана. Наверное, благодаря лаечьей экзотике Палана удостоилась Большой советской энциклопедии.

Палана (посёлок в Корякском НО). БСЭ, 1969—1978

Та же корякская экзотика привлекала именитых журналистов и фотографов, но почему-то не звала кинологов. В 60-х на весь Северо-Восток было два эксперта по породам лаек. К концу СССР из охотников-лаечников «выросли» ещё трое.

Камчатка. Дорогами тундры. Фото Ю. Муравина. Открытка. Издательство Планета. М. 1970

Надлежит сказать, что вопреки наступившему государственному пренебрежению аборигенными лайками, потребность в них для разного рода занятий сохранилась до наших дней. Особенно в Корякском округе

Коряк Гаврила Никифоров. Старая Карага. Камчатка. 1981 год. Выставка Горизонты Виктора Загуменнова

А на снимке Эдуарда Малиновского, нашего близкого друга, товарища на камчатских охотах, фотоохотника на птиц и любителя собак – призыв к равным правам лаек и людей... Что ж, мы только «За!»...

Корякия, с. Кострома. 1981 г. Фото Э. Малиновского из архива авторов

Камчатская лайка

Довоенный проект стандарта этой местной *породы* (приложение 1. 25) в обсуждаемый период истории лайководства не был востребован. Тем не менее, **камчатские лайки** – лучшие для езды и очень добычливые разносторонние охотники – и после войны продолжали добросовестно сотрудничать с жителями экзотического края.

На промысле. Камчатка. Фото В. Гиппенрейтера. Из: «Охота и охотничье хозяйство», №1, 1967

Те из собак, с помощью которых почти 9 месяцев в году ездили и перевозили разные грузы, под натиском механизации постепенно теряли свою необходимость для людей.

Выше мы ссылались на краеведа М. Г. Мягких, который описал драму **камчатских лаек** на фоне истории рыбзавода в посёлке Корф, что на севере полуострова. Обратимся к нему снова.

«Зимой и летом собак держали на привязи за посёлком. Кормили их два-три раза в сутки. В сильные морозы и пурги собаки рано просыпались от холода. Голодная свора начинала выть и тем самым звать каюров, чтобы те их покормили. В сильные пурги, когда ветер гудел в проводах, сливаясь воедино с воем собак, для вновь прибывших и оставшихся на зимовку людей это обстоятельство наводило страх, становилось невыносимым, казалось чем-то мистическим и суеверным».... И вот «в январе 1955 года был издан последний приказ по Корфскому рыбокомбинату, связанный с собаководством. Уже к началу 1960-х годов собаководство в комбинате сокращалось и было ликвидировано».

Последний приказ №33 от 28.01.55 «О злоупотреблении каюрами кормления рыбокомбинатовских собак» вполне показателен для того времени: «Каюры имеют своих собак и забирают корм у заводских собак. Собаки комбината тощат и к работе не пригодны.

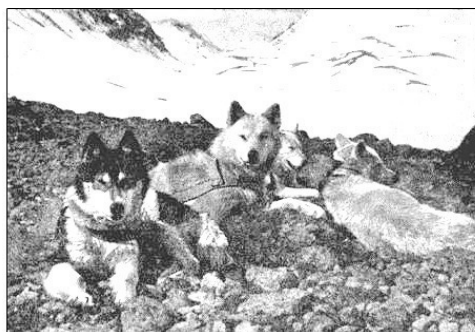
Все каюры, имеющие своих ездовых собак, от кормления комбинатовских собак отстраняются. Категорически запретить продажу собачьего корма частным лицам, имеющим своих ездовых собак. Запретить директорам рыбных баз использовать частных ездовых собак для работы на производстве. Директорам рыбных баз комбината подобрать каюров по уходу за собаками комбината на весь год, не отрывая последних на другие работы. Директор комбината Федоренко».

Спасибо Федоренко из наших дней (откуда он – наверное, с Украины) за заботу о **камчатских лайках**, пусть даже обусловленную интересами производства. А может, он вообще любил собак.

Это – о людях и собаках, которые выполняли пятилетние планы государства. Примерно так было по всей Камчатке и не только там.

А что же кинологи?...

В 1954 году типичных **камчатских лаек** показал в своей книге о служебном собаководстве А. П. Мазовер (1954).

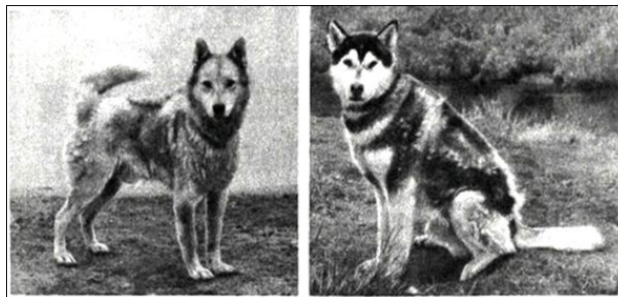
Ездовые собаки Камчатки. Из: Мазовер, 1954

Кинолог А. В. Гейца (1969) интересовали **камчатские лайки**, прежде всего, как сотрудники охотников.

«Все поголовье, с которым промышляют местные охотники, состоит из *местных охотничьих* собак и завезенных породных **западно- и восточносибирских лаек**. Местные собаки (лучшая их часть) представляют собой лайкообразных, довольно простоватых, описанных в прошлом С. Крашенинниковым. Многие экземпляры отличаются ярко выраженным звероватым видом с грубоватой мордой: они среднего и выше среднего роста, с обильно развитым шерстным покровом, крепкой мускулатурой, самого разного окраса (чаще серого и черного); хвост распушен».

Уважаемый иркутский кинолог, посетив Камчатку, не был в восторге ни от внешности, ни от охотничьих качеств этих «лайкообразных» собак. Он пропагандировал в своей статье заводских лаек – такие были рекомендации из Москвы... Зато А. В. Гейц опубликовал для нас с Вами, читатель, эти два снимка лаек Камчатки.

В это время мы уже общались с местными лайками и уверенно назовём более типичной для этой породы собаку, что на фото справа.

Местные камчатские лайки (в летнем наряде). Фото автора из: Гейц, 1969

Однажды в архиве Управления охотничьего хозяйства Камчатской области мы увидели неопубликованный отчёт А. В. Гейца, В. Т. Чернакова, В. И. Мергенёва «Промысловое собаководство Камчатки и его перспективы», Петропавловск-Камчатский, 1976.

1976-й год. Уже давно официально существуют только четыре породы лаек заводского разведения. Аборигенных лаек как бы нет.... А. В. Гейц, эксперт-судья Всероссийской категории занимается в Иркутске **восточносибирской лайкой**. Под его руководством биологи-охотоведы В. Чернаков и В. Мергенёв провели обследование лаек в шести районах полуострова. Нужно сказать, что они были ещё студентами, а их руководитель лично собак не осматривал. В этом нас заверили камчатские охотоведы.

Так вот, студенты описали 423 лайки, в основном, принадлежащие штатным охотникам, редко – из упряжек, если они работали по соболю или медведю. Результат следующий: оценено 37 **русско-европейских лаек**, 123 – **западносибирские**, 3 – **карело-финские** и 227 **восточносибирских лаек** (всего 390).

Учитывая тот факт, что на Камчатке собаки с родословными документами тогда были редкостью (это мы знаем точно – старший автор тогда уже вёл секцию собаководства), приходим к следующему объективному выводу.

Принадлежность к той или иной, конечно же, заводской породе молодые люди большей частью определяли по экстерьеру. То есть, собак «подтягивали» к стандартам «официальных» пород. И что же? Больше половины из обследованных собак были определены как **восточносибирские лайки**. При том, что на Камчатке в эти годы, и всегда, лайки породы, которой занимался А. В. Гейц, бывали буквально в единичных экземплярах. Заявляем об этом с большой уверенностью – не зря занимались там лайками около 30 лет. Значит, в данном отчёте совсем *неверно восточносибирскими названы местные лайки камчатские и аборигенные эвенские (ламутские)*. Причём только те из них, которых использовали на промысле. А сколько было в упряжках! Значит, они никуда не девались...

Попутно ещё сошлёмся на этот отчёт. Из него следует, что в прошлом на Камчатке с лайками промышляли медведя и снежного барана, в описанные годы – соболя, реже, белку. Упоминается, что довольно часто приходилось слышать о ловчих лайках (наверное, **эвенских**), которые догоняют и дают лисицу (в этих краях лисица самая крупная). Есть ссылка на Е. М. Долгорукова, сообщившего, что в отдельные дни с лайкой добывали 3—4 соболя. Мы дополним – Евгений Михайлович в своё время руководил охотничьими делами, рассказывал много интересного, в частности о том, как прежде противились «засорению» своих лаек; все пароходы встречала комиссия, уполномоченная не допускать на берег «чужих» сук и некастрированных кобелей. Кстати, у Е. М. Долгорукова старший автор этих строк приобрёл свою первую лайку. Так и пошло...

Мы уже вспоминали автора непризнанного довоенного проекта стандарта **камчатской лайки** М. Г. Волкова. Эту породу он знал лучше всех и в 1974 году снова показал нам типичных **собак Камчатки**.

Камчатские ездово-зверовые лайки. Фото автора из: Волков, 1974

Камчатская лайка имела спрос и «на материке» (так северяне называли более обжитые места СССР). Это подтверждает Алексей Ливеровский (1988) в маленьком рассказе, который так и назван: «Камчадалочка».

Брат привёз Алексею с Камчатки крупную лайку волчьего окраса. Звали её Дымкой. Новый хозяин «...любовался собакой. Волк и волк – серая, пушистая, хвост, как у всех восточных лаек, не бубликом, а распущен, глаза раскосые, звериные, колодка не такая сбитая, как у западных лаек, поэтому ход плавнее, не подпрыгивающий». Так что имеем достаточно понятное описание **камчатской лайки** не так уж отдалённых времён.

А вот с охотой случился драматический и смешной казус. Дымка у себя на родине замечательно работала по снежным баранам, предпочитала их другому зверю. Поэтому прежний «хозяин денег не брал, пришлось тройник отдать и две банки чёрного пороха». «Материковая» же охота закончилась добычей четырёх овец знакомого охотникам пастуха. Подбежавшие Алексей с напарником были поражены таким результатом, но всё же правильно поняли собаку: «Дымка бросила мёртвую овцу и пошла к нам, весело повиливая хвостом. Она сделала всё, что могла, лучшей охоты у неё не было даже на Камчатке». Очень похоже случилось у нас в Закарпатье с **чукотской лайкой**. Только там «никто из животных не пострадал». Мы успели.... Может быть, расскажем как-нибудь об этом.

Чукотская лайка

Как было уже отмечено, Э. И. Шерешевский (Шерешевский, Петряев, Голубев, 1946) назвал её и среди «нескольких пород северных (или, как их некоторые исследователи называют, полярных) ездовых собак». Но здесь же повёл речь о том, что «современных ездовых собак СССР» следует рассматривать как одну породу. А каждую из них, включая собак Чукотки и Анадыря (хотя, Анадырь – это тоже Чукотка, даже её столица) он видит «в лучшем случае только как местное отродье одной и той же породы».

На эту тему мы дискутируем на протяжении всего нашего рассказа, здесь останавливаться не станем. Как и о том, что по Шерешевскому (и не только) название «лайка» неправильное для собак береговых оседлых северян. Поскольку им «не свойственен этот инстинкт облаивания».

Рис. 43. Посадили зверя. Из: Шерешевский..., 1946

Но наше многолетнее общение с этими собаками показало, что очень даже «свойственен»...

Да и на рисунке из цитируемой книги хорошо «слышно», как собаки облаивают остановленного зверя.

Рисунок этот – в разделе «Использование ездовых собак на охоте», где Эдмундом Иосифовичем об их «лаечьей» работе написано достаточно...

Оставим же имя «лайка» за всеми нашими северными собаками, хотя бы из уважения к приоритету первых лайковедов (см. главу 1). А здесь покажем фотографии **чукотских лаек** из этой информативной и полезной раритетной книги.

Группа типичных северо-восточных ездовых собак из района Анадыря. Из: Шерешевский..., 1946

Голова типичной ездовой собаки из района Анадыря. Из: Шерешевский..., 1946

В 1947 году кинолог А. П. Мазовер (1947) дал обзор береговых лаек, называя их ездовыми лайками или собаками, где особо остановился на **колымских лайках** (о них мы поговорили несколько выше). Упомянул он также об «издавна известных» **анадырских** (Чукотка) и **пенжинских** (Корякия) **лайках**, которые вывозились «в большом количестве в качестве производителей для прилития крови вырождающимся на Аляске эскимосским собакам – маламутам». И иллюстрировал автор этот раздел книги портретом весьма типичной **чукотской лайки**.

К сожалению, этой интересной и заслуженной собакой Чукотки советские кинологи как породой не занимались. Оценили её американцы. Они благополучно вывозили лучших её представителей для создания своего сибирского хаски – теперь уже не лайки, а лайковидной породы.

Ездовая лайка Чукотки. Из: Мазовер, 1947

Как-то не осознаём мы, что наше – лучше уже потому, что своё, родное.... И не стремимся сохранить свои ценности. Но легко «разводимся» (даже лаечники) на разные чужие экзоты, как-то голубые глаза, «плюшевая» шерсть, т. п.

Итоги последних сорока пяти лет советского лайководства таковы.

Созданы и широко распространены четыре заводские породы лаек. При этом аборигенные лайки стремительно поддались забвению, рекомендованному из кинологических центров. Тем не менее, в разных источниках мы нашли 24 названия послевоенных аборигенных и местных лаек. Из них, у 15-ти – сохранены имена народов-владельцев, остальные названия географические. Но едва о десяти аборигенных и местных породах имеются более-менее веские доказательства их реального существования. И то, датируются они в основном до 60-х годов. Наличие остальных пород только декларировано.

* * *

Предлагаем краткие выводы для тех, кому некогда много читать.

1. Большим достижением советского лайководства стало создание заводских пород лаек, три из которых получили мировое признание.
2. В отличие от культурных лайкоподобных пород Запада, советские заводские лайки сохранили свою положительную примитивность, остались «настоящими» северными собаками.
3. Распространению заводских лаек даже в самые отдалённые места СССР способствовала всеохватывающая сеть Росохотрыболовсоюза, а также бессеребрянный энтузиазм любителей лаек, убеждённых в том, что только эти лайки являются породными.
4. Тотальное проникновение заводских лаек в ослабленные популяции аборигенных лаек привело к вытеснению, метизации и исчезновению многих из них. Было это тем более результативно, что происходило на фоне аналогичных демографических процессов у малочисленных народов Севера и Дальнего Востока – хранителей и владельцев лаек...
5. Ко времени ликвидации СССР осталось лишь несколько аборигенных и местных пород наших северных собак – лаек.

4. Современные лайки

*«Берингия», «Берингия» – жаркий снег,
дай упряжке моей летучий бег!*

Припев из песни победителя гонок «Берингия-92» В. Радивилова.

Упряжка **чукотских лаек** каюра Владимира Радивилова, который сочинил, пел и поёт эту песню, в 1992-м году стала (и остаётся) *победителем самых протяжённых в мире гонок собачьих упряжек «Берингия-92» (2044 км).*

Честь и хвала талантливому каюру с Чукотки! Он победил бы и на «Берингии-91» (1980 км), если бы не заблудился, не потерял время... (эти гонки названы Книгой рекордов Гиннеса самыми протяжёнными – знаменитый аляскинский Айдитарод намного им уступил). Но мы (кинологи) говорим здесь о триумфе не только гонщика, а о победе *упряжки* в целом – единой команды... И в проспекте о гонках «Берингия-91» дали следующее определение *упряжки*. «Упряжка – это каюр, собаки и нарта». И мероприятие там названо «гонками собачьих упряжек», а не «на собачьих упряжках». Здесь акцент на том, что собаки, особенно их передовики, являются не менее значимыми субъектами действия, чем тот, кто ими управляет. Почти как на зоотехнических мероприятиях ипподромов: скачки и бега лошадей, а не жокеев и наездников...

Владимир Радивилов, охотник. Пос. Алякатваям, Чукотка. Рисунок Вадима Санакоева. 1991г. Из архива авторов

«Берингийские» события не случайно совпали по времени с ликвидацией государства СССР (отсюда в нашем рассказе идёт отсчёт *современности*). Незнаное и с трудом осознаваемое время, тем не менее, начиналось очень интересно. До этого мы, советские граждане были какими-то одинаковыми, на людях, во всяком случае.... А тут вдруг стало видно – кто есть кто. Воры и бандиты не стали скрывать своих промыслов.... Обманщики, мошенники начали гордиться тем, что «развели» даже ближайших друзей и родственников.... Спортсмены и военные стали охранять и тех и других.... Многим пришлось распрощаться с привычными занятиями, искать в растерянности другую работу. Были и такие, как безработный зоолог Олег Широкий. Его интервью журналисту газеты озаглавлено: «Мы не стали домоседами, но и в бандиты не пошли». А вот Роберт Леонович Набатов стал предпринимателем, сумевшим организовать прибыльное дело, которое позволяло делиться с творческими людьми, учёными (и с кинологами).... Несколько рано он родился – молодость пришлась на советское время.... Но и тогда его энергия, предприимчивость и здоровая авантюризм хорошо проявились вопреки всякого рода препятствиям, инспекциям, комиссиям. Непросто

было построить так называемым хозспособом нестандартные коттеджи для геологов, сделать тепло в больших домах и при этом дать кочегарам хороший заработок, создать ювелирный цех, а потом и фабрику....

А в кинологии многое повернулось в сторону моды, шоу, денег....

В то же время, грех жаловаться нам с вами, лаечникам на такую глобальную перестройку жизни. Мы узнали кинологическое зарубежье с его северными собаками. Наши кинологи и собаководы стали иметь мнение не только центральных кинологических инстанций. Начал возрастать интерес к нашим северным собакам, в периодической печати появились статьи об аборигенных лайках...

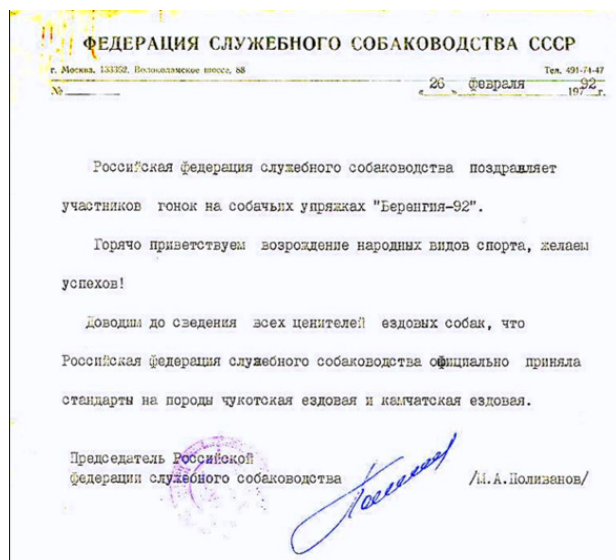
Вот и «Берингия» с её собаками, можно сказать, была естественным результатом нового времени. Её организатор и директор Александр Печень, бессменный «командор» – как раз из тех энергичных людей, что не растерялись в условиях свободы (в т. ч. и от прежней работы), взялись за, казалось бы, неподъёмное дело. И нас, кинологов привлёк.... Поэтому на «Берингиях-90, 91, 92, 93, 94, 95» присутствовал не только спортивный, но и кинологический аспект гонок.

«Берингия-90». Экспертная комиссия Камчатского облохотобщества (Б. И. Широкий, В. И. Подопригора и М. Г. Зинатуллин) оценивала собак 9-ти упряжек, доставленных вертолётom из Корякии к старту первых гонок. Из Москвы приехал Николай Носов – ветврач от Бога и кинологически грамотный заводчик **ненецких лаек**, вывезенных с Чукотки. Вместе с доктором-биологом Л. С. Богословской Н. А. Носов (1991) изучали в это время **лаек Чукотки**.

Благодаря этому событию впервые после долгого забвения стали говорить о собаках Камчатки как о *породе камчатская лайка*. Студент-зоолог Саратовского университета Олег Широкий посвятил этой лайке курсовую работу, а в 1991-м – дипломную. Защитил он её с отличием, чему, конечно же, способствовали некоторая неординарность темы и показ интересных слайдов с экзотического края.

На последующих «Берингиях» (91 – 95) аборигенными и местными лайками занимались уже сотрудники созданного на Камчатке Кинологического научно-прикладного предприятия (КНПП) «Кинос» (те же Широкие и Николай Носов). Кинологической экспертизе подвергались не только собаки упряжек, что участвовали в гонках. Экспедиционно обследовались собаки многих поселений Камчатки и Чукотки. Материалы изучения аборигенных лаек Северо-Востока изложены в наших кинологических отчётах. А любителей лаек коренных жителей нашего Севера объединили организованный на базе КНПП «Кинос» Российский клуб «Северная собака» (Петропавловск-Камчатский) и его европейский филиал, в Москве, при Российской федерации служебного собаководства (РФСС). Президент этого филиала москвич Николай Носов представлял президиуму РФСС материалы для утверждения стандартов **камчатской и чукотской лаек**, подготовленные сотрудниками КНПП «Кинос». Сообщение председателя РФСС М. А. Поливанова о признании этих пород, получивших от РФСС названия **камчатская и чукотская ездовые**, было получено на старте гонок собачьих упряжек «Берингия—92». Упряжки **камчатских и чукотских собак** уходили на 2040 км по Камчатке и Чукотке. Значительная часть этих собак уже прошли кинологическую экспертизу и были оценены как породные.

Гонки «Берингия», особенно первых лет, которые привлекли интерес к нашим северным собакам, заслуживают отдельного повествования, возможно даже приключенческого. Они не были похожи на отрегулированные, с хорошо подготовленной трассой гонки Америки и Европы. Здесь были и передвижной праздник, и экстремальные ситуации, и непростые взаимоотношения людей, и восхищающее поведение собак.... Интересных и занятных материалов у нас достаточно – найти бы время....

Сообщение председателя РФСС М. А. Поливанова

Так в 1992 году на путь заводского разведения ступили собаки жителей Камчатки и Чукотки, получив для этого основные инструменты племенной работы – их стандарты.

Нужно отметить, что Российская федерация служебного собаководства в это время уже освободилась от диктата ДОССАФ, на смену некинологическому начальству из бывших военных пришли грамотные, думающие и понимающие кинологи, такие как Е. Н. Мычко и В. А. Беленький. Они то и способствовали признанию «новых» пород.

Но, опять же, новые названия этих пород декларируют их узкую специализацию, что они, мол, только для езды. Мы уже показывали – это не соответствует действительности. И **камчатские и чукотские собаки** пригодны для разных служб и занятий. Применение же их только для традиционных перевозок и в новом качестве (для гонок) далеко не будет способствовать их возрождению. Тем более, что не найдены еще методы результативной племенной работы с породами собак в аборигенных популяциях, а традиционное стихийное разведение ныне не действенно. Так что будущее этих пород пока очень неопределенно.

В 1994 году таким же образом была признана ещё одна порода северных собак – забытая горожанами **ненецкая (оленняя) лайка**. Первый официальный стандарт этой породы, также предложенный сотрудниками КНПП «Кинос», РФСС утвердила с новым для породы названием – **оленегонный шпиц**. Оно тоже декларирует неприущую **ненецкой лайке** специализацию, что невольно ограничивает географию её разведения.

Добавим, что в 2000 году М. Г. Кузина представила вышеуказанные стандарты этих трёх пород Российской кинологической ассоциации. Решением Президиума НРКА они были утверждены без изменений, с дальнейшим утверждением на президиуме UCI.

Здесь у любителей и знатоков лаек – резонный вопрос. Почему официального признания аборигенных лаек мы не пытались получить в Российской федерации *охотничьего* собаководства (РФОС)? Ведь сам Бог велел... Именно эта структура занимается лайками, там – ведущие специалисты лаечники, эксперты по породам лаек, достаточные административные возможности... Но...

Ещё в преддверии 90-х старший автор этой публикации, будучи периферийным членом Всероссийского совета по охотничьему собаководству (к сожалению, единственным представителем всего Дальнего Востока), выступал с предложением обратить внимание на аборигенных лаек. Мол, они как охотники не уступают заводским породам, а если на них ездят, то преимущественно охотники и рыболовы – есть статистика (куда как не в «*охотрыболов-союз*»). Что кочевники тундры лучшими считают лаечек с ярко выраженными охотничьими

качествами. Что заводские породы получены путём скрещивания аборигенных лаек, потому и результат такой хороший – способны они на всё, и не только на промысле. Что в прошлом аборигенными породами занимались именно охотники, охотоведы.... Был это «глас вопиющего...» (чуть не написали эту банальность полностью)

И когда обсуждали с В. Г. Гусевым стандарт **ненецкой лайки** (а это он обычно проводил экспертизу немногих этих собак на разных выставках), то советовал Владимир Гаврилович домогаться признания забытых лаек там, где этого хотят. И мы пошли «туда, где принимают».

Конечно же, изучение собак жителей Севера, особенно путём экспедиционного кинологического обследования их поголовья – дело сложное и очень затратное.

Но возродилось новое для нас понятие, то ли меценатство, то ли спонсорство, а с ним – и понимающие люди.

Наши работы финансировали, прежде всего, частные предприятия «КамчатЮНИР» (Р. Л. Набатов), «Южная Корона» (В. И. Вознюк), а также Госкомсевер. А сколько было других добровольных помощников (если хотите – волонтёров)! Об этом – в другом месте. Всё же, как здесь опять не вспомнить фанатического любителя аборигенных лаек Эдуарда Германовича, который в это время своего безденежья как-то умудрялся содержать нескольких собак.... А когда неожиданно лишились мы места для питомника **камчатских, чукотских и ненецких лаек**, Эдуард выручил, пристроил их через знакомых.... И не смогли мы ни отблагодарить, ни помочь ему....

*Экспертная комиссия (Борис и Олег Широкие, и Николай Носов – он фотографирует) оценивает и описывает **чукотскую лайку** из очередной стаи (упряжки) села Лорино, что на Чукотке. 29 июля 1990 г. Фото Николая Носова из архива авторов*

Наше представление современных пород лаек, как и в предыдущих главах, начнём с собаки кочевников тундры.

Ненецкая лайка

Здесь возможен самый крайний способ получения заводской породы: берем аборигенных лаек и разводим их в чистоте, сохраняя исходные типы. Не изменяем собаку, а используем то, что имеем. А имеем мы очень интересную и своеобразную, в чистом виде *аборигенную породу*.

Следующее многословное представление **ненецкой лайки** мы оправдываем тем, что далеко не всем она достаточно знакома, даже экспертам-лаечникам.

Ненецкая лайка (оленная лайка, оленегонка...) пришлась по вкусу (и для дела) древнему охотнику, а потом и кочевнику-оленеводу, такой как была. Приспособилась к людям, практически не меняясь, особенно внешне. В этом смысле её можно считать и древнейшей, и самой чистокровной. Своеобразие породы выражено явно, заметнее, чем у всех остальных аборигенных лаек.

Каковы же признаки внешности, физиологии, психики и поведения этой породы? Что её отличает от других лаек, а также от более культурных немецких и скандинавских родственников, от популярного младшего брата – самоеда?

Официальный кинологический стандарт породы, при первом признании названной **оленегонным шпицем** (см. приложение 1.27) характеризует, прежде всего, **ЕСТЕСТВЕННУЮ ГАРМОНИЮ И БОЛЬШУЮ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ЭКСТЕРЬЕРА СОБАКИ**.

При знакомстве с ней бросается в глаза её «северный» облик. Многим она напоминает какого-то дикого зверька: песца, лисичку, медвежонка, некоего неизвестного волчка... Белые и более крупные экземпляры, особенно подростки, неотличимы от самоедов. Серых – часто можно смело ставить на ринг вольфшпицев. Коричневые, чёрные, рыжие, пятнистые и пегие очень схожи с лаппхундами и немецкими шпицами.

Эта лайка небольшая, ниже среднего или среднего роста. Цифровые характеристики высоты в холке несколько разные у авторов, писавших о ней. Результаты наших промеров высоты в холке самых типичных собак при кинологических обследованиях таковы (измерения производились при спокойном, не угнетённом их состоянии).

Рост кобелей – от 41 до 52 см., средний – 47 см.

Рост сук – от 37 до 48 см, средний – 44 см.

Профессор Н. А. Смирнов (1936) по своим материалам изучения **оленных лаек** приводит рост кобелей от 40 до 54 см, в среднем – 47 см. Но при этом он считает, что надо принять за оптимум для западных районов Севера около 42 – 45 см, а для восточных, где снег более рыхлый, – выше, быть может, между 45—50 см.

В других прежних описаниях признаков породы цифры роста следующие: 1) от 50 до 55 см; 2) не ниже 45 см для кобелей, не ниже 40 см для сук; 3) для кобелей – 48—52 см, средний – 50 см, для сук – 45—50 см, средний – 47 см; 4) для кобелей – не ниже 45 см, для сук – не ниже 40 см; 5) 41—46 см; 6) для кобелей – 45—50 см, для сук – 40, 45 см.

Как видим, **ненецкую лайку** представляют несколько разной величины, но все – небольшой собакой.

Официальный стандарт из соображений сохранения породы, вовлечения в племенное использование максимального количества собак приводит довольно широкие рамки их роста: кобелей – 44—52 см, сук – 40—48 см с допусками на отклонения в обе стороны до 2 см.

Заметим, что цифровые характеристики собак, полученные при их промерах, по нашему мнению, являются далеко не определяющими и не показательными при идентификации лаек. Не в размерах их породные отличия. Так **камчатские и чукотские лайки** в средних цифрах оказались у нас почти неотличимы между собой даже при больших количествах промеров.

Тем не менее, приведем здесь для любителей чисел результаты наших измерений самых типичных **оленегонок**. И сравним их с наименее культурной из крупных лаек – с **камчатской** (см. таблицу).

Все понятно, когда мы сравниваем промеры этих разных по величине собак. Но, анализируя индексы, которые характеризуют пропорции животных, увидим, что разницы практически нет.

Примерно то же мы получим и при сравнениях с другими аборигенными шпицеобразными собаками или с их заводскими производными, где селекционеры сохраняли исходные

типы (если собак измерял один и тот же исследователь – все же, это достаточно субъективный метод).

		Ненецкие лайки				Камчатские лайки			
		Кобели		Суки		Кобели, ка-страты		Суки	
		Пре-делы	Сред-	Пре-делы	Сред-	Пре-	Сред-	Пре-делы	Сред-
Промеры	Длина морды ДМ	7-9	8	7-9	8	8-12	10	8-10	9
	Длина головы ДГ	15-22	19	14-20	19	18-26	22	19-23	21
	Высота в холке (рост) Р	41-52	47	37-48	44	54-68	59	47-58	54
	Косая длина туловища КДТ	40-56	48	39-53	47	54-72	62	52-65	59
	Длина передней ноги ДПН	21-29	25	21-26	24	27-38	32	26-31	29
	Обхват пясти ОП	7-9	8	7-9	8	9-14	11	9-11	10
	Обхват груди ОГ	47-59	53	41-53	48	55-74	66	55-65	60
Индексы	Растянутости КДТх100/Р	9-8-108	103	102-112	107	101-113	105	103-113	108
	Высоконогости ДПНх100/Р	49-57	53	51-60	54	46-61	54	48-60	54
	Костистости ОП х100/Р	15-20	17	16-20	18	16-24	19	16-21	18
	Массивности ОГх100/Р	104-126	113	102-117	111	98-128	112	96-125	109

Результаты измерений типичных ненецких и камчатских лаек

Объяснение здесь простое, обозначенное в обсуждаемом стандарте породы – породу отличает *естественная гармония и большая функциональность экстерьера*. То есть, пропорции **ненецкой** (и других наименее «культурных» лаек) – это почти пропорции их диких предков. Отнюдь не искусственные, а *естественные* и функциональные.

Скажем, немецким шпицам селекционеры стремились и стремятся придать квадратный формат (из будто бы эстетических соображений). Функционально ли это, приспособительно ли к природным условиям? Нет, иначе такой формат имел бы хоть кто-то из диких собачьих. Все они несколько растянуты, как и наши **оленегонки** (и другие наши северные собаки).

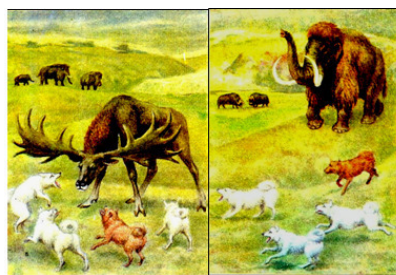
Индекс растянутости **лайки ненцев**, оговоренный стандартом, (кобели -102—104, суки —104—108), позволяет им выглядеть компактно (с учетом богатой шерсти). Особенно компактны кобели, которые обычно массивней, несколько высокопереды, эффектнее одеты (даже в разליньке).

Окрасы (масть) – опять же, преимущественно как у диких родичей. И, в отличие от многих культурных пород, разнообразные. Ведь не было отбора, направленного на окрас, как, например, у самоеда, теперь уже всегда белого.

Очевидно, первичные окрасы **ненецких лаек** были только сплошными. Пятнистость и пегость – это уже признак основательного одомашнивания. Видно поэтому в ранних описаниях породы мы читаем: «пёстрые окрасы не допустимы» (приложение 1.1) или «пестрые не встречаются» (приложение 1.9).

В окрасах собак, в т. ч. диких, участвуют пигменты чёрный, рыжий (желтый) и коричневый (бурый). Причем, чёрный и рыжий – нередко сочетаются, а коричневый пигмент окрашивает шерсть собаки самостоятельно. Отсюда и набор первичных сплошных окрасов **оленегонок** (и других примитивных шпицеобразных). Окрасы бывают, серые, рыжие и смешанные (серо-рыжие, рыже-серые), а также коричневые. Интенсивность этих окрасов разная – от практически белых до почти чёрных.

Все эти окрасы зонарные. Зонарны и каждый волос в отдельности (общепринятый признак зонарности), и распределение окраса по туловищу собаки. В результате получаются осветления на морде, по низу туловища, к низу и тыльной стороне конечностей, на нижней стороне хвоста. Особенно хорошо это видно на собаках, окрашенных не очень слабо и не слишком интенсивно (эти осветления не нужно путать с пегинами – альбинированными участками, которые имеют четкие очертания). На таких собаках хорошо выделяются и более тёмные зоны: по краям ушей, по хребту и сверху на хвосте, по фронтальной стороне конечностей в верхней их части... Тёмные зоны как бы оконтуривают силуэт собаки.

Предки лаек были современниками мамонтов, большерогих оленей и других животных эпохи оледенения. Из: Корабельниковы, 1993

Современники мамонтов – сайгаки были желанной добычей для людей и собак каменного века. Из: Корабельниковы, 1993

Интересно, что светлые до белых **ненецкие лайки** встречаются, пожалуй, чаще других. Скорее всего, так было и в начале 19 века. «Среди чистокровных **самоедских собак** преобладают чисто белые с желтизной» – отмечено в одном из первых кинологических описаний признаков породы (Смирнов, 1936). Тем более занятны и, как нам кажется, очень похожи

на правду рисунки в книге «Легенды и быль о собаках» (Корабельников, Корабельникова, Корабельников, 1993).

Здесь художник, может быть, интуитивно, изобразил предков лаек в виде наших **оленегонок**, причём, в основном, белых. Наверное, так и было в тех древних тундростепных ландшафтах Европы. Разве что хвосты у тогдашних лаек не были еще так закручены.

Природа светлых до практически белых окрасов не альбиностическая. Теоретически они *очень* светло-рыжие, светло-серые или светло-коричневые. Как, впрочем, и чёрный окрас – это *очень* тёмные серый, рыжий или коричневый (что можно определить по более светлому подшерстку).

Есть, таким образом, достаточно причин считать светлые до белых окрасы **ненецких** лаек доминантными. То же отмечал и Я. К. Верещагин (1936) для лаек вообще: «...здесь мы имеем дело даже не с частичными альбиносами-лейцистами, а с наличием доминантной белой масти. Процент белых особенно велик для **оленных собак**». Добавим, что и в наших питомниках очень светлые до белых щенки обычны. Так чёрно-бурая Ночка дала от палевого кобелька Шурика только белых потомков. Преобладание светлых окрасов **оленегонок** не совсем понятно. Может быть, это защитное приспособление. Летом, когда в тундре круглосуточно не заходит солнце и не найти тени, светлый окрас спасает от перегрева. Зимой же – маскирует (как полярного волка).

Особо обсудим окрасы хромистов, где пигмент только коричневый. Благодаря разной интенсивности пигментации такие собаки бывают от практически белых до почти чёрных. Но всегда у собак, окрашенных коричневым пигментом глаза жёлтые, мочка носа, губы и веки коричневые. В отличие от тех, где пигмент чёрный и жёлтый (рыжий). У них глаза от тёмно-карих до светло-карих, мочка носа, губы и веки чёрные. В т.ч. и у светлых, практически белых собак. Правда, у них мочка носа может заметно светлеть при недостатке витаминов в корме (не путать с депигментацией). В питомнике это происходит обычно зимой, когда пища содержит мало «зеленой» составляющей.

***Ненецкая лайка** Плай Кинос на охотничьей базе Собатино в Закарпатье. На руках у Олега Широкого. Чем не самоед?*

Фото Б. Широкого

Почему-то наши кинологи «вычеркнули» коричневые окрасы у отечественных пород лаек. Мы же наблюдали довольно большое число собак-хромистов (иногда преобладающее) среди **ненецких**, а также береговых лаек, особенно на Чукотке. Причем, это были, как правило, наиболее типичные экземпляры

Яха Кинос – девятимесячный кобель нашего завода. Окрас коричневый зонарный (хромист). Недалеко от Петербурга. Начало апреля 2014 г. Фото от хозяйки Яхи Катерины Руран

Напомним, что за рубежом такие окрасы считаются нормальными для шпицеобразных: сибирских хаски, маламутов, гренландских и эскимосских собак, скандинавских и немецких шпицев, и др. Так же, как и для волков Нового Света, которые далеко не всегда серые, бывают и коричневые.

Итак, оленегонки имеют сплошные серые, рыжие, серо-рыжие, коричневые зонарные окрасы различной интенсивности от белых до чёрных, а также их производные – пятнистые и пегие (приобретение всё большего одомашнивания).

Ведя породу в чистоте, не следует отдавать предпочтения тому или иному окрасу – такой она была всегда. Разве что пегость и пятнистость? Возможно в будущем, при наличии большого заводского племенного фонда будет целесообразно предпочесть сплошные окрасы как более примитивные, исходные. Да и то, стоит ли лишать любителей, например, нарядного чёрно-белого окраса собак, одинаково хорошо заметных на снегу и по чёрнотропу. Всё же мы ведем породу не только в интересах ее самой, но и людей.... Поэтому, не будем стремиться к какому-то одному из окрасов. Уже есть только белый самоед, только серый вольфшпиц, только рыжие финский и померанский шпицы и т.д. Люди хотят белых, рыжих, бисквитных, золотистых, абрикосовых, серых, голубых, агути, чёрно-бурых, коричневых, пятнистых и пегих, подпалых.... Всё это порода может предложить не только без ущерба для себя, но и с выгодой. А выгода такова – не будут выбраковываться (как при селекции, направленной на особый окрас) собаки прекрасно сложенные, умные, деловые, выносливые, но не стандартного окраса! Не лучше ли сохранить всё хорошее, что порода имеет от природы, в т.ч. и все её окрасы?! А какое удовольствие получает заводчик при рождении щенков! Присутствует элемент неожиданности (как на охоте). Может родиться коричневый как медвежонок, а может белый как «умка», может появиться серенький волчок...

Современный стандарт не допускает только тигрового окраса. Такие **ненецкие лайки** просто не встречались. Тигровость вообще не свойственна нашим северным собакам. Поэтому мы браковали **камчатских и чукотских лаек** с таким окрасом (попадались при кинологических обследованиях; здесь есть вопрос – бывает ли тигровость в окрасах волков?)

Один из самых важных признаков породы, который надежно индивидуализирует ее среди других наших лаек – богатое убранство. Это одинаково хорошая защита и в стужу, и в жару. Собака в такой одежде живет без конуры в зимнем Заполярье. В то же время ей не грозит тепловой удар там, где негде спрятаться от жаркого солнца, хоть в тундре, хоть на выставке собак в южном городе (где, как известно, слабо одетые собаки порой не выдерживают пребывания на солнцепёке).

Такую универсальную защиту создает прямой, грубоватый и упругий остовой удлиненный волос в сочетании с обильным, очень густым мягким подшерстком. Этот пышный покров сохраняется и летом – кроме терморегуляции у него есть и другие функции.

В тундре и тайге богатая одежда спасает от комара, мошки, овода. На юге, кроме того, это защита от клеща. Осматривая своих собак после прогулок в закарпатском лесу, мы редко видели присосавшихся клещей, кроме как на «бровях». Что сразу бросается в глаза и клещ, как правило, не успевает глубоко проникнуть, легко извлекается.

На воде **оленегонка** держится легко, горизонтально, спина и хвост остаются на поверхности – сквозь воздушную подушку в обильном подшерстке вода не проникает. Выйдя на берег и отряхнувшись, собака очень быстро сохнет. Чего, правда, нельзя сказать, когда питомца приходится мыть. При этом вода впитывается и в подшерсток. После такой неприродной процедуры сохнуть нужно чуть ли не сутки.

При неглубоком покрове из снега (когда он продавливается до земли под лапами) наши собаки несколько проигрывают крупным высоконогим собакам. Зато в выигрыше – по глубокому снегу и по насту. Легкая и пушистая собачка в многоснежье, глубоко не проваливаясь, все же хоть «плывет» по рыхлому снегу. А по насту преимущество особенно очевидно. Шерсть, которая обильна и на лапах, пробивается между пальцами, создает относительно крупный «след» (говорим – «лапа следистая»). Сошлёмся здесь и на профессора Н. А. Смирнова (1936), который пишет об **оленной лайке**: «Если же мы примем в расчет увеличенную площадь опоры лап с их очертаниями, смягчёнными богатым опушением, то понятно будет и следствие – способность вязнуть менее всех других пород». Равно как и по снегу, эта собака меньше вязнет на болоте.

Еще одно назначение её шерстного покрова – в такой защите собака менее уязвима в стычках с сородичами и со зверем на охоте, отчего и чувствует себя в таких ситуациях довольно уверенно. В этом мы однажды убедились в нашем питомнике на Камчатке. Сторожка предприятия, где располагался питомник, случайно, по ошибке поместили на ночь в вольер к небольшому (45 см) одетому очень густо кобельку Шурику *серую* немецкую овчарку вместо *серой камчатской лайки*, с которой Шурик дружил. Как там они дрались, никто не видел и не слышал. Но рано утром сторожа застали Шурика, донельзя извалянного в вольерной грязи, и... потерявшую сознание овчарку. Ветврач привел её в порядок и объяснил, что это из-за болевого шока – Шурка как-то изловчился и сильно прокусил ей основание уха. У него же на теле было много мелких ран и царапин – увидели, когда отмыли его грязевой панцирь. Спасла Шурику жизнь в этой неравной схватке длинная и густая шерсть, особенно на шее и холке, сквозь которую зубы овчарки почти не проникали.

Остовой удлиненный волос распределяется по телу **ненецкой лайки**, в общем-то, также как и у других лаек и шпицев. Но, из-за большой длины, выглядит это выразительнее, более заметно. Так волос заметно развит внутри ушей, скрывает их основания, иногда почти до кончиков. Не потому ли иногда спрашивают: «Уши вы собачкам не купируете?».

Характерные удлиненные очёсы на скулах (баки), на шее – до 15 см (воротник), по низу туловища, на бедрах (гачи, штаны), на тыльной стороне ног и, особенно, на нижней стороне хвоста (до 25 см и более), чаще более выраженные у кобелей, не только защищают, но и делают собаку очень привлекательной, декоративной.

Голова **ненецкой лайки** типично «северная». Она сухая, умеренно клинообразная, с относительно широкой черепной коробкой и недлинной мордой. Переходы ото лба и скул к морде плавные, но заметные. Это подчёркивается сменой длины шерсти, которая на морде и вокруг глаз очень короткая, плотная. Небольшие стоячие уши поставлены довольно широко, очень подвижные, отражают физическое и психическое состояние собаки, ее положение в стайной иерархии... Живой выразительный взгляд создают небольшие, миндалевидные, умеренно косо поставленные коричневые или желтые глаза. При скромных раз-

мерах собаки, она все же владеет прочными челюстями с крепкими зубами, достаточно крупными для того, чтобы обойтись любой грубой пищей (включая кости) и быть уверенной в своих силах. На выставках эксперты по лайкам, впервые знакомясь с нашими собаками, обычно удивляются, что зубами эти малыши не намного уступают заводским лайкам.

*Хорошая голова **ненецкой лайки**. Наш именитый Шурик (Сери) из села Ваеги на Чукотке. Фото Ивана Сухана из архива авторов*

Естественно и гармонично сочетаются все остальные стати **ненецкой лайки** (отсылаем читателя к стандарту породы – приложение 1.27). Заметим только, что по сравнению с другими нашими лайками она имеет более выпрямленные углы сочленений задних конечностей, плюсны которых относительно короткие.

Намеренно повторяясь, акцентируем, что сложение этой собаки примитивное, звероподобное, очень функциональное. Если не считать хвоста, который в возбужденном состоянии обычно лихо закинут на спину очень пушистым кольцом или полукольцом. Да и хвост сохранил свое первичное назначение. При настороженности и в ряде других случаев он опускается поленом, а также надёжно закрывает морду и глаза собаки, когда она, свернувшись клубочком, лежит на холоде или среди комарья. Подвижный хвост помогает и в быстрых движениях, и в общении...

***Ненецкие лайки** (и другие наши северные собаки) живут долго, сохраняя бодрость. Ночка Кинос на 17-м году активной жизни. Фото Адолия Ливача из архива авторов*

Эта небольшая собака легка, быстра в движениях. Особенность, схожая с нашими береговыми лайками – в движении шагом и рысью ставит лапы близко к средней линии (полисьи).

Темперамент наших лаечек подвижный, уравновешенный. Они энергичны, эмоциональны, с очень развитой ориентировочной и исследовательской реакцией, уверены в себе, легко обучаются разнообразным навыкам без применения жёсткой дрессировки, заинтересованы в работе. **Оленегонки** способны восхитить высокоорганизованной психикой, живым умом, нестандартностью поведения, самостоятельностью в решении даже сложных задач. В то же время, самостоятельность этих собак сочетается с уживчивостью в стае сородичей, с большой привязанностью к хозяину и членам его «стаи», с контактностью, менее характерной для других лаек. Очевидно, к таким качествам породы привела многовековая интуитивная народная селекция, стихийный отбор на «нужность», полезность.

Таким образом, экстерьер, психика и физиология **ненецкой лайки** делает её способной к самым разнообразным службам и занятиям в различных условиях климата и содержания. Кроме тех, где требуется крупная злобная собака.

Новое время сказала на нашей породе двояко.

На севере стало убывать количество оленей, а с ними – и **оленегонок**. Показательны здесь слова из письма краеведа В. Мягих в журнал «Охота и охотничье хозяйство» (1998 г., №6): «...на Камчатке в Пенжинском районе в 1960-х годах в с. Аянка был питомник по разведению **оленегонных лаек**. Это *была* очень красивая, пушистая и неприхотливая собака. Однако во время перестройки все пошло прахом. Достать чистокровную **оленегонную лайку** было невозможно даже у оленеводов». Добавим, что мы встречались с автором письма. Он знает и ценит таких собак. Но у него был только метис этой породы, которая, казалось, вот-вот уже исчезнет с лица земли.

В то же время, благодаря этой самой «перестройке», стал проявляться новый, уже *кинологический* интерес к северным аборигенным собакам. Его побудил поток информации в открывающуюся страну о зарубежном собаководстве, о породах северных собак, которых знает и любит весь мир, кроме нас. Появились и новые *кинологические* публикации о **ненецкой (оленегонной) лайке** (Носов, Богословская, 1991; наши статьи в периодической печати начала 90-х; книжка – Широкий, Широкий, 2004, 2006 и др.).

А получив основной инструмент племенной работы – официальный стандарт (о чём – в начале главы), забытая кинологической общественностью порода стала разводиться заводскими методами. И в Петропавловске-Камчатском снова появился питомник наших аборигенных северных собак, где находились и **ненецкие лайки**, вывезенные из очагов породных собак Чукотки и Корякии, выявленных нами в экспедициях. Но пришлось нам вернуться в 1995 году к отчету дому... Всё же, благодаря помощи лётчика-снайпера полковника Василия Ивановича Друляка, с трудом удалось нам доставить на большом военном самолёте и поезде 9 собак на охотничью базу в Закарпатье. Кто хорошо знает это время, понимает, как это было непросто... Достоинство немало приключенческого рассказа.

География **ненецкой лайки (оленегонки)** по состоянию на 2004 год показана на схематической карте (приложение 2). На момент написания данной главы ситуация изменилась в части мест заводского разведения. Нам известны заводчики в Украине, Якутске, Новосибирске, Красноярске, Петербурге, Москве... По одной, две, три собачки досталось любителям нашей породы в Польше, Греции, Франции, Израиле, Корее...

Единичные представители породы демонстрировались на национальных и международных выставках в Петропавловске-Камчатском, Магадане, Москве, Киеве, Львове, Ужгороде, Днепропетровске... Их не обошли большой интерес зрителей и высшие титулы, награды, призы.

Камчатская лайка

Нет оснований называть «Берингию-90» гонками. В спортивном смысле это был «первый блин...». Шесть из восьми упряжек каюров из Корякии трассу протяженностью 250 км

прошли, не соревнуясь, без обгонов, с чаёвками.... Использовались грузовые нарты.... И первое место условно было присуждено старейшему каюру Ф. П. Чечулину. Но после этого перехода был задан скоростной заезд на 15 км (по 6 собак в упряжке). Первые три места достались каюрам, в чьих упряжках преобладали наиболее типичные **камчатские лайки** (что было показано ранее кинологическим обследованием). Случайное ли это совпадение, но люди обратили внимание на собак, заговорили о сохранении своей породы...

*Породный 2-хлетний кобель **камчатской лайки** Весёлый, участник «Берингии-90» в упряжке Павла Уварова из села Карага (Корякия). Фото Б. Широкого*

*Породные **камчатские лайки**. Передовики очень быстрой упряжки Анатолия Парамзина из Усть-Хайрюзово (Камчатка, Корякия). Серому передовику 16 лет. «Берингия-92». Фото Виктора Гуменюка из архива авторов*

«Берингии-91,92» были уже спортивными. Соревновались камчатские и чукотские упряжки. И те и другие проявили свои недюжинные способности. Две тысячи километров трассы, порой едва обозначенной, в пургу и при слепящем уже солнце, с отнюдь не спортивными нартами, в основном, без чулочков.... Это Вам не «Альпирод» или «Айдитарод»! К финишу прибежали в здравии и силе (за исключением тех, чьи каюры грубо нарушали правила гонок). Пошли бы и дальше, будь на то команда.... А мы, кинологи были довольны ещё и тем, что имели наглядную возможность сравнивать две соседние аборигенные породы лаек (точнее – *местные породы*, имеющие аборигенные корни). Да ещё и попутно обследовать собак тех поселений, что находились вдоль трассы.

Камчатские лайки посёлка Ильпырский (Корякия). 1992 г. Фото Б. Широкого

На 05.05.91 наше кинологическое обследование в 22 населенных пунктах Камчатской обл. (включая 8 пунктов, где получены опросные данные) выявило 692 собаки, которые использовались преимущественно для езды или перевозки грузов. Из них осмотрено 340. При этом выделено 200 в разной степени типичных **камчатских лаек** (регламентируемых проектом стандарта). 151 собака прошла детальную кинологическую экспертизу, с взятием ряда промеров и подробным описанием.

В целом **камчатская лайка** относительно простая и примитивная (волкообразная) собака среднего и выше среднего роста. Встречаются кобели типичного облика, имеющие высоту в холке до 70см. Следует отметить, что на Камчатке с далекого прошлого предпочитали рослых и сильных собак. Упряжку составляли всего 4—6 собак, и увеличение их количества к нашим дням стало следствием деградации, измельчания породы.

Крепкая и крепкая сухая конституции **камчатских собак** обеспечивают их хорошую продуктивность при различном использовании: перевозке грузов и скоростной езде (также и на промысле). Вероятно, разное применение собак приведет в будущем к расщеплению породы: крепкие – для использования в традиционных хозяйствах с грузовой нартой, более сухие – для спортивных гонок.

Камчатские лайки карамистых окрасов в селе Кинкиль (Корякия). Весьма породны, в типе лучших собак прошлого. Лето 1992 г. Фото Ю. Малкова из архива авторов

Окрасы – все известные для лаек. В отдельных очагах резко преобладают зонарные окрасы. При этом встречаются упряжки, где все собаки имеют зонарные окрасы без единой пежины (самое северное село Аянка в Пенжинском районе). Характерны также подпалые (карамистые) окрасы. Интересно, что бывают типичные собаки зонарных коричневых окрасов различной интенсивности, где волос полностью лишен чёрного пигмента. У таких собак

коричневые губы, веки, мочка носа и жёлтые глаза. Встречаемость таких собак увеличивается с юга на север.

Шерстный покров **камчатских собак** также неодинаков. Каюры предпочитают густо одетых собак, но недолюбливают длинную, мягкую шерсть. В неё набивается снег при мокрых пургах, нужен дополнительный уход за лапами и т. д.

Цифровые характеристики типичных представителей породы мы показали в предыдущем подразделе. А первый официальный стандарт и наша пояснительная записка к его проекту (приложение 1.28) исчерпывающе обрисовывают весь облик и другие качества **камчатской лайки**. В объективности этого описания признаков породы мы с удовольствием уверовались через год после утверждения стандарта в РФСС. Когда прочитали раритетную книжку профессиональных лайковедов «Охотничьи лайки» (Вахрушев, Волков, 1945), где впервые увидели проект стандарта **камчатских лаек**, предложенный М. Г. Волковым (приложение 1.25). «На добрую память и удачу в восстановлении пород камчатских лаек...» передал нам её камчатский учёный биолог Борис Борисович Парамонов. Произойди это на 2—3 года раньше, наша задача значительно бы упростилась....

Здесь отвлечёмся ненадолго, чтобы сказать: Собачий мир тоже тесен.

Упомянутый Б. Б. Парамонов в 70-х годах переехал с Камчатки в Москву вместе с чёрно-белой **ненецкой лайкой** Клы – любимой спутницей его полевых изысканий. И мы его потеряли. Нашёлся Борис Борисович через его собачку. Почти через 20 лет о ней вспомнили доброжелательные женщины, кинологи секции лаек Московского облохотобщества. И нашли в журнале регистрации лаек адрес её владельца...

Но о будущем **камчатской лайки**, которое вызывает обоснованную тревогу...

На предлагаемой фотографии – почтенного возраста охотник корякского села Лесная А. В. Яганов. А рядом с ним – тоже не молодой, 10-ти летний передовик упряжки из шести собак, где только три из них типичны для породы.

А. В. Яганов и передовик его упряжки Волчок (в разליньке). Лето 1990 г. Фото Б. Широкого

Волчок – рослый (68 см), волчьего сложения и окраса (без пегин). Он в разлиньке и потому выглядит здесь непрезентабельно. Но его хозяин Алексей Васильевич им гордился, не кастрировал, говорил, что по молодости его упряжка полностью состояла из таких собак. Для его нужд в условиях камчатского многоснежья достаточно было шести рослых лаек. Со временем же стало трудно их кормить – власти резко ограничили вылов лосося для юколы (и это при интенсивном промышленном лове!), а добыть достаточно нерпы очень непросто (не так, как во льдах Чукотки)

По данным всех наших обследований в начале 90-х годов породных собак осталось никак не более 4-х сотен. Сколько их сейчас – мы не знаем. Известна же ускоряющаяся безграмотная метизация породы зарубежными лайкоподобными собаками в угоду скоростным непротяженным гонкам. В то же время свои лайки всё ещё нужны жителям бывшего Корякского автономного округа в их хозяйствах (именно там видели мы эти четыре сотни хороших собак). Не хуже **чукотских лаек** послужат они в экстремальных ситуациях разных экспедиций. Но коряки не так давно по приказу государства лишились имени своей земли, её герба и флага, живут в стандартных районах Камчатского края. Следовательно, открыт путь к ещё большей ассимиляции и русификации коренного народа и, конечно же, метизации аборигенных лаек.

Каемся, что предложили тогда называть аборигенную **собаку коряков камчатской лайкой**. Справедливо и нужно было говорить о **корякской лайке**. Возможно, это было бы небольшим подспорьем для защиты корякским народом своих интересов, в т. ч. родных собак. Да, работает формула: исчезает коренной народ – пропадают его исконные собаки... Что делать? Есть ли надежды на рост национального сознания коряков? Ведь обследование их собак приезжими кинологами с немедленным принятием мер по сохранению породы очень там дорогое из-за высоких цен на транспорт...

Чукотская лайка

С пришествием нового времени эту *породу* стали изучать московские кинологи (Богословская, Носов, 1991). Обследовали и мы собак чукотских упряжек на гонках «Берингии» и в нескольких посёлках северного и восточного побережий Чукотского полуострова (Лаврентия, Лорино, Нешкан, Энурмино...), где они представлены наиболее типично.

В посёлке Лаврентия – центре Чукотского района в 1990 году упряжек не было, но типичные **чукотские лайки** попадались на улицах и во дворах. Интересно, что первая из собак, которая нас встретила в аэропорту (бесхозная сука, но типичная) имела голубые глаза. Второго, голубоглазого молодого кобеля увидели в одном из дворов. *Но больше нигде на Северо-Востоке в первые годы 90-х голубоглазые собаки нам не повстречались.* Если не считать явного метиса аляскинского хаски по кличке Борис Ельцин в упряжке Вячеслава Кеутегина из Энурмино на гонках «Берингия-92».

«Вольница». Типичная чукотская лайка на улице посёлка Лаврентия. Лето 1990 г. Фото Б. Широкого

Собак упряжки, что на следующем фото мы описали без присутствия каюра. Они совсем недавно вернулись со съёмок фильма Владлена Крючкина, где в торосах произошли драматические события – Владлен травмировал руку, а каюр, старший Кеутегин – рёбра...

Породные отличия **чукотских и камчатских лаек** видны и людям, непросвещённым кинологически.

Камчатская лайка как собака лесной и лесотундровой зон в целом более рослая и несколько суше. Отсюда – больше удлинённость головы, морды, ушей, меньше скуластость, переходы ото лба к морде более сглажены и т. п. Кроме езды и перевозки грузов эта лайка успешно использовалась и используется на охоте в лесу и в горах (напомним о том, что писали выше – **западносибирская лайка** имеет кровь собак Камчатки)...

*Упряжка **чукотских лаек** национального села Энурмино. Весна 1992 г. Фото Б. Широкого*

Чукотская лайка – собака безлесных побережий. Кроме среднего роста, крепости-грубости, большей компактности, она обладает более грубым остевым волосом, даже у собак с удлинённой шерстью. Очень типичны зонарные коричневые окрасы различной интенсивности (от почти белого до практически чёрного). На Камчатке собаки таких окрасов (хромисты) встречаются значительно реже.

Лорино, самое крупное национальное село Чукотского полуострова. Море вполне обеспечивает морзверем стаи собак. Корма им более чем достаточно – возле их жилищ мы видели недоеденные крупные куски тюленей. Не потому ли в 1990 году по окраинам села было три десятка стай (упряжек) – порядка 300 собак. Осмотрено было 23 упряжки (249 собак). В том числе северных остроухих (лаек) -172, из них типичных **чукотских лаек** – 146 (больше половины от всех осматриваемых).

Лучшая сука (хромист) национального села Лорино. Лето 1990 г. Фото Б. Широкого

По-разному относятся чукчи к своим помощникам.... Но не забыть нам одну сцену кормления собак. Немолодой уже хозяин принёс целый таз нарезанного мяса тюленя, его тут же окружила возбуждённая, взвизгивающая и лающая стая. Хозяин что-то сказал им по-чукотски, собаки резко присмирели, а их благодетель спокойно уселся и стал бросать им немалые куски мяса, следя за тем, чтобы никого не обидеть. Один за другим вкусные порционные куски поочерёдно и не по одному кругу исчезали в глотках довольных собак.

Но, казалось, что большее удовольствие и наслаждение получал сам кормилец – это было написано на его лице....

Да, хорошо, когда есть такая возможность: тюлени, моржи, киты (их фонтаны наблюдаются летом постоянно) ... И видели мы, как вооружённая карабинами молодёжь отправлялась на баркасе промыслять моржей.

*Стая (упряжка) **чукотских лаек**. Вдали на пляже едва виден баркас – собираются промыслять моржа. Национальное село Лорино. Лето 1990 г. Фото Б. Широкого*

*Эталонная голова кобеля **чукотской лайки**. Наш Тони завода Николая Калянто (село Нешикан). Участник гонок «Берингия-92» в упряжке Калянто, «Берингия- 93, 94» в упряжках Елены и Сергея Панюхиных. Фото Б. Широкого*

Со стандартом породы **чукотская лайка** читатель может ознакомиться в приложении 1.29 и 1.30.

Среди собак береговых жителей Чукотки не так уж редки типично сложенные, но богато одетые лайки, не предусмотренные, к сожалению, стандартом породы. Следовательно, эксперт не вправе дать им высокую оценку. Такие и ещё более шерстистые собаки встречаются не только на Заполярной Чукотке, но и в Корее на Камчатке (называют «мохля»), и на Амуре («луку»)...

*Богато одетая **чукотская лайка** в селе Нешкан. 1992 г. Фото Б. Широкого*

Общая численность, состояние и перспективность **лайки** береговых жителей **Чукотки** намного выше, чем **камчатской собаки**. Оседлые чукчи до сих пор испытывают в ней жизненную потребность. А охота на морзверя вполне удовлетворяет хороший аппетит **чукотских лаек**. Чего не скажешь о Камчатке – не достаёт собакам этого края ни рыбы, ни внимания местных жителей.

А надежда на благополучие породы ещё и в том, что **собаки чукчей** востребуются любителями экстрима заполярных экспедиций. В сложных условиях с ними значительно меньше забот и проблем, чем, например, с аляскинскими хаски, которые хороши на гонках с подготовленной трассой. Но и на далёкой Чукотке наблюдается неразумная метизация...

Амурская лайка

В новое время возобновился интерес и к этой, уже не аборигенной, а местной породе Приамурья.

В 1998 году обследование лаек бассейна Амура проводил этнограф А. П. Самар. Естественно, что интересовали его, прежде всего, вопросы традиций бывшего собаководства. Но в монографии этнографа и историка о собаководстве нанайцев (Самар, 2010) есть ценные для нас сведения о разностороннем применении **амурских лаек** в прошлом и сегодня. Современные же фотографии этого учёного свидетельствуют о том, что есть ещё **амурские лайки** в этом таёжно-речном крае в тех типах, которые описывал К. Г. Абрамов...

Амурская лайка (с. Кондон). 2001г. Фото автора из: Самар, 2010

Амурская лайка Кэку (с. Джари). Фото автора из: Самар, 2010

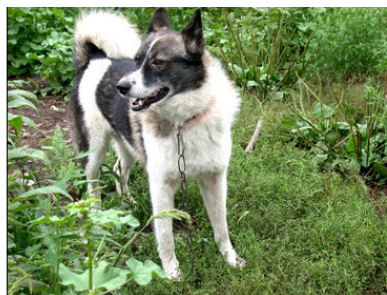
*Тип лохматой **амурской лайки** луку (самагиры пос. Боктор). 2002 г. Фото автора из: Самар, 2010*

Собаки, имеющие столь богатую псовину, не нашли места в проекте стандарта породы, предложенном К. Г. Абрамовым перед войной (приложение 1.23, 1.24). Но А. П. Самар сообщает по этому поводу особое мнение нанайцев и своё. Наверное, на месте им виднее.

«Вопреки стандарту и допустимому экстерьеру **амурской лайки**, составленному К. Г. Абрамовым, у нанайцев не считались бракованными собаки с длинной, лохматой шерстью. Наоборот, длинношёрстные собаки луку считались неутомимыми в пути и охоте и потому очень ценились нанайскими охотниками.... Также нужно отметить, что эти собаки имели большое значение в различных ритуальных отправлениях, в частности в культе медведя. С точки зрения современной экспертизы экстерьера лаек, считается, что в непроходимой, заваленной буреломом тайге собаке с длинной и густой шерстью трудно работать, поэтому в отборе породных лаек они недопустимы. Но как бы ни утверждала современная кинология, лохматая собака луку является одним из ярких представителей породы **амурской лайки** и её высокий статус в материальной и духовной культуре нанайцев является тому подтверждением».

Независимо от предыдущего исследователя, в 2000 году **амурской лайке** посвятила свою экспедицию профессиональный кинолог Марина Кузина. Примечательно, что Марина и на белкованье с лайкой выезжает. Так что ей нужно верить – знает лаек не только в теории.

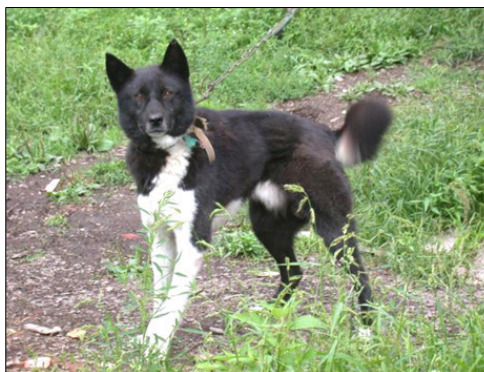
Из-за скромных возможностей Марине Кузиной не удалось собрать большого цифрового материала. Но не это главное. Недостаточно проверенные полученные кинологом данные всё же указывают на наличие нескольких небольших гнёзд, где число местных лаек вряд ли достигает двух сотен. И несомненную ценность имеют фотографии **амурских лаек**, привезенные Мариной из Приамурья.

Клык. Наиболее типичный кобель согласно стандарту Абрамова. Село Кондон. Фото Марины Кузиной

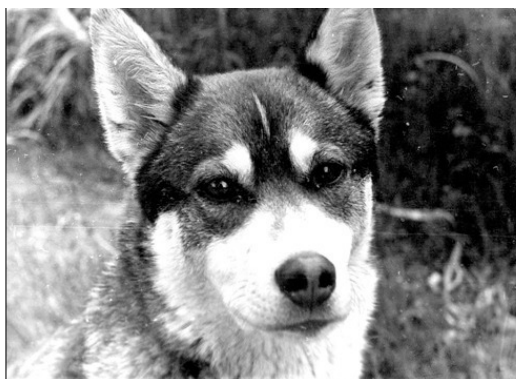

*Наиболее типичная сука **амурской лайки**. Фото Марины Кузиной*

*Типичный кобель **амурской лайки**. 2 года. Фото Марины Кузиной*

А ещё – хорошая голова лайки Приамурья...

***Амурская лайка**. Фотоподарок Марии Кузиной*

Вывод, который сделала Марина Кузина в процессе обследования лаек жителей Приамурья: исходя из наличия типичных собак, возможность сохранения породы есть. Но пессимизм Марины и наш в том, что для реализации этой возможности нужны немалые средства и добрая воля государства, местных властей и населения. Их нет.... А энтузиазма кинологов недостаточно.

Эвенкийская лайка

Эвенки – народ немногочисленный (38 396 человек – перепись 2010 года), но ареал его расселения очень велик. Встретить эвенков можно на всей обширной территории Сибири и Дальнего Востока. Поэтому естественно ожидать наличия у них несколько разных лаек.

Дальневосточный этнограф А. П. Самар, обследуя **собак нанайцев**, увидел и **эвенкийских лаек**, которых показал в своей недавней работе (2010). Андрей Петрович фотографировал их в 2004 году. Как видим, они и там не очень однотипны.

Эвенкийская лайка (с. Кукан). Из: Самар, 2010

Эвенкийская собака (с. Кукан). Из: Самар, 2010

Эвенкийская собака (пос. Чегдомын). Из: Самар, 2010

О **лайках эвенков** Средней Сибири кинологи А. П. Войлочников и С. Д. Войлочникова (1992) сообщили следующее: «...районом, где в относительной чистоте еще сохранились местные лайки, является Эвенкийский национальный округ Красноярского края. Охотхозяйственные организации этого округа осуществили ряд простейших мер для сохранения местных лаек». Так ли это сегодня... Ситуация с народами Севера ускоренно меняется (как и всё на нашей Земле). В 2007 году территория эвенков перестала быть субъектом Российской Федерации, убыстряется индустриальное освоение этого таёжного края. Ожидать ли

там сохранения собак эвенков-охотников? Возможно, пора уже говорить только о ВОЗРОЖДЕНИИ былых лаек...

Борис Леонидович Корнейчук «на своих угодьях со щенками-первополками». Фото Б. Л. Корнейчука

Осенью 2011 года мы получили от геолога, охотника и кинолога Б. Л. Корнейчука письмо о «подготовке к проведению Первой породной выводки аборигенной **эвенкийской лайки** согласно только что утверждённому её стандарту». И фото, где на фоне так манящей тайги – Борис Леонидович «на своих угодьях со щенками-первополками», рослыми, крепкими, звероватыми лайками...

В поисках сохранившихся аборигенных и местных лаек опять обратимся к печатным публикациям специалистов-лайковедов нашего времени.

И. Шурупов (1993): «...в 1989 и в 1990 г.г. мне дважды довелось побывать в Ханты-Мансийском национальном округе. До сих пор и у охотников-промысловиков, и у местного населения, некоторая часть которого все еще ведет традиционный образ жизни, сохранились **чистокровные ханты-мансийские лайки**».

К сожалению, в этом случае говорить о *чистокровности* не совсем верно, так как ханты и манси в своё время владели разными лайками, соответственно **хантейской и мансийской**. Очевидно, цитируемый автор именно это имел в виду... Кровь этих собак течёт в заводских лайках и «иногда возникает вопрос, нельзя ли восстановить первоначальные отродья, от которых была получена **западносибирская лайка**. Теоретически можно воссоздать исходные формы. Достаточно двадцати лет, но для этого нужен не сталинский режим, а что-нибудь похлеще» (Евреинов, 1996). Хотим ли мы деспотичного строя? Конечно же, нет!

С. Успенский (1994): «Знаменитые сибирские ездовые собаки – полноправная составная часть ценнейшего богатства России – ее генофонда аборигенных пород домашних животных. Эта сокровищница по невниманию к ней либо благодаря неразумным экспериментам селекционеров уже сильно обеднела и была бы непростительна еще и такая потеря. Необходимы срочные меры по выявлению и спасению оставшихся представителей этой породы. И в первую очередь на севере Якутии, в низовьях рек Яны, Индигирки, Алазеи, Колымы – там, где такие собаки еще встречаются».

Можно цитировать еще... Подобные информации, пожелания и рекомендации, безусловно, полезны. Но кто будет работать, и за какие деньги?! Нам, например, не хватило их, чтобы обследовать на Северо-Востоке, кроме **камчатских и чукотских лаек**, еще **корякских и полярных** (наши рабочие названия).

Селькуп Ириков Никандр Иванович перед охотой. Ямало-Ненецкий автономный округ, Красноселькупский район, пос. Ратта, стойбище Пер-Соссёте. 2010 г. Фотоподарок Сергея Анисимова

Эту недавнюю фотографию подарил нам фотохудожник, иллюстратор нашего Севера Сергей Анисимов. Возможно ли нам пройти мимо этого величественного селькупа-охотника с его очень интересными для кинолога лайками?! К стыду, в этом пространным рассказе не вспомнили мы о селькупах и ещё о некоторых народах Севера, заодно и об их лайках. И вот такие фото свидетельствуют, что есть перспектива для кинологов-лайковедов. Что есть интересные места, люди и собаки. Что остаются вопросы и пробелы в знании лаек. Были бы желание, активность и возможности...

ДОСОВЕТСКИЕ	СОВЕТСКИЕ		СОВРЕМЕННЫЕ
	ДОВОЕННЫЕ	ПОСЛЕВОЕННЫЕ	
ТУНДРОВЫЕ ЛАЙКИ			
лапландская	лопарская		
самоедская	ненецкая	ненецкая	ненецкая
ТАЁЖНЫЕ ЛАЙКИ			
финно-карельская	финно-карельская	финно-карельская	
карельская	карельская	карельская	
зырянская	коми-лайка	коми-лайка	
черемисская	марийская	марийская	
башкирская			
вотяцкая	вотская	вотяцкая	
вогульская	мансийская	мансийская	
остяцкая	хантейская	хантейская	
сойотская	тувинская	тувинская	
бурятская		зabayкальская	
тунгузская	эвенкийская	эвенкийская	эвенкийская
якутская	якутская	якутская	
лайка гольдов	нанайская		
удэгейская	удэгейская		
ламутская	эвенская	эвенская	
	амурская*	амурская	амурская
БЕРЕГОВЫЕ ЛАЙКИ			
юкагирская	юкагирская		
коряцкая	коряцкая	корякская	корякская
камчадальская	камчатская	камчатская	камчатская
чукская	чукотская	чукотская	чукотская
эскимосская	эскимосская		
орочонская			
гиляцкая	гиляцкая (лайка нивхов)		

*Аборигенные и местные породы лаек * Курсивом показаны местные породы*

Представление аборигенных и местных пород лаек, которых в разное время видели люди разных знаний (не только кинологи), мы завершили сводной таблицей. Пусть она недостаточно совершенна, зато наглядна. Говорит таблица о том, что динамика этих пород отрицательна. Причём, резкое ускорение нежелательной динамики приходится на наше время. Сейчас возможно говорить едва о пяти породах, об их наличии, сохранении или возрождении... Причин этому немало – о них разговор отдельный. В то же время мы не исключаем, что найдутся читатели, которые к таблице отнесутся критически и добавят строчку-другую (если, напротив, – не уберут)...

О заводских (культурных) породах лаек – **карело-финской, русско-европейской, западносибирской и восточносибирской** особо беспокоиться не стоит. Они востребованы, пока есть охотники. Современные книги о лайках посвящаются именно этим породам, они

читателям доступны. Так что свои 5 копеек добавлять сюда не будем. Но не излишне будет ещё раз отдать должное их создателям и пользователям. Эти лайки до сих пор оберегаются от навязчивой шоу-моды.

Пока готовили эту книжку (долго, урывками, с перерывами, в редкое свободное время от «более важных дел»), неожиданно для нас появилась новая заводская порода с названием **якутская лайка**. Она уже признана РКФ, имеет свой клуб, питомники и даже памятник. Эти собаки достаточно популярны, и за рубежом тоже – чаще востребуются для ездового спорта. Мы же эту породу ещё не знаем. Покажем лишь фото, не так «экстерьерные» как занятные. Наперегонки с пятимесячной Кирой Кинос – сучечкой **ненецкой лайки** бегут **якутские лайки** Алкын Тумар Ойулун (Мара) и Чимги Тура Бахран (пятнистый). Все три собаки – жители питомника Салкын Тау Ольги Пережогойной (Новосибирск).

Нас не догонишь! Новосибирск. Весна-лето 2013 года. Фото Ольги Пережогойной.

* * *

Как и в прежних главах дадим здесь краткие выводы.

1. Существование заводских пород лаек особых тревог не вызывает.
2. Аборигенные и местные породы северных собак, несмотря на ускоряющуюся деградацию, всё еще существуют (как и народы их создавшие).
3. Несомненна ценность аборигенных лаек как национального достояния северных народов, как важного элемента их прикладной традиционной культуры, престижа этих народов.
4. Спасение и возрождение уникального генофонда требует не таких уж больших средств, но вложенных в руки людей добросовестных, грамотных и работающих.

5. Что могут лайки

Да и вообще всякая лайка делается тем, чем её делает хозяин.
М. Г. Дмитриева-Сулима.

Можно ничего больше не говорить в этой главе. Полный ответ на вопрос заглавия – в эпиграфе. Это слова лайковеда, которая одна из первых познакомила «цивилизованный» мир с нашими северными собаками.

Мы понимаем её утверждение буквально. Тем более что в первой монографии о лайках (1911) Мария Григорьевна писала: «о них говорят в военных кругах, как о материале для войсковой собаки, их употребляют для полицейской службы». Ссылаясь на труды экспедиции Стефановича, она отмечает, что «у **тунгуса** на Становом хребте **лайка** переносила записки и посылки на большие расстояния». Но книга называется «Лайка и *охота* с ней». Это позволяет предполагать, что её автор имел в виду разносторонность лаек именно на охоте.

Лайки – охотники

Не видим надобности переписывать здесь ряд изданий с названиями подобными только что упомянутому. Книги об охоте с лайками издаются, переиздаются и доступны нашему читателю (см. список литературы). На одну из них мы всё же обратим внимание. Это библиографическая редкость Н. В. Кузнецова (1955). Очень давно подарил её фанатичный гончатник и наш друг Виктор Болтенков после одной из камчатских охот с его невероятно вязкими и нестомчивыми русскими гончими (теперь он стоящий эксперт по породам и испытаниям гончих). Отличается книга ярославского охотника-лаечника доверительным художественным изложением разнообразных охот с лайкой.

«Рыженький ладный пёсик со строго поставленным ухом относился к типу **карело-зырянских лаек**» и был приобретён автором «Записок...» в мурманском Заполярье. Рыжик стал первым полевым спутником Николая Васильевича и определил его любовь к лайкам на последующую охотничью жизнь.

Показываем обложку этой книги с тем, чтобы запомнилась и бросилась в глаза нашему читателю где-нибудь на книжных развалах. Купите, не колеблясь. Немало здесь и весьма достоверных рисунков графика Н. И. Кирсанова о разных видах традиционных лаечьих охот.

Обложка: Кузнецов, 1955

Поскольку наш рассказ посвящён *всем* лайкам – заводским, местным и аборигенным (собакам жителей тайги, тундры и побережий), в который раз сделаем здесь акцент на том, что *все без исключения породы наших северных собак (лаек) – хорошие охотники*. И не «а также», а – прежде всего. И в прошлом, и сейчас. Примеры этого, показанные в предыдущих главах, несколько дополним.

О заводских лайках, которыми занимается Росохотрыболовсоюз, РФОС (Российская федерация охотничьего собаководства) и аналогичные структуры в других, ушедших из СССР странах, особенно распространяться не следует. Они, конечно же, прекрасные охотники, каких нет среди лайкоподобных собак Запада. Иначе быть не может. В них течёт кровь собак, которые представлялись создателям этих пород лучшими из лучших. И были они вывезены для заводского разведения в кинологических центрах с огромной территории Евразийского Севера. А селекция **карело-финской, русско-европейской, западносибирской и восточносибирской лаек** до сих пор направлена на сохранение их примитивности. В том числе и прежде всего – на сохранение основного качества предков – врождённой способности к охоте, промыслу, не требующей специального обучения.

Что же до местных и аборигенных лаек, то из них принято считать хорошими охотниками лишь таёжных лаек (например, **эвенкийскую**). Тундровые и береговые лайки из-за ярлыков «оленегонные» и «ездовые» как охотники многими горожанами вообще не рассматриваются.

Всем нашим северным собакам присуще генетически обусловленное ярко выраженное охотничье поведение. И постараемся здесь реабилитировать «неохотничьих» лаек, что мы частью уже делали в предыдущих главах.

Более чем у остальных отрицается наличие хорошо проявленного инстинкта охотника у собак оленеводов – **ненецких лаек**. Поэтому логично уделить им здесь больше места.

Напомним: вопреки распространенному мнению, ПРОФЕССИЮ ПАСТУХОВ ОЛЕНЕЙ ЭТИ СОБАКИ ОБРЕЛИ ТОЛЬКО В XIX ВЕКЕ. Все предшествующие тысячелетия службы человеку, они были, *прежде всего, охотниками*. Но из того, что эти потомки древних шпицев стали помощниками оленеводов, вовсе не следует, как думают многие (в том числе компетентные собаководы), что они из-за своей новой профессии утеряти, «забыли» охотничье прошлое. Это не так.

Более того, находясь на службе у оленеводов, эти собаки не только не теряют своих охотничьих качеств, а, напротив, их совершенствуют. **Ненецких лаек МОЖНО ИСПОЛЬЗОВАТЬ КАК ПАСТУХОВ ОЛЕНЕЙ ИМЕННО ПОТОМУ, ЧТО ОНИ ОХОТНИКИ, А НЕ НАОБОРОТ.**

Хотя наших северных кочевников и называют оленеводами, все они с детства профессиональные охотники. Да и сама пастьба оленей, как для людей, так и для собак, нередко схожа с охотой. Здесь бывают и поиск, и преследование, и отлов животных... (полудикие домашние олени – это не стадо коров или овец). Почему-то принято считать лучшими охотниками промысловиков тайги. Но ведь промысел – дело сезонное, и не такое уж продолжительное, а оленевод в тундре или тайге – круглогодично, всю жизнь. И, конечно же, не расстаётся с оружием. И питаться предпочитает не домашним оленем (сохраняет поголовье), а тем, что возьмет в «бесплатном магазине» (у природы). А кроме оружия, всегда с оленеводом – собака. И в стаде, и на охоте.... Как и хозяин, одинаково хороша она охотником и пастухом.

Вдалеке от кочевья, от истинной ситуации, классифицируя собак по их использованию, можно сделать умозрительный вывод – коль скоро собака оленеводческая, т. е. пастушья, значит, охотничьи инстинкты ее приглушены. Как у тех собак, которые пасут овец, коров и т. п. И можно написать об этом как в научной, так и популярной статье. И тем самым вычеркнуть породу из списка охотничьих собак (это лайку-то?!).

Дети чукотских оленеводов ищут отбившихся от стада оленей и даже прячущихся в кустах медведей. А собака и СКС (самозарядный карабин Симонова) очень помогают им в этом. Фото В. Сафонова из: Сафонов, 2009

Хорошая иллюстрация сказанному.

Читаем ещё из дневников охотоведа и кинолога М. Г. Волкова, в 30-х годах уже прошлого столетия изучавшего популяцию **ненецких лаек** полуострова Ямал *непосредственно* (Волкова, 1997): «Ненцы делят собак по рабочим качествам на следующие категории: *Первая* – „промышленники“ – очень быстрые собаки, весьма нестомчивые, способные поймать за день трех песцов, хорошо ловят водоплавающую птицу и вместе с этим отлично работают по оленям, не грызут телят. Такие собаки считаются лучшими – „первыми“. За такую собаку ненец не задумается отдать хорошего быка. *Вторая* – средняя собака, нормальная, так сказать. Оленей гонит очень хорошо, но по песцу работают не все особи, и больше одного песца в день ловить не могут – „не терпят очень много бегать“ (чтобы поймать песца, собака теряет много сил и устает). *Третья* – неважная собака. Эти собаки по зверю и птице совсем не работают или работают плохо. Оленей гоняют в день два-три раза, а целый день работать не могут, стомчивы».

Эта цитата показывает, что кочевые ненцы (охотники-олeneководы) одинаково ценили своих пушистых помощников и за промысловые, и за пастушьи способности. И еще здесь видна закономерность – чем лучше собака как охотник, тем предпочтительней она в роли пастуха оленей. Как и у людей: «талантливый – талантлив во всем».

*Собака всегда рядом (олeneвод—охотник с **ненецкой лайкой** в ожидании пролёта гусей). Ненецкий автономный округ. 2014 г. Фото Матвея Чупрова.*

Очевидно, не лучшим образом послужили этой породе ее распространенные в литературе названия: **олeneгонная лайка**, **ненецкая пастушья собака**, т. п. Представим, что городской охотник решил обзавестись собакой. Конечно же, такие «животноводческие» имена породы не остановят на себе внимание этого охотника. То же сказалось и на лайковедах, экспертах-кинологах, которые воспитывались в системе Росохотрыболовсоюза.

Как-то незаметно собаки ненцев вышли из перечня лаек. Хотя еще в 1956-м году во втором томе «подарочно» изданной «Настольной книги охотника-спортсмена» **ненецкая лайка** фигурирует на цветной вкладке в числе пород охотничьих собак, которые в то время разводились в стране. Подробнее об этом, и фото мы уже показали в главе о послевоенных лайках.

Всё же, если как следует «покопаться» в литературе, особенно старой, можно найти достаточно сведений о выдающихся охотничьих качествах **ненецких лаек**.

Вот, например, неоднократно переизданные «Записки натуралиста» известного зоолога и, конечно же, охотника Е. П. Спангенберга (1986). Евгений Павлович очень любил охоту и все, что с ней связано, особенно собак. В упоминаемом издании своим собакам (а их было немало) он посвящает целый раздел. Но особо выделяется глава о **ненецкой (олene-**

гонной) лайке, с которой натуралист путешествовал в довоенные тридцатые годы и предпочел ее другим своим охотничьим собакам. Прочитайте – это хороший душевный рассказ не только о помощнике охотника, а, в первую очередь, о сообразительном, веселом, преданном и надежном друге. Здесь же цитируем немного из общей оценки этой небольшой лайки как охотничьей собаки.

«Вот тогда-то и появился Гаудо, или Гаудик, ставший моим верным другом и спутником в путешествиях. С первого взгляда он очаровал меня своей внешностью. Принадлежал Гаудик к породе **оленегонных лаек**. Пушистый, хвост калачиком, ушки торчком, глаза быстрые и такие умные – кажется, все понимает пёс, только говорить не умеет. В тундрах нашего севера **оленегонные лайки** выполняют ответственную работу – пасут оленей... среди **оленегонных лаек** нередко встречаются отличные охотничьи собаки: чуткие, зоркие и неутомимые.

За годы наших совместных путешествий я оценил все достоинства лайки (здесь – **ненецкой**, Б. и О. Ш.). Эту умную, выносливую собаку можно назвать жемчужиной нашего Севера и ею гордиться. Пёс шел на любую дичь и легко осваивал незнакомую охоту. В горах Гаудик находил и поднимал уларов, кавказских тетеревов, на озерах ловил нелетных утят, заставлял подниматься на крылья взрослых уток, а на Сырдарье – фазанов. Он отыскивал дичь не хуже легавой собаки.

Увлекался пес охотой до страсти, но и мне помогал собирать для коллекции птиц и зверушек. Зато к себе и к своей работе требовал уважения».

Гаудика, облаивающего глухаря, изобразил в «Записках...» Е. П. Спангенберга (1986) известный художник-анималист А. Н. Комаров

Примеры использования этих небольших лаек на охоте в прошлом можно продолжить. А как с этим сейчас?

В местах, где оленеводы пасут свои стада с применением собаки, с ними, конечно же, как и прежде, промышляют. Например, в лесотундре Чукотки, **ненецкие лайки** очень хороши при охоте на лося. Здесь они предпочтительнее более крупных лаек. Лось спокойнее стоит до подхода охотника, когда его найдет и, как бы играючи, облаивает небольшая собачка.

Рисунок А. Н. Комарова из: Спангенберг, 1987

В последнее время северянам приходится очень экономить патроны. И тут **ненецкие лайки** их выручают. Охотник-рыболов Сергей Дьячков из чукотского села Ваеги (откуда две собачки нашего питомника) написал нам в 2000 году письмо о своем житье-бытье. Цитируем из него: «На охоту брал с собой отцовского пса, он еще работал со стадом, поэтому учёный командам, подранков, чтобы не тратить патрон, брал этой собакой, кличка «Мукала»... с ламутского (эвенского) языка означает «маленький».

Но интересны ли лайки этой аборигенной породы городским охотникам? Есть ли у них будущее как «цивилизованной» охотничьей собаки?

С началом заводского разведения **ненецких лаек** в питомнике «Кинос» на западе Украины несколько щенков попало в г. Кривой Рог Днепропетровской области. Там же не первый год охотился вывезенный ранее с Камчатки Кей Кинос. В значительной степени благодаря стараниям владельца Кея Н. В. Светового (заядлого охотника еще с камчатских его времён), в Кривом Роге возникло племенное гнездо охотничьих **ненецких лаек**.

Мы храним приличную пачку писем Николая Васильевича об успехах Кея (Кешки) на разных охотах. Поделится с читателем хотя бы некоторыми цитатами из писем (без редакции) охотника и заводчика Светового.

Счастливей Николай Световой, довольней собой охотник Кей Кинос (справа) и несмышлёный ещё молодняк. Кривой Рог. Фото Н. Светового из архива авторов

«Здесь я был пару раз на охоте на зайца и один раз на фазана. Из семи человек с фазаном был только я. Кеша поднял мне трех... я стрелял только петуха. Кеша вытоптал его из-под снега и добрал подранка».

«Отлично работал по фазану, брал подранков зайцев».

«...побывали на охоте на косуль... он с лаем преследовал подранка, давил за горлянку козла, что тот даже орал. Понравился участникам охоты. Справлялись о щенках...».

«У меня сложилось впечатление, что по универсальности в охоте аборигенным собакам равных нет. Что дано природой, никаким скрещиванием не выработать».

«Я не перестаю удивляться способностям своего любимца и поэтому опишу Вам несколько случаев из своих охот...»

«Поехали втроем тропить фазанов... прошли всего-то метров 150 как Кеша начал внимательно ощупывать кусты, я только крикнул напарникам „Пыльный“, как из-под ног у Кея выпорхнул петух... я сбил его первым выстрелом. Подобным образом сбил и второго... прошли немного, как вдруг сразу два фазана вылетели метров за 150 от нас.... Не прошло и двух минут, как Кей обозначил посадку петуха на дерево. Тот с криком улетал, а Кей его преследовал. Не очень назойливый лай говорил о том, что птица сидит крепко. Ближе оказался напарник.... Потом Кей выставил еще одну птицу, причем я не видел его, растительность была в рост человека, я снова отличился. Товарищ, что шел слева, из-под Кея вышиб фазана и на этом мы решили закончить. Причем Кей нашел подранка.... Без нас напарники сбили еще одного фазана, но подранка в камышах не нашли».

«Как только снежок свежий ложился, я не упускал случая потропить... зайца или куропаток. Причем по поведению Кея я уже знал, что ему попало на нюх... Я заметил, как Кей резко сменил поиск и рванул в лесок. Через мгновение слышу его лай. Я остановился и мне прямо в ноги выкатил косой, преследуемый Кешей. Он зрячего зайца всегда гонит с голосом. Первым выстрелом промазал, а вторым в угон достал. Кеша догнал его и по месту задавил».

«В одном месте Кей выгнал куропаток. Я двух из стаи вышиб. Одна упала за бугром, а другая покатила по склону к моим ногам. Я сучке молодой показываю птицу, притравливаю ее. И тут показывается Кей. В зубах держит куропатку, которая подальше улетела, подбегает ко второй, бросает первую и давай отгонять ее (сучку) от добычи. Причем на сухом раньше никогда не аппортировал. Насмешил меня, но сучке устроил разборки...»

«...я всю осень натаскивал Стива (английского сеттера), а на охоту ездил с Кеем. Так как он от мыши до медведя меня натаскивал на охоте и без всякой натаски работал великолепно и по перепелке, куропатке, а особенно по фазану. У мужиков, когда собаки не было, они всегда нас с Кеем брали с собой. Всегда он выставял фазанов то под выстрел, то облаивал на дереве. Снова козу подранка давил, ходил по кровавому следу».

«Практически не упускал возможности побродить с ружьем в присутствии своих помощников-собак. С Кеем все ясно – он всё об охоте знает и умеет, а вот второго – английского сеттера по кличке Стив... нужно было „поставить на ноги“ и многому научить... Кей в одну-две охоты усвоил английский лексикон и везде упреждал своего конкурента. Если я убил 54 перепелки, то со Стивом только одну треть, а две трети поднял на крыло и подал камчадал. Что интересно, если ранее Кей не аппортировал дичь, то теперь в обязательном порядке только он всегда первым находит и подает битую птицу. Бью утку на большой воде, Стив поплыл, Кей тоже..., но... быстро возвращается и поджидает по брюхо в воде Стива. Когда тот подходит к берегу, Кей рыкнет на него, тот бросает утку и Кей с триумфом победителя

подает утку... Это не передать словами, нужно видеть. Зимой охотился только с Кеєм».

«В этом сезоне снова удивил меня своим отношением к подранку — лисовину. Я побаивался, что тот покусает Кея. Но не тут-то было. Камчадал улучил момент, и вцепившись в горлянку подранка, перекинул через себя и задавил лиса, не успевшего опомниться...».

Такие отзывы о **ненецкой лайке**, работающей, по сути, в качестве подружейной собаки. Именно эта контактная работа по душе охотнику, которого мы цитировали.

Вообще же, манера охоты этих собак, в принципе такая же, как и у других наших лаек. Есть собаки и с дальним, широким поиском, особенно активные. Оленеводы таких собак называют дальнегонными, посылают их после пурги по следу на самостоятельный розыск потерявшихся оленей, доверяют самостоятельные (без пастуха и его команд) наблюдения за табуном и за тундрой, подгон и поиск оленей (Мальгинов, 1955). В «дальнегонной» манере охотились на Камчатке и в Закарпатье родители вышеупомянутого Кея, выходцы из Центральной Чукотки Сери – домашняя кличка Шурик, и Нээккэкэй – Ника (владелец завод «Кинос»).

Что же касается разницы в охотничьих способностях, то, естественно, можно найти преимущества у разных лаек.

По чернотропу лайки, что покрупнее, более проходимы в высокой траве, буреломе и т. п. Зато нет равных небольшим лаечкам в «узких» местах (в терновниках, ежевичниках...), где они пробираются даже по лисьим проходам (например, за фазаном).

Охотничий день кончился. Фото В. Гиппенрейтера. Открытка. Изд. «Правда». 1958

Небольшой вес, пышная одежда, склад конечностей, приспособленный к тяжелым условиям бега, относительно большие, «следистые» лапы – все это в купе помогает нашей собачке легче передвигаться в глубокоснежье, не говоря уже о настах и болотистых тундрах.

Известно, что лайки с увеличением роста, в общем случае, становятся более уравновешенными, порой даже флегматичными. Это отрицательно сказывается в поле. Не потому ли имеются противники существующей подгонки стандартов заводских пород лаек под крупных, зато импозантных экземпляров, которые нередко лучше «смотрятся» и побеждают на выставках. Так, очень заметно «выросла» **западносибирская лайка**. А вот **ненецкие лайки** малы, зато подвижны, энергичны, азартны – вялость и флегматичность на охоте им не грозит. Если собаки тренированы – не прекращают поиска и тогда, когда охотник присядет перекурить.

Не последнее качество лаек – доносчивый голос. А лай **ненецких лаек** – в более высоких тонах, слышен издали, к тому же эти собаки более щедры на голос, нередко с голосом преследуют «горячего» зверя.

Наконец, о контактности и привязчивости лаек. Большие собаки, как правило, более самостоятельные. Но все знают, как на охотничьем стане хозяин, проснувшись, может не увидеть своей лайки – она увязалась с тем из компании охотников, кто раньше взял ружье и ушел охотиться. Владелец же **ненецкой лайки** может спокойно просыпать зорьку, спать до обеда – собачка его не покинет.

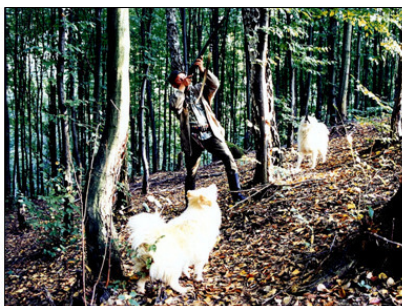
Таким образом, небольшая лайка, природная популяция которой еще сохранилась в лесотундровой и тундровой зонах Евразии, как охотничья собака «цивилизованным» миром незаслуженно забыта. Благодаря именно высоким качествам охотника, сочетающимся с редкой понятливостью, контактностью с человеком, большим желанием ему помогать, лайка кочевников севера отлично выполняет и охотничью, и пастушью работу. Заводское её разведение, которое уже началось за пределами аборигенной популяции, позволяет убедиться и городским охотникам, что это прекрасный партнер в их любимом занятии – в разных охотах на зверя и птицу: от белки до медведя, от перепела до глухаря. Есть все основания вернуть эту породу в список собак, которыми занимаются общества охотников.

Разговор о «неохотничьих» **ненецких лайках** будет нагляднее благодаря фоторепортажу Ивана Сухана (тоже их заводчика) о белковании егеря Иршавского охотхозяйства Михайла Ломаги в угодьях охотничьей базы, что недалеко от закарпатского села *Собатино*. Заранее скажем, что, несмотря на старания Шурика и Умки, ни одна белочка не пострадала.

Такие бескровные охоты следовало бы разрешать почти в любое время года и почти везде. Ведь сезон для промысла с лайкой так недолог...

Умка Кинос облаивает белку. Закарпатье. Иршавское охотхозяйство. Сентябрь 1999 г. Фото Ивана Сухана из архива авторов

*Правильная позиция **ненецких лаек** Умки и Шурика при облаивании зверька. Закарпатье. Иршавское охотхозяйство. Сентябрь 1999 г. Фото Ивана Сухана из архива авторов*

У вечерней ватры (костра) после охоты. Трофеев нет. Все довольны: белки, Миша Ломага, Шурик и Умка. Закарпатье. Иршавское охотхозяйство. Сентябрь 1999 г. Фото Ивана Сухана из архива авторов

Ненецкие лайки привлекли внимание и охотника Томаса Шярнаса. Познакомившись вначале с ними, а потом и с нами, опубликовал Томас хорошую статью об этой породе в литовском журнале для охотников (Šernas, 2008). И ещё получили мы от него большую бескорыстную, в интересах породы помощь, когда назрела потребность в ремонте поголовья нашего питомника. Наша и породы благодарность Томасу Шярнасу премногая!

Не видят несведущие люди охотничьих качеств и в собаках оседлых, береговых северян.

«Ездовые лайки практически не имеют присущего собакам нюха, они – тягловая сила», – написал о **чукотских лайках**, в сборнике «Геологи рассказывают» В. Г. Сафонов (2009). И в доказательство рассказал о том, что эти собаки не сразу находят в снегу брошенные им куски мяса.

Это **лайки Чукотки** (почти волки) не имеют обоняния!? Да для них от куска мяса – целое облако очень пронзительного и такого долгожданного запаха.... Растеряешься тут...

Конечно, Вадиму Сафонову, полевому геологу, естествоиспытателю известно, что **чукотские** и другие **лайки** жителей побережий могут прокормиться охотой в тундре, что покажут отдушины тюленей во льдах, что найдут по запаху занесённую пургой обратную дорогу домой...

И сборник коллеги В. Г. Сафонова мы читали с интересом, хороши иллюстрации и тексты авторов... Немало в книге информации о северных собаках, нужных советов (мы советуем читать её) ... Но занудно не принимаем ещё одной неправды: «Ездовые лайки никогда не лают...».

Лают! Где нужно и когда надо.... На охоте приходится им облаивать белку и куницу (как в Закарпатье наш Тони, вывезенный с Чукотки), и остальных охотничьих птиц и зверей, включая белого медведя.

Не счесть, сколько их добыли советские полярники с помощью собак, к сожалению, с потерями наиболее отчаянных из них. Например, в больших количествах заготавливали медвежьи шкуры колонисты острова Врангеля – эскимосы и сотня **чукотских лаек**, купленных «первым советским губернатором острова» Г. А. Ушаковым в Анадыре. То же и на архипелаге Северная Земля, где героический полярник обозначал советское присутствие с **лайками нивхов и нанайцев** (Ушаков, 1990).

«Пора перестать смотреть на ездовое собаководство как на третьестепенный вопрос, помня, что помимо своих ездовых качеств с этими лайками охотники Севера добывают ежегодно много пушных зверей», – резонно заявлял В. Линтварев (1956).

Утверждаем, выше уже показывали, ссылаясь на знатоков, подтвердим ещё – береговым лайкам присуще хорошо выраженное охотничье поведение, как и лайкам вообще.

А выступать в качестве «тягловой силы» тоже нужно – не обошлись бы люди без этого в прошлом, да и сейчас есть такая потребность, в т. ч. и на промысле....

Вот какие крупные белые медведи водились на острове. Остров Врангеля. 1926—1929. Фото Г. Ушакова. Архив семьи Г. Ушакова. Из: Арктика!!! Каталог, 2007

Наши трофеи росли непрерывно. Из: Ушаков, 1990

Выше, когда говорили о послевоенных **чукотских лайках**, мы цитировали Эдмунда Иосифовича Шерешевского (Шерешевский и др., 1946). Добавим, что кинолог довольно подробно рассказал о том, как полярники добывали с «ездовыми» лайками белых медведей и диких северных оленей. Также упомянута их большая помощь при промысле гусей и морского зверя. И ещё отмечено, что это лишь «основные виды применения ездовых собак на охоте в Арктике». Конечно, не все такие охоты актуальны в наши дни, но промысловые способности этих лаек они демонстрируют вполне.

Излишне здесь много говорить об охотничьих качествах таёжных лаек, таких как **эвенкийская, амурская**.... В тайге – это их основное предназначенье.

И *заводские лайки* системы Росохотрыболовсоюза тоже востребуются преимущественно охотниками. Равных среди северных собак мира они не имеют. Ведь несут в себе крови лучших аборигенных предков – собак лесных жителей, основной промысел которых охотничий. К тому же кинологи-лаечники и городские охотники с лайкой до сих пор стараются вести племенную работу с учётом рабочих качеств собак, проверяют их на полевых испытаниях.

Испытания лаек по подсадному медведю на Камчатке. Фото Б. Широкого

Испытания лаек по подсадному медведю на Камчатке. Фото Б. Широкого

Правильная работа по медведю, по кабану не есть приоритетным качеством лайки. Основной тест её охотничьих качеств – испытания и работа по белке. В главе о послевоенных лайках мы на этом останавливались, много об этом в доступной литературе.... Но и такие испытания – это не лишняя часть племенной работы с породами. К тому же здесь выявляются собаки, которые обеспечат безопасность путнику в медвежьих угодьях.

Испытания лаек по подсадному медведю на Камчатке. Фото Б. Широкого

Стоит ещё привести свидетельства нетрадиционных или мало известных охот с лайкой. Вот пример добычливого сочетания хорошего чутья, вязкости и *ловчих* способностей лайки охотника Кюпского отделения Усть-Майнского райпотребсоюза Е. В. Атласова.

«Лайка Егора Атласова за два промысловых сезона поймала 42 лисицы. Были случаи, когда она добывала по три лисицы в день. Охота с собакой на лис в *Якутии* практикуется издавна.... Подбирают для таких охот обычно сильных, выносливых лаек. На первый промысел выводят их в возрасте 1.5—2 лет, когда собаки достаточно окрепнут. Глубина снега, при которой охота наиболее добычливая, должна быть не более 40 см» (Павлов, 1959).

Четырёхлетняя лайка Нотор имеет на своём счету 42 лисы. Из: Павлов, 1959

Литература об охоте с лайкой обычно не приветствует её работу по зайцу. Мол, отвлекается собака от своей традиционной добычи. Но **западносибирский** Узон довольно исправно обеспечивал нас зайчатинной. Он ловил по неглубокому снегу беляков в пойме реки, где большие косы местами были поросшие тальником. Но не подавал, а молча лежал возле добычи, пока не подойдёшь. Когда его трудно было найти в зарослях тальника, помогал его дружок фокстерьер Чип. Он далеко с лайкой не бегал, больше у ног крутился. Зато по просьбе «Чип, где Узон?» уверенно вёл к добытчику, хотя и остерегался возможной трёпки – Узон уступал зайца только нам. И не мешали ему зайцы переключаться на типично «лаечью» живность. Как и в этой пойме, где он сразу предпочитал след рыси и загонял её на дерево (ищи рысь там, где вдоволь беляков).

Вообще-то лайка, с которой у охотника хороший контакт, быстро понимает, что ему нужно. Способна добыть зверя или птицу, о каких слыхом не слышали ни она, ни предки.

Интересно о лайке на чужбине написал нам из США учёный зоолог и кинолог Владимир Береговой. В 90-х годах Владимир Ефимович вывез из СССР пять **западносибирских лаек** и положил начало разведению этой породы в Северной Америке. Благодаря немалым биологическим знаниям и опыту общения с лайками в Сибири и штате Оклахома, Владимир Береговой опубликовал серию популярных статей в журналах, а также книги «Primitive Breeds – Perfect Dogs» (Beregovoy, 2001) и «Hunting Laika Breeds of Russia» (Beregovoy, 2001). Они нам особенно интересны и полезны. Но прочитаем письмо Владимира Ефимовича.

Владимир Береговой с семнадцатилетней западносибирской лайкой Аликом. Из: Вестник R-PADS. Выпуск 8. 2006 г.

«Историю **ЗСЛ** в Америке Вы знаете. Она описана в деталях в моей книжке.

С самого начала я решил держать всех **ЗСЛ** в руках охотников и только охотников. Было трудно убедить, что это чисто охотничья собака – каждый, кто увидит, скажет «это хаски», дамская собака. Вот вислоухие – то мужские

собаки, для охотников и для женщин, если они охотники... Первых раздавал или продавал по дешёвке, но только охотникам.

Теперь ЗСЛ заняла прочное место в США и Канаде среди охотников. Наблюдая своих лаек и общаясь с другими охотниками, могу сказать, что ЗСЛ быстро нашла, что делать в лесах Нового Света. Конечно, везде есть белки, другие, чем в Европе и Азии, но по запаху и повадкам такие же, и лайки работают по белке отлично. Здесь белок едят, охотятся ради мяса, не ради шкурки, главным образом, в южных штатах, где традиция есть белок наиболее распространена. Ночью лайка работает по американскому еноту. Лайка находит дикую индейку и облаивает как глухаря или тетерева, но индейка пуглива, надо осторожно подходить. Некоторые стреляют индейку из-под лайки. Другая дичь – чисто американская. Это воротничковый рябчик. Интересно то, что лайки его опознают как дичь. Рябчик сидит на дереве прочно, легко убить с лайкой. Белохвостый олень под лайкой не стоит, бежит быстро и далеко, лайки перестают им интересоваться. Однако матерые самцы во время гона иногда не убегают, пытаются забодать собаку и остаются на месте. Можно подойти и убить, пока лайка его облаивает. Конечно, там где есть лось, лайка работает и по лосю, но в Виржинии лося нет. По кабану лайки работают, но мало где с ними охотятся на кабана (в Джорджии, Калифорнии иногда).

На юге США предпочитают гладкошерстных гончих, питбулей и всяких помесей. Там жара, охота часто ведётся в воде по колено, комары, душно, аллигаторы, и вообще очень противная обстановка. Был один случай, когда моего завода лайка (кобель) находил ягуара в Гватемале, ночью, и «держал» его на дереве. Это были эмигранты из Восточной Сибири. Они жили в штате Вашингтон, где охотились на всякую дичь, включая медведя. Они купили у меня одного щенка. Их отец был любитель распространять слово божие и забрал их всех вместе с собакой в Центральную Америку, в Гватемалу, где они пели псалмы местным индейцам. Дело было ночью и, пока они пели, разговаривали у костра, Дружок начал лаять неподалёку. Пошли посмотреть и увидели ягуара на дереве.

Ко мне недавно обратились создатели фильма «Happy People». Кто-то из официальных экспертов из России им сказал, что у них там не те, какие-то плохие лайки, не победители выставок и даже не зарегистрированные. У меня спросили мое мнение на этот счёт. Я им ответил, что лайки у них отличные, самые настоящие, какими они и были тысячи лет до утверждения формальных пород».

Далее Владимир Ефимович говорит о поведении своих лаек вокруг его дома. Перенесём эту информацию несколько ниже.

Лайки в алыке

Лайка в алыке смотрится привлекательно – сразу вызывает уважение как собака дельная, рабочая, а не «какой-то там диванный пёсик». И обычно при этом получает ярлык ездовой собаки. Не только конкретный представитель породы, но и порода в целом, если используется преимущественно для езды, перевозки грузов.... Как **чукотская, камчатская** и другие лайки жителей побережий морей и крупных рек.

Это неверно принципиально, так как береговые лайки – породы примитивные в большей степени, чем иные, а значит, универсальные, не специализированные, способные на многое (неоднократно делаем на этом акцент). Но человек издавна использует их тягловую силу, желание бежать даже в упряжи, выносливость, неприхотливость и понятливость. Упряжки лаек перевозят людей и грузы на санях и тележках, перетаскивают разные грузы волоком (добытого морзверя, например), бурлачат на реках и даже имели опыт вспашки земли (на Камчатке, когда казаки не обзавелись ещё лошадьми).

Одиночные собаки подпрягаются в сани вместе с хозяином или тянут волокушу по пути на промысел и обратно, буксируют лыжника, велосипедиста, переносят выюки... Да мало ли... Читатель легко добавит сюда и другие примеры использования тягловых возможностей лаек. И не только береговых, а всех лаек без исключения, в т. ч. и заводских, тоже имеющих ярлык, но только «охотничьих».

О трудах и подвигах лаек береговых жителей Севера написано достаточно, особенно у полярников и этнографов. По ходу нашего рассказа мы это показывали. Подтвердим же заявление о разносторонних способностях лаек *разных пород*, которым пришлось одеть на себя алык, некоторыми малоизвестными фактами, что представляются нам интересными.

«Хорошая упряжка за сутки, при хорошей дороге, могла преодолевать расстояние до 100 и более километров. *Собаки трудились на лесозаготовках*, на них свозили лес (брёвна) к берегу реки, готовя его к сплаву», – писал камчатский краевед М. Г. Мягких, на которого мы уже ссылались в двух главах. Это о **камчатских (корякских) лайках** до Первой мировой войны.

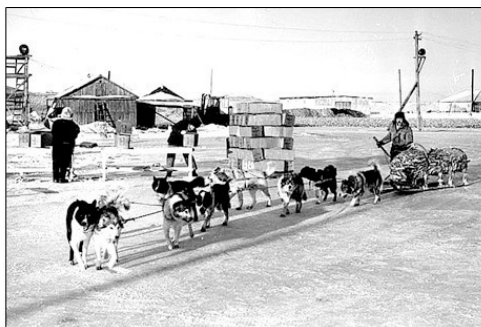
«В центре проводится интересный опыт испытания ездовых качеств **камчатской собаки**. *Переход* начат из Свердловска *по маршруту* Свердловск – Сарапул – Казань – Нижний Новгород – Москва. В пробеге приняли участие 11 **камчатских собак** и одна **уральская**, взятая из питомника Свердловского Осовиахима. На **камчатских собаках**, участвующих в пробеге, в прошлом году каюр погонщик Иван Михайлович Дьячков, принимавший участие в этом пробеге, *сделал 2000 километров*, когда пришлось в малодоступные районы Севера доставить бензин и смазочные материалы для *лётчиков Слепнёва и Гладышева, разыскивающих американского авиатора Эйельсона*», – сообщала «Камчатская правда», №34, 1931 (Собаководство на Камчатке..., 2007). Обратно лайки вернулись поездом.

Вырезка из газеты «Камчатская правда», 29.07.90

Мало кто знает о довоенной поездке на упряжках **камчатских лаек** из *Петропавловска-Камчатского* в *Москву* инженера Анатолия Дмитриевича Батурина и каюра-камчадала Ивана Дьячкова. Газетную заметку Прасковьи Черных мы предусмотрительно вырезали, чтобы иметь факт недюжинных возможностей лаек и их хозяев. Ещё интересны воспоминания Прасковьи из добропамятного нам села Эссо своим хоть кратким, но ёмким искренним показом жизни камчатцев тех лет.

Это были примеры из прошлого **камчатских (корякских) лаек**. Но до сих пор их способности возить рыбу (а не только есть её) нужны рыболовам Камчатского края.

Лайки возят улов рыболовов корякского села Карага. Последние годы СССР. Фото Л. Лукьяненко из архива авторов

Что же до упряжных способностей **чукотских лаек**, то они лучшие для работы в самых экстремальных условиях полярного климата и ледяного безлюдья. Их неприхотливость, выносливость, выживаемость и сила феноменальны. О них немало писали полярники, что-то вспомнили и мы в предыдущих главах

Собачья упряжка экспедиции по спасению челюскинцев. Бухта Лаврентия. 1934. Фото Владислава Микоши. Архив Джеммы Микоши. Из: Арктика!!! Каталог, 2007

Бухта Лаврентия – это на Чукотке. И лайки там **чукотские**.

Восемь лет провёл на льду Антарктиды Старик – **чукотская лайка**. «Восемь лет – восемь экспедиций. Каждый год новые люди. А он все восемь беспрерывно. Такого срока никто в Антарктиде, конечно, не был. Ни собаки, ни люди... Да-а... Какие псы были! Один остался от всей упряжки», – писал это и немало ещё хорошего Василий Песков о Старике и других лайках Антарктики (1965).

«Вездеход оказался удобней собак. Это сразу поняли. Пятьдесят лаек остались безработными...».

Вкратце известный журналист поведал здесь историю невольного преступления полярников японской антарктической станции Сёва, о котором сейчас знают все – трагедии пленников ледяного континента посвящены игровые фильмы. *Правда*, они содержат вынужденную кинологическую *неправду*. Собацьи роли играют не лайки, а иные собаки, лайкоподобные.

Полярники, улетаая домой, оставили умирать на привязи 15 своих сподвижников – лаек. Возмущённые люди Японии требовали суда. Затем сбросились на памятник «Пятнадцати лайкам, погибшим от голода в Антарктиде», который поставили 6 июля 1958 года. Две лайки всё же выжили и ровно через год своей зимовки встретили людей очередной экспедиции. Среди них был и участник предыдущей смены Ясуказу Китамура. Он вернулся, чтобы найти и похоронить погибших собак. Выжившие Таро и Джиро встретили провинившегося Ясуказу приветливо – всё простили... и продолжали работать в упряжках с новыми собаками.

Это были **гиляцкие (сахалинские) лайки**. Японцы дали им название **карафутто-кен**. «Карафутто» – Сахалин по-японски, который они считают своим. Говорят, что немногие энтузиасты Японии разводят **карафутто-кен** как заводскую национальную породу.

На фотографиях 1959 года – Таро и Джиро, и новая упряжка **сахалинских лаек**.

Таро, Джиро и Ясуказу Китамура. Из: Yasukazu Kitamura, 1982

Присоединились двадцать две **сахалинские лайки**. Из: Yasukazu Kitamura, 1982

Такие же **гиляцкие лайки (лайки нивхов)**, а также **нанайские** (мало что они таёжные – и на промысле, и в упряжке) с полярником Г. А. Ушаковым в 1930—1932 гг. успешно стёрли «белое пятно» на карте мира в Североземельской экспедиции

Справа – лучшая собака в нашей упряжке, в центре – собака, которая доставляла нам много хлопот. Из: Ушаков, 1990

Полсотни лаек были закуплены в низовьях Амура у охотников нивхов и нанайцев, и через всю страну по реке и поездом доставлены к месту выхода экспедиции, в Архангельск. Затем «они честно трудились, переносили более чем собачьи лишения и своей исключительной выносливостью помогли исследованию Северной Земли. Пройденный ими путь складывался в тысячи километров. Лютовали морозы, выли метели, по горло захлёстывала вода, одевая собак в непроницаемый панцирь, а они шли и шли, волоча за собой тяжело нагруженные сани. Некоторые из них гибли в лямке, отдавая последние силы работе, не зная даже, насколько их работа помогала экспедиции» (Ушаков, 1990).

Не только в упряжке. Одиночные **чукотские лайки** сопровождали начальника Г. А. Ушакова и под выюками, когда он осматривал подвластный ему остров.

Начальник острова Врангеля Георгий Ушаков на привале. Автопортрет. Конец 1920-х. Фото Г. Ушакова. Архив семьи Г. Ушакова. Из: Арктика!!! Каталог, 2007

Как мы упомянули несколько выше, посильную тягловую помощь путник может получить и от одной лайки. Это типично для **нанайских и удэгейских** (теперь – **амурских**) лаек, когда охотники-напарники (человек и собака) по пути на помысел и обратно вместе подпрягались к нарте. Как это происходит, очень точно изобразил юный, но знающий художник.

Рисунок Николая Гейкера

Не хуже других, когда нужно, тянут сани, волокушу, несут вьюки и заводские «охотничьи» лайки.

На самых сложных и протяжённых (до 2040 км) гонках «Берингия» начала 90-х, проводя кинологическую экспертизу собак упряжек, выявляли мы и типичных **западносибирских лаек**. По работоспособности и иным качествам каюры не отличали их от местных **камчатских лаек**.

Справедливо, когда в пути на охоту люди и лайки равноправны. Немалая поклажа распределяется оптимально. В рюкзаках – объёмное, в волокуше лайки – самое тяжёлое.

Идём на традиционную камчатскую весеннюю медвежью охоту (в мае, когда выходят из берлог). Узон Авачинский ЛЗС/3100 тянет небольшую, но тяжёлую волокушу из нерпичьей шкуры. Два фото Б. Широкого

Тягловые возможности этой **западносибирской лайки** однажды оригинально были использованы Владимиром Петровым, её и нашим другом (немало вместе работали, охотились).

Володя ушёл вместе с Узонем за снежным бараном. Установил на склоне вулкана стандартную брезентовую двухместную палатку, и стали они подниматься повыше, к бара-

нам. Но неожиданная мокрая пурга их планы изменила. Пришлось возвращаться к палатке. Пурга же, сырая и тёплая сменилась очень жёстким морозным ветром. Среди голых скал костёр не разведёшь, и Володя начал замерзать. Помня трагические случаи с нашими друзьями на этом же вулкане, он, спасаясь, ринулся вниз, к березовому лесу, где костёр развести легко (не раз камчатская берёза своей берёстой помогала людям выжить). Сорвать обледеневшую палатку Володя был не в состоянии, поэтому надумал привязать к ней Узона – мол, вытащит из снега-льда и спустит вниз. Так оно и было. Собаке очень не хотелось оставаться у палатки в одиночестве, и Узон приволок её в лес к своему напарнику, где уже полыхал костёр, но палатка была нужна не менее.

А что же малыши – **ненецкие лайки**? К лицу ли им алык?

Собака помогает женщине тянуть гружёную нарту (селькупы); по фотографии П. Е. Островских, колл. МАЭ, № И-889—15). Из: Левин, 1946

Оленные ненцы говорят, что не пристало им, самым важным оленеводам, ездить на собаках. Для этого есть олени ненецкой породы – хоть и самые малые, но зато наиболее домашние. А у их собачек и так дел неупротор. Но другие аборигены вместе с собачками думают иначе.

Точно так как на рисунке, а также услугами полной упряжки **ненецких лаек** пользуются жители национального села Ваеги, что в материковой (оленеvodческой) части Чукотки. Особенно нуждались люди в их помощи по хозяйству и на охоте в 90-е годы, когда трудно было с горючим, запчастями для снегоходов...

Выше мы цитировали охотника-рыболова, прежде оленевода Сергея Дьячкова, жителя этого села, где сплошь **ненецкие лайки (оленегонки)**. Там была речь о помощи его Мукалы (Маленького) на охоте. Но вот ещё из письма 4 апреля 2000 года.

«Собак держим почти в каждом дворе по одной – две. *Упряжка* в деревне одна, из *маленьких оленегонок*, старик один себе сделал для того, чтобы дрова возить. Лично у меня два пса-кобеля, на привязи их не держу, в большинстве своём сами себе корм добывают. Иной раз кормить нечем. А так хоть *дом охраняют, лают, предупреждают*».

Хороши эти небольшие тундровые лайки и в составе серьёзных упряжек, подобранных из более крупных собак. Так в упряжке **чукотских лаек** Владимира Радивилова, победителя самых протяжённых в мире гонок («Берингия – 1992», 2044км) белый передовик Старпом был полностью в статях **ненецкой лайки**. Как и Чук – передовик упряжки собак новой заводской породы, названной **якутской лайкой**. О Чуке Елена Сидорова из Якутска сообщила, что в должность передовика он вошёл сразу же, без никакой подготовки.

На фотографиях – **ненецкая лайка** рыже-серый Чук в упряжке **якутских лаек**. Его поза, отличная от других на обоих фото, не случайна, и наши комментарии здесь не нужны.

Фото Айара Варламова из Якутска

Экспедиция «Новосибирские острова». Март 2013 г. 1500 км по Ледовитому океану.
Фото от Елены Сидоровой

Так что и малыши — **ненецкие лайки**, которых воспринимают только как пастухов, могут, и неплохо, быть «ездовыми лайками». Если нужно.... Хоть всё чаще предпочитают ездить вот так.

Корякия, село Вывенка. Весна 1992 года. Фото Б. Широкого

Лайки – пастухи

Сразу же возникает неверное, но устойчивое мнение большинства – да, знаем, есть «чисто пастушья» порода собак **ненецкая оленегонная лайка**. Всё же не устанем повторять – не присуща примитивным собакам, коими являются лайки, породная специализация. Показали мы это только что, акцентировали это раньше, будем напоминать и впредь. Лайки (если они вправе иметь это имя – см. первую главу) годны на многое и охотно служат человеку так, как ему это нужно.

Ещё одно заблуждение – быть пастухами не могут быть иные лайки, таёжные, береговые, заводские. Мы наблюдали немало обратного – могут. В том числе и оленеводам нередко пригодны. Ведь обходились оленные якуты, эвены, чукчи, коряки и другие аборигены без небольшой **ненецкой лайки** до того, как пришла она к ним только в довоенных 30-х годах. Кто их не имеет, пасут оленей со своими лайками и сейчас.

Покажем реальных помощников оленеводов некоторых бригад Корякии – **камчатских (корякских) лаек**.

Помощники оленеводов Корякии – камчатские (корякские) лайки. Конец лета и 80-х годов. Корякский АО, Пенжинский район, долина р. Ичигинновьям. Фото Б. Широкого

Помощники оленеводов Корякии – камчатские (корякские) лайки. Конец лета и 80-х годов. Корякский АО, Пенжинский район, долина р. Ичигинновьям. Фото Б. Широкого

*Оленеводов и их лаек мы встретили, когда они собирались кочевать и помогли им вез-деходом. В его кузове едва видна среди собак и людей их единственная чёрно-бурая **ненецкая***

лайка. Конец лета и 80-х годов. Корякский АО, Пенжинский район, долина р. Ичигинная. Фото Б. Широкого

Камчатская (корякская) лайка на летнем стане оленеводов. Ещё на стане – пара взрослых ненецких лаек и их молодняк (покажем ниже). Лето 1990 г. Корякский АО, север Пенжинского района, р. Малая Аянка. Фото Б. Широкого

Камчатские (корякские) лайки на зимнем стойбище оленеводов Утхолок. Корякский АО. 1991г. Фото Б. Широкого

А заводские, «охотничьи» лайки? Могут ли пастушить?

Ответ – в продолжении, как обещали, письма Владимира Берегового. Здесь не только факты, но и анализ отношения лаек к своей, домашней живности (и не только).

«У нас сейчас сезон, когда в лесу еще рождаются и растут оленята. Я выпускаю своих лаек по одной побегать около дома. Они обычно гоняют хищников или лают под деревом на белку, кошку или енота. Я их приучал не давить наших маленьких козлят. И все же козлята их сильно волнуют. Если есть доступ, они стремглав бросаются к козленку и сильно пугают и мать, и козленка. Однако если я заору «стоп», «фу» и т. п., они оставят козлёнка в покое. Контакт короткий, но если бы лайка хотела, этого было бы достаточно, чтобы козлёнка убить. Они только тычут его носом и лижут.

Недавно в лесу, пока я убирал скошенное сено, раздался вопль оленёнка. Совсем, как козий крик. То была Дина, но ее не было видно. Затем из леса выскочил оленёнок ростом с лайку и быстро пересёк полянку и скрылся в другом массиве зарослей. При этом он вопил так, словно его давит хищник. Через пару секунд выскочила Дина и последовала в том же направлении, но быстро вернулась, видимо потеряла. Если бы задавила, то ни за что бы не бросила добычи, пришлось бы ее тащить от убитого оленёнка или она бы его приволокла сама ко мне.

А вчера Павлик, совсем рядом с сараем нашел оленёнка. Оленёнок также покрякивал и я понял, что происходит, побежал на выручку, крича Павлику что убью его. Увидел Павлика над оленёнком, оленёнок не убежал

от него. Но увидев меня, опять рванул бежать, но Павлик его тут же остановил опять. Я подбежал и взял Павлика на поводок и увёл домой. Заперев Павлика, я тут же вернулся проверить оленёнка, но оленёнок убежал, крови не было.

Наверное, тут было также как с нашими козлятами. Беспомощных мои лайки не дают, но хотят их задерживать для меня. Как только я подбегу: «Бери его себе», собака уже утрачивает интерес. Не знаю, это мое грубое обучение или это у них в крови?

Найда и козлята. Фото В. Е. Берегового

Мне один манси рассказывал, как его кобель находил и охранял лосят по своей инициативе. Манси знал, что это нехорошо – лосёнок должен быть с матерью, а не с кобелём, и забирал его домой, чтобы не мешался. Конечно, я придерживаю своих лаек, они могут быть опасны для оленят. Почему олени приходят со своими детьми так близко к дому, где собаки? Конечно, койот или медведь, другое дело. В этот сезон больше половины оленят гибнет от койотов и медведей.

Тазы – другое дело. Те бы задавили в момент. Что сцапают, тому смерть. Лайка более утончённая собака при обращении с дичью.

Это сложное явление. У меня есть такая теория на этот предмет.

Все собаки, которые были у людей с домашними животными до «цивилизации», содержат хотя бы какой-то достаточный процент безусловных «убийц». Даже охотничьи лайки всегда ценились за определённую сдержанность. Например, нельзя трепать и жевать убитого зверька – шкурку испортит.

Действительно, мой Павлик и его бабушка Найда всегда отступали от убитой белки или енота. Если зверёк ранен, цапнут, задавят, а если нет, или я крикну, собака тут же утрачивает интерес: «Это теперь тебе передаю и бежит искать следующего.

Ведь и предки **мансийских и хантейских лаек** (которые потом стали **западносибирскими**) жили с оленями. Даже я видел семьи манси и хантов с оленями. Значит, был и отбор на сдержанный подход собаки к оленям и оленятам.

Другое дело, например, австралийские динго. Те уже совсем дикие, как волки. Про них пишут, что их невозможно приучить не давить домашних животных. Также как и с волком или лисицей. Вырастают чудесными животными (хотя и это не правило), а как увидят гуся – спасай пока не поздно.

И это не только с домашними млекопитающими. Моя самая первая в жизни лайка (Алиска) был сама по себе не зверской с беспомощными птицами. Например, помчится за слётком дрозда, еще плохо летающим. Я, если замечу, всегда заорю: «Нельзя!». А птичка уже во рту, стоит, ждёт меня с виноватым видом. Подхожу: «Брось». Открывает рот, а слёток сразу на крыло, прямо изо рта полетел! Это бывало много раз, и я этому не учил, только пресекал, когда замечал. Один раз схватил взрослого сорокопута в кустах. Он не мог взлететь, раненое крыло было. Когда я его взял у собаки изо рта, обследовал и увидел, что крыло было ранено давно, уже зажило. Перелом заживился, но полет толком не восстановился, но сорокопут выжил до осени. Я его отпустил как есть. Почему она не давила? Не знаю.

А у моего приятеля была **руско-европейская лайка**, тоже ловила слётков, но она их давила и ела сразу же. Норкой её звали. Она также мышковала для еды себе. Алиска мышковала и давила мышей, но не ела их.

Моя недавняя лайка Найда всегда принималась нянчить новорожденных козлят-сосунков, когда я их отнимал от козы, чтобы её самому доить. И всё без обучения, само по себе, ласкала и защищала козлят, пока подрастут, а потом просто теряла к ним интерес. Это повторялось каждый год, снова и снова.

Найда и козлята, 2008. Фото В. Е. Берегового

А началось с Найдой так. Когда рождались козлята, она исходила воплями, лаем и прыжками. Я думал, сожрать хочет и старательно её запирали каждый раз. Но вот прозевал раз, ушел, оставив её на воле. Пришел – её в вольере нет. Ясно, беда. Зашёл в сарай, а там картинка: Найда лежит счастливая, лижет козлят, а они вокруг неё, носами тыкают её. Конечно, то была железная охрана, другим собакам лучше даже не суйся. Так я и принял её услуги по козлятам. Хоть день, хоть ночь, она с ними.

Есть всякие теории – это, дескать, подмена своих щенят, обман материнского инстинкта и т. п. Ерунда! Найда выращивала своих щенков каждую весну. Она прекрасно знала как быть матерью».

Выходит, если хозяин захочет, то и его заводские лайки-охотники с удовольствием воспримут должность не только пастуха, но и няньки разной малышни. Был бы должный контакт, взаимопонимание.

Как у **ненецкой лайки (оленегонки)**, одно из названий которой имеет приставку «оленегонная», что декларирует основное ее применение. Поэтому остановимся несколько подробнее на её оленеводческих качествах.

Работа **оленегонки** в стаде удивительна, для несведущих людей просто непостижима, в хозяйствах кочевников-оленеводов эта собака заменяет два-три пастуха. Вот один из примеров такой работы (Мальгинов, 1955).

В 1953 году на Чукотке высокопоставленный проверяющий подъехал к яранге бригадира-оленевода Канто. Бригадир лежал больной, а оба его помощника были в дальних разъездах в тундре. «Кто же пасет оленей?», – удивлённо спросил проверяющий бригадира. «Собака Аттыкей», – последовал ответ. Оказалось, что жена Канто время от времени посылала собаку в стадо, пасущееся в тундре. Аттыкей собирал оленей и весь табун подгонял к яранге. Если табун разбрёдался и уходил, собака разыскивала отбившихся оленей и наводила полный порядок.

Не менее разительные картины пастушьей работы **ненецких лаек**, в т. ч. самостоятельной, приходилось видеть и нам в более позднее время, в 70-е годы. Помнится, как мы гостили у оленеводов в Пенжинском районе Корякии.

После утреннего чаевания выходят из палатки пастухи, осматриваются вокруг, «биноклюют» (новое слово оленеводов). Табун пасётся довольно далеко, разбрёлся в широкой долине и по склонам сопок. По признакам, известным только пастухам, они определяют, что олени здесь не все, не видно до сотни беглецов. Нужно идти искать отбившийся табун, но как-то зябко и гостей не хочется оставлять.... Тут один молодой пастух предлагает послать свою собаку. Он что-то по своему говорит палевому кобельку **ненецкой лайки** и показывает рукой в сторону, куда, наиболее вероятно по общему мнению, ушли олени. Лаечка весело и уверенно ускакала в указанном направлении и вскоре скрылась в редколесье. Её не было около получаса, похоже, хозяин кобелька немного волновался. Но вот, несколько десятков оленей преследуемых маленьким пушистым пастухом выскакивают друг за другом из узкой долины небольшого ручья (совсем не оттуда, куда хозяин направил собаку) и устремляются к стаду. Когда табун беглецов присоединился ко всем оленям, собачка оставила их в покое и вернулась к палатке, к своему хозяину, который ее спокойно похвалил.

Нам этот случай показался чудом, но не бывает же чудес?! Наверное, и здесь найдётся логическое объяснение.

Ненецкие лайки ярко проявляют генетически обусловленное охотничье поведение хищника, обладают стойким инстинктом поиска и преследования зверя (как и другие лайки).

Главный пастух оленьего стада на стане оленеводов. По совместительству – охотник-лосятник. Корякский АО, север Пенжинского района, долина реки Малая Аянка. 1990 год. Фото Б. Широкого

Олень же ищет спасения в стаде от многих опасностей, и от собаки тоже. Нашему небольшому пастуху, в отличие от более крупных лаек, загрызть оленя не по силам, он только облаивает его. Такая собака наиболее подходит к пастьбе оленей. К тому же, **оленегонки** более контактны с человеком, очень быстро начинают понимать, чего от них хотят, стараются угодить хозяину.

*Будущие пастухи оленей – выводок главного пастуха и чёрно-бурой сучечки, которая едва видна на заднем плане. Щенками **ненецкой лайки** любитесь маршрутный рабочий геологической партии Олег Широкий. Корякский АО, север Пенжинского района, долина реки Малая Аянка. 1990 год. Фото Б. Широкого*

Вот кое-что из того, что рассказывает о них доктор биологических наук Л. М. Баскин (1974), который изучал поведение копытных животных и в молодости работал оленеводом на Камчатке и Таймыре, где имел свою **ненецкую лайку** по кличке Кулу.

«Олени набросились на зелёные ростки пушицы, ...мало обращая внимание на мои крики и жесты. Тогда Динтоде (пастух) спустил с привязи свою беленькую собачку.... Как будто волна прокатилась по стаду: это олени один за другим подняли головы. Через мгновение ближние к собаке бросились бежать, их испуг заметили другие олени, тоже бросились в бегство, и очень быстро всё стадо собралось в плотный ком...

Через несколько минут и я «опробовал» своего Кулу.... Было приятно смотреть с каким азартом Кулу помчался к оленям. Куда девалась их хитрость и жадность! Передо мной снова были лёгкие, быстрые звери. Они мчались от собаки, откинув головы, положив рога на спину. Как это было красиво и приятно: они снова были в моей власти.

Верховья реки Куя, Ненецкий АО. Фото знатока тундры Матвея Чупрова (Нарьян-Мар)

У меня словно появилась длинная – длинная рука. Я доставал ею до оленей, ушедших на полкилометра и дальше. Можно было позволить себе роскошь не спешить, видя, как уходят в сторону увлечшиеся пастьбой животные. Мой славный Кулу, чёрный и лохматый, словно чёртик, сидел рядом, поглядывая то на стадо, то на меня. Стоило мне пожелать, как он срывался с места и мчался, чтобы вернуть оленей».

Пастухи. Чукотка, Усть-Бельская тундра. Фото Константина Лемешева

Перечислим, как **оленегонка** работает в стаде, в чём заключается её помощь пастуху.

Собака подгоняет отделившихся оленей к стаду, гонит, поворачивает и заворачивает всё стадо, подгоняет его фланги, разыскивает отставших и потерявшихся оленей и пригоняет их в стадо, собирает и скучивает стадо. А также извещает пастуха о приближении посторонних людей и хищников, используется как проводник пастуха при поисках стоянки или табуна в незнакомой местности.

Биолог-охотовед Н. К. Железнов (1987) считает, что при выпасе оленей собака может выполнять за человека до ста операций. Один дежурный пастух управится со стадом в полторы – две тысячи голов, если ему помогут две собаки, хорошо освоившие приемы пастьбы.

Более детально с тем, как обучают собаку и выпасают с ней оленей, любознательный читатель может узнать из небогатой литературы по оленеводству, в т. ч. из упомянутых выше источников. Правда, такие публикации (преимущественно отдельные разделы, статьи и заметки в периодике) ныне трудно найти. Назрела целесообразность специального издания для оленеводов, которое компилировало бы ранее опубликованное с учетом современного состояния породы и потребности в оленней собаке. Это помогло бы сохранять ее в оленеводческих районах. А роль такой собаки в хозяйствах тундровиков значительна. Неспроста же **оленегонка** уже в новое время покорила и тех кочевников, которые ранее выпасали оленей без собаки. Она прошла севером на восток вплоть до Чукотки и Камчатки. Мы здесь умышленно показали их фотографии из этих краёв.

Лайки – спасатели

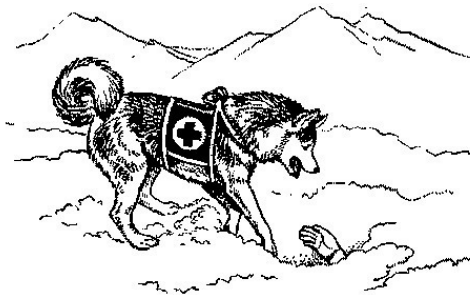

Рисунок из: Усов, 2004

«Меня спас «Белый», – так назвала Елена Брехличук статью в газете «КК» (Камчатский комсомолец, 28.01.94). Белый – это **западносибирская лайка** Людмилы Дегтярёвой. И спас он журналистку Елену из учебной «лавины», так как «ходил в отличниках подготовки» собак-спасателей.

Курсы по обучению спасательному делу собак и их владельцев при Камчатской поисково-спасательной службе (КПСС!) вела инструктор-кинолог Елена Панюхина. Из 25-ти собак самых разных пород, которые пришли на первое занятие (подключались потом и другие новички), их закончили 8 курсантов. Они получили удостоверения собак-спасателей с тремя специальностями: лавинная собака, работа в завалах после землетрясений, поиск заблудившихся людей.

Все лайки, которые здесь учились, курсы закончили. Среди отличников – **камчатская (корякская) лайка** Ворон инструктора Елены Панюхиной. И не по блату. «Ворон, даром, что *из крестьян*, удивляет редкими способностями и с удовольствием лает, обнаружив пострадавшего», – написала своеобразный комплимент аборигенной породе автор статьи, тёзка начальника курсов.

Примечательно, что на курсах одной из загвоздок дрессуры было нежелание собак подавать голос в нужных ситуациях – «слишком долго воспитанные хозяева отучали их шуметь в квартирах и вообще на людях». К чести лаек – они легко и с удовольствием, верно и доносчиво лают при обнаружении заваленных или ослабевших людей. Как и их «любовь к человеку – одно из главных качеств, необходимых собаке-спасателю». А то некоторые из курсантов, «воспитанные на враждебности к посторонним, не могли понять: зачем их искать, когда нужно хватать?».

Окончил курсы и стал одним из лучших спасателей Ник Кинос, **ненецкая лайка** учёного зоолога Нины Транбенковой. Она сказала автору статьи: «Я хочу привлечь внимание к этой породе собак – они очень талантливы и универсальны». Вскоре Ник отличился и на службе в кинологическом поисково-спасательном отряде – нашёл мальчика, заблудившегося в лесу.

Перед учёбой на курсах спасателей Ник Кинос и Нина Транбенкова (оба – слева). Петропавловск-Камчатский. 5.08.93. Фото В. Головина из архива авторов

Собаки, отбираемые для поисково-спасательной службы (ПСС), должны иметь совершенное чутье (обоняние, слух, зрение), быть физически развитыми, выносливыми, незлобными к людям, обладать крепким и сухим сложением, подвижным, уравновешенным темпераментом. Ориентировочная реакция у этих собак должна быть преобладающей. Так считают специалисты по применению собак для ПСС.

Лайкам перечисленные качества присущи в высшей мере, они обусловлены генетически, обозначены стандартами пород. Более того, наши собаки имеют ряд преимуществ перед породами, которых используют для ПСС традиционно (немецкая овчарка, лабрадор и др.). Это большая физиологическая потенция, выдающаяся приспособляемость к самым разным условиям климата и содержания, активное, ярко проявляющееся исследовательское поведение, контактность с воспитателем. Немаловажны для ПСС небольшие размеры собак, следовательно, простота их транспортировки. Тут преимущества имеют небольшие лайки – мы легко возили в салоне «Жигулей» 15 **ненецких лаек** до 300 км, без остановки.

Ведущий специалист по использованию собак для ПСС М. И. Усов пишет (1988), что «такие собаки как **оленегонные лайки** наиболее выносливы и работоспособны в высокогорных условиях, не имеют недостатков для применения в поисково-спасательных мероприятиях в любом районе; по выносливости, „проходимости“ в завалах, активности и подвижности подобных им нет».

Сегодня аттестовался Яха. В Ногинске. Я безумно рада! Фото Аси Целищевой

Сибирячка Ася Целищева сообщила логичное дополнение к вышесказанному, которое осмыслила в процессе ПСС со своим напарником Яхой – **ненецкой лайкой**.

«В работе Яхи огромную роль играет физиологичность и небольшой вес, вследствие чего возрастает и работоспособность. Было немало курьёзных ситуаций, когда на тренировках Яха немало проделывал то, чего никто от него не ожидал, чем заставлял нас импровизировать уже по ситуации. Кроме скорости передвижения у Яхи есть ещё одна особенность – передвигается он очень тихо и аккуратно. Корректное, практически незаметное перемещение по завалу актуально, когда речь идёт о работе на подвижных конструкциях. Кроме того, за три с лишним года Яха никогда не резал лапы, что очень важно в работе на техногенных завалах. Прошлая моя собака – стаффордшир весом 34 кг очень часто травмировал подушки лап».

Покажем лишь два момента службы Яхи, очень нужной людям.

Как приходится Яхе перемещаться по этажам разрушенного дома, где в завалах люди ждут спасения. Фото Аси Целищевой

Результат поиска заблудившейся в лесу и ослабевшей девушки – Яха нашёл в свободном поиске и сообщает об этом напарнику доносчивым лаем. Фото Аси Целищевой

У Аси готова повесть-быль «Яха в большом городе или мой маленький рыжий». Написано интересно, информативно, душевно, художественно. Очень хорошие и к теме иллюстрации. Нужна реакция издателя – книгу с удовольствием будут покупать и читать многие любители собак, и не только.

Заметим ещё, что наши спасатели в большей степени, чем западные, надеются на самостоятельную работу собак, на их свободный поиск, без поводка. А это по душе, прежде всего, всем лайкам. Зарубежье это видит и реагирует. В 1994 году, когда собаки обучались на камчатских курсах, представитель инвесторов в Украину и Россию по экологическим и природоохранительным мероприятиям Ален Левье (из Франции, приобрел щенка **ненецкой лайки**) предлагал идею подготовки у нас собачек этой породы, полностью выученных для ППС, с целью продажи в Европу. Но сделать такую работу нам не представилось возможным, и реакции с нашей стороны не последовало.

Лайки – напарники путешественников

Выше мы обратили внимание на то, каким верным другом и спутником в путешествиях была **ненецкая лайка** Гаудик у натуралиста-охотника Е. П. Спангенберга (1986).

Вот и сегодня научный сотрудник ГКУ ЯНАО Научного центра изучения Арктики Сергей Попов, проводя в тундре учёт фауны, встретил **ненецкую лайку**, подружился с ней и предложил должность лаборанта в его экспедициях. Лаечка по имени Черри оправдала доверие учёного.

«**Оленегонка** – универсальная собака, с которой легко справится даже ребенок. Во время экспедиций Черри – это лучший лаборант, помогающий собирать данные по фауне севера Западной Сибири; дома – плюшевая игрушка и друг семьи. В дороге с **оленегонкой** вообще нет никаких проблем. Она легко переносит полет в самолете, долгие переезды в поезде и в машине, спокойно сидит в моторной лодке. Во время учетов численности птиц и зверей Черри „достанет“ всех оленей из любых кустов и зарослей, переплывет старицу за уткой или куропаткой, выкопает всех леммингов в тундре. Она легко ладит с незнакомыми людьми и другими собаками. Дома, когда нет потребности в высокой активности, она ведет себя практически как домашняя кошка. ...я даже не надеялся, что эта собачка окажется настолько общительной и контактной с новым хозяином. Первые же экскурсии и маршруты показали, насколько это замечательный помощник для биолога и путешественника. Теперь даже не представляю, как можно было ездить в экспедиции без такого маленького напарника».

Нет надобности комментировать это сообщение Сергея Попова – современного коллеги Е. П. Спангенберга. Покажем лишь фотомомент работы лаборантки Черри – во время учёта фауны тундры она обнаружила молодого дикого северного оленя и придерживает его до подхода руководителя.

***Оленегонка** – достаточно «вязкая» собака. Она будет держать найденного оленя часами. Август 2014 года. Фото Сергея Попова*

Продолжим же эту тему, исходя из нашего опыта работы в экспедициях, участия в сложных туристических походах, в разного рода экскурсиях на природу, т. п.

Люди, пребывающие в плену Духа странствий, прекрасно знают по себе как нередко дорога втягивает путника в ночь. Бывает, что очень хочется заглянуть еще хоть за один поворот реки, взойти на ту, уже близкую вершину горы, где еще не был, осмотреть новые места... И втягиваешься в ночь, и порой превращается в тяжелое испытание дорога домой, к лагерю... При этом часто возникают ситуации даже опасные для жизни, нередко приходится прислушаться к разуму и заночевать где-нибудь «под кустом».

Но сколько раз мы избегали дискомфорта и опасности вынужденных ночевок благодаря напарнику – лайке!

Толковая и легко ориентирующаяся в пространстве, контактная по своей природе лайка очень быстро начинает понимать слова «пошли домой» и уверенно направляется в сторону лагеря, предыдущей стоянки. Слишком самостоятельных лаек, возвращаясь домой, нужно вовремя успеть взять на поводок, что создает неудобства на пересечённой или заросшей местности. Более привязчивый напарник будет бежать перед путником, оглядываясь, чтобы убеждаться в его присутствии. Очень удобно, когда собака светлая, хорошо заметная в ночи. Огибая или преодолевая препятствия, это светлое пятно «показывает» идущему следом все колдобины, обрывы, завалы, т. п. Имея такого поводыря, можно спокойно и уверенно идти домой в предвкушении уюта и ужина.

Часто бывает, что после дневного хождения возвращаться нужно на новое место, куда без вас перенесли лагерь на лошадях, оленях, вездеходе или «на рюкзаках». Ваша лайка, конечно же, этого нового места не знает. Но и в этой ситуации можно позволить себе задержаться в интересной дороге дотемна. Когда уже дорога не видна, идём со своим спутником примерно в таком направлении, чтобы «упереться» в след, оставленный людьми (лошадьми, вездеходом...), которые перенесли лагерь. И тут лайка (обоняние – дай бог каждому!) чётко среагирует на вновь проложенную «дорогу» и спокойно приведет Вас к новому дому.

Вот такие моменты из школы создания максимального комфорта в «дискомфортных» условиях ненаселенной местности!

Попутно отметим, что среди **камчатских и чукотских лаек**, нередко используемых для езды, встречаются собаки, которые «оборачиваются» (местное выражение каюров). Эти собаки ценятся особо, они работают передовиками, оглядываются в пути на сидящего в санях и, если его не видят, останавливаются. С таким передовиком каюр упряжки не рискует, вылетев из саней, остаться в тундре наедине с зимой. Хороши они и как надёжные спутники в безлюдных местах.

Есть еще и школа выживания, нынче модная. Здесь тоже не нужно забывать о лайках.

На Камчатке и Колыме среди геологов «ходит» ведомственная инструкция, которая учит, как уберечься от медведей. Ведь случаи увечий или смертей при встречах с этим «чёрным зверем» бывают каждый год. Убит медведем на Колыме и сокурсник старшего автора геолог Толя Терещенко. Инструкция не помогает...

Мы не успели внедрить на Камчатке свою систему «медвежьей» безопасности (пришлось вернуться к отчему дому). Дело в том, что большинство лаек не боится панически медведя и не бежит от него к хозяину. Они замечают медведя значительно раньше людей, облаивают его и, уверенные в своей ловкости, крутятся возле него там, где обнаружили (то ли по ходу движения путника, то ли в стороне). Опасно самому «наступить» в зарослях на медведя, пожирающего добычу. Другое дело, когда о медведе предупреждает лаем бегающий «разведчик». То же и в лагере или на вынужденной ночевке. Лайка загодя предупредит о приближающемся звере и бросится «разбираться» с ним сама.

Собаки иных пород (не лайки) здесь непригодны. Они или бегут от медведя к хозяину и ведут зверя за собой, или бросаются на него и погибают – не такие увертливые как лайки. Предложенная нами система «медвежьей» безопасности проста: каждой отдельной маршрутной группе – по лайке (лучше небольшой, неприхотливой, легко перевозимой...). Желательно при этом произвести отбор нужных спутников, притравливая их по подсадному медведю, чтобы случайно не укомплектовать группу собакой, которая его боится. И тогда несчастных случаев по вине зверей не будет.

Ролью проводника и защитника путешественника не исчерпывается помощь его пушистого спутника. Лайка предупредит на лагере о подходе посторонних, поспособствует добыть пропитание, и вообще, в пути с понимающей тебя собакой приятнее и веселее.

«Спидиция» – так нередко выговаривают слово «экспедиция» те аборигены Севера, которые всё ещё предпочитают общаться на родном языке (слава Богу!) и русский невольно искажают. И все экспедиции они понимают как геологические, потому что редко в безлюдных местах бывают биологи, географы... – государство всегда не жалело денег на геологию. А полевым геологам без лаек никак нельзя.

Колыма – чудная планета! Фото нашего друга с детства колымского геолога Адолия Ливача

Западносибирская лайка Аян. Арендован на полевой сезон геологом Борисом Широкиным у коллеги Бориса Сляднева. Север Корякии. Река Аянка. 1969 год. Фото Бориса Долматова из архива авторов

В ожидании транспорта для смены лагеря. Полевой фокс Чип Лии Спириной и западносибирские лайки: юный Плай Б. Широкого и Рада В. Петрова. Корякия, р. Инчегитун. 70-е годы. Фото Б. Широкого

Недавно получили мы очередной подарок – новую книжку забайкальского геолога Владимира Павлыка (однокашника и земляка Б. Широкого). Эти полевые очерки (Павлык, 2014) очень интересны сами по себе, о людях, с которыми Владимир открывал рудные месторождения. Читали с удовольствием, и, конечно же – есть и тут хорошие и благодарные слова о лайке Шарике. «Отныне хозяева этих мест – мы четверо. ...и пятый член коллектива – лайка Шарик». Чаще вспоминается он при описаниях трудных ситуаций.

Когда в долгом одиночном пути было холодно – «Ночевал у костра, „спиновал“ ..., подставив жару костра спину, а к груди прижав Шарика».

Когда накопилась усталость «от недосыпа и пройденных километров» и было голодно – «На прижиме добыл кабаргу – Шарик выгнал её из зарослей ерника. Она запрыгнула на скалу... Зато как побежал потом!».

Когда «мы с Шариком одни», больше месяца не прилетает вертолёт и нет связи – было бы очень одиноко, если бы не лайка Шарик...

Лайки – криминалисты, таможенники

«То, что лайка до сих пор не использована у нас в качестве материала для создания нашей „служебно-розыскной собаки“ объясняется косностью и нелепой предубежденностью против лайки, еще не изжитой нами» (Ливеровский, 1927).

Но должны же быть исключения...

Скорее всего, сейчас мы не увидим лайку-криминалиста. А вот журнал «Друг» писал в 1991 г. (№2, статья Ирины Кириловой), что в лаборатории Всесоюзного научно-криминалистического центра МВД СССР как анализаторы индивидуального запаха человека применялись **ненецкие (оленегонные) лайки** и их метисы. Здесь положительно сказалось то, что такие собаки неприхотливы в содержании, имеют небольшие размеры, удобны для работы в лабораторных условиях.

Эксперт-криминалист К. Т. Сулимов рассказал Ирине Кириловой, что для идентификации человека по запаховым следам решающим критерием является тип нервной деятельности породы – сильный, подвижный и уравновешенный. Собака должна воспринимать дрессировку, обладать врождённой остротой обоняния, быть физически крепкой и предрасположенной к развитию двигательных навыков. Важны также приспособляемость к климатическим условиям и содержанию в питомнике. Такими качествами, считает К. Т. Сулимов, в наибольшей степени обладают и немецкая овчарка, и мелкие лайки, и их метисы.

Напомним, что есть лайки значительно меньше немецкой овчарки, тем они удобнее для такого рода лабораторий. Об остроте же их обоняния говорить не приходится.

Конечно, лайки, особенно **ненецкие**, могут стать хорошими и удобными работниками на таможне, где сейчас используются, в основном, по традиции, спаниели. Но они уступают небольшим лайкам по ряду параметров, нужных для такой службы, как то приспособляемость к круглогодичному содержанию в питомнике для служебных собак, неприхотливость к корму, уравновешенность психики и др.

Военные лайки

Вся история людей – это ещё и войны. И лайки в стороне не оставались.

«В хорошо известной экспедиции в Югорскую страну в 1499 году русское войско сопровождали, по словам Лерберга, сотни собачьих упряжек» (Лерберг, 1816; Иохельсон, 2007). Мы не знаем, участвовали ли тогда лайки в боях аборигенов Югры с русским войском, и дрались ли лайки аборигенов с сотнями пришлых лаек, но предполагать это можно на основании того, что пишет А. К. Нефёдкин (2003), изучавший военное дело чукчей.

«...специальных боевых собак эскимосы и приморские чукчи не разводили, однако при необходимости для военных нужд использовали тех же ездовых собак, которые могли выполнять несколько основных функций. Это, во-первых, охрана жилища – самая обычная задача собаки. Во-вторых, борьба с людьми при атаке и преследовании. И, наконец, в-третьих, опираясь на природный инстинкт хищника, натравливали на оленей противника, тем самым лишая последнего обычного транспорта. Видимо, и оседлые коряки также использовали своих собак в войнах с оленеводами, что говорит о типичности данного явления (Тан-Богораз, 1979: 25)».

Нам, лаечникам интересно одно из доказательств Александра Константиновича Нефёдкина. Это героическое сказание «Виютку-предводитель». Оно отражает реальное историческое событие и записанное в 1940 году Г. А. Меновщиковым в селе Чаплино от учителя эскимоса Майны (приводим не полностью).

«Пришел Суплякын в Нунлигран [поселение при входе в залив Преображения] и сказал Виютку:

– Скоро к нам придут враги. Видел я их разведчика. Он говорит, что через полмесяца придут в Нунлигран. Я ему сказал, что нунлигранцы ничего не знают, к войне не готовятся. Разведчик обратно по своему следу ушел.

На другой день Виютку собрал весь народ. Когда люди собрались, Виютку сказал им:

– Мы должны пойти навстречу таннитам [танниты – враги истинные]. Надо их застать в пути, когда их караван через горы переваливать будет. В походе оружие таннитов к нартам привязано. Нападём на них врасплох. Приготовьте своих собак.

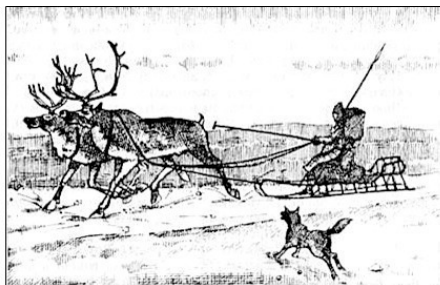
Стали нунлигранцы готовить свое снаряжение: луки, стрелы, копья и пращи. К нартам дорожную пищу и запасную обувь приторочили.

На следующий день вышли в поход. Много собачьих упряжек повели нунлигранцы. Много дней шли. Наконец подошли к Танниритским горам [расположены в районе залива Преображения]. Остановились, спрятались в ущелье за гребнем. Виютку сказал своим воинам:

– Когда поднимемся на Танниритский гребень, там станьте по двое, незаметно от врага, Собак своих не спускайте, будьте настороже! Когда я крикну вам, собак спустите, бросайтесь все на врага, кричите сильнее, А вы, бегуны и копейщики, не давайте врагам убежать, догоняйте и убивайте. Анику и Суплякын помогут вам

Спрятались нунлигранцы, стали ждать таннитов. Хорошо научились люди пользоваться копьями, луками, пращами; камни бросали с такой силой, что разбивали китовые позвоночники. А сам Виютку, бросив камень из пращи в китовую челюсть, разбил ее вдребезги.

Однажды Суплякын, поднявшись на гребень, увидел врагов. Быстро спустился, сказал об этом Виютку.

Чукча в доспехах, подъезжающий к месту боя на оленьей упряжке (XVIII в.). Реконструкция. Рисунок А. В. Сильнова. Из: Нефёдкин, 2003

Поднялись воины на гребень и стали по двое. Каждый впереди себя держал по две собаки. Виютку с братьями взшел на вершину. Танниты поднимались на Таннирит.

Тут Виютку бросил боевой клич. Люди с криком ринулись вперед, отпустили собак. Собаки набросились на оленей упряжки, стали рвать и давить оленей. Перепуганные олени кинулись в разные стороны, Танниты растерялись, не успели за оружие схватиться. Остались они без оленей и без оружия. Тех, кто хотел убежать, настигали бегуны и копейщики.

Поединок чукотского латника с чавчуеном – оленным коряком (XVIII в.). Реконструкция. Рисунок А. В. Сильнова. Из: Нефёдкин, 2003

Всех врагов побили нунлигранцы. Оставили в живых, по старинному обычаю, только двоих вражеских воинов. Виютку сказал этим людям:

– Идите и расскажите своим, как вы воевали с береговыми людьми. Пусть запомнят, что, идя войной против нас, должны сообщить нам об этом. Скажите, что мы готовы и будем ждать таннитов!».

О военных лайках Второй мировой мы уже показывали раньше. И читатель знает о них больше нашего. Сколько их ушло по радуге в иной мир, когда они истребляли танки, спасали раненых, отыскивали мины, перевозили людей и военные грузы, обеспечивали связь!? Известный кинолог генерал Мазовер А. П. (1985), который занимался поставкой собак в армию сказал, что ею «использовались десятки тысяч лаек, вывезенных из районов Урала и Западной Сибири, показавших высокую способность к разносторонней дрессировке».

О ратных трудах лаек хорошо рассказал Илья Эренбург в рассказе для детей (1987).

«А вот передо мной Жучка, мохнатая лайка с добрыми карими глазами. Она спасла немало раненых бойцов...

Кто зимой не видел на фронте нартовых собак? Это **русские лайки**, пушистые, ласковые, выносливые. Они спасли тысячи и тысячи жизней. В лесу по глубокому снегу четыре лайки быстро, но осторожно везут лодочку с раненым. Машины не могут проехать, лошади не проходят, а собаки совершают по несколько рейсов в день.

Помню одну упряжку. Лайки замечательно работали, только иногда Шарик ворчал на Красавчика – они были в ссоре, но знали, что теперь не до драки, и ворчали вполголоса. В лодочке лежал раненый лейтенант, любимец роты: осколок мины разбил колено. Один из бойцов подошёл к псам, погладил их и серьёзно сказал: «Молодцы, что довели...»

На одном участке Западного фронта отряд нартовых собак перевёз за месяц 1239 раненых и доставил на передний край 327 тонн боеприпасов. Передо мной записка, нацарапанная наспех карандашом: «Наша часть, наступая, несёт потери. В церкви скопилось много раненых. Вывезти не на чем. Если можно, сейчас же пришлите нартовых собак. Положение серьёзное. Командир медсанбата». Собаки успели вовремя и вывезли раненых.

Транспортировка раненых в санчасть на собачьей упряжке. Западный фронт. Сентябрь 1942 г. Фото Великжанина Леонида Андреевича. РГАКФД, 0—276262

Собаки выручали и в заносы, и в распутицу. Теперь собаки тащат упряжки на колёсах. Они пробираются по лесу между кустами. Их не пугают ни мины, ни пули. Я знаю лайку Мушку. Осколок мины оторвал у неё ухо, но она продолжает работать. Это обстрелянная собака. При сильном огне она не идёт, но ползёт. Другие собаки явно уважают Мушку и следуют её примеру. Мушка вывезла много раненых. Недавно один боец отдал ей свой кусок мяса и задумчиво сказал: «Как будто она... А может, и не она – похожая... Вот такая меня спасла возле Ржева...».

Всё верно, уважаемый Илья Григорьевич, только и детям не мешало бы знать, что тогда давно уже не было «**русских лаек**», а **русско-европейских лаек** ещё не было. Воевали тогда собаки коренных жителей нашего Севера: **коми-лайки, марийские, вотяцкие, мансийские, хантейские** и другие аборигенные **лайки**. И даже малыши – **ненецкие лайки**.

Ненцев призывали в армию ещё до финской кампании и они сумели отличиться в этой жуткой морозной бойне. И когда на северо-западе страны, уже в войне с Гитлером, сложилась угрожающая обстановка, в 1941 году были созданы уникальные войсковые подразде-

ления из тундровиков Канинской, Тиманской, Малоземельской и Большеземельской тундр – оленно-транспортные батальоны. Воевали триедино, как жили и работали в мирное время: ненцы-оленоводы, ненецкие олени и **ненецкие лайки**. Вместе они прошли всю эту страшную войну – в невероятно трудных условиях достигли неблизкого фронта, перевозили раненых, доставляли снаряды к полю боя..., вместе и погибали – домой вернулись немногие.

На фото, которым (и следующим) поделилась обаятельная Ирина Коткина из столицы Ненецкого автономного округа, видим **ненецкую лаечку** в числе бойцов оленно-транспортного эшелона.

Пятый оленно-транспортный эшелон. Перед строем – командир А. М. Селянинов. Фото из Ненецкого краеведческого музея от Ирины Коткиной

Только 23 февраля 2012 года в Нарьян-Маре был открыт памятник этой святой троице (не будет греха так её называть).

И после этой войны долго ещё армия нуждалась в лайках. В «Наставлении по дрессировке и применению военных собак» (1958) Минобороны СССР даёт «Краткое описание пород собак, применяемых для военных целей». Среди «военных собак» здесь видим **лайку ездовую** и **лайку западносибирскую**, их рисунки и стандарты. Но со временем армейцы о лайках стали забывать. А зря... Войны не прекращаются. И лайки вполне могут противостоять врагам. Например, их совершенное тройное чутьё (обоняние, зрение, слух) в сочетании с компанейством ничем пока заменишь на фронтовых блокпостах, позициях.... Не лишни на современных войнах и остальные возможности наших северных собак.

Оленно-транспортным батальонам. 1941—1945. Автор памятника — архангельский художник Сергей Сяхин. Фото Ирины Коткиной

Лайки – друзья, хозяева усадеб

До сих пор мы говорили о применении лаек на разного рода службах, в т. ч. государственных. Но, может быть, в наше время не это является их основной продуктивностью.

Возьмем любой из справочников о породах собак мира – их сейчас много, атласов, энциклопедий, т. п. Обычно они обозначают, как ныне используется та или иная порода. И что же – резко подавляющее количество пород в наши дни исполняет роль компаньона (товарища, члена семьи...). В прошлом они были охотниками, пастухами...

Собаки всю историю совместной с человеком эволюции (коэволюции) использовались там, где были нужнее. Наверное, в нашем обустроенном мире просто общение с собакой наиболее важно. Ваша любимая собака всегда внимательно выслушает жалобы на придирчивого начальника, сварливую жену, на неудачи в делах.... Всегда поймет, все простит.... И жизнь Вам покажется не такой уж несправедливой, не такой скучной.... И здоровья Вашего прибавится из-за регулярного снятия стрессов, из-за прогулок на свежем воздухе, из-за положительных эмоций.

Вот, пожалуй, основная *продуктивность* этого «непродуктивного» (не дает ни мяса, ни молока...) животного – собаки.

Лайки здесь не исключение. Сколько хороших отзывов, в т. ч. восторженных, можно было бы привести, ссылаясь на людей, которые приобрели щенков (да и взрослых собак) из наших питомников. Сколько радости у детей, для которых лайка – как минимум, веселый партнер в играх. Понимая, что отзывы эти субъективны, их не цитируем (своя собака всегда самая лучшая, самая красивая, самая умная...).

Но какова же лайка в роли собаки усадьбы?

В прошлом их так и называли – *дворные собаки*. И всегда они были «хозяевами» усадеб, подворий, чуткими их сторожами. Это чуть ли не основная их «специальность» лаек. Не постоянно же они пасут, везут, промышляют...

Сергей Михайлович Прокудин-Горский, так давно освоивший цветную фотографию, не был кинологом, потому не назвал породу лаек, что здесь прилагается. Похоже, что это **вогульские лайки**.

Особенно незаменимы лайки там, где могут сторожить подворье и его обитателей, бегая на свободе. Даже самые способные охотники отличают свою живность от чужой и заботятся о ней. При условии, что хозяин понимает свою собаку – тогда понимание взаимно.

Сторожевые собаки. Уральский регион. 1910. Фото С. М. Прокудина-Горского из коллекции Библиотеки Конгресса, США

Раньше мы представили Яху-спасателя. Покажем ещё его тёзку, который освоил должность управителя (или коменданта) большой усадьбы, населённой численной живностью.

Почему Яха и Яха? Нет, это не какие-то там Яшки... Оба они – аборигенные **ненецкие лайки**, а словом «яха» ненцы называют реку.

Яха Кинос родился в нашем питомнике **ненецких лаек** на Галичине (в Галиции). Щенком Яха ушёл в люди и многие домашние звери большого хозяйства Кати Руран, что недалеко от Санкт-Петербурга. Забот у Яхи довольно много. Ведь на ферме обитают северные олени ненецкой породы, удивительные лошади редких пород, американская миниатюрная лошадь Пилигримм, семикратный чемпион по красоте пони Шурик, коза Глаша (очередь за её парным молоком Яха уступает коту Васе), недавно ещё и як появился, вернее – якиня.

Яха Кинос Катерины Руран. Апрель 2014 года. Фото Анастасии Копниной

В общем – работа очень ответственная. Да ещё гости – люди большие и маленькие, журналисты и операторы – каждого нужно заставить погладить себя. И роль фото-телекинозвезды тоже непростая. Ещё соседку-лисицу нужно погонять. Конечно же, и любимую хозяйку Катю необходимо сопровождать в её прогулках верхом на красивых лошадях и оленях, запряжённых в сани. Попутно очень уж хочется побелковать в лесу – потом догонять Катю нужно. Всё это население требует внимания, охраны, заботы...

Покажем малую толику фотографий от Катерины Руран. 2014 год.

Оленегонный пёс Яха в рабочей обстановке. Фото Нины Поддубной

Рухама Шаэль и Яха Кинос. Автор фотографии Yulia Edoma

Яха выгуливает Глашу. Автор фотографии Yulia Edoma

Вася и Яха. Фото Галины Каскевич-Сунгуровой

Зимний лес! Фото от Катерины Руран

Но не для всех случаев жизни пригодны наши северные собаки. Их природе противна злоба к человеку, ведь он для лайки – вся её жизнь.

И ещё...

Староукраинское (русинское) поверье гласит, что собаки болеют и умирают вместо своих хозяев. Мы слышали созвучное этому убеждение чукчей. Оно относится к «домашним» лайкам, самым любимым, которых люди допускают в своё жильё.

А также...

«Среди всех племён, разводящих собак, кроме северных якутов, которые только позднее достигли полярных районов, где они занялись ездой на собаках, собаки играют определённую роль в мире мёртвых. Юкагиры, коряки, чукчи и камчадалы верят, что собаки охраняют вход в царство теней. Входящие тени должны подкупить их. Они очень плохо при-

нимают мёртвых, которые, будучи живыми, мучили собак. Эти идеи не чужды гилякам, алеутам и эскимосам» (Иохельсон, 2007).

6. Будущие лайки

Труд лайки велик!

Путь лайки славен!

Перефраз советского лозунга.

В эпиграфе – лозунг, которого не было. Так славили паровоз, но не лайку. Несмотря на то, что люди нашего Севера развивались вместе со своими собаками, вместе пришли и освоили земли, на которых первоначально без лаек жить было невозможно. Освоение это привело к достаточно благоустроенной жизни, и лайки стали как-то не так уж необходимыми. На охоте и промысле – дальнобойное оружие и совершенные капканы, ездить проще на разнообразной вездеходной технике (тундра пока терпит), и олени обойдутся (куда их столько – всю тундру съели)...

Люди уже хотят чего-то такого необычного, экзотического, импортного и получают от селекционеров всё новые, интересные породы собак. Причём – специализированные на любые дела и вкусы. Хоть немала общая продуктивность универсальных собак – лаек, в ряде случаев они не могут быть конкурентами «специалистам узкого профиля». Например, лайка уступает русской борзой в возможности ловить зверя, также и миниатюрному померанскому шпицу в вероятности быть очаровательной живой игрушкой. Спору нет, все собаки хороши – каждому своё... Но как быть лайке? Есть ли будущее у «простой» собаки?

Ясно, что порода домашнего животного существует, пока нужна людям. А процветает, когда востребована многими людьми разных профессий, занятий, вкусов..., и везде. Для такого процветания породу лайки, как минимум, не нужно клеймить названиями, что декларируют узкую специализацию (типа «охотничья», «ездовая», «пастушья»). Подобные названия резко сужают потребность в породе, географию её разведения. Классификация лаек, очень близких пород по «производственному» признаку, равно как и их «рабочие» названия – беда, которая преследовала их в советское время и не оставляет до сих пор. Даже лаек давно уже заводских пород, получивших «масло-масляный» ярлык «охотничьи лайки».

Если вернёмся к таблице, что в главе о современных лайках, то увидим – утешительного нет, динамика отрицательная.

Учёные скажут, что это естественно – всё живое эволюционирует: планета, биосфера, биогеоценозы, популяции, виды, породы.... Так же и собаки, и лайки среди них. Кто сможет адаптироваться к постоянно меняющимся ландшафтам, климату... и к человеку – всё более важной части биоценозов, тот и будет здравствовать.

Другие образованные люди напоминают о неосознанном стремлении человечества к упрощению мира, к его однообразию.... И всё более очевидным становится, что сохранение разнообразия организмов и их генофонда – необходимое условие существования биосферы и устойчивого развития цивилизации. Это зафиксировала и Конвенция по биоразнообразию, принятая в 1992 году в Рио-де-Жанейро Конференцией по окружающей среде и развитию человечества в XXI веке.

Читаем умную и толстую книгу Ю. В. Чайковского (всю прочитать – сродни подвигу) об эволюции жизни (2008). Здесь Юрий Викторович в пику разумной и прекрасной ноосферы Тейяра и Вернадского обоснованно предрекает нам жизнь в «неприглядной реальности антропосферы». В возникающей биосфере будущего «...основным путём эволюции организмов будет создание искусственных пород при сокращении числа естественных видов... Человек уже сейчас уничтожает одни виды и создаёт другие».

В то же время, учёный не отрицает разнонаправленных и противоположных процессов развития жизни. Видим мы их воочию. Можно взять как пример охотничью фауну. Рано

или запоздало просто охота сменяется охотничьим хозяйством. И, будто-бы парадоксально, но есть чёткая прямая закономерность – в наиболее развитых странах количество охотничьего зверья и птицы (живущего и добываемого) на душу населения несравненно больше, чем в таких «менее цивилизованных» как, например, Украина и Россия. Кто бывал на Западе, мог видеть это даже из окна автобуса. Мы же всё ещё только выбиваем.

К чему это? Да к тому, что мнения о ненужности, нецелесообразности восстановления и сохранения многих видов и пород животных мы сразу отбрасываем как несостоятельные. Надо беречь всё разнообразие живого, противодействовать неразумному!

И если о лайках аборигенных, то тут и генофонд, и необходимый элемент прикладной культуры народов – их владельцев, и важный биологический ресурс регионов, и само выживание народов и их собак (Широкий, Широкий, 1994).

А деяния людей, неосознанные и продуманные, не всегда на пользу народам и породам.

Даже за время, когда мы урывками от «более важных дел» готовили эту книжку, на политико-административных картах исчезли Таймырский (Долгано-Ненецкий), Эвенкийский, Корякский, Усть-Ордынский, Агинско-Бурятский, Коми-Пермяцкий округа. Понятно же, что без своих земель, герба, флага, официального языка... народы, их исконные животные, хозяйство и культура обречены. А лайкам приспособиться к таким ускоренным изменениям среды обитания невозможно, несмотря на их высокие адаптационные способности.

Видим, что в бывшем Корякском автономном округе (север Камчатки) очень плохи дела с **камчатской (корякской) лайкой**; что в бывшем эвенском национальном районе Камчатки уже забывают о ламутской лошади (лучшей для охотников, экспедиций). И если не случится резкий энтузиазм конкретных людей, подкреплённый деньгами (что чаще не сочетается), то эти уникальные лайки и лошади уйдут в историю.

Что делать?

Вот, то ли поиск путей, то ли нерадостный прогноз кинолога Марины Кузиной после экспедиции к **амурским лайкам**.

«Именно это я и пыталась делать одно время – ездить по селам и искать „экземпляры похожие на“. Нашла некоторое количество. Дальше было два пути. Первый – вывозить в Москву или другие центральные города для разведения отдельными энтузиастами. И второй – пытаться как-то организовывать местных для разведения у себя. Первый, по моему твердому убеждению – тупиковый. А второй требует интереса самих людей, нанайцев в данном случае, большинство из которых уже давно забыло, что такое эта собака. К примеру, в том селе, где в войну был питомник именно местного поголовья, которое считается национальным, сейчас (в 2002 году) уже никто не знал ни про питомник, ни про собаку. Так что единственный шанс сохранить такую породную группу – это интерес местного населения, или, если точнее, потребность в этой породной группе. А им, увы, не до собак – самим бы выжить».

И это при том, что есть даже такая значимость **нанайских лаек**: «...образ и роль собаки в различных аспектах жизни и культуре нанайцев позволяет использовать в качестве этноидентифицирующего маркера, проследить этническую гомогенность этноса» (Самар, 2010).

Верно и то, что говорит Марина Кузина о заводских лайках.

«Нужно отдать должное создателям заводских пород собак. Они удержали их от „скачивания“ в шоу. Но при этом не смогли взять в толк, что лишили созданные ими породы их корней – многие аборигенные охотничьи лайки, послужившие базой для создания заводских пород, теперь потеряны или находятся на грани этого».

Правильно, заводские лайки остались настоящими нашими северными собаками и не вызывают особой тревоги о себе как аборигенные и местные. Да и то...

С ускорением меняются условия обитания заводских лаек, включающие заметную смену потребностей их владельцев. Хоть лайки легко приспосабливаются к «нетаёжной», цивилизованной среде, но...

Спортивная охота несколько теряет свою престижность (даже ведутся разговоры о запрете), удовольствие это всё более дорогое, далеко не всем доступное, промысел пушного зверя то нужен, то нет.... Что же будет с лайками, когда охотников станет ещё меньше, чем ныне? Да ещё меняется охотничья мода – традиционное лаечье белковое уступает травле кабана, где не так нужны преимущества лайки. Конечно, можно белковать и без отстрела каждой белки, но такая охота не для большинства, а для тех, кто больше, чем добычу, любит свою собаку, её умение. Не потому ли несравнимо количество лаек на выставках сегодняшних и былых, и неспроста приходится им охотиться нетрадиционно.

Заводской путь разведения аборигенных лаек в кинологических центрах Марина убеждённо назвала тупиковым (мы оставляем его в запасе – Б. Ш. и О. Ш.). Остаётся «интерес местного населения». Может ли он быть?

Может, но при условии роста национального самосознания народов, которые ещё сохранили своих собак, нуждаются в них. Так, жители Ненецкого автономного округа не только сохранили автономию, но недавно даже вышли из Архангельской области (лучше дружить отдельными домами). Знаток ненецкой тундры Матвей Чупров говорит о домашнем её населении: «Люди, олени и собаки живут дружно», и так по-современному считает, что **ненецкая лайка** может стать брендом автономного округа, национальным достоянием её народа, а не всеобщим. Даже новый праздник люди придумали – День **ненецкой лайки**.

Да, оставляет надежду нераздельная тундровая троица: ненецкий олень, ненец (человек), **ненецкая лайка (лайка человека)**. Выпадение любой из этих составляющих – угроза оставшимся.

Возможно, не по пути сейчас аборигенным лайкам с престижными кинологическими структурами (они заняты тем, что более востребовано). Ведь сохранил и размножил для оленеводов Северо-Востока **ненецких лаек** питомник на Чукотке, не будучи в этих структурах. Оставил в прежнем типе, не забывая и о ведении родословных документов. Наверное, не стоит всё делать «централизованно»...

Будущее **ненецкой лайки** вызывает меньше беспокойства, чем остальных аборигенных и местных лаек. Собачки интересные, используются разносторонне, достаточно привлекательны внешне, есть первые независимые питомники за пределами северной популяции.... Они имеют шанс и на создание своеобразного заводского резерва за пределами тундры. Но как вести грамотную племенную работу с этой породой на Севере, где небольшие её очаги очень разобщены, все более открываются для доступа других собак? Ясно уже, кинологов там долго не будет, а регулярные периодические посещения северной популяции специалистами очень затратны. В своё время губернатор Ямало-Ненецкого округа Ю. В. Неёлов охотно откликнулся на наш проект сохранения **оленегонок** в его округе, но затем по непонятной причине обратная связь с администрацией округа прекратилась.

Там где сохранились олени, крупнотабунные у тундровиков или транспортные у таёжников, место для лаек есть. Береговые лайки тоже ещё нужны чукчам и другим жителям побережий. Они также интересны любителям экстремальных экспедиций. **Чукотские лайки** даже экспортируются. Но и их достигла беда под именем «хаски». Историю **собак Чукотки** очень грамотно и скрупулёзно изучает сейчас Елена Поцелуева. Но должной племенной работы с породой в пределах её аборигенной популяции нет.

А вот якуты считают, что у них всё наилучшее, и якутские лошади, и **якутские лайки**. Вполне успешно убеждают они в этом весь мир. Очередь за остальными народами нашего Севера...

Прогноз – занятие неблагодарное, тем более, когда не так уж много оптимизма. Но всегда есть надежда, когда обозначена проблема. Наши северные собаки тоже обнадёживают тем, что хотят приспособиться к новым требованиям жизни. Не растеряли они того многого из поведенческого и физиологического арсенала предков, что позволит им жить и процветать в неблагоприятной среде. Не хуже они и не глупее нас, людей, порой не ведающих, что творим.

Заключение

Наш опыт общения с лайками и любителями собак показал, что нужна книжка, где были бы популярно изложены азы лайководения – сами такую искали. Люди так много знают обо всех собаках, но о породах лаек даже эксперты имеют, оказывается, самое поверхностное представление. Мы – не исключение, немало нового узнали, пока сочиняли этот рассказ. И хотим поделиться им, в надежде, что прочтение послужит интересам наших северных собак – они в этом нуждаются.

Понимаем – далеко не всё удалось. Многие вопросы остались без ответа, что-то вызовет недоумение, неприятие, но может стать и темой дискуссии.... И это хорошо. Наверное, найдутся равнодушные читатели, которые разовьют глубже, на научном уровне особую область кинологических знаний – лайководение. В ожидании любой реакции (прежде всего, критики), в желании получить интересную информацию, особенно нам неизвестную или недоступную, оставляем здесь наши данные для любых контактов. Заходите, звоните, пишите – будем рады.

Широкий Борис Иванович

Адрес: вул. Заміська, 59, м. Самбір Львівської обл., Україна, 81400
Эл. адреса: [битая ссылка] b.shyrokyi@gmail.com, b.shyrokyi@facebook.com
Страницы ФБ: [битая ссылка] <https://www.facebook.com/dogslaikas>,
[битая ссылка] <https://www.facebook.com/nenetslaika>
Телефон: 03236 32764. Мобильный телефон: +3800677089428

Широкий Олег Борисович

Адрес: ул. Кутякова, 41/59, кв. 246, г. Саратов, Россия, 410600.

Эл. адрес: *krok_oleg@rambler.ru*

Самбир – Саратов 2015—2017

Использованная и упомянутая литература

- АБРАМОВ К. Г. Промысловая лайка Приамурья.– Хабаровск, изд. Дальгиз, 1940.– 40 с.
- АБРАМОВ К. Надо внести ясность (Ещё раз о лайке).– «Охотничьи просторы», альманах №16, Гос. изд. «Физкультура и спорт», М., 1962, с. 143—145.
- АККУРАТОВ В. И. Право на риск. (Записки штурмана.) М., «Молодая гвардия», 1974.– 144 с.
- АКО, Пятилетний план по организации новых предприятий в Охотско-Камчатском крае 1923—1933 г. г. ГАКО. Ф. 106 от.1. д.154 л. л. 12—14.
- АМУНДСЕН Р. Южный полюс. Перевод с норвежского.– В книге: Пири Р. Северный полюс. Амундсен Р. Южный полюс.– М., «Мысль», 1972.– 552 с.
- АНТОНОВ Ю. Людмила Владимировна Ушакова.– «Охота и охотничье хозяйство», 1992, №11—12, с. 20.
- АНТРОПОВА В. В. Культура и быт коряков.– Л., 1971. 215с.
- АРКТИКА!!! Каталог.– Мультимедийный комплекс актуальных искусств, музей «Московский дом фотографии», М., 2007. 144 с.
- АРСЕНЬЕВ В. К., ТИТОВ Е. И. Быт и характер народностей Дальневосточного края.– «Книжное дело», Хабаровск – Владивосток, 1928.
- АТЛАС СССР.– ГУГК Министерства геологии и охраны недр СССР, М., 1962.– 186 с.
- БАСКИН Л. М. Сегодня – кочёвка.– М., Мысль, 1974. 205 с.
- БЕЛОБОРОДОВ В. К. Он мечтал изучать Родину.– Альманах «Тобольск и вся Сибирь» «Сургут» (выпуск 2).– Издательский отдел Тюменского регионального общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска», Тобольск, 2004.
- БЕРГ Л. С. Открытие Камчатки и экспедиция Беринга.– М.; Л., 1946.
- БОГОЛЮБСКИЙ С. Н. Происхождение и преобразование домашних животных.– М., Советская наука, 1959.– 593 с.
- БОГОСЛОВСКАЯ Л. С., НОСОВ Н. А. Собаки нашего Севера, – Альманах «О собаке», изд. «Улей» СОЦПРОФ, М., 1991.– с. 42—47.
- БОЛЬШАЯ СУДЬБА МАЛЫХ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА. Работы художника Г. Павлишина.– Хабаровское книжное издательство, 1982.
- БОРХГРЕВИНК К. У южного полюса.– М., Географгиз, 1959.
- БРАУНЕР А. А. Домашние собаки палеарктики. Том 13.– 1928.
- БУЛЫЧОВ И. Д. Путешествие по Восточной Сибири И. Булычова Императорского Русского Географического Общества Действительного члена». – 65 хромо- и тоновых литографий.– Спб., литография Бахмана и Fr. Droege в Москве, 1856.
- БУНАК В. В. Род Номо, его возникновение и последующая эволюция.– М.: Наука, 1980.– 329 с.
- БУТУРЛИН С. А. Лайка в Америке.– Охотник, 1928, №2.
- ВАСИЛЕВИЧ Г. М., ЛЕВИН М. Г. Типы оленеводства и их происхождение.– Советская этнография, 1951, №1, с. 63—87.
- ВАХРУШЕВ И. И. Охота с лайкой.– Челябинск: Областное изд-во, 1950; Омское областное изд-во, 1950; Новосибирск: Обл. изд-во, 1952; М.: Физкультура и спорт, 1953, 1957; М.: ООО «ПТП Эра», – М.: «Издательский дом Рученькиных», 2004.– 176 с.
- ВАХРУШЕВ И. И., ВОЛКОВ М. Г. Охотничьи лайки.– М., Заготиздат, 1945.– 128 с.
- ВЕРЕЩАГИН Н. К. Типы и производственные группы лаек в экстерьерной характеристике.– В сб.: Стандарты лаек СССР. Труды Арктического института, т. 56, Главсевморпуть, Ленинград, 1936.
- ВИКТОР П.-Э. Ездовые собаки – друзья по риску: Пер. с франц.– М.: Мысль, 1980.– 159 с.

ВЛАСОВ Н. Н. и др. Охотничье собаководство / Н. Н. Власов, А. В. Камерницкий, И. М. Медведева.— М., Агропромиздат, 1990, 1992.— 239 с.

ВОЙЛОЧНИКОВ А. Т., ВОЙЛОЧНИКОВА С. Д. Лайки и охота с ними.— М., «Лесная промышленность», 1974.— 154 с.

ВОЙЛОЧНИКОВ А. Т., ВОЙЛОЧНИКОВА С. Д. Охотничьи лайки.— М.: Лесная промышленность, 1982.— 256 с.; М.: Изд. МЦ «Аспект», 1992.— 272с.

ВОЛК. Происхождение, систематика, морфология, экология. Ред. Д. И. Бибилов.— Наука, М., 1985.— 608 с.

ВОЛКОВ М. (Статья о забайкальских лайках).— «Охота и охотничье хозяйство», №8, 1958.

ВОЛКОВ М. Г. Крик охотничьего сердца.— Охотничьи просторы, альманах, книга 10, изд. «Физкультура и спорт», М., 1958, с. 288—295.

ВОЛКОВ М. Промысловое собаководство Дальнего Востока.— «Охота и охотничье хозяйство», №3, 1974, с. 24—26.

ВОЛКОВА В. В. Забытая экспедиция.— «Охотничьи просторы», альманах, книга 3, 1997, с. 210—234.

ГЕЙЦ А. Промысловое собаководство Камчатки.— «Охота и охотничье хозяйство», №6, 1969.

ГЕЙЦ А. Лайки катангских охотников.— «Охота и охотничье хозяйство», 1971, №11, с. 26, 27.

ГЕПТНЕР В. Г. и др. Млекопитающие Советского союза. Т. 2 (часть первая).— Высшая школа, М., 1967.— 1004 с.

ГОЛОЛОБОВ К. Е. Хантыйская, мансийская или западносибирская? — Владивосток: Дальнаука, 2012.— 100 с.

ГУМИЛЁВ Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации.— М.: Экспресс, 1993.— 576 с.

ДИКОВ Н. Н. О раскопках Усть-Бельского могильника по данным 1958 года. — Записки Чукотского окружного краеведческого музея. Вып. 1.

ДИКОВ Н. Н. Древние костры Камчатки и Чукотки. 15 тысяч лет истории.— Магадан, Кн. изд., 1969.— 256 с.

ДИКОВ Н. Н. Наскальные загадки древней Чукотки: Петроглифы Пегтымеля.— «Наука», М., 1971.— 132с.

ДИКОВ Н. Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы.— Наука, М., 1977.— 392 с.

ДНЕВНИКИ ВУЛКАНОЛОГА БОРИСА ПИЙПА.— М., ЛОГАТА, 2006.— 160 с.

ДМИТРИЕВА-СУЛИМА М. Лайка и охота с нею. Изд. второе, исправленное.— С.-Петербург, 1911.— 136 с.

ДУНИН-ГОРКАВИЧ А. А. Тобольский Север: Этнографический очерк местных инородцев. Т. III. Тобольск, 1911.

ЕВРЕИНОВ А. Г. Лайки.— Друг, №9 (42), 1996, с. 6—13.

ЕЛЛИНСКИЙ Б. Сахалин: чёрная жемчужина Дальнего Востока.— Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1928.— 158 с.

ЖЕЛЕЗНОВ Н. К. Где ты, друг оленевода? — В сб.: Магаданский оленевод, вып. 39, 1987, Магаданское книжное изд-во, с. 49, 50.

ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХ БРЭМА. Первый том. Млекопитающие.— С.-Петербург, Книгоиздательское Т-во «Просвещение», 1904.— 853 с.

ИЗРАИЛЕВИЧ И. Е. Разведение и выращивание собак.— В кн.: Служебная собака: Руководство по подготовке и содержанию служебных собак.— Домодедово, ВАП, 1994. — 576 с.— с. 469—518.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ народов России.— СПб, 1877.

ИОХЕЛЬСОН В. И. Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе // Тр. Якутской экспедиции, снаряженной на средства И. М. Сибирякова. Отд. III. Т. X. Ч. 3. СПб., 1898.— 169 с.

ИОХЕЛЬСОН В. И. Коряки. Материальная культура и социальная организация / Отв. ред. Ч. Таксами. СПб.: Наука, 1997. 238 с.

ИОХЕЛЬСОН В. Юагиры и юагиризированные тунгусы.— Новосибирск: Наука, 2005.— 675с.

ИОХЕЛЬСОН В. И. Камчадалы. Рукопись, б. г. Перевод с англ. Е. Пташинской.— В сб.: Собаководство на Камчатке в XVIII-XX вв. (В материалах путешественников и исследователей). Составитель В. И. Борисов.— Петропавловск-Камчатский: Издат-Бланк, 2007.

ИСТОРИЯ ЧУКОТКИ с древнейших времён до наших дней (Под руководством и общ. научн. ред. Н. Н. Дикова).— М.: Мысль, 1989.— 492 с.

КАТАЛОГ МЛЕКОПИТАЮЩИХ СССР (плиоцен — современность).— Л., Наука, 1981.— 456 с.

- КЕРЦЕЛЛИ С. В. Задачи собаководства на севере.— Журнал «Уральский охотник», Свердловск, 1926, №7,8.
- КЕРЦЕЛЛИ С. В. К вопросу об Анадырско-Камчатском ездовом собаководстве.— Советский Север, 1931, №7,8.
- КОНЬКОВА Е. Ю. Лайки. Происхождение. Породы. Использование. Правила испытаний.— М.: ООО «Аквариум-Принт», 2006.— 80 с.
- КОНЬКОВА Е. Ю. Русско-европейская лайка. Стандарты. Содержание. Разведение. Профилактика заболеваний.— М.: ООО «Аквариум-Принт», 2006.— 80
- КОРАБЕЛЬНИКОВ В. А., КОРАБЕЛЬНИКОВА Т. В., КОРАБЕЛЬНИКОВ А. В. Легенды и быль о собаках.— М., Просвещение; 1993.— 256 с.
- КРАМАРЕНКО ЖОРЖ. Камчатка. Моё путешествие и моя охота на медведей и горных баранов в 1918 г. Дневник 15-летнего школьника.— Изд. Олега Дьякова и К°. Берлин. Б. г. (до 1922 г.).— 141с. Фотографии на отдельных листах.
- КРАШЕНИННИКОВ С. П. Описание Земли Камчатки, сочиненное Степаном Крашенинниковым, Академии Наук профессором. Том 2.— В Санкт-Петербурге при Императорской Академии Наук, 1755.— 350 с.
- КРЕНКЕЛЬ Э. Т. РАЕМ — мои позывные. М., «Сов. Россия», 1973.— 496 с.
- КРЕСТНИКОВ Ф. Ф. Промысловые лайки Уральской области.— Уральский охотник, 1932, №1—2, с. 8—9.
- КУЗНЕЦОВ Н. В. Записки охотника с лайкой.— Ярославское книжное изд-во, 1955.— 112с.
- ЛЕВИН М. Г. О происхождении и типах упряжного собаководства.— Советская этнография, 1946, №4.
- ЛЕРБЕРГ. Исследования по древней истории России. О Югорской земле.— СПб, 1816.
- ЛИВЕРОВСКИЙ А. Камчадалка.— «Охота и охотничье хозяйство», 1988, №8, с.25.
- ЛИВЕРОВСКИЙ А. Мой брат Юрий.— «Охота и охотничье хозяйство», 1991, №№1—2, с. 29—31, 28—32.
- ЛИВЕРОВСКИЙ А. Охотничье братство.— СПб.: Издательский дом «Нева», 2003.— 384 с.
- ЛИВЕРОВСКИЙ Ю. А. Лайки и охота с ними.— Л.: Изд. журн. «Охота и природа» Леноблхотсоюза, 1927; М.: КОИЗ, 1931.— 67 с.
- ЛИВЕРОВСКИЙ Ю. А. Камчатские собаки.— В сб.: На Камчатке.— М.-Л., 1936.
- ЛИВЕРОВСКИЙ Ю. А. Предзимки: стихи / Юрий Ливеровский.— М.: Современник, 1984.— 48 с.
- ЛИНТВАРЕВ В. Ездовые лайки Нижне-Колымского района.— «Охота и охотничье хозяйство», №12, 1956.
- ЛИТКЕ Ф. П. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая Земля». — 1828; М.-Л., 1948.
- ЛОБАЧЁВ С. Лайки Вятско-Ветлужского края.— Охотник, 1929, №1, с. 29.
- МААК. Очерк Вилюйского округа Якутской области.— 1877.
- МАЗОВЕР А. П. Экстерьер и породы служебных собак.— РЕДИЗДАТ ЦС СОЮЗА ОСОАВИАХИМ СССР, Москва — 1947.
- МАЗОВЕР А. П. Племенное дело в служебном собаководстве.— М., изд. ДОСААФ, 1954.— 184 с.; 2-е изд., 1960.
- МАЗОВЕР А. П. Охотничьи собаки.— 2-е изд.— М.: Агропромиздат, 1985.— 239 с.
- МАЗОВЕР А. П. Происхождение, экстерьер и породы служебных собак. — В кн.: Служебная собака: Руководство по подготовке и содержанию служебных собак.— Домодедово, ВАП, 1994.— 576 с.— с. 16—90.
- МАЛИЕВ Н. М. Отчет о Вогульской экспедиции Н. Малиева.— Казань: лито— и тип. К. А. Тилли, 1872.— 27 с.
- МАЛЬГИНОВ С. В. Оленегонная лайка.— Магадан, Областное книжное издательство, 1955.— 32 с.
- МАРКОВ Б. В плену охотничьей страсти.— «Охота и охотничье хозяйство», №3, 1988, с. 41.
- МАТЕРИАЛЫ Баргузинской экспедиции Г. Г. Доппельмайра 1914—1915 гг.— Верхнеудинск-Ленинград, Издание Госплана БМАССР, 1926 г.
- МОСТАХОВ С. Е. Сподвижники путешественников и исследователей.— Якутск, 1966.
- МУРАВИН Ю. Я. Человек, земля, океан. Фотоочерки о Дальнем Востоке.— Издательство «Планета», Москва, 1973.— 192 с.
- НАРОДЫ СИБИРИ.— Изд. АН СССР, М.— Л., 1956.

НАСТАВЛЕНИЕ ПО ДРЕССИРОВКЕ И ПРИМЕНЕНИЮ ВОЕННЫХ СОБАК.— Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, М., 1958.— 390 с.

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ОХОТНИКА-СПОРТСМЕНА. Том 2.— Гос. изд-во «Физкультура и спорт», М., 1956.— 436 с.

НЕФЁДКИН А. К. Военное дело чукчей (середина 17 — начало 20 в.).— СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2003.— 352 с.

НИКОЛАЕВ-СОМОГОТТО С. И. Происхождение народа саха.— Якутск: НИПК «Сахаполиграфиздат», 1995.— 112 с.

НОВИКОВ Б. О промысловой собаке одного из районов Нижегородского края.— Охотник, 1931, №7, с. 24.

НОСОВ Н. А., БОГОСЛОВСКАЯ Л. С. Ненецкая оленегонная лайка.— В сб. Клуб собаководства, вып. 1— М.: Патриот, 1991.— с. 57—59.

ОБРУЧЕВ С. В. В неизведанные края. Путешествия на Север 1917 — 1930 г.г.— Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1954.

ОГИЛЬВИ [*О киргизской лайке*].— Охотничья газета, 1898.

ОГЛОБЛИН Н. Н. «Скаска» казачьего пятидесятника Владимира Атласова о его походе на Камчатку в 1697 г.— Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн. 3. М., 1891, с.11—18.

ПАВЛОВ Д. С лайкой за лисой.— «Охота и охотничье хозяйство», №12, 1959.— с. 34,35.

ПАВЛЫК В. Н. Пунктиры. Полевые очерки.— Чита: Поиск, 2014.— 56 с.

ПАЛМЕР ДЖ. Ваша собака: Пер. с англ.— М.: Мир, 1988.— 247 с.

ПАПАНИН И. Д. Лёд и пламень. М., Политиздат, 1977.— 416 с.

ПЕЛЕВИН Ю. А. (Составитель). Русские древности издаваемые по Высочайшему соизволению под редакцией В. Прохорова. Кн. 1.— СПб, 1872.

ПЕРЕТОННИ-ВЕМЬЯН И. «Снежная собака» самоед.— М., Друг, 1992, №2, с. 15—17.

ПЕСКОВ В. М. Белые сны.— М., «Молодая гвардия», 1965.— 336 с.

ПЕТРОВ Ю. О марийской лайке.— «Охота и охотничье хозяйство», №2, 1963.

ПИРИ Р. Северный полюс. АМУНДСЕН Р. Южный полюс.— М., «Мысль», 1972.— 552 с.

ПISKУНОВ А. В. 100 великих русских охотников.— М.: Вече, 2008.— 480 с.

ПОМИШИН С. Б. Происхождение оленеводства и domestикация северного оленя.— М., Наука, 1990.— 142 с.

ПОМИШИН С. Б., КУРИЛЮК А. Д., ГОЛУБЕВ Л. И. Разведение оленегонных лаек в Якутской АССР.— В сб.: Магаданский оленевод, 1970, вып. 22, Магаданское книжное изд-во, с.30—33.

ПОПОВ А. А. Оленеводство у долган.— Советская этнография, 1936, №4—5, с.184—205.

ПОСОБИЕ ПО СОБАКОВОДСТВУ. (Составитель П. А. Заводчиков). 2-е изд. Л., «Колос», 1973.— 391 с.

ПОЯРКОВ А. Д. Происхождение домашних собак.— Альманах «О собаке», изд. «Улей» СОЦПРОФ СССР, Москва-Ташкент, 1991, с. 10—17.

ПУПЫШЕВ П. Ф. Северные промысловые собаки.— Всесоюзное коопер. объединённое изд-во (КОИЗ), М.— Л., 1936.— 127 с.

ПУТЕШЕСТВИЕ вокруг света совершенное по повелению Государя Императора Николая I, на военном шлюпе Сениявин в 1826, 1827, 1828 и 1829 годах Флота Капитаном Федором Литке. Отделение историческое. С Атласом литографированным с оригинальных рисунков Господ А. Постельса и барона Китлица, и описаним в 3 ч. С. Петербург. В типографии III Отделения собственной Е. И. В. Канцелярии. 1834 — 1836.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО АМУРУ и Восточной Сибири Мичи А.— Издание книготорговца-типографа М. О. Вольфа, Санктпетербург-Москва, 1868.— 440 с.

ПУЧКОВ П. В. Некомпенсированные вюрмские вымирания. Сообщение 4. Старый свет: смягчённый кризис.— Вестник зоологии, 1993, №1, с. 63—71.

ПФИЦЕНМАЙЕР Е. В. В Сибирь за мамонтом. Очерки из путешествия в Северо-Восточную Сибирь.— М., Л., 1928.— 179 [2] с.

- РЕКЛЮ ЭЛИЗЕ. Россия европейская и азиатская.— Санкт-Петербург, изд. картогр. заведения А. Ильина, 1883—1884.
- РЯБОВ В. В. Эвенкийская лайка и охота с ней.— Красноярское краевое государственное издательство, 1939.— 84 с.
- РЯБОВ В. Ещё раз о марийской лайке.— Охота и охотничье хозяйство, 1963, №10, с. 35.
- САБАНИЕВ Л. П. Охотничий календарь. Справочная книга для ружейных и псовых охотников.— Москва, издание второе, А. А. Карцева, 1892; М. Типолитография Русского товарищества «печат. и издат. дела», 1904; М.: ТЕРРА, 1992, 2 тома.— 846 с.
- САМАР А. П. Традиционное собаководство нанайцев / Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. — Владивосток: Дальнаука, 2010. — 255 с.
- СЕВЕРНЫЙ КРАЙ: иллюстрированный альбом Архангельской губернии. Посвящается бывшему Архангельскому Губернатору Ивану Васильевичу Сосновскому.— С.-Петербург, 1914 / Арханг. обл. краеведческий музей.— Архангельск, 2006 («Правда Севера»).
- СЕМЕНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ П. П. Путешествие в Тянь-Шань (с приложением очерков «Небесный Хребет и Заилийский край» и «Сибирь»).— М.: Эксмо, 2010.— 480 с.
- СЕРОШЕВСКИЙ В. Л. Якуты.— Изд. Имп. Русск. геогр. общ., 1896.
- СЛУЖЕБНОЕ И ОХОТНИЧЬЕ СОБАКОВОДСТВО (Авторы Е. А. Моль, А. Г. Шапатын).— Изд. «Колос», М., 1964.— 144 с.
- СЛЮНИН Н. В. Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание.— СПб, 1900; т. 1 — 506 с.
- СМИРНОВ Н. А. Основы стандартизации собак и стандарт ездовых по сравнению с другими лайками.— В сб.: Стандарты лаек СССР. Труды Арктического института, том 56, Главсевморпуть, Ленинград, 1936, с. 101—177.
- СОКОЛОВ И. И. Программа обследования ездового собаководства.— Изд. Арктического института, Л., 1933.
- СОКОЛОВ И. И. Собаководство на севере СССР.— Труды НИИ полярного земледелия, животноводства и пром. хоз. Серия Промысловое хозяйство, в. 9, изд. Главсевморпути, Л., 1939.— 91с.
- СОБАКОВОДСТВО НА КАМЧАТКЕ в XVIII — XX вв. (В материалах путешественников и исследователей). Составитель В. И. Борисов.— Петропавловск-Камчатский: Издат-Бланк, 2007.— 175 с.
- СОСУНОВ А. Выводка лаек в Туве.— «Охота и охотничье хозяйство», 1957, №4.
- СПАНГЕНБЕРГ Е. П. Записки натуралиста.— М.: Изд-во МГУ, 1986.— 288 с.
- СТАНДАРТЫ ЛАЕК СССР. Сборник под редакцией проф. Н. А. Смирнова.— Труды Арктического института, т.56, Главсевморпуть, Ленинград, 1936.
- СТАНДАРТЫ ПРОМЫСЛОВО-ОХОТНИЧЬИХ СОБАК утверждённые I кинологическим съездом в 1925 г.— КОИЗ, Ленинград — Москва, 1932.— 64 с.
- СТЕЛЛЕР Г. В. Описание земли Камчатки.— Петропавловск-Камчатский, Книжное издательство «Камчатский печатный двор», 1999.
- СТЕПАНОВ П. Собаководство в Якутии.— «Охота и охотничье хозяйство», №5, 1960.
- СУХОМИРОВ Г. У сородичей Джанси Кимонко.— «Охота и охотничье хозяйство», №12, 1960, 12—14 с.
- ТИХОНЕНКО И. Ездовые собаки Чукотки.— Стахановцы Арктики, 1939, кн. 9, Ленинград, Главсевморпуть.
- ТУГОЛУКОВ В. А. Кто вы, юкагиры? — М.: Наука, 1979.— 152 с.
- УСОВ М. И. Собака поисково-спасательной службы.— Москва: ДОСААФ СССР, 1988.— 78 с.
- УСОВ М. И. Собака — спасатель: Подготовка и обучение.— М.: ООО «Аквариум-Принт», 2004.
- УСПЕНСКИЙ С. Ездовые собаки: есть ли у них будущее? — Охота и охотничье хозяйство, 1984, №7, с. 10, 11.
- УСПЕНСКИЙ С. Ездовые собаки ещё послужат человеку.— Охота и охотничье хозяйство, 1994, №1, с. 26—29.
- УШАКОВ Г. А. Остров метелей. По нехоженой земле.— Л. Гидрометиздат, 1990.— 575 с.
- ФЕДОСЕЕВ Г. А. В тисках Джугдыра.— М., изд. ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1956.— 360 с.
- ФЕДОСЕЕВ Г. А. Тропою испытаний.— ДЕТГИЗ, М., 1958.— 272 с.
- ФЕДОСЕЕВ Г. А. Последний костёр. Повесть.— М., изд. ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1972.— 288с.

- ХОМИЧ Л. В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев.— Наука, Ленинград, 1976.
- ЧАЙКОВСКИЙ Ю. Гранит во льдах.— Вокруг света, 1991, №1, с. 34—39.
- ЧАЙКОВСКИЙ Ю. В. Активный связный мир. Опыт теории эволюции жизни. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2008.— 726 с.
- ЧЕРКАСОВ А. А. Записки охотника Восточной Сибири.— СПб, 1867.— 707 с.; М.: Физкультура и спорт, 1990.— 574с.
- ЧИКАЧЁВ А. Г. Русские на Индигирке: Историко-этнографический очерк.— Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990.—189 с.
- ШВЕДОВ И. Г. Записки сибирского немврода (охотничьи рассказы).— С.-Петербург, 1880.
- ШВЕЦОВ Н. О вогульской лайке в современном её состоянии.— Уральский охотник, 1927, №1, 2, с. 28—33, 25—30.
- ШВЕЦОВ С. П. Очерк Сургутского края. Омск, 1888.
- ШЕРЕШЕВСКИЙ Э. И. Натаска и нагонка охотничье-промысловых собак.— Заготиздат, М., 1949.— 75 с.
- ШЕРЕШЕВСКИЙ Э. И. Натаска, нагонка и притравка промысловых собак.— Изд. второе.— Библиотека промыслового охотника, Заготиздат, М., 1952.— 80 с.
- ШЕРЕШЕВСКИЙ Э. И. Лайки и охота с ними.— Средне-Уральское книжное издательство, Свердловск, 1965.— 108 с.
- ШЕРЕШЕВСКИЙ Э. И., ПЕТРЯЕВ П. А., ГОЛУБЕВ В. Г. Ездовое собаководство.— Изд. Главсевморпути, М.— Л., 1946.— 248 с.
- ШИРИНСКИЙ-ШИХМАТОВ А. Альбом северных собак (лаек). Выпуск 1. а. Корельские лайки. б. Зырянские лайки.— Фототипия Шерер Набгольц и К°, типолитография О. И. Лашкович и К°, М., 1895.— 39 листов.
- ШИРИНСКИЙ-ШИХМАТОВ А. А. Северные собаки.— Природа и охота, январь, 1896, кн. 1, с. 44—54.
- ШИРИНСКИЙ-ШИХМАТОВ А. А. Отчёт судьи по отделу лаек I Всероссийской выставки собак Всекохотсоюза.— Охотник, №12, 1925.
- ШИРИНСКИЙ-ШИХМАТОВ А. А. Медведь и медвежья охота.— Изд. Книгосоюза, М., 1927; Издание 2-е — изд. журнала «Охота и природа», Л-д, 1928.
- ШИРОКИЙ Б. И., ШИРОКИЙ О. Б. Аборигенные породы северных собак — необходимый элемент прикладной культуры народов Камчатки и её важный биологический ресурс.— В сб.: Актуальные вопросы природопользования и экологической культуры на Камчатке, Петропавловск-Камчатский, Камчатское отделение Дальневост. книжн. изд-ва, 1994, с. 86—88.
- ШИРОКИЙ Б. И., ШИРОКИЙ О. Б. Оленегонный шпиц: Новая древнейшая порода.— М.: ООО «Аквариум-Принт», 2004.— 128 с.
- ШИРОКИЙ О. Б. Батый: Полёт на спине дракона: ист. роман.— М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005.— 571 с.
- ШРЕНК Л. Об инородцах Амурского края. Т. 2.— СПб., 1899.
- ШУРУПОВ И. Западносибирские лайки: московская группа.— Охота и охотничье хозяйство, 1993, №8, с. 18—20.
- ЭМКЕ А, ПАЛЫГУНОВ М. Лайки северного края.— Архангельск, Северное краевое издательство, 1931.
- ЭНГЕЛЬГАРТ Александр Платонович. Русский Север: путевые записки/А. П. Энгельгардт.— Санкт-Петербург: Изд. А. С. Суворина, 1897.— 258, IV с. / Энгельгардт А. П. Русский Север: Путевые записки.— М.: ОГИ, 2009.
- ЭРЕНБУРГ И. Г. Каштанка.— В сб. рассказов «Дружище Тобик», М., «Детская литература», 1987.
- ЯЗЫКОВ В. Собаки на военной службе.— Москва-Ленинград: Госиздат, 1927. — 64 с.
- JOCHELSON W. The Koryak // The Jesup North Pacific Expedition Publications. Vol. VI. American Museum of Natural History, New York, Memoir, Vol. X. Leiden: E.J. Brill; New York: G.E. Stechert & Co., 1908. Pt. 1—2. P. XV, 842.
- КОМАРОВА А. (Укладач). Київське товариство захисту тварин.— Вид. газети «Домашні любимці», Київ, 2001.— 30 с.
- BEREGOVY, V. Hunting Laika Breeds of Russia. — Crystal Dreams Publishing. 2001. — 166 pp.
- BEREGOVY, V. Primitive Breeds — Perfect Dogs. — Hoflin Publishing. 2001. — 424 pp.
- ГРУШЕВСЬКИЙ М. Ілюстрована історія України. — Репринтне відтворення видання 1913 року. МП «Радуга» — кооп. «Золоті ворота», Київ — 1992.— 524 с.

NANSEN, Fridtjof. Fram over Polhavet: den norske polarfærd 1893—1896. D. 2.— Kristiania: Aschehoug, 1897.— 553 s.

PAULY. TH. DE. Description ethnographique des Peuples de la Russie / Par T. de Pauly.— St.— Petersburg, 1862.— 277 c.

ŠERNAS TOMAS. Elninis špicas. — Žurnalas «Medžiotojas ir medžioklė», Nr. 1 (131) / 2008.— 38—40.

STELLER G. W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka dessen Einwohnern, deren Sitten, Nahmen, Lebensart und verschiedenen Gewohnheiten herausgegeben von J.B.S. mit vielen Kupfern. Frankfurt und Leipzig bey Johann Georg Fleischer, 1774.

SWAROVSKY Hans-Joachim. Hunderassen. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1987. — 382, 40, 8 s.

Troisieme Voyage de Cook. COOK THIRD VOYAGE] RICKMAN, John. Published by Pissot and Laporte, Paris, 1782.
Published by Hotel De Thou, Rue Des Poitevins, Paris, 1785

YASUKAZU KITAMURA. The first Antarctic team and Sakhalin Husky dogs. Kyoikusha. In Japanese, 1982.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Описание типичных признаков пород наших северных собак (лаек) – проекты стандартов пород, неофициальные и официальные стандарты

1.1—1.8. Досоветские лайки

1.1. Самоедская и лапландская (лопарская) лайки

Описание *ненецкой* (очевидно, П. Ф. Пупышев, цитируя первоисточник, так заменил слово «самоедская» – Б. и О. Ш.) и лапландской лаек по Ширинскому-Шихматову (Пупышев, 1936; ссылка на: Ширинский-Шихматов, 1896)

Г о л о в а – без каких-либо признаков крутой прилобистости, с черепом, широко развитым в висках и скулах.

М о р д а – короткая (щипец короче черепной коробки) и кажется, благодаря широко развитому черепу в скулах, очень острой.

З у б – тонкий, нежный, острый.

В о щ е к – обязательно чёрный.

Г л а з – коричневый или тёмнокоричневый, с умеренно косым прорезом.

У х о – короткое, с закруглёнными концами, поставлено прямо, но широко, в прямой зависимости от черепа; благодаря пышности шерсти на голове (кроме морды) ухо из-за неё кажется особенно маленьким, а у некоторых экземпляров совершенно не бывает видно.

С п и н а – с самым незначительным провесом.

Г р у д ь – низкая, глубокая.

К о л о д к а – короткая.

Р е б р о – бочковатое.

П о с т а н о в н о г – широкий; лапа – круглая, с сыроватым и несколько распушенным комком; изгиб задних ног выражен достаточно рельефно.

Х в о с т – короткий, толстый, лучше покрыт шерстью, в большинстве случаев круто свёрнут на спину.

К о с т я к – тонкий, лёгкий, сухой.

Ш е р с т ь – густая, длинная; волос тонкий, подшерсток пушистый, очень плотный, нежный. На шее рельефно обозначается грива, которая спускается на грудь, кончаясь на голове густыми, прямыми очёсами. В общем эти собаки одеты сплошь и густо, при равномерном распределении псовины.

О к р а с – чисто белый, чисто чёрный, белый с желтизной; пёстрые окрасы не допустимы.

Р о с т – некрупный, в среднем 50 – 55 см.

При сравнении *ненецкой* и *лапландской* лаек можно заметить в отношении головы, что череп у последней не так груб, как у первой, ухо менее тупое в концах, ребро – средней бочковатости и шерсть несколько уступает в длине.

* * *

1.2. Самоедская (ненецкая) лайка

Стандарт клуба *ненецкой* собаки в Америке (Пупышев, 1936; ссылка на: Бутурлин, 1929)

Г о л о в а – сильная, клинообразная, с широкой, плоской черепной коробкой, морда – средней длины, с суживающимся, но не резко, щипцом; уши – не слишком длинные, со слегка закруглёнными кончиками, широко расставленные и густо покрытые на внутренней поверхности шерстью; глаза – тёмные, широко расставленные и глубоко посаженные, с живым, умным выражением; губы – чёрные; шерсть на голове, впереди от ушей, короткая и гладкая; чутьё и края век предпочтительно чёрные; но могут быть телесные; челюсти сильные, с ровными зубами.

С п и н а – средней длины, широкая и очень мускулистая.

Г р у д ь – широкая и глубокая; рёбра сильно бочковаты, дающие полный простор сердцу и лёгким.

З а д – очень мускулистый; колени хорошо спущены; коровий постанов скакательных уставов или прямые колени порочны. Зад должен быть хорошо развитым, колени хорошо согнуты, всякий намёк на некрепкие колени или на коровий постанов скакательных суставов строго бракуется.

Н о г и – прямые и мускулисты, богаты костью. Вследствие требуемой глубины груди ноги должны быть умеренно длинными, очень коротконогая собака бракуется.

Л а п ы – длинные, плосковатые и слегка распушенные; подошвы хорошо опушены.

Х в о с т – длинный и пушистый, загнутый на спину или в сторону, когда собака настораживается, иногда опущенный – при отдыхе; крепко или же вдвойне закрученный хвост является пороком.

Р о с т и в е с: кобель – 50,9—55,9 см (20—22 дм) в плечах, 20, 41—42,98 кг (49 3/4—61 фунт), сука – 45,8—50,9 см (18—20 дм) в плечах, 16,35—20,41 кг (39,9—49 3/4 фунта).

Ш е р с т ь – туловище должно быть хорошо покрыто плотным, густым, мягким и коротким подшерстком, сквозь который растёт грубая, образующая наружный покров шерсть, стоящая дыбом и совершенно лишённая завитка.

О к р а с – чисто белый, сливочный; чёрный или чёрно-пегий бракуется.

П р и м е ч а н и е. По нашему стандарту чёрный окрас также характерен, и браковка его из-за большей подверженности воздействию солнечных лучей в летнюю пору мало убедительна.

Вполне взрослая собака должна быть около 21 дм (53 1/3 см) в плечах ростом.

Ненецкая собака, будучи по существу рабочей собакой, должна быть сильной, живой и грациозной, не растянутой в спине, так как слабая спина делала бы её не пригодной для работы в холодном климате. Скомканная колодка, такая, как у «чау», также была бы очень невыгодна для неё как для ездовой собаки. Колодка – не длинная, но мускулистая, глубокая грудь, хорошо выгнутые рёбра, сильная шея, прямое плечо и в особенности сильная поясница – основные требования, которые следует предъявлять к этому типу собак.

По характеру – это умная, живая, деятельная собака и особенно выказывает явную приязнь к человеку.

* * *

1.3. Карельская лайка

Описание старой карельской лайки по Ширинскому-Шихматову (Ливеровский, 1927)

Голова сверху треугольной формы, сухая, но череп сравнительно с зырянской – грубее, менее рельефный, более гладкий. Лоб плоский, шире, чем у зырянской лайки. Щипец острый, длинный. Нижняя челюсть значительно короче верхней. Затылочный бугор выражен резко. Длина черепа от затылочного бугра до линии, соединяющей внутренние углы глазниц, приблизительно равна лицевой части черепа (от этой же линии до конца носа). Характерны развитые косые скулы, свойственные и волку, перелом не резкий.

Ухо острое, короткое (волчье), в концах более распушенное, чем у зырянской лайки. Посажено высоко.

Глаз – темно-коричневый косоугольного разреза.

Нос крупный, черный, с широко раскрытой ноздрей.

Туловище плотное, мускулистое, подобранное в паху. Больше кости, чем у зырянской лайки.

Грудь широкая. Ребро опущено низко. Не бочковатое.

Спина прямая широкая. Высота (в холке) около 62 см. Поясница короткая, мускулистая.

Вся колодка короче, чем у зырянской лайки. Сухая кость ноги, но более толстая, нежели у зырянской собаки. Нога одета довольно богато. Лапа в сухом комке, по следу почти не отличающаяся от волчьей.

Преобладающий цвет – серый различных оттенков, серый с желтизной, темно-серый, очень светло серый (почти белый – цвет тундрянского волка), и наконец, серо-рыжий.

Распределение окраски весьма типично. Оно аналогично волчьему: спина всегда темнее остального туловища и часто имеет темный ремень. Голова и конечности светлее. Подпалины постепенно сливаются с окружающим окрасом, не отделяясь резко от основного цвета.

Хвост пушистый, сверху всегда темный (обычно очень темно-серый), свернут кольцом и прижат к крестцу. Реже носится серпом или поленом (опущенный вниз по волчьей). Псовина не длинная, состоящая из плотного тонкого подшерстка и длинной ости. Загривина и очесы развиты отчетливо и сильно.

Плечи одеты не очень пышно, не особенно косые, высокопередость не типична.

Общее впечатление крупной, сильной, несколько тяжелой, но изящной собаки.

* * *

1.4. Карельская лайка

Описание зверовой карельской лайки по Ширинскому-Шихматову (Пупышев, 1936)

Г о л о в а – сухая, с удлинённой мордой, если смотреть на неё в профиль, и широкая во лбу в виде треугольника, если смотреть на неё сверху.

Ч е р е п по сравнению с зырянской лайкой грубый – менее рельефный и более гладкий.

В о щ е к – чёрный, с широко раскрытыми ноздрями.

У х о – очень острое, стоячее, высокого поставова, менее длинное, чем у зырянской, и в концах более распушенное.

Г л а з – тёмнокоричневый, резко косоугольный.

П л е ч и – не резко косые.

К о л о д к а – короче, чем у зырянской лайки.

С п и н а – совершенно прямая.

Г р у д ь – широкая, сильно развитая.

Р е б р о – широкое, низко опущенное.

Н о г и – не так сухи, как у зырянской, и более толстые, с сухим комком лапы, по следу ничем не отличающегося от волчьего; ноги покрыты шерстью лучше, чем у зырянской лайки.

Т у л о в и щ е – плотное, мускулистое, несколько подобранное в паху.

Х в о с т – пушистый, длинный, носится в большинстве случаев круто в кольцо, на спину или несколько на сторону, реже – серповидный и ещё реже – опущенный вниз по-волчьи.

Ш е р с т ь – довольно грубая, густая, средней длины, с плотным подшерстком.

О к р а с – основной серый, волчий, но может быть с различными оттенками: темно- и светлосерый, серо-рыжий; масть распределяется таким образом, что спина всегда темнее остального туловища, а голова и конечности светлее.

О б щ и й в и д – мускулистый, плотно сложенный, тяжеловатый на ходу собаки.

Р о с т – в среднем 61—62 см.

* * *

1.5. Карельская лайка

Описание промысловой карельской, олонекской лайки по Ивановскому (Пупышев, 1936; ссылка на: Ливеровский, 1931)

Г о л о в а представляет по виду своему середину между головой волка и лисицы, соединение характерных черт обоих упомянутых видов; лоб – довольно широкий, плоский, почти треугольный, морда заостренная.

Г л а з – с косым прорезом, волчий, светлокоричневого цвета, с сильно расширенными значками; выражение глаз очень осмысленное, хитрое; в полутемноте блестят, как у волка, отливая зелёным, редко красным огнём.

У ш и – острые, небольшие, всегда стоячие, как у лисицы, настороженные уши направлены вперёд, немного клонясь к середине головы, друг к другу.

Ш е я – не длинная, но крепкая, мускулистая.

К о л о д к а длиной не должна превышать вышины собаки.

Г р у д ь – глубокая, рёбра спущены ниже локотков. Н о г и – не особенно длинные, но крепкие, отпечаток следа схож с волчьим, но меньше его; прибылые пальцы отсутствуют.

Х в о с т – пушистый, круглый, крепко загнут кольцом и плотно прижат к туловищу; в распрямлённом виде хвост напоминает трубу лисицы.

Ш е р с т ь – пушистая, волос прямой, с крепкой тяжёлой остью и густым, как пух, подшерстком. Распределение псовины весьма характерно: на щеках, на шее и передней части туловища, а в особенности на холке и с боков, сзади локтей

передних лап, волос особенно густ и длинен, так что представляет собой бросающиеся в глаза гриву и бакенбарды. Под гривой, а также вдоль хребта подшерсток особенно густ. При взволнованном состоянии собаки псовина на боках, гриве, холке, хребте и крупе становится дыбом, отчего собака кажется особенно пушистой.

О к р а с – волчий, или лисий, реже чёрный, со светлыми, грязно-белыми подпалинами, и бурый.

Распределение оттенков окраса, как у волка: на хребте темнее, на конечностях – светлее. У чёрных и бурых особей бывают грязно-жёлтые или белесоватые подпалины, красные же подпалины не допускаются.

* * *

1.6. Зырянская лайка

Описание старозырянской лайки по Гембергу (Смирнов, 1936)

Общая характеристика (сокращено). Непокоримая смелость. Широкое применение, начиная с пернатой дичи; работает по медведю, рыси и росомахе. Относительно северных оленей приводятся примеры высшего проявления вязкости, с преследованием вплавь через Печору. Волкообразна по виду, свирепа, рвёт всё живое. Хвост держит по-волчьи; Гемберг объясняет это жестоким обращением со стороны хозяев.

Голова. Средних размеров, широкая между ушами, слегка выпуклая, суживается мало-помалу к морде, достаточно длинной, но не слишком вытянутой. Перелом мало выражен. Губы прижаты. Затылок высок и острый. Уши стоячие, короткие, широкие у основания, с прямой верхушкой и закруглённой. Глаза средней величины, тёмные, живые, с испытующим взглядом.

Колодка. Плотная, шея умеренной длины, грудь широкая, хребет немного удлинённый. Длина тела от конца носа до корня хвоста от 90 до 95 см, высота в холке – 60 – 65 см.

Ноги. Высокие, с гладкой шерстью; задние – с мало выраженными очёсами на гачах.

Лапы. Удлинные, как у волка, сильно обросшие; зимой подошвы богато одеты.

Хвост. Свешивается прямо, иногда слегка загнут у конца, богато одет, как у волка, не образует подвеса.

Волосной покров. Средней длины, достаточно обилён зимой, в иное время гладкий, с подшерстком.

Окрас. Серо-жёлтый, серо-бурый, тёмножёлтый, с чёрными или более тёмнобурыми концами волос, тёмносерый с чёрным налётом; ноги и морда часто бывают светлее.

Имеется и другая форма, дегенерирующая, более слабого сложения, хуже одетая, разнообразной окраски.

* * *

1.7. Вотяцкая (вотская) лайка

Описание породы (Дмитриева-Сулима, 1911)

Вотяцкая лайка преимущественно содержится вотяками (с охотничьей и сторожевой целями), населяющими область, образуемую из частей губерний: Вятской главным образом, Казанской, Пермской и Уфимской.

Вотяцкая лайка несёт обязанности службы охотничьей, сторожевой и *иногда* пастушеской. Органы внешних чувств этой породы развиты великолепно.

По уму, сообразительности, понятливости, сметливости, лайки, если не превосходят прочие породы, то и не уступают им во всяком случае.

Храбрость, самоотверженность – беззаветны, настойчивость в преследовании зверя, а также ловкость лаек замечательны.

По быстроте они уступают борзой, но молодых русаков догоняют в открытой местности. Приспосабливаются ко всякой охоте по перу и дичи, кроме волка, к которому особой злобы не чувствуют, поддаются чрезвычайно легко на его заигрыванья...

Даже выработка стойки возможна, так как хорошая собака, учувшая дичь (перепела, коростеля, бекаса и проч.), сама, в расстоянии сажени, на мгновение останавливается.

Характер вотяцких лаек живой, весёлый, к людям они добры и привязчивы, как и ко всем домашним животным хозяина; иногда добровольно несут пастушеские обязанности. Когда преследуют зверя, ловят за уши и ноги, человека – за пятки.

Окрас псовины большей частью волчий, всех оттенков (рыже-серый – лесных волков, светло-жёлто-серый – луговых и пр.), чёрно-серый, серый, светло-серый, чёрный с серым подшерстком, реже – белый, ещё реже бурый (медвежий, цвет куницы) и самый редкий окрас – лисицы, рыжий. Конечности всегда светлее, имеются так называемые подпалины – морда окрашена светлее головы и очень характерно: всегда жёлтая маска или подпалины. *Мех* тёплый, по характеру – волчий. На шее густые очёсы. *Хвост* пушистый, как у волка, без подвеса, до колен или выше на сантиметр; носится султаном вверх, серпом, кольцом реже.

Глаз тёмно – или светло-коричневый (карий), разрез косой, как у волка.

Чутьё чёрное. Рёбра спущены до локотков и ниже. Сложение плотное и мускулистое.

Широкая грудь. Кость ноги сухая, лапа – плотный комок, без пятого пальца. Отпечаток следа волчий, но когда прыжки доходят до *pes plus ultra*, то след остаётся подобный заячьему.

Ухо стоячее острое, среднего постава, хотя попадаются экземпляры с ухом высоко поставленным, что бросается в глаза, когда собака в очень возбуждённом состоянии. Ласкаясь, она прижимает уши. Морда острая и тонкая в профиль и треугольником *en face*, или вернее – смотря на неё сверху. Голова суха.

Прилагаю таблицу измерений по программе князя Ш.–Ш., сделанную над многими десятками собак. Цифры всегда получаются одни и те же, на что прошу обратить внимание; только рост колеблется от 58 до 65 сантиметров. Представляю средний.

Измерения мною сделанные: задняя сторона черепа между ушными впадинами – 14 сант. Сверху между ушей 12, над глазами – 11. Половина объёма морды пред чутьём – 8. Длина черепа от затылка – 23. Уши: внутренняя линия – 9, внешняя – 11. Грудь – 24. Рост – 60. Длина корпуса от шеи до хвоста – 46. Шея сверху – 20.

* * *

1.8. Остяцкая лайка

Старое описание породы по Гембергу (Смирнов, 1936)

Общий тип. Хорошо сложенная колодка, несколько вытянутая; гибкое, стройное сложение, скрываемое обильным мехом. Средняя высота ног. Встречаются собаки двух групп по росту, крупная почти достигает размеров волка. В среднем на основе массовых измерений, размеры таковы: длина от конца щипца до основания хвоста 90 см, высота в холке 58 см.

Голова. Темя и лоб широкие, сильно выпуклы, соколос среднего развития. Перелом образует тупой, но заметный угол. Щипец средней длины, менее остёр, чем у большинства других лаек. Вошчок блестяще-чёрный. Верхние губы плотно прилегают, но несколько мясисты; брыли незаметны.

Уши. Всегда стоячие, широки у основания, несколько закруглены на конце, слабо наклонены вперёд, богато одеты. Кажутся короче, чем у большинства других лаек, так как у основания прикрыты обильным мехом, особенно сзади.

Глаза. С «монгольским» косым разрезом, с металлическим блеском, чёрные, с красивым живым взглядом, кажутся чрезвычайно маленькими, потому что веки до краёв обросли мягкими короткими волосами.

Шея. Чрезвычайно короткая и крепкого сложения.

Хвост. Длинный, одет обильной шерстью, не образующей собственно подвеса, но направленной во все стороны, однако сильнее и обильнее на нижней. Если его вытянуть, напоминает лисий. Как правило, сильно загнут кольцом, прилежающим либо к правому, либо к левому бедру.

Волосы покров. Обильный, мохнатый, состоит внутри из короткого пуха, над которым возвышается более длинный волос (ость, Н. С.), образующий явственные отчёсы из задней части шеи, на гачах, на задних сторонах передних ног, и обычно обильный воротник, окружающий красивую, хорошей формы голову. Обильный мех идёт вниз на лапы, покрывая их; сильно развит между пальцами и покрывает даже большую часть подушек, сохраняющих только небольшие голые

части. В этом отношении имеется соответствие с песцом. Маленькие щенки напоминают белых медведей, а когда спят в чуме – большие комья снега.

Окрас. Чаще всего сплошь белый, иногда с палевым оттенком. Оба эти цвета считаются наилучшими и доказывают (по понятиям остяков) происхождение этих собак от песца (Скорее от полярного волка, уклоняющегося к светложёлтой окраске). Кроме того, основной белый окрас с большими чёрными пятнами на бёдрах и боках, белый с чёрными ушами, белый с чёрными веками. Наконец, хотя редко, – переходные окрасы к чисто-серому или волчьему. Попадаются и другие окрасы, например: сплошной чёрный. Это необыкновенно красивый тип, во многом напоминающий лопарскую лайку.

* * *

1.9—1.25. Советские довоенные лайки

1.9. Лопарская и самоедская лайки

Описание типичных признаков по Ширинскому-Шихматову (Ливеровский, 1927; ссылка на: Ширинский – Шихматов, 1925)

Еще А. А. Ширинский-Шихматов (Ширинский-Шихматов. Северные собаки. «Природа и Охота», январь 1916 г.) относил лопарскую и самоедскую лайку к одной группе разновидностей северных собак. Такое сближение вполне законно – коренные лопарские и самоедские собаки обладают целым рядом одинаковых или близких признаков, отличающих их в то же время от других отродий лаек.

Перечислим эти признаки по Ширинскому.

Голова – более мелкая, но грубая, широкая в висках и скулах.

Длина морды (лицевой части черепа – от середины линии, соединяющей внутренние углы глазниц до конца носа) – короче, чем длина черепа (от затылочного гребня до линии, соединяющей внутренние углы глазниц).

Укороченность морды сразу бросается в глаза при сравнении лопарских и самоедских лаек с другими разновидностями.

Нос – обязательно черный.

Глаз менее косой, чем у других лаек (цвета коричневого).

Ухо широко поставленное, очень короткое, с туповатым закругленным концом.

Колодка короче, чем у других разновидностей (Лопарская и самоедская лайка своими хозяевами для езды не употребляется).

Ребро бочковатое. Грудь глубокая. Спина широкая со слабым провесом.

Кость тоньше, легче, суше, чем у других разновидностей.

Ширинский отмечал сыроватую, слегка распушенную лапу (стопу) у самоедской собаки. Эта распушенность, мне кажется, объясняется сильным развитием перепонки между пальцев собаки, приобретенной в результате естественного приспособления многих поколений лаек к постоянному быстрому бегу по торфяникам и снегу за оленями.

Форма лапы (стопы) самоедской и лопарской собаки разная. У самоедской лайки – круглая, у лопарской – удлинённая. Форма лапы (стопы) зависит от характера местности, где работали поколения лаек. В гористой местности приобретает удлинённая лапа (стопа), в равнинной, болотистой – круглая (Об этом у Ширинского-Шихматова А. А. Отчет судьи по отделу лаек 1-й Всесоюзной Выставки собак Всесоюзного охотсоюза: «Охотник» за 1925 г. №12.).

Рост несколько меньший, чем у других разновидностей, в среднем от 50—55 см.

Псовина чрезвычайно длинная, густая с очень плотным и нежным подшерстком (пухом). Длина псовины до 10—15 см. Собака одета равномерно густо. Ушей иногда почти не видно в пышной шерсти.

Грива и очесы развиты сильно.

Хвост толстый, короткий, очень пушистый. Свернут в виде плотного кольца и прижат к крестцу.

Длиной и богатством псовины самоедская и лопарская собаки резко отличаются от лаек других разновидностей.

Количество окрасов ограничено; пестрые не встречаются.

Зубы тоньше, относительно ширины – длиннее, чем у многих других лаек.

Лопарская лайка отличалась от самоедской несколько менее грубым черепом, менее длинной псовиной (которая, хотя и превосходила длину псовины у других лаек, но с самоедской равняться не могла), более острым (тоже коротким) ухом, менее бочковатым ребром, другими коренными окрасами, нераспушенной лапой. Среди чистокровных самоедских собак преобладают чисто белые, белые с желтизной, чисто черные. Среди лапландских – черные, с пепельным подшерстком и серые с желтизной.

Лопарская и самоедская собаки ведут свое происхождение от мелкой шакалообразной ископаемой собаки (*Canis palustris*). Одомашнивание оказало на них большое влияние, выразившееся в потере косоглазия, манере закручивать хвост и т. д. Под влиянием своеобразных биологических условий существования они получили еще вторичные признаки; сюда относятся – особое строение стопы, о котором говорилось, и необычайно длинная густая псовина.

На живой организм хуже всего действует не низкая температура сама по себе, а соединение низкой температуры с ветром.

Самоедская лайка – обитательница открытых тундрных пространств, подверженная как раз влиянию низкой температуры с ветром, приобрела наиболее длинную и густую псовину.

Лопарская лайка – обитательница смешанного ландшафта, где высокогорная тундра чередуется с лесами в долинах, – имеет псовину менее развитую.

Основное назначение самоедской лайки – пасти и охранять стада оленей. Правда, в качестве охотничьей она может употребляться тоже.

* * *

1.10. Лопарская лайка

Стандарт лопарской оленней собаки Норвежского Кеннель-Клуба в переводе Н. А. Смирнова (1936)

Общее впечатление. Лопарская собака – типичная лайка, несколько ниже среднего роста, с плотным туловищем, скорее низкая, чем высокая на ногах, с богатым, почти мохнатым волосяным покровом, прямостоящими, острыми ушами; с хорошо загнутым, выше спины носимым хвостом; окрас довольно разнообразен, умна и живого темперамента.

Голова. Широкая между ушами, лоб и темя выпуклые; немного выступающий затылочный гребень; хорошо выраженный перелом; щипец скорее короткий, чем длинный, более широкий у основания, постепенно, но не сильно суживающийся к концу при взгляде как сверху, так и в профиль; верхний профиль щипца прямой; губы плотно прижатые.

Уши. Прямостоячие, короткие, широкие у основания, островершинные, посаженные довольно далеко друг от друга и очень подвижные. Когда собака прислушивается, отверстия ушных раковин направлены вперед. При волнении, выражении дружественных чувств и т. д. уши закладываются назад (у молодых собак, примерно, до года, уши часто согнуты у вершины, но вообще требуется прямостоячее ухо).

Глаза. Расставлены довольно далеко, почти горизонтально прорезаны, большие, круглые, от светло до темнокоричневого цвета, серьезные, выразительные.

Шея. Средней длины, сухая и сильная.

Колодка. Плотная, несколько длинноватая в отношении вышины животного; грудь скорее глубокая, чем широкая, спина прямая, живот лишь слегка подтянут.

Ноги. Прямые и сильные, невысокие.

Лапы. Крепкие, несколько удлинённые, плотные, с густо обросшими пальцами, которые вследствие этого выглядят длиннее, чем на самом деле. Шпоры нежелательны.

Хвост. Короче средней длины, усажен длинными, густыми и пышными волосами, которые не образуют подвеса, а направлены во все стороны; носится крепким кольцом выше спины. На быстром бегу и в страхе хвост свешивается, но и тогда более или менее согнут. Иногда встречаются куцые от природы, что лишает права на премии первого разряда. По практическим соображениям (снег и экскременты легко примерзают к длинной шерсти хвоста и мешают движениям собаки) лопари часто обрубают хвосты, а потому обрубленные хвосты не дисквалифицируют, но, как и куцые от природы, лишают права на премии первого разряда.

Волосяной покров. Богатый, длинный, пышный, почти мохнатый, гладок только на передней стороне ног и на голове. Волос ни в коем случае не должен быть курчавым или волнистым; длиннее всего на груди и на шее, где образует так называемый воротник, также на гачах, на задней стороне передних ног и на хвосте. В основании меха находится густой слой подшерстка. При ближайшем рассмотрении, особенно во влажном состоянии, каждый отдельный волос (как ость так и подшерстка) оказывается чрезвычайно тонко завитым.

* * *

1.11. Финская лайка

Стандарт Финского Кеннель-Клуба в переводе Н. А. Смирнова (1936)

Голова. Средне величины, сухая, затылок и лоб мало выпуклы, но перелом довольно резко выражен.

Щипец. Узкий и лисообразный, верхняя сторона прямая и слегка выпуклая, одинаковой ширины от глаз до носа, который должен быть чёрного цвета. Не дисквалифицирует более тёмный оттенок в области носа и губ, но не допускается совсем чёрная окраска и толстый мясистый щипец.

Губы. Плотны закрытые, тонкие и без брылей.

Уши. Покрывают короткой, тонкой шерстью, часто несколько более тёмного цвета, в высшей степени подвижные, высоко посаженные, острые, средней ширины и длины и туго стоячие. Расстояние между ушами, когда они направлены наперёд, относительно коротко. Недостатки: уши, направленные вперёд под острым углом, косо поставленные, с густо одетым отверстием и свешивающимися верхушками.

Глаза. Средней величины, овальные и косо расположенные, с выражением добродушным, но живым и энергичным; цвет глаз варьирует, но чаще всего жёлто-коричневый или тёмнокоричневый.

Шея. Средней длины, мускулистая.

Спина. Прямая, широкая и короткая.

Крестец. Прямой, не свислый.

Грудь. Выпуклая, не слишком широкая, но глубокая, брюхо мало подтянутое.

Ноги. Пропорциональны туловищу, средней длины, сильные и прямые; в скакательном суставе тоже прямые; гачи сзади покрыты густой и длинной шерстью, шпор нет.

Лапы. Сильные, с закругленным углом благодаря умеренно сводчатому строению пальцев.

Хвост. Высоко посаженный и толстый в корне, более средней длины с пышным длинным, блестящим подвесом; носится загнутым выше спины, с концом, направленным назад и плотно прижатым к бедру.

Пороки. Хвост дугой, загнутый выше спины или калачом над спиной, с концом, лежащим на ней; загиб крючком в конечной части и свешивающийся вниз хвост.

Волосной покров. На голове и передних ногах гладкий, короткий и плотно лежащий; на туловище прямо стоящий, мохнатый, с особенно длинной остью на спине, в основании меха имеется короткий, густой и мягкий подшерсток. На загривке, на плечах, на шее и на груди волос должен быть удлинён, образуя так называемый воротник.

Окрас. Лисий – рыжий или жёлто-рыжий, брюхо и подвес на хвосте несколько светлее, а конец хвоста часто белый; не дисквалифицирует белая пометка на груди и белые лапы.

Пороки. Чёрный, волчий и прочие оттенки окраса не допускаются, как и белые отметины на других частях тела, кроме указанных выше.

Размеры. Высота в плечах – 40 – 45 см.

* * *

1.12. Финно-карельская лайка

Временный стандарт, принятый секцией кровного собаководства Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта при СНК СССР (Вахрушев, Волков, 1945)

1. Общий вид: наиболее мелкая по росту из охотничьих лаек, лёгкого и сухого сложения, энергичная и ловкая в движениях собака.

2. Голова: шакалообразная по форме, относительно узкая (по сравнению с другими породами лаек) во лбу и слегка овальная в теменной части. Затылочный бугор слабо выражен. Перелом пологий.

Недостатки: грубокостная и сырая голова, куполообразный череп, чрезмерно развитой затылочный бугор.

3. Морда: заметно короче лицевой части и лисообразная, т. е. ясно суживается от основания к носу как при взгляде сверху, так и сбоку. Верхняя линия профиля совершенно прямая. Зубы мелкие с тонкими и несколько загнутыми назад клыками. Прикус ножницеобразный.

Недостатки: короткая, широкая и тупая морда, чрезмерно длинная морда, кариозные зубы.

Пороки: подуздчатость, бульдожина.

4. Нос (чутьё): влажный, всегда чёрного цвета, с широкими подвижными ноздрями.

Недостатки: сухой малоподвижный нос с узкими отверстиями ноздрей.

Пороки: телесный цвет слизистой оболочки носа, а также частичная депигментация.

5. Губы: тонкие, плотно сомкнутые.

Недостатки: намёк на брылястость и толстые мясистые губы.

Пороки: отвислые брыли и распушенные тестообразные нижние губы, квадратный обрез губ.

6. Глаза: коричневого или тёмнокоричневого цвета, овальные в умеренно косом разрезе, который более прям, чем у карельских и коми (зырянских) лаек. Взгляд открытый, живой.

Нежелательны: слезящиеся глаза с тупым простоватым взглядом.

Недостатки: отвислые веки. Подопревшие глаза с веками телесного цвета.

Пороки: глаза навывкате, белёсые глаза.

7. Уши: покрыты короткой тонкой шерстью, подвижные, высоко посаженные, формы вытянутого равнобедренного треугольника с острой вершиной, выше, чем у карельских лаек, держатся строго напряженными.

Недостатки: уши вялые, направленные вперёд под острым углом или косо поставленные в стороны (раскинутые).

Пороки: полустоячие уши со свисающими верхушками (типа «колли»).

8. Шея: сухая и тонкая, средней длины, несколько длиннее по сравнению с карельскими лайками.

Недостатки: слишком короткая шея, слабая, загруженная в плечах, с подвесом.

Пороки: хилая переразвитая шея.

9. Туловище (колодка): по длине почти равно высоте в холке (квадратная сложка), крепкое, но лёгкое, с заметно подобранным животом.

Недостатки: колодка растянутая, вальковатая, с прибрюшиной, излишне массивная, явная борзоватость.

Пороки: жидкая недоразвитая (в щенячьих ладах) колодка.

10. Плечи: с косо поставленными лопатками, которые по длине равны плечевой кости и предплечью.

Недостатки: прямоватый постав лопаток, бедная мускулатура плеча, сильно загруженные плечи.

11. Грудь: глубокая (грудина спущена до локотков), скорее килевидной формы, с рёбрами менее выгнутыми, чем у других пород лаек. Ложные рёбра слабо развиты.

Недостатки: распахнутая грудь, грудина резко выступающая углом впереди лопаток, излишне бочковатое ребро, длинные ложные рёбра.

Пороки: впалая недоразвитая грудь.

12. Спина: прямая, ровная, крепкая и короткая.

Недостатки: спина с переслежиной, карпообразная спина.

Пороки: провислая слабая спина.

13. Крестец: прямой короткий.

Недостатки: слишком короткий крестец, свислый крестец.

Пороки: беднокостный слабый крестец, шилозадость.

14. Ноги: передние очень сухие, относительно тонкие, прямо поставленные, с очень малым наклоном пясти. Ноги задние очень сухие, прочные. Голень по сравнению с бёдрами значительно длиннее, чем у других охотничьих лаек (карельской, коми-зырянской). Часто встречается в противоположность карельскому типу нога вопреямь, что нежелательно.

Пороки: слабость, ослабленные вихляющие запястья, выдающиеся вперёд с резким перехватом у пясти, общая рахитичная сложка, саблистость задних ног.

15. Лапы: некрупные, лисообразные, подтянутые в пальцах, в плотном комке, подошва слабо опушена. Прибылые пальцы нежелательны.

Недостатки: распушенные лапы, размёт передних и задних ног, косолапость их (коготками внутрь).

16. Хвост: пышно одетый, с ясно удлиненной шерстью на нижней стороне, носится крутым кольцом.

Недостатки: низко посаженный длинный хвост с длинным редким подвесом.

17. Шерстный покров (псовина): разделяется на сравнительно короткую ость и густой мягкий подшерсток. Лайка одета непышно, но очёсы и грива ясно заметны.

Недостатки: чрезмерная пышность, указывающая на примесь ненецких и лопарских лаек.

18. Окрас: лисий – от огненнорыжего до светлорыжего и палевого, с постепенным посветлением основного фона к концам ног и животу, рыже-бурый (шакалий) окрас с более тёмной спиной и рыжеватыми конечностями. При всех окрасах допустимы белые чулки, отметины на груди и конце хвоста. Однородно серый окрас нехарактерен. Чёрный и чёрнопегий окрасы – недостаток, говорящий о скрещивании с другими породами.

19. Рост (высота в холке): от 40 см для сук и 42 см для кобелей, средний 42 – 45 см для сук, 45 – 48 см для кобелей.

* * *

1.13. Карельская лайка

Официальный стандарт, принятый Всесоюзным кинологическим совещанием 1939 г. (Вахрушев, Волков, 1945)

1. Общий вид: несколько грубокостная, приземистая, но энергичная и ловкая в движениях собака.

2. Голова: приближается к волкообразной, но сухая; лоб и теменная часть широки и более плоски, чем у коми лайки; затылочный бугор хорошо заметен; небольшой, но ясно выраженный перелом (переход от черепных к носовым костям).

Нежелательны: чрезмерно грубокостная и сырая голова; голова с куполообразным черепом, без ясно заметного затылочного бугра.

Крайние отклонения от стандартных форм говорят о метисном происхождении экземпляра.

3. Морда: несколько короче, чем черепная часть, широкая у основания, суживающаяся к концу при взгляде сверху; при взгляде сбоку это сужение едва заметно. Верхняя граница профиля совершенно прямая. Зубы крепкие, с прямыми клыками, с правильным ножницеобразным прикусом.

Недостатки: короткая, широкая и тупая морда, кариозные зубы.

Пороки: подуздчатость и бульдожий прикус.

4. Чутьё (нос): влажное, крупнозернистой структуры, только чёрного цвета, с широкими подвижными ноздрями.

Нежелательны: сухой малоподвижный нос с узкими отверстиями ноздрей.

Пороком является телесный цвет слизистой оболочки, а также частичная депигментация.

5. Губы: тонкие, плотно сомкнутые, с характерным волчьим обрезом.

Недостатками являются: квадратный обрез губ, намёк на брылястость и толстые мясистые губы.

Пороки: отвислые брыли и распушенные тестообразные нижние губы со свисающей оторочкой.

6. Глаза: косоугольного разреза, но довольно открытые, с осмысленным и живым (хитроватым) выражением. Цвет глаз от коричневого до тёмнокоричневого.

Нежелательны: слезящиеся глаза с тупым простоватым взглядом.

Недостатки: прямой разрез глаз, отвислые веки, подопревшие глаза с веками телесного цвета.

Пороки: глаза навывкате и белёсые, обычно указывающие на наследуемое общее ослабление конституции.

7. Уши: покрыты коротким тонким волосом, часто несколько более тёмного цвета, чем окрас шерстного покрова, острые, размером как у лайки типа коми (зырянской). Посажены высоко, между концами несколько более расширены, чем у коми (зырянских) лаек.

Недостатки: вялые неэнергичные уши, распушенные уши.

Пороки: полустоячие уши со спадающими вершинами (типа «колли»), указывающие на метизацию с другими породами.

8. Шея: недлинная, но крепкая, мускулистая.

Недостатки: Слишком длинная узкая шея; шея загруженная в плечах, с подвесом.

Пороки: слабо развитая, хилая, переразвитая шея.

9. Колодка: плотно сбитая, короче, чем у хантейских (остяцких) лаек, но производит впечатление удлинённой благодаря некоторой приземистости собаки. Кость массивная, живот умеренно подобран в пахах.

Недостатки: растянутая колодка, борзоватый вид, очень сырая грубая колодка с прибрюшиной.

Пороки: слабость – свидетель общей слабости конституции.

10. Плечи: с мускулистыми, косо лежащими лопатками; с несколько более длинными плечевыми костями, чем у финских лаек.

Недостатки: прямоватый постанов лопаток; бедная мускулатура плеча; сильно загруженные плечи, свойственные общей лимфатичности сложения.

11. Грудь: мощная, мускулистая, глубокая (грудина опущена до и даже ниже уровня локтевых отростков); ложные рёбра длинные и хорошо развиты, вообще передняя треть туловища развита мощнее, чем задняя, и производит впечатление массивности.

Недостатки: распахнутая грудь, грудная кость, резко выступающая острым углом впереди плече-лопаточных сочленений; короткие ложные рёбра.

Пороки: узкая грудь и лещеватые рёбра; впалая, недоразвитая, неглубокая, беднокостная грудь, указывающая на угнетение дыхательной системы организма.

12. Спина: широкая, прямая, без высокоперёдости. Поясница с некоторой напружиной, короткая, мускулистая.

Недостатки: спина с переслежиной, карпообразная спина.

Пороки: слабостная, безмускульная, узкая, провислая спина.

13. Крестец: слегка покатый, с прочной костью. Ширина в тазобедренном сочленении меньше, чем в плечах.

Недостатки: слишком короткий крестец, свислый крестец.

Пороки: узкий слабый крестец, шилозадость.

14. Ноги передние: сухие, но более толстые, чем у лаек коми (зырянских), благодаря более массивному костяку, постанов ног прямой.

15. Ноги задние: прочные, мускулистые, но в сравнении с волкообразными лайками бедро и плюсна несколько короче, голень относительно длиннее.

Недостатки: слабо развитая мускулатура конечностей; значительная высокопередость или высокозадость; развёрнутые локти; косолапость; локотки, прижатые внутрь; иксообразное сближение в костях запястья; коровий постанов; саблистость задних ног; удлинённые пясти, плюсны с чрезмерным наклоном их (подлыжеватость).

Пороки: слоновый постанов задних ног (ноги впрямь); слабостность конечностей; запястье ослабленное, выдающееся вперёд, с резким перехватом у пясти (вроде козинца); слабый скакательный сустав, связанные движения.

16. Лапы: крупные, волкообразные, с удлинёнными средними пальцами, с плотно сжатыми пальцами (в комке).

Нежелательны: прибылые пальцы.

Недостатки: распушенные пальцы, развёрнутые в стороны (размёт) передние и задние лапы; косолапость их (коготками внутрь).

17. Хвост: пушистый, свёрнут в кольцо и концом прижат к крестцу или к тазобедренному сочленению правой или левой конечности; реже носится серпом или поленом; верхняя его сторона всегда заметно темнее окрашена, чем нижняя.

Недостатки: чрезмерно длинный хвост (конец ниже пяточного бугра), саблевидный, с длинным редким подвесом (перообразный, сеттерный).

18. Псовина (шерсть): типично дифференцирована на сравнительно короткую (4,5 – 5 см) ость и очень плотно растущий тонкий пух (подшерсток); ость на нижней стороне хвоста достигает 9 см. Очёсы и грива (воротник) не очень пышно развиты, но всё же выделяются, особенно зимой. Ноги одеты довольно богато.

19. Окрас: волчий всех оттенков, от чёрносерого до палевосерого и серопегего, с типичным распределением пигмента, т. е. с более тёмной окраской спины, черепной части, внешней стороны ушей и верхней стороны хвоста, с постепенным побледнением и посветлениями по направлению к концу морды, к животу, к концам конечностей, к нижней стороне хвоста; часто белые концы лап и конец хвоста.

20. Рост (высота в холке): от 45 см для сук и 47 см для кобелей, средний 50 – 55 см для кобелей и 48 – 53 см для сук.

* * *

1.14. Зырянская лайка

Экстерьерные признаки зырянской лайки (Ливеровский, 1927)

Голова сухая, сверху треугольной формы, не очень широкая во лбу (у сук уже, чем у кобелей), щипец тонкий, острый, длинный, нижняя челюсть значительно короче верхней. Затылочный бугор выражен резко. Длина черепа от затылочного бугра до линии, соединяющей внутренние углы глазниц, приблизительно равна лицевой части черепа – от этой же линии до конца носа. Лобные пазухи развиты более, чем у карельской собаки старого типа, но не очень. Лоб достаточно плоский, и собаку нельзя назвать лобастой. Перелом не резкий.

Ухо острое, длинное, довольно широкое в основании (около 7 сант. в среднем).

Уши посажены довольно высоко, держит их собака близко друг к другу (в состоянии внимания).

Глаз коричневый, небольшой, слегка удлинённо прорезан, поставлен мало косо.

Чутьё крупное, однотонно черного цвета, с широко открытой ноздрей (темно-коричневый допустим только у белых экземпляров, обычно, уже не чисто зырянских).

Туловище – легкое, плотное, мускулистое, слегка борзоватное, грудь глубокая и притом широкая между плечелопаточными сочленениями (в среднем 14—15 снт.); шея короткая, мускулистая, хотя загривок всегда преувеличивает ее толщину. Спина прямая, широкая (у кобелей в особенности).

Колодка не растянутая, но длинноватая (в особенности у суки). Часто встречающаяся растянутость есть или индивидуальный порок, или следствие примеси вогульской крови.

Отношение длины всей передней конечности к длине тела, считая от конца носа до основания хвоста, у зырянской лайки 59%. Проф. А. А. Смирнов указывает у волков аналогичные цифры, у прибитого 66%, у матерого 71%. Шакалы дают % более низкий – самки 46%, самцы 41%.

В общем колодка зырянской лайки длиннее, чем у карельской.

Поясница (от последнего спинного позвонка до начала крестца) недлинная, мускулистая.

Крестец – короткий, не свислый.

Плечи – прямые.

Высокопередость – незначительная, меньше чем у вогульской лайки (на высокопередость указывал Ширинский-Шихматов).

В. И. Белоусов (В. И. Белоусов (Опыт обследования соболиного промысла и промысловой охоты вообще в Чердынском и Верхотурском уездах Пермской губернии).), в свое время обследовавший зырянскую лайку на Печоре и Урале, определяет ее среднюю высоту в 65—70 см. (Ширинский-Шихматов – 60—61 см.). Произведенные мною измерения даже для Печорского района не дают подобной цифры. Средней высотой зырянской лайки нужно считать 56 см. с отклонением в обе стороны на 2—3 см. В редких случаях отдельные экземпляры достигают 60—65 см. Выше 65 см. мне собаку видеть не удалось (Вероятно, средний рост зырянской лайки со времени Ширинского-Шихматова до наших дней (за 30—40 лет) под влиянием вырождения уменьшился.).

Кость в ногах, как на то указывал еще Ширинский-Шихматов, сухая, тонкая, легкая с собранной в комок лапой (стопой).

Мускулатура обычно сухая, прекрасно развитая.

Костяк развит хорошо. Многие лайки часто страдают излишней костистостью, утяжеляющей собаку. Ребро производит впечатление низко опущенного, но меньше, чем у карельской, и в особенности вогульской лайки.

Типичной для зырянской собаки будет манера носить хвост в виде некрутого завитка, слегка положенного на крестец и очень редко в виде плотной спирали.

Преобладающим цветом типичной зырянской лайки еще Ширинский-Шихматов считал черный с подпалинами. Черный цвет остался наиболее типичным и сейчас. Кроме того, встречаются типичные экземпляры различных оттенков серого: светло-серо-желтые, темносерые волчьи, серые с голубизной. Пестрые окрасы обычно не встречаются в константных экземплярах зырянской лайки и указывают, если не на прилитие совершенно посторонней крови, то, во всяком случае, на скрещивание между отродиями. Точно также не редкий на Печоре и редкий на Вычегде – белый окрас встречается у экземпляров с вогульской или самоедской кровью. Желтый (лисий) окрас не типичен и встречается очень редко.

Псовина зырянской лайки – не длинная. Она, как, впрочем, и псовина всех отродий лаек, состоит из плотного тонкого пуха (подшерстка) и более грубой длинной прямой ости (шерсти). Подшерсток всегда или светлее ости или реже другого оттенка. Например, у черных зырянских собак он бывает темно-серого или темно-бурого.

Грива – (род широкого пушистого ошейника, образованного более длинным прямым волосом) и очесы (нечто вроде бакенбард на месте соединения головы и шеи) развиты не очень сильно.

Плечи одеты богаче, нежели остальная часть туловища.

Голова и ноги покрыты короткой шерстью с незначительным подшерстком.

Распределение масти, столь характерное для карельской лайки, когда спина темнее основного туловища и окраска постепенно светлеет к конечностям, причем конечности и голова светлее даже у серых зырянских собак, – выражено слабо. Общее впечатление легкой, быстрой, изящной собаки.

* * *

1.15. Коми (зырянская) лайка

Официальный стандарт, принятый Всесоюзным кинологическим совещанием 1939 г. (Вахрушев, Волков, 1945)

1. Общий вид: лёгкая, подтянутая (как бы борзоватая), стройная, чуть высокопередая, очень ловкая и вёрткая в движениях собака.

2. Голова: лёгкая, сухая, при взгляде сверху очертания могут быть схематично уложены в равносторонний треугольник, т. е. она шире в лобной и затылочной части, чем у маньсийской (вогульской) лайки, у которой очертания головы похожи на равнобедренный треугольник; черепная коробка несколько овальна в теменной части, заканчиваясь ясно прощупываемым затылочным бугром; лобные пазухи развиты несколько сильнее, чем у карельской лайки; переход от черепных к носовым костям (перелом) замечен, но не крут, а постепенен.

Недостатки: грубая, тяжёлая, сырая голова с куполообразным черепом, без ясно выраженного затылочного бугра; лобастая голова с крутым резким переломом.

Крайние отклонения от стандартных форм являются пороками, говорящими о метисном происхождении.

3. Морда: при взгляде сбоку – с совершенно прямым верхним профилем, по форме своей остроклинообразная, длина её чуть меньше черепной части (на глаз почти равная). При взгляде сверху сужена до основания клыков. Зубы крепкие, с правильным ножницеобразным прикусом, но клыки и плотоядные менее развиты, чем у волкообразных лаек.

Недостатки: короткая и широкая морда, кариозные зубы.

Пороки: подуздчатость и бульдожий прикус.

4. Чутьё (нос): нос влажный, ясно заметной зернистой структуры, только чёрного цвета, с широкими подвижными ноздрями; далеко выдаётся вперёд, образуя в профиле вместе с верхней губой вершину острого клина.

Нежелательны: маловыдающийся нос с узкими отверстиями ноздрей; нос сухой, малоподвижный.

Пороками являются телесный и бледнокофейный цвета носа, а также частичная депигментация.

5. Губы: тонкие, очень плотно облегающие верхнюю и нижнюю челюсти, с пологим обрезом от носа к углу губ, почему нижняя челюсть кажется как бы укороченной.

Недостатками являются: намёк на брылястость и толстые верхние губы, перекрывающие нижнюю челюсть.

Отвислые брыли и мясистые нижние губы являются пороком, говорящим о метисном происхождении.

6. Глаза: тёмнокоричневого или коричневого цвета, небольшие, нешироко расставленные, разрез век слегка косой, меньше, чем у хантейской (остяцкой), маньсийской (вогульской) и карельской лаек. Взгляд живой, открытый и весёлый.

Недостатки: совершенно прямой разрез век, отвислые веки, подопрелые глаза с веками телесного цвета; слезящиеся, маленькие, прищуренные, глубоко сидящие глаза, светлокоричневые глаза.

Пороки: глаза белесоватые и светложёлтого цвета, а также глаза на выкате, с тупым взглядом. Такие глаза обычно указывают на общее ослабление конституции.

7. Уши: прямо стоящие, посажены высоко, более длинные, чем у хантейской (остяцкой), но короче, чем у маньсийской (вогульской) лайки; по форме имеют вид треугольника, с широким основанием и чуть закругленной вершиной (менее острой, чем у маньсийских лаек). Вершины ушей не распушены в стороны.

Недостатки: вялые неэнергичные уши, распушенные уши.

Пороки: чрезмерно развёрнутое крупное ухо (типа немецких овчарок), мясистое ухо с полукруглой вершиной (медвежье), уши на хряще, но с падающей вершиной (типа «колли»), указывающие на метисное происхождение.

8. Шея: довольно длинная, мускулистая, благодаря сильно обросшему загривку кажется короче.

Недостатки: слишком длинная узкая шея; шея, загруженная в плечах, с подвесом.

Пороки: хилая переразвитая шея.

9. Колодка: лёгкая, сухая, мускулистая, по длине почти равная высоте в холке, короче, чем у маньсийской, карельской и особенно хантейской лаек, подобрана в пахах (чуть борзоватая), наблюдается небольшая высокоперёдность.

Недостатки: растянутая колодка, сырая, грубая, с прибрюшиной.

10. Плечи: мускулистые, прямоватые, прямее, чем у хантейской и карельской лаек.

Недостатки: бедная мускулатура плеча, сильно загруженные плечи (свойственные общей лимфатичности конституции).

11. Грудь: широкая, довольно глубокая (грудина большей частью доходит до уровня локтевых отростков). Ложные рёбра недлинные, но хорошо развитые. Ширина в плечелопаточных сочленениях несколько больше ширины за лопатками.

Недостатки: распахнутая грудь, грудная кость, заметно выступающая острым углом впереди плечелопаточных сочленений, заметный перехват за лопатками.

Пороки: узкая грудь и лещеватые рёбра, впалая, недоразвитая, беднокостная грудь с грудиной, не достигающей до линии локотков.

12. Спина: почти прямая при незначительной высокоперёдности, поясница короткая, слегка выгнутая (с напряжённой); часто встречающаяся небольшая переслежина в спине не может считаться недостатком при наличии крепости и мускулистости всей спины.

Недостатки: слабомускулистая мягкая спина с заметной переслежиной.

Пороки: слабостная, узкая, провислая спина.

13. Крестец: почти прямой, коротковатый, с прочной костью, менее покатым, чем у карельской и хантейской лаек.

Недостатки: совершенно прямой и очень короткий крестец, свислый крестец.

Пороки: узкий слабый крестец, шилозадость.

14. Ноги передние: кости ног тонкие, лёгкие, с относительно длинным предплечьем и короткой пястью, покрыты стройной сухой мускулатурой, постанов вертикальный.

15. Ноги задние: с хорошо развитой сухой мускулатурой, лучковой формы (плюсны выдаются немного вперёд при ясно выраженном угле скакательного сустава).

Недостатки: слаборазвитая или сырая лимфатичная мускулатура конечностей; высокозадость, развёрнутые локти, косолапость; локти, прижатые внутрь, коровий постанов, саблистость задних ног; удлинение пясти и плюсны с сильным наклоном (подлыжеватость).

Пороки: слоновий постанов задних ног (ноги впрямь); слабостность конечностей; ослабленные, вихляющиеся запястья, выдающиеся вперёд, с резким перехватом у пясти (вроде козинца), общее рахитичное сложение, слабый скакательный сустав.

16. Лапы: небольшие с плотно сжатыми пальцами (в комке) более овально закруглённой формы, чем у карельской и маньсийской лаек.

Нежелательны прибылые пальцы.

Недостатки: распушенные пальцы, размёт передних и задних лап, косолапость (лапа коготками внутрь).

17. Хвост: носится кольцом, некруто завернутым на спину, иногда образуя неполное кольцо, с концом, свисающим на бок крестца; богато одет шерстью, причём ость на нижней части хвоста длиннее, но подвеса не образует, в развёрнутом состоянии достигает скакательного сустава.

Недостатки: чрезмерно длинный хвост (конец ниже пяточного бугра) с длинным редким подвесом (перообразный, как у сеттеров).

18. Псовина (шерсть): собака одета плотной недлинной шерстью, более короткой, чем у карельских лаек, с густым тонким подшерстком и прямой остью.

Очёсы и грива выражены меньше, чем у других пород лаек, но всё же заметны (особенно зимой); лицевая часть головы и передняя сторона ног одеты плотной короткой шерстью без подшерстка; на задней стороне ног шерсть несколько длиннее.

Недостатки: мало дифференцированный, однородный, мягкий шерстный покров, курчавый (вихрястый) волос, пышные штаны на задних ногах.

19. Окрас: чисто чёрный, чёрный с белыми отметинами, чёрнопегий, волчий, серый разных оттенков, серопегий, с постепенным переходом от светлых подпалин к основному окрасу псовины.

Недостатки: нежелателен рыжий окрас как нетипичный.

Пороки: окрас кофейный, кофейнопегий, пигментированные участки, расположенные на светлом фоне мелким крапом. Такие окрасы обычно говорят о метизации с другими породами.

20. Рост (высота в холке): от 45 см для сук и 47 см для кобелей; средний: 50 – 55 см для кобелей и 48 – 53 см для сук.

* * *

1.16. Вогульская лайка

Описание вогульской лайки коренного типа по Ширинскому-Шихматову и Швецову (Ливеровский, 1927)

Экстерьер вогульской лайки еще 30—40 лет назад был изучен Ширинским-Шихматовым. В наше время вогульскую лайку описывал Н. Швецов (Швецов. О вогульской лайке в современном ее состоянии. «Уральский Охотник» №1, 2 1927 г.), использовавший данные Ширинского и свои собственные наблюдения.

Дадим описание вогульской лайки коренного типа по Ширинскому-Шихматову – Швецову.

Окрас черный, белогрудистый, с ошейником; кончик хвоста белый, чисто белый, чисто серый и серый белогрудистый с ошейником, кончик хвоста белый, на носу проточины.

Морда острая, сухая, удлинённая, с нерезким переломом и узким черепом.

Острое и высокое ухо поставлено так, что расстояния между основаниями и концами ушей равны.

Очень косой разрез глаза; цвет темно-коричневый или черный; чутье черное, темно-коричневое или коричневое, однотонное, темное, ровное.

Псовина густая, прямая, сравнительно небольшой длины, но более длинная, чем у остяцких и зырянских лаек, с густым мягким подшерстком (как и у других разновидностей). Ноги одеты слабо. Грива и очесы у вогульской лайки развиты слабо. Плечи одеты пышно.

Грудь сильная, но скорее может быть названа глубокой, чем широкой.

Пушистый длинный хвост лихо закручен кольцом или серпом. Иногда лайка распускает его поленом.

Прямая спина.

Длинная колодка.

Живот в назад подобран.

Умеренная высокопередость, особенно у кобелей, будет типичной.

Высота 60—62 см.

Вогульская лайка отличалась высокими охотничьими качествами и злобностью к зверю.

* * *

1.17. Вогульская лайка

Описание породы по Н. Швецову (Пупышев, 1936)

Г о л о в а – с узким черепом, нерезким переломом и с острой, сухой, удлинённой мордой.

У х о – очень острое и высоко поставлено, так что расстояния между основаниями и концами ушей равны; полустоячее ухо не допустимо.

Г л а з – с косым разрезом, тёмнокоричневый, коричневый или чёрный; круглый, светлый глаз не допустим.

В о щ е к – чёрное, тёмнокоричневое и коричневое, обязательное однотонное тёмное и ровное.

П л е ч о – прямое, способствует высокопередости.

Г р у д ь – сильная, хорошо развитая, скорее глубокая, чем широкая.

Ж и в о т – в паху подобран.

К о л о д к а – длинная.

Х в о с т – пушистый, длинный, лихо закручен кольцом или серпом на спину, иногда бывает распущен поленом.

В ы с о к о п е р е д о с т ь – умеренная, в особенности она будет типичной для кобелей.

О к р а с – чёрный, белогрудистый с ошейником, кончик хвоста белый; чисто-белый, чисто-серый (стального оттенка) и серый белогрудистый, с ошейником; кончик хвоста – белый, на носу – проточина; пегий и рыжий окрасы не допустимы.

Р о с т – в среднем 61 – 63 см.

* * *

1.18. Маньсийская (вогульская) лайка

Официальный стандарт, принятый Всесоюзным кинологическим совещанием 1939 г. (Вахрушев, Волков, 1945)

1. Общий вид: зверовидной, крепкой, энергичной и смелой в движениях, несколько высокопередой (особенно кобели) собаки.

2. Голова: удлинённая, но не тяжёлая, при взгляде сверху представляет (схематично) равнобедренный треугольник, у которого высота значительно больше основания. Черепная коробка плоская, узкая, уже, чем у всех других пород лаек; длина лицевой части равна или незначительно короче мозговой части черепа. Теменной гребень ясно очерчен, затылочный бугор выделяется. Переход от лобной кости к носовым (перелом) слабовогнутый, не крутой и не резкий.

Нежелательны: чрезмерно грубокостная и сырая голова, голова с куполообразным черепом, без ясно заметного затылочного бугра; голова с высоким крутым переломом.

Крайние отклонения от стандартных форм говорят о метисном происхождении экземпляра.

3. Морда: острая, длинная, но не узкая при взгляде сверху, с некоторым расширением в области клыков. Верхняя граница профиля носовых костей прямая или с чуть заметной горбинкой, зубы массивные, особенно плотоядные и клыки; резцы с правильным ножницеобразным прикусом.

Недостатки: короткая тупая или лисообразная морда, кариозные зубы.

Пороки: подуздчатость и бульдожий прикус.

4. Чутьё (нос): чёрное, у чисто белых встречается коричневого цвета, однотонное, сильно выдающееся вперёд, влажное, с зернистой структурой, с широкими подвижными ноздрями.

Нежелательны: сухой, малоподвижный нос, с узкими отверстиями ноздрей.

Пороком является телесный цвет мочки, а также частичная депигментация.

5. Губы: плотно обтягивают челюсти, довольно тонкие, с характерным волчьим обрезом от носа к углу губ, благодаря чему нижняя челюсть кажется несколько меньше верхней.

Недостатки: квадратный обрез губ, намёк на брылястость и толстые мясистые губы.

Пороки: отвислые и распушенные брыли, тестообразные нижние губы, говорящие об излишней лимфатичности (сырости) головы.

6. Глаза: небольшие чёрные или тёмнокоричневого цвета, сидящие глубже, чем у других пород лаек; разрез век сильно косой (более косой, чем у коми-лайки).

Недостатки: прямой разрез глаз; круглые (свиные) глаза, подопрелые глаза с веками телесного цвета; слезящиеся глаза с тупым безучастным взглядом.

Пороки: глаза на выкате, обычно указывающие на наследственное общее ослабление конституции.

7. Уши: высоко посажены (выше, чем у коми-лайки), длинные, длиннее, чем у других пород лаек.

Уши по форме – вытянутые треугольники, внутренние стороны их прямые, внешние слегка дугообразные, вершины чуть закруглены, т. е. менее острые, чем у хантейской лайки; концы ушей в напряжённом состоянии часто чуть сближены.

Недостатки: вялые, неэнергичные, распушенные в стороны уши, короткие, широкие у основания, закруглённые (медвежь).

Пороки: полустоячие уши со спадающими вершинами (типа «колли»), указывающие на метизацию с другими породами.

8. Шея: средней длины, крепкая, мускулистая.

Недостатки: слишком длинная тонкая шея, шея, загружённая в плечах, с кожистыми складками на горловой части (с подвесом).

Пороки: хилая, переразвитая шея.

9. Колодка: крепкая, мускулистая, стройная, удлинённая, длиннее, чем у коми-лайки, но короче хантейской, живот слабо подтянут.

Недостатки: растянутая колодка, очень сырая, грубая, с прибрюшиной.

Пороки: слабость, указывающая на недостаточное развитие организма.

10. Плечи: с довольно прямо поставленными локотками, как у коми-лайки, мускулистые, пышно одеты шерстным покровом.

Недостатки: короткие лопатки, бедная мускулатура плеч, сильно загружённые плечи.

11. Грудь: хорошо развита, заметно глубокая (т. е. грудина заходит ниже уровня локтевых отростков).

Недостатки: распахнутая грудь, грудная кость, резко выступающая острым углом впереди плечелопаточных сочленений, короткие ложные рёбра.

Пороки: узкая грудь и лещеватые рёбра, впалая, недоразвитая, неглубокая, беднокостная грудь.

12. Спина: широкая, несколько покатая от холки в связи с высокоперёдностью (особенно у кобелей). Поясница очень мускулистая и прочная.

Недостатки: спина с переслежиной, карпообразная спина.

Пороки: слабостная, безмускульная, узкая, провислая спина.

13. Крестец: прямой, широкий, но не длинный.

Недостатки: слишком короткий крестец, свислый крестец.

Пороки: узкий, слабый крестец, шилозадость.

14. Ноги передние: довольно длинные за счёт предплечья и более массивных костей, в охвате более толстые, чем у зырянских лаек, оснащены плотной сухой мускулатурой; короткие пальцы образуют почти прямую линию с предплечьем или незначительно наклонены к лапе вперёд.

15. Ноги задние: мускулистые, несколько лучковатые по форме, бедро скорее короткое, голень же относительно длинная; у лучших экземпляров плюсна поставлена отвесно.

Недостатки: слабо развитая мускулатура конечностей; высокозадость; развёрнутые локти, косолапость; локотки, прижатые внутрь; сближенные в костях запястья; коровий постанок; саблистость задних ног; удлинённые пальцы и плюсны с чрезмерным наклоном их (подлыжеватость).

Пороки: слоновий постанов задних ног (ноги вопреямь); слабокость конечностей; ослабленное запястье, выдающееся вперёд, с резким перехватом у пясти (вроде козинца); рахитичное сложение, слабый скакательный сустав.

16. Лапы: овальной формы, средние пальцы значительно длиннее боковых; пальцы плотно сближены (в комке), хотя лапы обильно опушены между пальцами.

Нежелательны прибылые пальцы.

Недостатки: распушенные пальцы, развёрнутые в стороны передние и задние лапы (размёт), косолапость их (коготками внутрь).

17. Хвост: опушён по-волчьи, без подвеса, обычной для лаек длины, круто закинут на спину в виде кольца или серпа; встречаются маньсийские лайки, носящие хвост султаном и даже по-волчьи вниз (поленом).

18. Псовина (шерсть): обычной для лаек структуры, несколько длиннее, чем у зырянской (в зимнее время), но более равномерной длины по всему туловищу. Очень плотная, жёсткая, прямая ость гладко лежит на туловище, одевая более пышно плечи, но зато очёсы и шейный воротник выражены незначительно. Зимой очень пышно развивается подшерсток по всему туловищу, почему лайка производит впечатление пушистой. Ноги спереди одеты короткой гладкой шерстью, несколько более длинной с задней стороны передних и задних ног.

Недостатки: отсутствие очёсов и гривы, хвост с подвесом.

Пороки: мягкая псовина, волнистая псовина, длинная, свисающая, редкая псовина.

19. Окрас: чисто белый, чисто чёрный, волчьесерый (при сером и чёрном окрасе встречаются белые отметины на груди, на морде, на конце хвоста).

Порочные окрасы: кофейный, кофейнопегий, яркерыжий, окрас в виде мелкого крапа.

20. Рост (высота в холке): от 48 см для сук и 50 см для кобелей, средний 52 – 57 см для кобелей, 50 – 55 см для сук.
* * *

1.19. Остяцкая лайка

Описание породы по А. А. Ширинскому-Шихматову (Пупышев, 1936; ссылка на: Ширинский-Шихматов, 1925)

Г о л о в а – сухая, с тонкой, изящной мордой, напоминающей скорее лисью, чем волчью.

У ш и – острые, держит их энергично, сближая концы их в минуту возбуждения или повышенного внимания больше, чем какая бы то ни была другая разновидность.

Г л а з – определённо косого разреза, коричневого или тёмнокоричневого цвета; светлый или жёлтый цвет глаза, а также пестрота слизистой оболочки вокруг глаза не допустимы.

П л е ч и – косые.

С п и н а – совершенно прямая.

К о л о д к а – длинная (длиннее, чем у зырянской или вогульской лайки).

Р е б р о – по сравнению с зырянской и особенно вогульской лайкой – укорочено и никогда не производит впечатления низко спущенного.

Н о г и – сухие, лёгкие, одеты слабо.

Л а п а – умеренная.

Х в о с т – пушистый, закручен кольцом на спине; верхняя сторона хвоста темнее нижней.

В ы с о к о п е р е д о с т ь, даже умеренная, – не типична.

Ш е р с т ь – короткая, как у зырянской лайки, но хомут выражен пышнее, чем у последней; как у всех прочих разновидностей, псовина должна быть без завитков или волнистости.

Б р у д а с т о с т ь – не допустима.

О к р а с – серовато-желтоватый, особенно ценно, если конец ушей и морда чёрные, белый, с крупными пятнами (не крапинками), серый, светло-волчий с серебром и очень редко – чёрный с дымчатыми, неяркими подпалинами.

Х р е б е т при светлых окрасах всегда темнее, а грудь и живот светлее; кофейного, шоколадного или ярко-рыжего окраса среди остяцких лаек не встречается; пежины, рябой окрас или окрас рядами не допустимы.

В общем остяцкая лайка легче костью, длиннее и несколько выше зырянской. Если сравнить зырянскую лайку с остяцкой, то последняя будет в среднем выше зырянской на 2—3 см, главным образом за счёт более высоких ног (высота 63—64 см).

* * *

1.20. Остяцкая (хантейская) лайка

Официальный стандарт, принятый Всесоюзным кинологическим совещанием 1939 г. (Вахрушев, Волков, 1945)

1. Общий вид: крупная (больше коми-лайки, маньсийской и карельской лаек), но лёгкая и ловкая в движениях; длинная, но не растянутая, чуть низкопередая собака.

2. Голова: волкообразная, но сухая и даже изящная, при заметной скуластости. Лицевая часть по длине от носа до линии, соединяющей внешние углы глаз, часто равна длине мозговой; черепная коробка высока, в затылочной части слегка закруглена, с невысоко расположенным затылочным бугром. Сверху голова кажется довольно широкой между ушами благодаря развитым лобным пазухам. Перелом всегда ясно виден и хотя невысок при переходе от носовых костей к черепным, но несколько крут.

Недостатки: большая прилобистость.

Пороки: сырая, грубая, тяжёлая, несоразмерная с общим сложением голова.

3. Морда: ширина морды спадает по направлению к носу довольно резко при осмотре в профиль, но при взгляде сверху между плотоядными зубами и клыками края морды почти параллельны. Поэтому морда кажется шире и несколько тупее, чем у коми, карельской и маньсийской лаек.

Недостатки: очень короткая и широкая горбоносая морда, кариозные зубы.

Пороки: подузоватость, бульдожий прикус.

4. Чутьё (нос): нос чёрный, блестящий, однотонный, влажный, подвижный, с хорошо развитыми широкими ноздрями.

Недостатки: сухой малоподвижный нос с узкими отверстиями ноздрей.

Пороки: телесный, бледнокофейный цвет носа, а также частичная депигментация.

5. Губы: плотно облегают челюсти, мясистее, чем у других пород охотничьих лаек, но без намёка на брылястость.

Пороки: брылястость, излишне мясистые губы.

6. Глаза: тёмнокоричневого цвета, небольшие, с резко косым разрезом век, как у маньсийской лайки.

Недостатки: некосой разрез век; светлокоричневый цвет глаз; веки телесного цвета; веки отвислые.

Пороки: маленькие, прищуренные, глубокоседающие глаза (свиной глаз); глаза светложёлтого цвета, указывающие на общее ослабление конституции; чрезмерно выпученные круглые глаза.

7. Уши: небольшие, меньше, чем у всех пород охотничьих лаек, с наклоном вперёд. По форме — почти равнобедренный треугольник, вершина уха острая.

Недостатки: закруглённые в вершине, длинные или слишком короткие, широко расставленные вялые уши.

Пороки: полустоячие уши со свисающими верхушками (типа «колли»).

8. Шея: умеренно короткая, мускулистая.

Недостатки: длинная шея, с подвесом.

Пороки: шея перерезанная, тонкая, слишком длинная.

9. Колодка: вальковатая, длинная, длиннее, чем у других пород охотничьих лаек, но не производит впечатления растянутости.

Недостатки: растянутая колодка, тяжёлая, прибрюшистая.

10. Плечи: мускулистые, лопатки поставлены достаточно косо, наклон их больше, чем у маньсийских и коми-лаек.

Недостатки: слишком прямые плечи, бедные мускулатурой, сильно загруженные.

11. Грудь: глубокая и широкая (бочковатая), спущена почти до локтевых отростков.

Недостатки: распахнутая грудь, заметно суживающаяся за лопатками; излишне выступающая грудная кость (осколок).

Пороки: впалая недоразвитая грудь, лещеватая, значительно не достигающая до уровня локотков.

12. Спина: совершенно прямая, иногда встречается чуть с напружиной, широкая. Поясница мускулистая, на одной линии со спиной.

Недостатки: спина с переслежиной.

Пороки: слабая провислая спина.

13. Крестец: прямой, широкий.

Недостатки: слишком короткий крестец, вислозадость.

Пороки: узкий слабый крестец, шилозадость.

14. Ноги передние: прямые, костистые, толще в обхвате, чем у коми-лайки, равные маньсийской или чуть тоньше (легче), пясть отвесная, образует почти прямую линию с предплечьем, несколько подаваясь вперёд.

15. Ноги задние: мускулистые, несколько лучковаты, у лучших экземпляров плюсна поставлена отвесно.

Недостатки: слабая мускулатура, высокоперёдость, развёрнутые локотки, косолапость; локотки, прижатые внутрь; коровий постанок, саблистость, подлыжеватость.

Пороки: слоновый постанок задних ног (ноги вопреямь), слабость.

16. Лапы: овальной формы, средние пальцы длинные, выдаются вперёд, пальцы сближены (в комке), хорошо опушены.

Нежелательны прибылые пальцы.

Недостатки: распушенные пальцы; лапы, развёрнутые в стороны (размёт), косолапость (лапа коготками внутрь).

17. Хвост: волчьей опушки, без подвеса, длиной до скакательного сустава, загнут на спину в кольцо.

Недостатки: хвост с подвесом, длиннее скакательного сустава.

18. Псовина (шерсть): короче, чем у маньсийских лаек, обычной для лаек структуры; прямая жёсткая ость и очень плотный, тонкий, мягкий подшерсток. Очёсы и воротник очень густые, плотные, но шерсть на них несколько короче, чем у вогульских лаек; ноги одеты гладкой короткой псовиной.

Недостатки: отсутствие очёсов и гривы, длинная шерсть.

Пороки: мягкая волнистая псовина.

19. Окрас: серый с желтизной, серый с серебром, белый с палевыми оттенками, белый с крупными чёрными или серыми пятнами, редко чёрный; распределение окраса волчье – спина темнее.

Пороки: кофейный, кофейнопегий окрас, окрас мелким крапом.

20. Средний рост в холке: 54 – 60 см для кобелей, минимальный – 50 см; 52 – 56 см для сук, минимальный – 48 см.

* * *

1.21. Эвенкийская лайка

Экстерьер эвенкийской лайки (Рябов, 1939)

Первый тип

Г о л о в а – сухая, неширокая во лбу, с нерезким переломом. У сук голова ещё суше и череп уже, чем у кобелей. Щипец (морда) острая, без всякого намёка на брыли. Вошеч (нос) чёрный. Отчёсов (бакенбард) нет. Голова схожа с волчьей.

У ш и – довольно длинные, с едва закруглёнными концами, близко расположенные друг к другу; в настороженном состоянии параллельны. Чем энергичнее ухо и рисунок его ближе к форме треугольника, тем лучше. Ухо – показатель характера лайки и её настроения. Ухо свиное, не треугольной формы (с оттопыренной мочкой), сваленное в стороны и вялое – недостатки.

Г л а з – тёмный, чёрный, тёмнокарий, косо поставленный, с узким разрезом, как бы прищуренный. Светлый глаз, круглый и на выкате – пороки.

К о л о д к а – несколько растянута как у кобелей, так и у сук. Рёбра хорошо спущены. При крепкой широкой спине собака кажется мощной и благодаря длинному плечу имеет плавные движения. Прогиб спины в нескольких сантиметрах

за лопатками, так называемая «переслежина», и слабые почки (провислость в пояснице) характеризуют слабую спину. Такая собака выносливой быть не может.

Ш е я – умеренно длинная без развитой муфты, густо одетая плотной псовиной (шерстью).

О к р а с – серый во всех тонах (от бусого до тёмносерого), чёрный, переходящий на конечностях и морде в пажину и, менее желательный, чёрнопегий в пятнах и рыжий. Коричневый окрас для лайки недопустим. Чёрный крап на лапах крайне нежелателен. Встречаются эвенкийские лайки чисто белые.

Н о г и – прямые, сухие, с хорошо собранными в комок пальцами (лапы в комке).

П л е ч о – довольно длинное, скорее косое, нежели впрямь (прямая нога), это характерно для данного типа лайки. Аллюр напоминает аллюр восточной русской гончей.

Х в о с т – короткий, не ниже скакательного сустава, толстый, хорошо опушён. Лайки первого типа имеют манеру держать хвост некруто закрученным или серпообразно.

П с о в и н а (шерсть) – плотная, ость не длинная, груба на ощупь, с густым подшерстком зимой. На голове псовина мягкая. Муфта (псовина на шее) развита слабо, Отчесов нет.

Р о с т в холке: для кобелей – от 56 до 62 см и для сук – от 48 до 58.

Второй тип

Г о л о в а – сухая, неширокая во лбу, с нерезким переломом. У сук череп уже, чем у кобелей. Щипец острый, равен по длине лобной кости до бугорка – соколка. Вощек (нос) чёрный. На щеках – отчёсы-бакенбарды, придающие лайке весёлый, задорный вид.

У ш и – немного меньше, чем у лаек первого типа и более острые (концы менее закруглены), в настороженном состоянии параллельны. Чем энергичнее ухо и рисунок ближе к форме треугольника, тем лучше. Ухо свиное (с оттопыренной мочкой), сваленное в сторону и вялое – недостатки.

Г л а з – признаки те же, что у лаек первого типа.

К о л о д к а – плотная, более сбитая; короткая у кобелей и несколько растянута у сук. Рёбра хорошо спущены до локотков. Круглые рёбра (бочкорёбность) – порок. Прямая с напружиной, крепкая спина, прогиб спины в нескольких сантиметрах за лопатками, так называемая «переслежина» и слабые почки (провислость в пояснице) – характеризует слабость спины. При широкой и одновременно глубокой груди собака будет нестомчивой (неутомимой) и сильной.

Ш е я – короткая, благодаря муфте кажется ещё короче.

О к р а с. Те же признаки, что у лаек первого типа.

Н о г и. Те же признаки, что у лаек первого типа.

П л е ч о – короче, нежели у лаек первого типа, отчего аллюр этих разновидностей различен. Если аллюр у лаек первого типа близок к размашистому бегу гончей, то у этой лайки характерный поскок – следствие короткого плеча и впрямь задних ног.

Х в о с т – короткий, не ниже скакательного сустава, толстый, хорошо опушён. У большинства лаек этого типа хвост круто закручен. Распущенный хвост в настороженном состоянии – недостаток.

П с о в и н а – плотная, ость не длинная, груба на ощупь, с густым подшерстком зимой. На голове псовина мягкая, бархатистая. Муфта на шее развита более чем у лаек первого типа, отчёсы хорошо выражены.

Р о с т в холке: для кобелей – от 58 до 64 см и для сук – от 48 до 58.

Общие недостатки

Коротконогость, кривизна ног, распущенная лапа, непрямо стоящие пазанки, ползущая лапа (подлыжеватость), прибылые пальцы на задних ногах, низкопередость – следствие коротких передних ног.

* * *

1.22. Эвенская (ламутская) лайка

Проект стандарта, предложенный М. Г. Волковым (Вахрушев, Волков, 1945)

1. Общий вид: звероватая, пропорционального гармоничного сложения крупная собака, лёгкая, сухая, сильная, очень ловкая и быстрая.

Недостатки: массивная (хотя бы и крепкая) сложка.

2. Голова: клинообразная, лёгкая, сухая, не широкая во лбу, перелом небольшой. Очёсы у щёк выражены довольно слабо.

3. Морда: сухая, с прямым профилем.

4. Чутьё (нос): чёрного цвета с ясно выраженной зернистой структурой.

5. Губы: тонкие, плотно облегающие челюсти.

6. Глаза: небольшие, карие, глубокие, в косом разрезе век, с характерным звероватым выражением.

7. Уши: среднего размера (по отношению к лайкам других пород), нормально посаженные (довольно высоко), стоячие, с тонким твёрдым хрящом, треугольной формы, в основании не широкие, покрыты густой, короткой, тонкой, блестящей шерстью. Размер уха от 8,0 до 9,5 см для кобелей, средний – 9,0 см; для сук от 7,0 до 9,0, средний – 8,0 см. Лайка часто их настораживает.

Недостатки: малого размера уши или, наоборот, овчарочьи большие уши.

8. Зубы: плотные, белые, прикус ровный, ножницеобразный, клыки массивные.

9. Шея: нормальной длины (средней для лаек других пород), прямая, мускулистая, сухая, гладкая. По длине равна голове или на 1 – 2 см короче. Шерсть на шее образует умеренно выраженную муфту.

10. Колодка: сильная, удлинённой формы, как бы высоконогая. Индекс формата – кобеля 106, сук 109.

11. Плечи: мускулистые, угол плече-лопаточного сочленения немногим больше прямого.

12. Грудь: нормальной ширины, длинная и глубокая до локотков, объёмистая, но не бочкообразная, скорее кажется узковатой в сечении, вытянутый эллипс, борзоватая, не так широка и мощна, как у камчатских (ездово-зверовых) лаек.

13. Спина: крепкая, прямая или с лёгкой напружиной.

14. Живот: подтянут, что подчёркивает лёгкость сложки.

15. Крестец: умеренно покаты, длинный.

16. Ноги: костистые, с сухой сильной мускулатурой.

Ноги передние: прямые и вертикально поставленные, пясть сухая, немного наклонена к лапе. Обхват пясти у кобелей не менее 11 см, у сук не менее 10 см.

Ноги задние: параллельно поставленные, сильные, мускулистые, голень длинная, скакательный сустав крепкий и хорошо выражен, плюсна с небольшим наклоном к лапе. Обхват плюсны у кобелей не менее 10 см, у сук не менее 9 см.

17. Лапы: следистые, в комке, нормально опушены снизу.

18. Хвост: нормально посажен, недлинен, носит хвост лайка крутым кольцом. Пушист как волчий. Свёрнутый в кольцо кажется высоко посаженным. Не достигает скакательного сустава. Длина для кобелей 28 – 34 см, для сук 24 – 31 см.

19. Псовина: состоит из густой, прямой, довольно жёсткой, блестящей ости и более короткого, очень густого, слегка волнистого, мягкого, тонкого подшерстка. Длина ости у кобелей и сук на загривке 7 – 8 см, на середине спины 5 – 6 см, сверху хвоста 4 – 5 см, снизу хвоста 9 – 11 см. Одетая лайка вообще не очень богато, без эффектного убранства псовины.

Недостатки: резко выраженное убранство псовины (большая муфта, очёсы), мягкая псовина, недостаточно густой подшерсток.

20. Окрас: типичный чёрный с белыми отметинами на голове, шее, груди, ногах и конце хвоста. Обычен сплошной серый окрас, варьирующий от совсем светлого до очень тёмного. Другие окрасы распространены в меньшей степени, а белый и жёлтый встречаются редко, причём последний нетипичен.

Недостатки: окрас пегий в крапе, особенно по колодке (по всему полю).

21. Рост (высота в холке): кобелей 58 -68 см, сук 52 – 60 см.

Недостатки: мелкорослость – меньше 58 см для кобелей и 52 см для сук.

22. Вес (живой): среднего роста кобеля рабочей кондиции достигает 26 кг, а суки 22 кг.

Общие недостатки те же, что и для лаек других пород.

* * *

1.23. Амурская лайка

Проект стандарта, предложенный К. Г. Абрамовым (Абрамов, 1940)

1. Голова волчьего склада, лоб широкий, не длинный, с заметно выраженным переломом черепа у глаз. Щипец не острый, скорее притупленный, особенно у кобелей; у сук несколько тоньше, острее. Губы заметно выраженные, но без брылястости. Уши небольшие, слегка закругленные, стоячие, с тонким жестким хрящом, у основания широкие, посаженные не высоко. Челюсти мощные, с хорошо развитыми зубами. Глаз впалый, косого разреза, темноорехового цвета; выражение глаз звериное. Носовое зеркало черное, у альбиноидов допускается телесного цвета. Пропорция головы: 44 процента – длина, 25 процентов – скуловая ширина.

2. Рост кобелей – от 55 до 60 см, сук – от 50 до 55 см.

3. Шея средней длины, мощная, пропорция шеи – 38—40 процентов.

4. Спина прямая, сильная, с мощной «почкой» – поясницей, у сук допускается с «верхом». Пропорция рабочей части позвоночника – 99—100 процентов.

5. Колодка несколько растянутая, 110—113 процентов к высоте в холке, не комковатая (последняя будет 100 процентов к высоте в холке).

6. Грудь спущенная до локотков или ниже на 1—2 пальца. Ребро не лещеватое, но и без излишней бочковатости.

7. Плечо в меру длинное и косое, около 33 процентов к высоте в холке. Слишком прямые, короткие, как и слишком длинные и косые, плечи бракуются.

8. Крестец достаточно широкий, не меньше 25 процентов к высоте в холке.

9. Ноги. Постав правильный, параллельный, ноги прямые, бабка слегка скошенные. Пропорция предплечья – 40 процентов.

10. Лапа широкая, круглая. Комок лапы в небольшом роспуске.

11. Костяк прочный, пропорциональный, охват костей передних ног – 24 процента, задних – 23 процента.

12. Мускулатура мощная, хорошо развитая.

13. Хвост длиной до скакательного сустава или на 1—2 пальца выше (без волос). Постав, манера носить – волчья, то есть «полено», реже серпом, пропорция не свыше 56 процентов.

14. Псовина звериная, жесткая, ость длинная. Подшерсток густой, мягкий.

15. Оброслость: грива (хомут), бакенбарды, гачи, хвост в богатом опушении, лапа хорошо защищена шерстью.

Окрас. Основной окрас зонарно-серый (волчий). Часты отклонения в сторону меланизма – черные и чернопегие экземпляры; альбиноиды встречаются реже, хромисты или зонарно-рыжие – довольно часты. Голова, брюхо, ноги и хвост, как правило, всегда окрашены светлее.

Рабочие качества: широкий поиск, вязкость, тонкий слух, хорошее зрение, выносливость, сила, понятливость.

Виды использования: охота за крупным зверем: медведем, кабаном, сохатым (лосем). Не редки собаки, хорошо работающие по выдре; реже – работающие по мелкому пушному зверю. Почти все собаки, не исключая и зверовых, идут в нарте.

Пороки: мясистый и закаченный к затылку лоб; смазанный перелом черепа или его отсутствие; острый, щучий или, наоборот, толстый, сырой щипец, брылястость; длинное, очень заостренное и высоко поставленное ухо, ухо складывающееся в трубку, ухо обвислое, толстое, сырое, светлый окрас глаза (ржавчина), круглый разрез глаз, выпуклый глаз – на выкате.

Зеркало телесного цвета у нечисто-белых экземпляров. Слишком длинная, растянутая колодка; провислая, слабая спина; чересчур прямые или очень косые плечи; прямые или очень лучковатые задние ноги. Неправильный, непараллельный постав передних ног, ноги «в размете», коровина и косолапость задних ног, лапа в сильном «роспуске». Бочковатость ребер, лещеватость; грудь неглубокая, выше локотка. Хвост, свернутый крутым «калачом», – признак примеси крови другого отродья лайки.

* * *

1.24. Амурская лайка

Проект стандарта, предложенный К. Г. Абрамовым (Вахрушев, Волков, 1945)

1. Общий вид: по общему виду амурская лайка является собакой среднего роста, звероподобной, несколько грубоватой по складу, с хорошо развитым костяком, с удлинённой (но не растянутой) колодкой.

2. Голова: волкообразная, довольно широкая во лбу, но не тяжёлая, при взгляде сверху напоминает очертаниями треугольник, близкий к равностороннему. Перелом черепа заметно выражен, но не крутой, а слабо вогнутый. Темя ясно очерчено, с выдающимся затылочным бугром.

Нежелательны: чрезмерно грубокостная (тяжёлая) и сырая голова, куполообразный череп, отсутствие заметно выраженного затылочного бугра, клинообразная (в профиль) голова без заметного перелома или голова с высоким и крутым переломом.

3. Морда: недлинная и неострая, а скорее притуплённая и несколько укороченная по сравнению с мозговой частью черепа, при взгляде на неё сверху отмечается некоторое расширение в области клыков. Верхняя линия профиля морды почти всегда прямая, только у некоторых собак эвенкийской линии (р. Амгунь) профиль несколько горбонос; зубы хорошо развитые, клыки длинные и массивные, прикус правильный, ножницеобразный.

Нежелательны: чрезвычайно короткая и тупая морда или, наоборот, чрезмерно удлинённая, а также клиновидная (без расширения в области клыков). Кариозные зубы. Бульдожий прикус и подуздоватость, относимые к безусловным порокам.

4. Губы: заметно выражены, плотно обтягивают челюсти, передний срез их волчий.

Нежелательны: прямой обрез губ, их переразвитость – брылястость и толстые сырые губы (последнее, безусловно, бракуется).

5. Чутьё (нос): чёрное, с хорошо выраженной зернистостью структуры, подвижное и влажное, с широко развёрнутыми тонкими ноздрями.

Нежелательны: телесный цвет чутья даже у чисто белых экземпляров, частичная депигментация его, сухое мало-подвижное чутьё с узкими отверстиями ноздрей. Всё это бракуется.

6. Глаза: разрез век косой, волчий, глаза небольшие, несколько впалые, но открытые, расцветка радужины может варьировать от светлоореховой до тёмноореховой, в соответствии с окрасом рубашки собаки. Взгляд несколько звероватый, исподлобья, недоверчивый к чужим людям.

Нежелательны: прямой разрез век, чрезмерно впалые глаза, глаза несколько на выкате (выпуклые), сырое веко, глаза светлого окраса (ржавчинка). Всё перечисленное, безусловно, бракуется.

7. Уши: среднего размера (9—11 см), вверху слегка закруглённые, широкие у оснований, довольно широко и низко посаженные, но очень подвижные, с некоторым наклоном вперёд. Хрящ ушей сухой и тонкий.

Нежелательны: сырое ухо, ухо, сильно наклонённое вперёд или чрезмерно разведённое в стороны, уши с обвислыми кончиками (полустоячие). При выбраковке необходимо обращать внимание на причину порока ушей, так как у амурских лаек часто от заклещивания или в драке уши повреждаются и в результате травмы хрящ сгибается. Последнее не является органическим пороком собаки и выбраковке не подлежит.

8. Шея: средней длины, крепкая, мускулистая, кажется короткой вследствие большой её оброслости (гривы).

Нежелательны: шея слишком переразвитая (тонкая и длинная), шея, загруженная в плечах, с подвесом в горловой части в виде кожных складок.

9. Колодка: несколько удлинённая, но не растянутая, крепкая, мускулистая, довольно стройная, живот подтянут сравнительно слабо.

Нежелательны: чрезмерно удлинённая (растянутая) колодка, колодка сырая, грубая, с прибрюшиной, слабостная жидкая колодка. Всё, безусловно, бракуется.

10. Плечи: с довольно косо поставленными лопатками по длине, пропорциональными росту и сложению, мускулистые, угол плечей лопаточного соединения обычно немногим более 90%.

Нежелательны: короткие лопатки и плечи, слабо развитая мускулатура плеча, сильно загруженное плечо.

11. Грудь: глубокая, хорошо развитая, ребро достаточно выпуклое, но без излишней бочковатости, грудь обычно шире лопатки.

Нежелательны: распахнутая грудь, узкая грудь и лещеватость рёбер, слабая и неглубокая грудь (не доходящая до локотков). Всё это, безусловно, бракуется, а также короткие ложные рёбра.

12. Спина: широкая, сильная и, безусловно, прямая (без переслежины), мускулистая, с хорошей «почкой».

Нежелательны: спина с переслежиной, бедной мускулатурой, слабая и провислая спина. Последнее, безусловно, бракуется.

13. Крестец: прямой и достаточно широкий и крепкий.

Нежелательны: висловатость (короткий и свислый крестец), шилозадость (узкий и слабый крестец). Всё это, безусловно, бракуется.

14. Ноги передние: довольно толстые в обхвате, у локотков 17—19 см, у запястья 11—14 см, мускулистые. Постанов их отвесный и параллельный. Пясти недлинные, образуют или прямую линию с предплечьем, или немного наклонены вперёд к лапе.

Нежелательны: тонкокость, вывернутые наружу или внутрь локотки.

15. Ноги задние: пропорционально общему сложению собаки – лучковатые; «чёрные мяса» хорошо выражены. Пазанки имеют или небольшой наклон, или постанов их отвесный.

Нежелательны: слабо развитая мускулатура ног, высокозадость, косолапость, коровий постанов задних ног (коровинка), чрезмерная лучковатость задних ног, подлыжеватость (чрезмерный наклон запястья пазанка), слоновый постанов задних ног (вопрямь, без лучковатости), следы недокорма и рахита – ослабленное запястье, слабый скакательный сустав. Всё это, безусловно, бракуется

16. Лапы: широкая, следистая, крупная (кошачья) лапа, допускается её небольшой роспуск (свойственно северным разновидностям лайки, работающим в многоснежных районах), подошва стопы хорошо защищена шерстью).

Нежелательны: прибылые пальцы (редко), сильно распушенная лапа, размёт лапы и косолапость. Последнее, безусловно, бракуется.

17. Хвост: длинный (до скакательного сустава), манера носить волчья (поленом) или серпом. Опушка хвоста волчья, более длинная. Манера носить хвост крутым кольцом нетипична.

18. Псовина: обычной для всех лаек структуры, но значительно пышнее, чем у всех западных пород лаек (у эвенкийских лаек на р. Амгуни, по общему сложению и типу очень схожих с нанайскими и удехейскими собаками Амура, шерсть сравнительно короче). Ость жёсткая, звериная, подшерсток густой и мягкий.

Расположение псовины – оброслость: грива (хомут), бакенбарды (очёсы), гачи и хвост опушены очень пышно.

19. Окрас: преимущественно и желательно зонарно серый (волчий), зонарно рыжий (хромистый), зонарно красный (тёмнорыжий) с чёрной остью, но допускаются чисто чёрный, чисто белый, чёрнопегий, серопегий и жёлтопегий. Расположение окраса волчье – спина всегда окрашена темнее конечностей и головы.

20. Рост (высота в холке): суки мелкие от 45 до 50 см, крупные – от 50 до 55 см; кобели мелкие от 50 до 55 см, крупные – от 55 до 60 см.

* * *

1.25. Камчатская лайка

Проект стандарта, предложенный М. Г. Волковым (Вахрушев, Волков, 1945)

1. Общий вид: камчатская лайка рослая волкообразная собака, с мощным костяком и хорошо развитой мускулатурой. Волкообразие проглядывает во многом – даже в манере низко держать голову, держать по-волчьи (поленом) хвост.

Недостатки: лёгкое телосложение.

2. Голова: похожа на волчью, с довольно широким лбом и развитым теменным гребнем и скулами, но легче и короче волчьей.

3. Морда: прямая сверху и по-волчьи закруглена клином снизу.
4. Чутьё (нос): с широкими ноздрями, подвижное, влажное, чёрного цвета, у белых собак нередко коричневое.

5. Губы: плотно прилегающие к челюстям.

6. Зубы: белые, крепкие, клыки массивные, резцы с ножницеобразным прикусом.

7. Глаза: тёмнокоричневого цвета, глубоко посаженные (впалые), заметно косого (как у волка) разреза век.

Недостатки: крупные округлые глаза; светлые глаза; с добродушным ласковым выражением.

8. Уши: небольшие, стоячие, по форме треугольниками, покрытые короткой густой шерстью.

9. Шея: прямая, недлинная и мускулистая.

10. Колодка: сильная, длинная и широкая. По длине превышает рост в среднем на 6 см у кобелей и на 8 см у сук.

11. Плечи: косые, с хорошо развитой мускулатурой.

12. Грудь: широкая, мощная, мускулистая, опускается до локотков.

Недостатки: недостаточно развитая грудь.

13. Живот: умеренно подтянутый.

14. Спина: прямая, широкая и сильная у высокопередых кобелей, слегка снижается к заду.

Недостатки: провислая мягкая спина.

15. Крестец: мощный, прямой и широкий.

Недостатки: узкий вислый круп.

16. Ноги: крепкие, мускулистые, с массивными трубчатыми костями.

Ноги передние: прямые, вертикально поставленные, пясть нормально наклонена, обхват пясти 11 см.

Ноги задние: параллельно поставлены, плюсна нормально наклонена, обхват плюсны 10 см.

17. Лапы: крупные, в комке, между пальцами шерстистые.

18. Хвост: достигает скакательного сустава или немного короче. Носит его лайка обычно серпом, реже кольцом или опущенным вниз по-волчьи (поленом).

Хвост нередко обрезается на $\frac{1}{2}$ длины.

19. Псовина: разделена на жёсткую прямую ость, часто торчащую дыбом по верхней части туловища, и более короткий, очень мягкий, густой подшерсток. Шерсть удлинена на шее, холке, ляжках и снизу хвоста и укорочена на голове и ногах. Средняя длина ости зимнего шерстного покрова в отдельных точках следующая: загривок 8 см, середина спины 6 см, верх хвоста 5 см, низ хвоста 10 см.

20. Окрас: разнообразен, чаще встречается волчий различных оттенков, чёрный с белёсыми подпалинами на голове и ногах, сплошной белый, чёрный с белыми отметинами, серый с белыми отметинами и другие. Наиболее типичными являются два первых.

21. Рост (высота в холке): для кобелей до 63 см, средний 59 см; для сук до 59 см, средний 56 см. Самцы нередко высокопереды – на 1 см, а наиболее типичные экземпляры на 2 см.

22. Вес (живой): кобеля нормальной рабочей кондиции среднего роста около 25 кг, сук 21 кг.

Общие недостатки и пороки те же, что и у лаек других пород.

* * *

1.26. Советские послевоенные лайки

1.26. Ненецкая лайка

Описание типичных признаков (Мазовер, 1954, 1960)

Собака ниже среднего и среднего роста, крепкого и сухого типа конституции. Живая, подвижная и недоверчивая.

Т и п п о в е д е н и я. Уравновешенный, подвижный.

Высота в холке: кобелей не ниже 45 см, сук не ниже 40 см.

Высота в крестце равна высоте в холке или на 1 см ниже.

Индекс растянутости: для кобелей 100—102, для сук 100—104.

Движения быстрые, лёгкие. Характерный аллюр – ускоренная рысь и галоп.

О к р а с. Разнообразный: белый, чёрный, зонарно-серый, рыжий, пегий, пятнистый.

Ш е р с т н ы й п о к р о в. Шерсть длинная, густая, с сильно развитым подшерстком. Волос прямой, довольно грубый и крепкий.

Хорошо развитый покровный волос образует большой «воротник», прикрывающий шею, холку и лопатки; «очёсы» на передних и задних ногах; «штаны» на бёдрах; длинный и густой волос на нижней стороне хвоста. Длина остевого волоса 8—9 см, длина направляющего волоса на шее 13—14 см, на хвосте – до 20—25 см.

К о ж а, м у с к у л а т у р а, к о с т я к. Кожа плотная, тонкая, без рыхлой подкожной клетчатки, эластичная. Мускулатура длинная, но не толстая. Костяк лёгкий.

Г о л о в а. С относительно широким черепом, лоб выпуклый; резкий переход от лба к морде.

Морда короткая, массивная, с остро срезанной нижней челюстью, так что кажется несколько вздёрнутой.

Мочка носа крупная, чёрная – у тёмноокрашенных собак и серая или коричневая – у светлых и белых.

Губы сухие, плотно прилегающие.

Уши стоячие, небольшие, в форме равностороннего треугольника с несколько округлыми концами; часто покрыты длинной шерстью как с внутренней, так и с наружной стороны.

Глаза небольшие, округлой формы, несколько прямо поставленные, тёмные; у белых лаек встречаются голубые глаза.

Зубы крупные, белые, с ножницеобразным прикусом.

Ш е я. Посажена высоко, сухая, покрыта длинной шерстью.

Г р у д ь. Овальной формы, глубокая, нижняя часть должна быть на одной линии с локтями.

Х о л к а. Незначительно выступает над линией спины, малозаметная, скрытая длинной, густой шерстью.

С п и н а. Широкая, крепкая, прямая.

П о я с н и ц а. Короткая, широкая, немного выпуклая.

К р у п. Широкий, горизонтально поставленный, короткий.

Ж и в о т. Незначительно подтянут выше линии груди.

П е р е д н и е к о н е ч н о с т и. Длина ног почти равна половине высоты в холке; угол плечелопаточного сочленения 90—100*; предплечья прямые, в разрезе – овальной формы, кажутся толстыми из-за густой шерсти; поставлены параллельно друг другу и отвесно по отношению к туловищу; запястья малозаметны; пальцы широкие, короткие, почти отвесно поставленные.

З а д н и е к о н е ч н о с т и. При осмотре сзади должны быть параллельны друг другу; колени округлены, малозаметны; голени короткие; скакательные суставы сухие, плоские, но несколько выпрямленные (благодаря укороченной голени находятся почти на одной линии с седалищными буграми); плюсны массивные, короткие, поставлены вертикально.

Л а п ы. Крепкие, кругловатой формы, с собранными в комок пальцами. Длинная шерсть, которая растёт на пальцах и между ними, хорошо закрывают лапы сверху и снизу. Прибылые пальцы встречаются очень часто.

Х в о с т. По длине достигает скакательного сустава. Собака держит хвост скрученным в кольцо на спине.

* * *

1.27—1.31. Современные лайки

1.27. Ненецкая лайка (оленегонный шпиц, ненецкая оленигонная лайка)

Стандарт породы. Утверждён Российской федерацией служебного собаководства (1994 г.), Международным союзом кинологических клубов – UCI (1998 г.), Российской кинологической федерацией (1999 г.), Национальной Российской кинологической ассоциацией (2000 г.)

Древнейшая аборигенная порода Центральной Европы, распространившаяся на Север Евразии до Северо-Востока. Послужила основой для создания ряда культурных пород шпицев. Отдельные очаги популяции собак, не подвергавшихся целенаправленному искусственному отбору, сохранились в традиционных хозяйствах кочевников тундры и лесотундры Евразии, где они используются при пастьбе домашних оленей, для охоты, как собаки кочевий и пр. Оленегонного шпица отличают естественный, гармоничный и очень функциональный экстерьер, большая физиологическая потенция, выдающиеся адаптивные способности, доброкачественная психика. Такие особенности этих небольших собак позволяют их применять в различных условиях климата и содержания для разнообразных служб и занятий, где не требуется крупная злобная собака (при поисково-спасательных работах, на таможне, в криминалистике, на охоте, в путешествиях, как собаку усадьбы, собаку-компаньона и прочее).

Общий вид и тип сложения

Шпицеобразная собака ниже среднего и среднего роста, компактного крепкого и сухого сложения. Половой тип хорошо выражен. Кобели массивней, несколько высокопереды, ближе к квадратному формату, в большей степени сохраняют хорошо развитый шерстный покров и летом.

Недостатки или пороки (в зависимости от степени выраженности). Признаки грубости, нежности.

Рост и растянутость

Высота в холке у кобелей – 44—52 см, у сук – 40—45 см. Индекс растянутости кобелей – 102—104, сук – 104—108.

Недостатки. Отклонения в росте более 2 см, небольшие отклонения от указанного формата.

Окрасы

Зонарные серый, рыжий, промежуточные и коричневый различной интенсивности, белый, чёрный; производные подпалые, пегие и пятнистые. Мочка носа чёрная, у светлоокрашенных – возможна коричневая. Собаки зонарных коричневых окрасов различной интенсивности (и их производных) имеют жёлтые глаза, коричневую мочку носа, губы и веки.

Недостатки. Частичная депигментация мочки носа.

Пороки. Густой крап по туловищу, депигментация мочки носа. Тигровый окрас ставит собаку вне породы.

Шерстный покров

Прямой, грубоватый, упругий, в целом удлинённый остевого волос и сильно развитый мягкий очень густой подшерсток создают обильный пышный покров. Волос заметно развит внутри ушей, скрывает их основания. Характерны удлиненные очёсы: на скулах (баки), на шее, холке и лопатках (воротник), по низу туловища, на бедрах (гачи, штаны), на тыльной стороне конечностей. Волос значительно удлинён на нижней стороне хвоста, пробивается между пальцами. На морде, вокруг глаз, на передней стороне конечностей ниже локтевых суставов волос короткий, плотный. Длина волоса достигает: на шее – 15 см, на хвосте – 25 см и более (в период максимальной оброслости).

Недостатки. Укороченная, мягкая, слабоволнистая ость, слабое развитие подшерстка.

Пороки. Отсутствие характерных удлинённых очёсов, очень волнистый, курчавящийся остевого волос. Короткошерстность и отсутствие подшерстка ставят собаку вне породы.

Кожа, мускулатура, костяк

Кожа плотная, эластичная, без рыхлой подкожной клетчатки, без складок. Мускулатура хорошо развитая, плотная, из-за обильной шерсти не просматривается. Костяк лёгкий, крепкий, хорошо развитый.

Недостатки или пороки (в зависимости от степени выраженности). Рыхлость, складчатость кожи, слабое развитие мускулатуры, грубость костяка или беднокостность.

Голова

Сухая, в форме умеренно вытянутого клина. Длина черепной коробки равна ширине или несколько её превышает. Затылочный бугор выражен. Лоб умеренно выпуклый. Морда клинообразная, плавно сужающаяся к мочке, с прочными челюстями и сухими плотно прилегающими губами. Длина морды на 1—2 см меньше длины черепной коробки. Переходы ото лба и скул к морде заметные, что подчёркивается сменой длины шерсти, но плавные. Мочка носа средней величины.

Недостатки или пороки (в зависимости от степени выраженности). Непропорциональная общему типу сложения грубая или легкая голова, скуластость, переразвитые надбровные дуги, морда широкая или излишне узкая, излишне острая или тупая, длинная, вздёрнутая, горбоносая, излишне сглаженный или резкий переход ото лба к морде.

Уши

Стоячие, небольшие, по форме приближаются к равносоставленному треугольнику, расположены высоко, поставлены довольно широко, очень подвижные, концы ушей направлены вверх и немного вперёд.

Недостатки. Развешенные, большие, мягковатые уши.

Пороки. Большие уши с закруглёнными концами, толстые, мягкие. Висячие и полустоячие уши ставят собаку вне породы.

Глаза

Небольшие, миндалевидные, умеренно косо поставленные, не запавшие и не на выкате, коричневые, жёлтые. Взгляд живой, выразительный.

Недостатки. Великоватые или слишком маленькие, кругловатые, прямо поставленные глаза.

Пороки. Глаза большие, круглые, навывкате, разноглазие, отвислость век.

Зубы

Достаточно крупные, крепкие, белые, плотно примыкающие друг к другу. Резцы у основания расположены в одну линию. Зубная формула полная. Прикус ножницеобразный. После четырехлетнего возраста допускается прямой.

Недостатки. Зубы стертые несоответственно возрасту. Жёлтые, мелкие, редкие зубы. Врожденное отсутствие одного-двух первых премоляров.

Пороки. Несоответствие прикуса возрасту, отсутствие резца, клыка, второго и далее премоляра, моляра.

Шея

Сухая, мускулистая, в сечении овальная, умеренной длины, поставлена под углом 45—50° к линии спины.

Недостатки или пороки (в зависимости от степени выраженности). Излишне короткая или длинная, низко поставленная, сырая шея.

Холка

Выражена, особенно у кобелей.

Спина

Широкая, короткая (у сук может быть длиннее), прямая, мускулистая.

Недостатки. Мягкая, узкая, слегка выпуклая спина.

Пороки. Провислая, горбатая спина.

Поясница

Прямая и слегка выпуклая, мускулистая.

Недостатки. Слабая поясница.

Пороки. Длинная, выпуклая, провислая поясница.

Круп

Широкий, прямой или слегка покатый, мускулистый.

Недостатки. Узкий, излишне покатый круп.

Пороки. Удлиненный, резко скошенный круп.

Грудь

Глубокая (опущенная до локтей), умеренно широкая, в сечении овальная.

Недостатки. Мелковатая, узковатая, плосковатая грудь.

Пороки. Те же отклонения, но выраженные резче. Грудь в сечении округлая.

Живот

Подобран, что скрывается удлинённой шерстью.

Недостатки. Опущенный живот.

Передние конечности

Крепкие, костистые, с сухой мускулатурой. Угол плечелопаточного сочленения – 100—110°. Предплечья прямые, параллельные, поставлены отвесно. Пясти короткие, упругие, поставлены слегка наклонно или отвесно. Длина ног (от локтей) равна или немного превышает половину высоты в холке.

Недостатки или пороки (в зависимости от степени выраженности). Искривленные предплечья, вывернутые локти, размёт, косопалость, мягкие, излишне наклонённые пясти.

Задние конечности

При осмотре сзади прямые и параллельные, поставлены шире передних. Углы сочленений несколько выпрямлены. Бедра крепкие, мускулистые. Плюсны крепкие, относительно короткие, поставлены отвесно.

Недостатки или пороки (в зависимости от степени выраженности). Узкий постав, прямозадость, саблистость, сближенные или развернутые скакательные суставы, наклонённые плюсны.

Лапы

Овальные, пальцы слегка согнутые, с крепкими когтями. Прибылые пальцы удаляются.

Недостатки. Мягкие, узкие, плоские, распущенные лапы, наличие прибылых пальцев.

Хвост

Длиной до скакательного сустава или немного короче. В возбуждённом состоянии закинут на спину кольцом или полукольцом, в настороженном – опущен поленом или серпом.

Недостатки. Низко или излишне высоко посаженный, удлинённый, укороченный хвост, не закидывается на спину в возбуждённом состоянии, очень тугим нераспускающимся кольцом.

Пороки. Врожденные куцехвостость, безхвостость.

Движения

Свободные, легкие, быстрые, упругие. Характерные аллюры: галоп, ускоренная рысь. При движении шагом и рысью лапы ставятся близко к средней линии.

Поведение и темперамент

Темперамент подвижный, уравновешенный. Собака энергичная, живая, эмоциональная, с очень развитой ориентировочной реакцией, уверенная в себе, очень привязчивая и контактная с воспитателем, ласковая, легко обучается разнообразным навыкам без применения жёстких методов дрессировки, заинтересована в работе.

Недостатки. Робость, флегматичность, повышенная возбудимость.

Пороки. Выраженная в активной форме злобность к человеку, повышенная агрессивность к домашним животным.

Дисквалифицирующие пороки

Тигровый окрас, короткошерстность, отсутствие подшерстка, висячие и полустоячие уши, несоответствие прикуса возрасту, крипторхизм.

Пояснительная записка и комментарии к стандарту

Оленегонный шпиц – древнейшая и одна из интереснейших аборигенных пород северных собак, не имеющая должного признания в официальных кинологических структурах. Созданная интуитивной народной селекцией первобытных племен Центральной Европы порода распространилась на Европейский Север, а в новое время – до Северо-Востока, включая Камчатку и Чукотку, где такие собаки стали появляться в конце 30-х годов нашего столетия (Вахрушев, Волков, 1945). В Западной Европе разводятся аналоги и производные этой породы: немецкие шпицы, финский и шведский лапхунды,

финский шпиц, норвежские элькхунд и бухунд, норботтеншпиц, исландская собака и другие. Популярная в мире порода самоед выведена путем селекционной работы с оленегонными лайками ненцев, вывезенными из России в начале XX века (Перетонни-Вемьян, 1992).

В советской стране эта порода должного интереса у кинологов не вызывала. Специалисты по охотничьим лайкам преимущественно только упоминали о них или описывали очень кратко (Пупышев, 1936; Рябов, 1939; Вахрушев, Волков, 1945; Шерешевский, 1965 и немногие другие). Довольно подробное описание типичных признаков оленегонной лайки в числе служебных пород приводил А. П. Мазовер (1954, 1960).

Не забывали эту собаку только оленеводы. В частности, на Чукотке с 1962 года до конца 80-х (Носов, Богословская, 1991 и др.) оленегонные лайки разводились в небольшом питомнике. Щенки распространялись в основном по оленеводческим бригадам Чукотки и Камчатки.

Современное состояние аборигенной популяции крайне критическое, несмотря на то, что возрождается частное оленеводство, а с ним и высокая оценка оленегонных собак как дешевых помощников заменяющих двух-трех пастухов. Организация системной племенной работы на Севере сейчас весьма проблематична, поэтому необходимо плановое научно обоснованное разведение собак в питомниках и клубах.

Кинологическое научно-прикладное предприятие «Кинос», созданное с целью восстановления северного собаководства, в меру возможностей проводит экспедиционное обследование все еще сохранившихся очагов типичных оленегонных собак, налаживает их заводское разведение. Кроме значительных затрат средств, сейчас крайне необходим современный официальный стандарт породы как основной инструмент для такой работы.

Предлагаемый стандарт подготовлен сотрудниками КНПП «Кинос» Б. И. Широкиным и О. Б. Широкиной. Он компилирует описания породы в старой литературе, некоторые неопубликованные материалы, учитывает работы КНПП «Кинос» в том числе и разведенческие, а также требования современного пользователя.

Кроме отмеченных выше и других литературных источников, использован неопубликованный, любезно предоставленный нам автором, проект стандарта ненецкой оленегонной лайки В. Г. Гусева.

Основные положения стандарта обсуждались с кинологами и биологами В. А. Беленьким, Л. С. Богословской, В. А. Гусевым, Е. Н. Мычко, Н. А. Носовым Г. М. Пасечниковой, Н. А. Транбенковой, а так же с оленеводами и заводчиками.

О названии породы. В специальной литературе используется название «ненецкая оленегонная лайка», «ненецкая пастушья лайка», «оленегонная лайка», «оленегонная собака», «ненецкая пастушья собака», «оленегонка», а так же «Russian Samoid Laika», «Nenets Herding Laika», «Reindeer Herding Laika» в «Малом атласе пород собак» Эндрю Де Приско и Джеймса Б. Джонса (1992). С 1994 года порода более известна под названием «оленегонный шпиц».

Отличительные достоинства оленегонного шпица неоспоримы. С одной стороны – это небольшая легкая собака, не требующая больших забот о ее устройстве, кормлении, транспортировке. С другой – достаточная крепость сложения, большая физиологическая потенция, выдающиеся адаптивные способности, уравновешенная психика. В ряду культурных пород ниша для таких собак свободна.

По мнению специалиста по применению собак для поисково-спасательной службы М. И. Усова (1988), такие собаки как оленегонные лайки наиболее выносливы и работоспособны в высокогорных условиях, не имеют недостатков для применения в поисково-спасательных мероприятиях в любом районе; по выносливости, «проходимости» в завалах, активности и подвижности подобных им нет.

Благодаря своим отличительным свойствам оленегонные лайки и их метисы находят применение в криминалистике как анализаторы индивидуального запаха человека (журнал «Друг», №2, 1991). Несомненно, оленегонные шпицы могут стать лучшими помощниками на таможенной службе, где сейчас используются в основном спаниели, уступающие оленегонкам по ряду параметров, нужных для такой работы, как-то приспособляемость к содержанию в питомнике, неприхотливость к корму, уравновешенность психики и др.

Очень хороши эти собаки на охоте, как спутники любителя природы, как собаки усадеб, собаки-компаньоны и т. п.

Оленегонный шпиц – порода в положительном смысле примитивная, то есть близкая к первобытному предку, несмотря на большую направленность на человека, привязчивость к хозяину. Она сложилась под воздействием суровой среды обитания и стихийного отбора по качествам необходимым для разностороннего применения. Многовековая интуитивная народная селекция не преследовала цели изменения внешности собаки. Она не имеет искусственно переработанных статей. Стандарт акцентирует природную (естественную) гармонию и функциональность экстерьера оленегонного шпица. На фоне многообразия пород «сделанных» цивилизованными селекционерами наша порода выигрывает именно этим. Стандарт намеренно включает довольно широкие рамки параметров признаков породы и характеристик многих статей собаки. Он не преследует цели «улучшения», приведения породы к излишней однотипности. Напротив, стандарт должен способствовать сохранению, восстановлению географических фенотипов (опосредованно и генотипов) большой, но мелкоочаговой популяции, где эти типы на грани исчезновения, а то и утрачены. Особенно важна «лояльность» стандарта на начальном этапе заводского разведения породы, чтобы не исключить из племенного использования большое число типичных, но довольно разнотипных собак изолированных очагов этой популяции.

Эксперт не должен отдавать предпочтение ни одной из обозначенных характеристик собаки, будь то более крепкое и сухое сложение, больший или меньший рост, тот или иной окрас и так далее. Во всех случаях экспертизы (следовательно, и заводского разведения) не следует отдельно от общего сложения оценивать голову, уши, глаза, конечности и прочее. Так у более крепких собак естественно желать массивнее и менее вытянутую голову с более короткой и не слишком острой мордой, ушами покороче и шире поставленными, менее косым разрезом глаз, которые здесь могут быть кругловатыми (как и более мелких собак). Конечности могут быть тем длиннее и уже поставленными, чем суше собака. У них и углы сочленений более острые. Длинный остовой волос не так груб как тот, что покороче у более крепкой собаки. И так далее.

Знание породы и здравый смысл эксперта и заводчика в таком случае позволят и при заводском разведении оставить за культурной породой оленегонный шпиц ценные качества экстерьера и психики, свойственные северным аборигенным породам.

* * *

1.28. Камчатская лайка (камчатская ездовая)

Стандарт породы. Утверждён Российской федерацией служебного собаководства (1992 г.), Национальной Российской кинологической ассоциацией (2000 г.)

Камчатская ездовая – результат слияния близких отродий аборигенных собак Корякско-Камчатского региона, сохранившихся в очагах традиционного упряжного собаководства. Специфические условия географически обособленного региона способствовали формированию своеобразной северной собаки, обладающей особенностями сложения, физиологии и поведения. Отличается примитивностью ряда внешних признаков, большой приспособляемостью к суровым климатическим условиям, высокой усвояемостью корма, невзыскательностью к содержанию, способностью выполнять длительную и тяжелую тягловую работу. Основное назначение – работа в санной упряжке. Используется как для перевозки груза в традиционных хозяйствах, так и в гонках на собачьих упряжках.

Общий вид и тип конституции. Шпицеобразная собака среднего и выше среднего роста, крепкого, крепкого сухого типа конституции. Половой тип хорошо выражен. Кобели массивней, выше.

Недостатки или пороки (в зависимости от степени выраженности). Признаки сырости, грубости, излишней сухости, невыраженность полового типа.

Рост и растянутость. Высота в холке у кобелей – 56—68см, у сук – 54—64см. Предпочтительный рост кобелей – не ниже 60 см. Индекс растянутости для кобелей – 104—110, для сук – 106—112.

Недостатки. Отклонения от стандарта менее 2см, квадратный формат.

Пороки. Высота в холке ниже стандартной более 2см (допускается превышение высоты в холке без появления признаков сырости, излишней грубости и сухости).

Окрасы. Зонарные – серый, рыжий и промежуточные различной интенсивности от белого до чёрного; их производные подпалые, пегие и пятнистые. Мочка носа, губы и веки чёрные. Встречаются собаки рыжего и бурого зонарных окрасов различной интенсивности (и их производных) с жёлтыми глазами, коричневыми мочкой носа, губами и веками.

Недостатки. Крап на голове и конечностях, частичная депигментация мочки носа, губ, век, светло-коричневая мочка носа у собак светлого окраса.

Пороки. Крап по туловищу. Полная депигментация мочки носа, губ, век. Кофейный, тигровый окрасы и их производные ставят собаку вне породы.

Шерстный покров. Грубый, прямой остовый волос и хорошо развитый, густой, мягкий и пышный подшерсток. Остовый волос направлен несколько назад, плотно прикрывая подшерсток. Длина остового волоса на спине 8—10 см. На шее, плечах, холке, бедрах волос удлинён (особенно у кобелей), образует воротник, баки, гачи. Основание ушей и уши покрыты густым достаточно длинным волосом, уши хорошо опушены внутри. На ногах волос короткий, жёсткий, плотный, на тыльной стороне несколько длиннее, но без подвеса. На лапах волос короткий, жёсткий, пробиваясь между пальцами, образует щётку. Хвост равномерно опущен прямым волосом, который с нижней стороны может быть несколько длиннее, но без подвеса.

Летний шерстный покров значительно беднее.

Недостатки. Отсутствие воротника, баков, гачей, слабое развитие подшерстка, длинная, мягкая, лохматая шерсть.

Пороки. Волнистая, курчавая шерсть, подвес на хвосте и ногах. Короткошерстность и отсутствие подшерстка ставят собаку вне породы.

Кожа, мускулатура, костяк. Кожа плотная, достаточно толстая, эластичная, без рыхлой подкожной клетчатки, без складок. Мускулатура сильно развитая, плотная. Костяк крепкий, хорошо развитый, у кобелей мощней, чем у сук. Индекс костистости – 18—22.

Недостатки или пороки (в зависимости от степени выраженности). Тонкая кожа, складчатость кожи, рыхлая подкожная клетчатка, подгрудок, рыхлость, слабое развитие мускулатуры, беднокостность.

Голова. Пропорциональная росту, в 2,5—2,7 раза меньше высоты в холке, умеренно вытянутым клином. Черепная часть широкая, массивная, несколько вытянутая. Лоб плоский. Переход ото лба к морде заметный, но не резкий. Верхняя линия морды и линия лба параллельны. Морда достаточно массивная, широкая у основания, клинообразная, не тонкая и не острая.

Длина морды на 1—2 см короче длины черепной коробки. Губы плотно прилегающие, мускулистые, но без отвислостей и брылей. Мочка носа достаточно крупная.

Недостатки. Тяжелая, грубая, излишне массивная или легкая голова, выпуклый лоб, скуластость, переразвитые надбровные дуги, заостренная морда, небольшие брыли.

Пороки. Удлиненная или сырая голова, вздернутая морда или с выраженной горбоносостью, отсутствие выраженного или наличие резкого перехода ото лба к морде.

Уши. Стоячие, в форме несколько вытянутых треугольников, с тупыми концами, относительно небольшие, их основания расположены на уровне глаз или выше, поставлены широко, подвижные.

Недостатки. Развешенные, мягковатые, большие.

Пороки. Большие с округлыми концами, очень толстые, мягкие. Уши висячие, полустоячие ставят собаку вне породы.

Глаза. Небольшие, в овальном разрезе век, косо поставленные, не запавшие и не навывкате, коричневые, желтые.

Недостатки. Большие или слишком маленькие глаза, в кругловатом разрезе век.

Пороки. Глаза в округлом разрезе век, прямого постава, навывкате, разноглазие, голубые, белёсые глаза, отвислость век.

Зубы. Крупные, крепкие, белые, плотно примыкающие друг к другу. Резцы у основания расположены в одну линию. Зубная формула полная. Прикус ножницеобразный.

Недостатки. Зубы стертые несоответственно возрасту. Сломанные зубы, не мешающие определению правильности прикуса. Отсутствие не более двух первых или двух вторых премоляров. Жёлтый налет на зубах.

Пороки. Мелкие, редкие зубы. Отсутствие резца, клыка, третьего или четвертого премоляра, моляра. Сильно разрушенная эмаль.

Дисквалифицирующие пороки. Перекус, недокус, клещевидный прикус до четырехлетнего возраста.

Шея. Мускулистая, равная длине головы или несколько короче, в сечении слегка овальная, поставлена под углом 25—40° к линии спины.

Недостатки. Излишне короткая или длинная, высоко поставленная шея, отвислость под горлом.

Пороки. Те же отклонения, но выраженные значительно.

Холка. Хорошо выражена у кобелей, выступает над линией спины, у сук выражена умеренно.

Спина. Широкая, прямая, крепкая, мускулистая.

Недостатки. Мягкая, узкая, слегка горбатая спина.

Пороки. Провислая, горбатая спина.

Поясница. Короткая, широкая, крепкая, мускулистая, прямая или немного выпуклая.

Недостатки. Длинная, слегка горбатая поясница.

Пороки. Те же отклонения выраженные резко.

Круп. Широкий, мускулистый, горизонтальный или немного скошенный. Недостатки. Узкий, скошенный круп.

Пороки. Те же отклонения выраженные резко.

Грудь. Глубокая, широкая, длинная, в сечении овальная, опущенная до локтей или немного ниже.

Недостатки и пороки (в зависимости от степени выраженности). Узкая, плоская, бочкообразная, распахнутая грудь, не опущена до локтей.

Живот. Подобран умеренно, переход от груди к животу выражен слабо. Недостатки. Излишне подобранный, опущенный.

Передние конечности. Мощные, костистые, с сухой мускулатурой, с хорошо выраженными углами сочетаний. Угол плечелопаточного сочленения 90—100°. Предплечья прямые, поставленные отвесно, почти параллельно друг другу. Запястья широкие, хорошо развиты. Пясти недлинные, поставлены немного наклонно. Обхват пясти не менее 9 см. Длина ног (от локтей) равна или на 1-3 см больше половины высоты в холке.

Недостатки. Слегка искривленные предплечья, незначительные разлёты, косолапость, слегка вывернутые внутрь или наружу локти. Прямые или излишне наклонные пясти.

Пороки. Те же отклонения выраженные резко.

Задние конечности. При осмотре сзади прямые и параллельные, поставлены несколько шире передних. Углы сочленений хорошо выражены. Бедра с хорошо развитой мускулатурой. Голени мощные, мускулистые. Скакательные суставы широкие, плоские, сухие. Плюсны массивные, почти отвесно поставленные. Отвес от седалищного бугра проходит по передней стороне плюсны.

Недостатки. Узкий постав, прямозадость, саблистость, сближенные или развернутые скакательные суставы, наклонные плюсны.

Пороки. Те же отклонения выраженные резко.

Лапы. Крупные, овальные, с жёсткими мякишами, пальцы собранные. Встречаются прибылые пальцы, которые удаляют в первые дни от рождения.

Недостатки. Мягкие, узкие, распущенные лапы, излишне удлиненные пальцы.

Хвост. Посажен чуть ниже линии спины. Длинной до скакательного сустава или на 1-3 см короче. Наиболее типична манера держать хвост в спокойном состоянии – поленом, в возбужденном состоянии – серпом. Купировать хвост не рекомендуется.

Недостатки. Низко или высоко посаженный, удлиненный, укороченный хвост, кольцом.

Пороки. Хвост прутом, крючком, в тугом кольце.

Движения. Свободные, скоординированные. Характерные аллюры в упряжке – широкая рысь, галоп. При движении рысью холка и круп находятся примерно на одном уровне, лапы ставятся близко к средней линии.

Поведение. Уравновешенное, спокойное и подвижное. Условные рефлексы вырабатываются быстро и стойко удерживаются. Злобность к человеку не типична.

Пояснительная записка к стандарту

Начиная со времени присоединения Камчатки к России, вплоть до 30-х годов нашего столетия исследователи края обращали внимание на эту собаку как на главное домашнее животное оседлых хозяйств, сопровождавшее аборигена на протяжении обозримой его истории. Переход в свое время на заводские методы разведения северных собак оказался в определенной степени плодотворным для пород таёжных лаек, но практически не затронул береговых лаек Крайнего Севера и Дальнего Востока. В условиях все большей доступности очагов упряжного собаководства примитивные методы разведения стали недейственными. Это привело к деградации местных популяций собак. Сейчас состояние поголовья лаек жителей побережий крайне критическое. Необходимо оперативное внедрение в практику ездового собаководства системной научно-обоснованной племенной работы. Основным инструментом такой работы должен стать стандарт породы собак Камчатки.

Обрисованный стандартом образ собаки сложился под влиянием 25-летних наблюдений эксперта-лаечника и целенаправленной работы последних лет, когда в нашей стране появился новый интерес к аборигенным лайкам. В настоящее время проводится системная научно-прикладная работа с целью возрождения аборигенных и местных пород северных собак, для чего создано кинологическое научно-прикладное предприятие «Кинос». Налаживается заводская племенная работа. Регулярно проводятся гонки на собачьих упряжках разного масштаба. На 1992 г. объявлены третьи гонки «Берингия» протяженностью трассы более 2000 км.

На 05.05.91 при кинологическом обследовании, в 22 населенных пунктах Камчатской обл. (включая 8 пунктов, где получены опросные данные) выявлено 692 ездовые собаки. Из них осмотрено 340. При этом выделено 200 разной степени типичных камчатских лаек (регламентируемых стандартом). Из них 151 собака прошла детальную кинологическую экспертизу, с взятием ряда промеров, подробным описанием конституции и экстерьера.

Проект стандарта апробировался в процессе обследования собак, при оценке породности собак на гонках «Берингия-90» и «Берингия-91».

Стандарт намеренно включает довольно широкие пределы размеров и статей собаки. Это необходимо на данном этапе возрождения породы, чтобы не исключить из племенного использования большое число собак популяции.

В целом камчатская лайка относительно простая и примитивная (волкообразная) собака среднего и выше среднего роста. Встречаются кобели типичного облика, имеющие высоту в холке до 70 см. Следует отметить, что на Камчатке с далекого прошлого предпочитали рослых и сильных собак. Упряжку составляли всего 4—6 собак и увеличение их количества при приближении к нашим дням стало следствием деградации, измельчания породы.

Крепкая и крепкая сухая конституция камчатских лаек обеспечивают их тягловую продуктивность при различном использовании: перевозке грузов и скоростной езде. Вероятно, разное применение собак приведет в будущем к расщеплению породы: крепкие – для использования в традиционных хозяйствах с грузовой нартой, более сухие – для спортивных гонок.

Окрасы – все известные для лаек. В отдельных очагах резко преобладают зонарные окрасы. При этом встречаются упряжки, где все собаки имеют зонарные окрасы без единой пежины. Характерны также подпалые окрасы. Интересно, что встречаются типичные собаки зонарных коричневых (бурых) окрасов различной интенсивности, где волос полностью лишен черного пигмента. У таких собак коричневые губы, веки, мочка носа и желтые глаза. Встречаемость таких собак увеличивается с юга на север.

Шерстный покров камчатских лаек также неодинаков. Каюры предпочитают густо одетых собак, но недолюбливают длинную, мягкую шерсть. В неё набивается снег при мокрых пургах, нужен дополнительный уход за лапами и т. д.

* * *

1.29. Чукотская лайка (чукотская ездовая)

Стандарт породы. Утверждён Российской федерацией служебного собаководства (1992 г.), Российской кинологической федерацией (1999 г.), Национальной Российской кинологической ассоциацией (2000 г.).

Чукотская ездовая – порода, выведенная народами Крайнего Северо-Востока Азии. Порода приспособлена к суровым климатическим условиям Арктики и неприхотлива в содержании. Собаки обладают высокими ездовыми качествами, легко и быстро обучаются и долго сохраняют приобретенные навыки. По сравнению с некоторыми другими ездовыми породами обладают рядом преимуществ: энергетически выгодным белково-жировым типом обмена веществ, феноменальными выносливостью и работоспособностью. Наличие многочисленных субпопуляций, частично изолированных друг от друга, обеспечивает устойчивое состояние генофонда этой породы.

В настоящее время чукотские ездовые собаки по-прежнему используются коренным населением как незаменимое транспортное средство. Перспективны в качестве спортивных ездовых собак, особенно на сверхдлинных дистанциях.

Общий вид. Высота в холке у кобелей – 52—58 см. Желательный рост – 56 см. Высота в холке у сук – 49—55 см. Желательный рост – 52 см. Отклонение в росте более двух сантиметров от стандарта в любую сторону значительно снижает племенную ценность собаки. Половой диморфизм выражен нерезко

Шерсть. Шерсть двойная, с хорошо развитым грубым прямым остевым волосом и густым водонепроницаемым подшерстком. На корпусе шерсть длиной до 6 см. Морда, лоб, уши и передняя поверхность конечностей покрыты более коротким плотным волосом. На шее, холке и задней поверхности бедер шерсть более длинная, но обильной гривы и штанов не образует, длина волоса достигает здесь 8—10 см. На хвосте шерсть самая длинная, 10—12 см, но подвеса не образует.

Окрас. Зонарно-серый, зонарно-рыжий, светло-палевый, рыжий, белый, коричневый, черный, пятнистый, пегий, подпалый. Часто встречается осветление по типу «домино».

Голова. Массивная, широкая в лобной части, скулы хорошо выражены. При осмотре сверху приближается к равностороннему треугольнику. Затылочный бугор выражен. Длина черепной части примерно равна ширине. Надбровные дуги выражены. Переход от лба к морде четкий, но не резкий. Профиль морды клинообразный, притупленный, линии лба и морды параллельны. Губы плотно прилегают. Мочка носа крупная, черная, у собак светлых окрасов может быть осветленная. У коричневых – коричневая.

Уши. Стоячие, подвижные, небольшие. По форме приближаются к равностороннему треугольнику, широко и высоко поставлены, концы ушей слегка закруглены, направлены вверх и немного вперед. Ушные раковины внутри покрыты шерстью. Глаза. Овальные, косо посаженные, цвет – от темно- до светло-коричневого.

Зубы. Крупные, белые. Прикус ножницеобразный, после трех лет допускается прямой. Возможно, но нежелательно отсутствие моляров и/или премоляров.

Шея. Массивная, средней длины, поставлена под углом 40—45° к линии спины.

Грудь. Широкая, длинная, в сечении овальная. Нижняя линия груди не ниже локтя.

Холка. Средней длины. Над линией спины выступает незначительно.

Спина. Прямая, широкая, крепкая, мускулистая.

Круп. Длинный, широкий, мускулистый, слегка покатый.

Живот. Умеренно подтянут.

Передние конечности. Углы сочленений хорошо выражены. Лопатка длинная, косо поставленная, угол плечелопаточного сочленения около 100°. Плечевая кость средней длины. Предплечья вертикальные. Пясти средней длины, хорошо развитые, мощные, поставлены слегка наклонно.

Задние конечности. При осмотре сзади – прямые, параллельные. Поставлены шире передних, незначительно оттянуты. Бедра с хорошей мускулатурой, средней длины. Длина голени равна длине бедра. Углы сочленений хорошо выражены. Плюсны поставлены отвесно.

Лапы. Крупные, округлые, в комке. Пальцы крепкие, с очень плотной и толстой кожей на мякишах.

Хвост. Посажен несколько ниже линии спины, длиной до скакательного сустава или короче. В спокойном состоянии опущен поленом или слегка изогнут. В возбужденном состоянии поднят выше линии спины серпом или полукольцом. Опушен равномерно.

Движения. Свободные, легкие. При движении спина и поясница пружинит, конечности выносятся далеко вперед. Передние лапы ставятся близко к средней линии. Типичный аллюр – рысь.

Особенности поведения. Реакция на человека от дружелюбной до пассивной.

Недостатки. Признаки легкости или сырости сложения. Непараллельность линий лба и морды. Сглаженный переход. Низко посаженные, крупные уши. Круглые глаза. Сырые, частично депигментированные веки. Мелкие, редкие зубы, кариес. Прямой прикус у собак до 3-х лет. Пятнистая мочка носа (имеется в виду пятна с четко очерченными границами, полностью лишенные пигмента). Мелкая, узкая грудь. Опушенный живот. Искривленные предплечья, небольшой размет, косолапость, мягкие пясти. Узкий постав задних конечностей. Мягкие, распушенные лапы. Хвост, кончик которого касается корпуса. Недостаточно сбалансированные движения.

Пороки. Легкость или сырость сложения. Квадратный формат. Депигментированная полностью или по центру мочка носа. Мягкие уши. Отсутствие оброслости внутри уха. Круглые, большие навывкате глаза. Полностью депигментированные веки. Короткая или излишне длинная шерсть. Слабое развитие подшерстка. Любые дефекты строения корпуса и конечностей, мешающие нормальному движению собаки. Хвост, закрученный кольцом; лежащий на крупе.

Дисквалифицирующие пороки. Тигровый, крапчатый, чепрачный окрасы. Отсутствие подшерстка. Длинная, мягкая, курчавая шерсть, очесы, штаны, подвес. Полустоячие или висячие уши. Голубые глаза, разноглазие. Недокус, перекус. Хвост в тугом кольце. Крипторхизм, полный или односторонний. Немотивированная агрессия к человеку.

* * *

1.30. Чукотская лайка (чукотская ездовая)

Стандарт породы. Утверждён Президиумом НРКА 28 июня 2000 года

Чукотская ездовая – порода собак, выведенная народами Крайнего Северо-Востока Азии. Приспособлена к суровым климатическим условиям Арктики, неприхотлива к содержанию. Эти собаки обладают естественной гармоничностью и функциональностью экстерьера, высокими ездовыми качествами, легко обучаются, дружелюбно относятся к людям. По сравнению с некоторыми другими ездовыми породами имеют ряд преимуществ: идеально приспособленный для северных условий шерстный покров, энергетически выгодный белково-жировой тип обмена веществ, оптимальное распределение тяговой нагрузки на корпус и ноги, крепкие мякиши пальцев почти не травмируются при движении на большие расстояния, феноменальная выносливость. Используются коренным населением как транспортное средство. Перспективны в качестве спортивных ездовых собак, особенно на длинных дистанциях, а также для других служб и занятий в различных условиях климата и содержания, где не требуется агрессивность к человеку.

Общий вид и тип сложения. Шпицеобразная собака среднего роста, крепкого, крепкого-грубого сложения. Половой тип выражен нерезко. Кобели несколько массивнее, выше.

Недостатки или пороки (в зависимости от степени выраженности). Признаки сырости, излишней сухости.

Рост и растянутость. Высота в холке у кобелей – 52—60 см, у сук – 50—58 см. Индекс растянутости для кобелей – 104—110.

Недостатки. Отклонения в росте до 2 см, небольшие отклонения от указанного формата.

Пороки. Отклонения в росте более 2 см. Значительные отклонения от указанного формата.

Окрасы. Зонарные – серый, рыжий и промежуточные различной интенсивности от белого до черного; производные подпалые, пегие и пятнистые. Мочка носа черная, у светлоокрашенных – возможна коричневая. Очень типичны собаки коричневых зонарных окрасов различной интенсивности (и их производных) с жёлтыми глазами, коричневыми мочкой носа, губами и веками.

Недостатки. Густой крап на голове и конечностях, частичная депигментация мочки носа, губ, век.

Пороки. Густой крап по туловищу, депигментация мочки носа, губ, век. Тигровый окрас ставит собаку вне породы.

Шерстный покров. Очень грубый, прямой остовой волос и хорошо развитый, густой, мягкий и пышный подшерсток. Остовой волос направлен несколько назад, плотно прикрывая подшерсток. Длина остового волоса на спине 8—10 см. На шее, плечах, холке, бедрах волос удлинен (особенно у кобелей), образует воротник, баки, гачи. Уши достаточно хорошо опушены внутри. На ногах волос короткий, жесткий, плотный, на тыльной стороне несколько длиннее, но без подвеса. На лапах волос короткий, жесткий, пробиваясь между пальцами, образует щетку. Хвост равномерно опушен прямым волосом, который с нижней стороны может быть несколько длиннее, но без подвеса. Типичны и более длинношерстные собаки.

Летний шерстный покров значительно беднее.

Недостатки. Отсутствие воротника, баков, гачей, слабое развитие подшерстка, слабоволнистая, мягкая шерсть.

Пороки. Очень волнистая, курчавая шерсть. Короткошерстность и отсутствие подшерстка ставят собаку вне породы.

Кожа, мускулатура, костяк. Кожа плотная, довольно толстая, эластичная, без развитой рыхлой подкожной клетчатки, без складок. Мускулатура сильно развитая, плотная. Костяк крепкий, мощный, особенно у кобелей мощней, чем у сук. Индекс костистости – 22—24.

Недостатки или пороки (в зависимости от степени выраженности). Тонкая кожа, складчатость кожи, сильно развитая рыхлая подкожная клетчатка, подгрудок, рыхлость, слабое развитие мускулатуры, беднокостность.

Голова. Относительно массивная, широкая в лобной части, скулы выражены, при осмотре сверху приближается к равностороннему треугольнику. Длина лобной части примерно равна ширине. Надбровные дуги выражены. Переход ото лба к морде четко выражен, но не резкий. Профиль морды клинообразный, притупленный, спинка носа параллельна линии лба. Длина морды на 1—2 см меньше длины лба. Губы довольно толстые, плотно прилегающие. Мочка носа крупная.

Недостатки. Излишне массивная или легкая голова, слабо выраженный переход ото лба к морде, длинноватая морда.

Пороки. Узкая легкая голова, сильно удлинённая или укороченная морда, сырые отвислые губы, очень резкий переход ото лба к морде или его отсутствие.

Уши. Стоячие, по форме приближаются к равностороннему треугольнику, небольшие, поставлены широко.

Недостатки. Большие, мягковатые уши.

Пороки. Мягкие уши. Полувисячие и висячие уши ставят собаку вне породы.

Глаза. Небольшие, овальные, умеренно косо поставленные, не запавшие и не нависающие, коричневые, желтые.

Недостатки. Великоватые или слишком маленькие, кругловатые глаза.

Пороки. Глаза круглые, прямого постава, нависающие, разноглазие, голубые, белёсые, отвислость век.

Зубы. Крупные, крепкие, белые, плотно примыкающие друг к другу. Резцы у основания расположены в одну линию. Зубная формула полная. Прикус ножницеобразный, допускается прямой после четырехлетнего возраста.

Недостатки. Зубы стертые несоответственно возрасту. Желтые, редкие, мелкие зубы. Врожденное отсутствие одного-двух первых премоляров.

Пороки. Несоответствие прикуса возрасту. Отсутствие резца, клыка, второго и далее премоляра, моляра.

Шея. Мускулистая, равная длине головы или несколько короче, в сечении слегка овальная, поставлена под углом 35—40° к линии спины.

Недостатки или пороки (в зависимости от степени выраженности). Излишне короткая или длинная, высоко поставленная, сырая шея.

Холка. Хорошо выражена у кобелей, выступает над линией спины, у сук выражена умеренно.

Спина. Широкая, прямая, крепкая, мускулистая.

Недостатки. Мягкая, узкая, слегка выпуклая спина.

Пороки. Провислая, горбатая спина.

Поясница. Короткая, широкая, крепкая, мускулистая, прямая или немного выпуклая.

Недостатки или пороки (в зависимости от степени выраженности). Длинная, горбатая поясница.

Круп. Широкий, мускулистый, несколько покатый.

Недостатки или пороки (в зависимости от степени выраженности). Узкий, скошенный круп.

Грудь. Глубокая, опущенная до локтей или немного ниже, широкая, длинная, в сечении овальная.

Недостатки или пороки (в зависимости от степени выраженности). Узкая, плоская, бочкообразная, мелкая грудь.

Живот. Подобран умеренно.

Недостатки. Излишне подобранный, опущенный.

Передние конечности. Мощные, костистые, с сухой мускулатурой, с хорошо выраженными углами сочленений. Угол плечелопаточного сочленения 90—100°. Предплечья прямые, поставленные отвесно, почти параллельно друг другу. Запястья широкие, хорошо развиты. Пясти недлинные, поставлены немного наклонно. Обхват пясти не менее 11 см. Длина ног (от локтей) равна или на 1-3 см больше половины высоты в холке.

Недостатки. Слегка искривленные предплечья, незначительные размет, небольшая косолапость, слегка вывернутые внутрь или наружу локти. Прямые или излишне наклонные пясти.

Пороки. Те же отклонения выраженные резко.

Задние конечности. При осмотре сзади прямые и параллельные, поставлены несколько шире передних. Углы сочленений хорошо выражены. Бедра с хорошо развитой мускулатурой. Голени мощные, мускулистые. Скакательные суставы широкие, плоские, сухие. Плюсны массивные, поставленные почти отвесно. Отвес от седалищного бугра проходит по передней стороне плюсны.

Недостатки или пороки (в зависимости от степени выраженности). Узкий постав, прямозадость, саблистость, сближенные или развернутые скакательные суставы, наклонные плюсны.

Лапы. Крупные, овальные, с жесткими мякишами, пальцы собранные. Встречаются прибылые пальцы, которые удаляют в первые дни от рождения.

Недостатки. Мягкие, узкие, распушенные лапы, излишне удлиненные пальцы.

Хвост. Посажен чуть ниже линии спины. Длинной до скакательного сустава или на 1-3 см короче. Наиболее типична манера держать хвост в спокойном состоянии – поленом, в возбужденном состоянии – серпом.

Недостатки. Низко или высоко посаженный, удлиненный, укороченный хвост, кольцом.

Пороки. Тугим нераспускающимся кольцом.

Движения. Свободные, скоординированные. Характерные аллюры в упряжке – широкая рысь, галоп. При движении рысью холка и круп находятся примерно на одном уровне, лапы ставятся близко к средней линии.

Поведение и темперамент. Темперамент спокойный и подвижный, уравновешенный. Условные рефлексы вырабатываются быстро и стойко сохраняются. Злобность к человеку следует рассматривать как порочное поведение.

Дисквалифицирующие пороки. Тигровый окрас, короткошерстность, отсутствие подшерстка, висячие и полустоячие уши, несоответствие прикуса возрасту, крипторхизм.

Некоторые комментарии к стандарту

Чукотская лайка – порода в положительном смысле примитивная, то есть близкая к первобытному предку. Она сложилась под воздействием суровой среды обитания и стихийного отбора по качествам необходимым для разностороннего применения. Многовековая интуитивная народная селекция не преследовала цели изменения внешности собаки. Она не имеет искусственно переразвитых статей. Стандарт акцентирует природную (естественную) гармонию и функциональность экстерьера чукотской лайки. На фоне многообразия пород, «сделанных» цивилизованными селекционерами, порода выигрывает именно этим.

Стандарт намеренно включает довольно широкие рамки параметров признаков породы и характеристик многих статей собаки. Он не преследует цели «улучшения», приведения породы к излишней однотипности. Напротив, стандарт должен способствовать сохранению, восстановлению географических фенотипов (опосредовано, и генотипов) популяции, где эти типы на грани исчезновения, а то и утрачены. Особенно важна «лояльность» стандарта на начальном этапе заводского разведения породы, чтобы не исключить из племенного использования большое число типичных, но довольно разнотипных собак изолированных очагов этой популяции.

Эксперт (и заводчик) не должен отдавать предпочтение ни одной из обозначенных характеристик собаки, будь её сложение крепче или суше, больший или меньший рост, тот или иной окрас и так далее. Во всех случаях экспертизы (сле-

довательно, и заводского разведения) не следует отдельно от общего сложения оценивать голову, уши, глаза, конечности и прочее. Так у более крепких собак естественно желать массивнее и менее вытянутую голову с более короткой и не слишком острой мордой, ушами покороче и шире поставленными, менее косым разрезом глаз. Конечности могут быть тем длиннее и уже поставленными, чем суше собака. У них и углы сочленений более острые. Более длинный остовой волос не так груб, как тот, что покороче у более крепкой собаки. И так далее.

Знание породы и здравый смысл эксперта и заводчика в таком случае позволят и при заводском разведении оставить за породой ценные качества экстерьера и психики, свойственные северным аборигенным породам.

* * *

1.31. Дополнительные комментарии к стандартам пород камчатская ездовая, чукотская ездовая, оленегонный шпиц

Стандарты этих пород как основной инструмент их заводского разведения, прежде всего, преследуют цель не улучшения, а восстановления и сохранения тех фенотипов (опосредовано и генотипов), которые ныне на грани исчезновения, а то и утрачены. Стандарты акцентируют природную (естественную) гармоничность, пропорциональность и функциональность экстерьера собак, который сложился под воздействием среды обитания и стихийного отбора по качествам необходимым для разнообразного применения (езда, перевозка грузов, охота, пастьба оленей и др.).

Направленной селекции на переразвитость тех или иных статей не было – собаки остались относительно простыми, примитивными (близкими к диким предкам). На фоне многообразия пород «сделанных» селекционерами наши породы выигрывают именно этим. Поэтому стандарты не отдают предпочтения тому или иному типу породы, типу сложения и пр. Напротив, они намеренно включают довольно широкие пределы размеров и статей собак. Особенно это важно на начальных этапах заводского разведения пород, чтобы не исключать из племенного использования большого числа типичных, но разнотипных собак изолированных очагов, к тому же, далеко не благоденствующих.

Стандарты камчатской и чукотской ездовых следовало бы написать более единообразно, с тем, чтобы лучше видеть их отличия. В основном они сводятся к следующему.

Камчатская ездовая как лайка лесной зоны в целом более рослая и суше. Отсюда, как функция, большая удлинённость головы, морды, ушей, меньше скуластость, более сглажены переходы ото лба и скул к морде, и т. п. Кроме езды, она успешно использовалась и используется на охоте (заметим, что западносибирская лайка несёт в себе значительную часть крови камчатских собак).

Чукотская ездовая – лайка тундровых побережий. Отсюда, кроме среднего роста, крепости-грубости, большей компактности, ещё и очень грубый остовой волос, даже у собак с длинной шерстью. Очень типичны зонарные коричневые окрасы от почти белого до практически чёрного, без присутствия чёрного волоса (у таких собак-хромистов глаза только жёлтые, мочка носа, губы и веки только коричневые). У камчатских собак такие окрасы встречаются значительно реже.

О названиях пород

Среди пользователей нашими породами и людей заинтересованных много голосов за названия «камчатская лайка», «чукотская лайка», «ненецкая лайка» как более привычные, традиционные, так именованные первыми лайковедами (приоритет за ними). Слова «ездовая», «оленегонная» неверно обозначают способности лаек, собак примитивных в комплексе признаков, следовательно, универсальных. Такие приставки резко сужают желания людей использовать лаек для разных служб и занятий, снижают их популярность, способность стать заводскими.

Приложение 2

